55/1/37

От Автора

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ДѢЙСТВІЙ

2-ой ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

Генералъ-Фельдцейхмейстера

БАТАРЕИ

Гвардейской Конно-Артиллерійской Бригады

въ Восточную кампанію 1877—78 гг.

Составилъ **А. Я. Таль.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1904.

551 Я/37

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ДѢЙСТВІЙ

2-ой ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

Генералъ-Фельдцейхмейстера

БАТАРЕИ

Гвардейской Конно-Артиллерійской Бригады

въ Восточную кампанію 1877 – 78 гг.

Составилъ Л. Я. Таль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1904.

БИБЛІОТЕКА
Государ. историч. Музея
№ 100
2 " I 1933 г.

Типографія Ш. Бусселя, Спб., Невскій пр. 126.

Его Императорскому Высочеству

Великому Князю

Генералъ-Фельдмаршалу

Генералъ-Фельдцейхмейстеру

Михаилу Николаевичу.

Всеподданнѣйше посвящаетъ
составитель, бывшій Командиръ
батареи въ кампанію 1877—78 гг.

А. Я. Таль.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль настоящаго изданія изложить походную и боевую дѣятельность 2-ой ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Генералъ-Фельдцейхмейстера батареи Гвардейской Конно-Артиллерійской Бригады во время кампаніи 1877—78 годовъ.

Очеркъ составленъ по дневнику, который былъ веденъ во время похода и дополненъ впослѣдствіи нѣкоторыми свѣдѣніями, позаимствованными изъ появившихся въ печати описаній кампаніи.

Схематическіе кроки начерчены были въ дневникѣ на мѣстѣ, а нѣкоторые рисунки сняты съ натуры.

А. Таль.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. Мобилизація	1
II. Походъ до Болгаріи	12
III. Въ Болгаріи	28
IV. Горный Дубнякъ. Телишъ. Махалетъ	36
V. Враца	48
VI. Новочинъ	57
VII. Балканы	70
VIII. Горный Бугоровъ	77
IX. Софія. Самаковъ. Каратаиръ	87
X. Дермендере. Марково	102
XI. Филиппополь. Адріанополь. Родосто	110
XII. У Константинополя	122
XIII. Возвращеніе на родину	131

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Результаты кампаніи	139
Перечень по днямъ похода	141
Списокъ гг. офицеровъ батареи, съ указаніемъ наградъ ими получен. за кампанію	149
Списокъ нижнихъ чиновъ награжд. знаками отличія Военнаго Ордена	153
Списокъ гг. офицеровъ и нижнихъ чиновъ убитыхъ и ранен. во время кампаніи	156
Приказъ по Гвардейскому Корпусу № 20	158
Рапортъ Генералъ-Маіора Леонова отъ 28 Октября 1877 г. (о взятіи г. Враца)	159
Рапортъ Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Генералъ-Маіора Клота, отъ 12 Ноября 1877 г. (о дѣлѣ при Новочинѣ)	161
Рапортъ Л.-Гв. Драгунскаго полка Полковника Лихтанскаго, (о дѣлѣ при Новочинѣ)	165
ВЫСОЧАЙШІЙ приказъ по войскамъ дѣйствующей арміи, отданный въ Бухарестѣ 5 Декабря 1877 года	170
Рапортъ Генералъ-Лейтенанта Вельяминова, Генералъ-Адъютанту Гурко, отъ 25 Января 1878 года, (о переходѣ черезъ Балканы)	172
Рапортъ Генералъ-Лейтенанта Вельяминова, Генералъ-Адъютанту Гурко, отъ 25 Января 1878 года (о сраженіи подъ Горнымъ Бугоровомъ)	178
Приказъ Генералъ-Адъютанту Гурко, отданный въ г. Софіи 25 Декабря 1877 года	188
Рапортъ Генералъ-Лейтенанта Вельяминова Генералъ-Адъютанту Гурко, отъ 25 Января 1878 года (о дѣлахъ подъ Самаковомъ, при Каратаирѣ, Дермендере и Марковѣ)	192
Приказъ Генералъ-Лейтенанта Вельяминова, отданный въ Филиппополѣ 1 Января 1878 года (о расформированіи правой колонны Западнаго отряда)	203
Приказъ по войскамъ дѣйствующей арміи отъ 24 Января 1878 года	212
Приказъ по войскамъ дѣйствующей арміи отъ 17 Апрѣля 1878 года	213
Приказъ Генералъ-Лейтенанта Скобелева 2-го, отъ 6-го Іюня 1878 года	216
Походныя воспоминанія поручика графа Е. Е. Путятина	219
Походныя воспоминанія подпоручика К. А. Дрейлинга	229
Разсказъ бомбардира Новоселова	263
Біографія Генералъ-отъ-Инфантеріи Вельяминова I-го	267

ПЛАНЫ.

I. Дѣло у г. Враца 28 Октября 1877 года.
II. Кроки укрѣпленной позиціи турокъ у г. Берковацъ.
III. Кроки Лютаковскихъ турецкихъ позицій.
IV. Дѣло у д. Новочинъ 10 Ноября 1877 года.
V. Сраженіе у д. Горное Бугорово 20 Декабря 1877 года.
VI. Дѣло у Самаково 28 Декабря 1877 года.
VII. Дѣло у Каратаира 3 Января 1878 года.
VIII. Сраженіе у д. Дермендере 4 Января 1878 года.
IX. Дѣло у деревни Марково 5 Января 1878 года.

ИЛЛЮСТРАЦІИ и ПОРТРЕТЫ.

I. Стрѣльна. Молебенъ передъ выступленіемъ въ походъ, 5 Августа 1877 г.
II. Его Императорское Высочество Флигель-Адъютантъ Ротмистръ Герцогъ Сергѣй Максимиліановичъ Лейхтенбергскій.
III. Портреты гг. офицеровъ.
IV. Видъ г. Враца.
V. Дѣло у Новочина 10 Ноября 1877 года.
VI. Караулка Романія, 10 Ноября 1877 г.
VII. Церковь въ д. Новочинѣ. Декабрь 1877 г.
VIII. Новочинъ, 3-го Декабря 1877 года.
IX. Генералъ-отъ-Инфантеріи Николай Николаевичъ Вельяминовъ.
X. Балканы. Подъемъ на Умургачъ.
XI. Балканы. Спускъ съ Умургача.
XII. Силиври, у Мраморнаго моря.
XIII. Командиръ и офицеры батареи въ д. Караметли у Константинополя.
XIV. Батареи на позиціи у Арнаутъ-Кіой, подъ Константинополемъ.
XV. Стрѣльна. Молебенъ по возвращеніи съ похода, 19 Сентября 1878 г.

I. Мобилизація.

Весною 1877 года, одновременно съ мобилизаціею частей нашей арміи и сосредоточеніемъ ея на границѣ Румыніи, во всѣхъ частяхъ Гвардейскаго Корпуса начались усиленныя приготовительныя мобилизаціонныя работы.

2-я батарея Его Императорскаго Высочества Генералъ-Фельдцейхмейстера Гвардейской Конно-Артиллерійской бригады расположена была зимою 1876—1877 года въ казармахъ въ Стрѣльнѣ.

Батарея входила въ составъ 2-й Гвардейской Кавалерійской дивизіи и вооружена была шестью мѣдными, заряжающимися съ казны четырехфунтовыми орудіями образца 1867 года.

Орудія эти приняты были изъ арсенала въ началѣ 1875 года и прослужили до кампаніи три лагерныхъ сбора, при чемъ изъ каждаго было сдѣлано не болѣе 180 боевыхъ выстрѣловъ.

Всѣ нижніе чины, не исключая ѣздовыхъ, коноводовъ, запасныхъ и нестроевыхъ, обучены были дѣйствіямъ при орудіяхъ. Лафеты были въ батареѣ желѣзные, съ пониженнымъ центромъ тяжести.

Въ батареѣ имѣлось шесть зарядныхъ ящиковъ, четырехколесныхъ, передѣланныхъ изъ двухколесныхъ, по системѣ Полковника *Энгельгардта* (чертежа 1875 года); ящики эти были менѣе подвижны, чѣмъ бывшіе до того въ употребленіи двухколесные ящики съ троечной запряжкою, но управленіе и запряжка ихъ были удобнѣе.

Число снарядовъ въ заднемъ ходѣ было уменьшено для конной артиллеріи, такъ какъ послѣ большихъ кавалерійскихъ маневровъ 1876 года, произведенныхъ Его Императорскимъ Высочествомъ Генералъ-Инспекторомъ Кавалеріи въ Царствѣ Польскомъ, обнаружилось, что четырехколесные ящики съ полной

укладкой, при запряжкѣ въ шесть лошадей, для конныхъ батарей не обладали достаточной подвижностью. На каждое орудіе полагалось всего возить въ передкѣ и въ одномъ зарядномъ ящикѣ:

Обыкновенныхъ гранатъ	74
Шрапнелей	74
Картечей	10
Всего на орудіе	158 снар.

Весь боевой комплектъ батареи составлялъ:

Гранатъ	356
Шрапнелей	330
Картечей	66
Итого	752

Упряжка была по положенію какъ въ орудіяхъ, такъ и въ зарядныхъ ящикахъ, шестиконная, но во время похода батарейные ящики запрягались зачастую 8-ю лошадьми, для чего въ запасномъ взводѣ имѣлось достаточное число заводныхъ лошадей.

При каждой батареѣ полагалось имѣть по штату военнаго времени запасныхъ людей и лошадей, составлявшихъ отдѣльный запасный взводъ, предназначенный для укомплектованія батареи въ случаѣ убыли.

Упряжь артиллеріи находилась въ переходномъ состояніи. Только въ началѣ 1877 года послѣ усиленныхъ работъ въ батарейныхъ мастерскихъ, а также покупкою у частныхъ мастеровъ, батарея обзавелась облегченною артиллерійскою аммуниціею образца Капитана *Рубца*. Такимъ образомъ, батарея для похода имѣла совершенно новый комплектъ артиллерійской аммуниціи съ постромками изъ тройной пряди осмоленнаго каната, а также комплектъ совершенно новыхъ сѣделъ для строевыхъ лошадей.

Къ существующему въ батареѣ обозу весною 1877 года прибавлены были изготовленныя на средства, отпущенныя отъ казны, по 200 руб. на повозку, въ мастерскихъ батареи двѣ офицерскія облегченныя повозки; до этого полагалось офицерамъ въ случаѣ похода покупкою обзаводиться вьюками и вьючными лошадьми. Въ новыхъ облегченныхъ офицерскихъ повозкахъ полагалось возить чемоданы, размѣръ которыхъ опредѣленъ былъ сообразно съ количествомъ вещей, необходимыхъ офицеру въ походѣ, вѣсомъ не болѣе одного пуда.

Стрѣльна. Молебенъ передъ выступленіемъ въ походъ 5 Августа 1877 г.

Чемоданами, большими походными кобурами, складными легкими деревянными кроватями и прочими походными принадлежностями офицеры батареи обзавелись заблаговременно, до мобилизаціи.

Обозъ батареи былъ въ теченіе зимы 1877 года капитально ремонтированъ; и каждая повозка имѣла свое запасное колесо и и дышло.

Штатный обозъ батареи состоялъ изъ:

Интендантскій:	Денежнаго ящика;	(парная запряжка).
	Лазаретный фургонъ;	(четырехконная запряжка въ рядъ).
	Аптечная двуколка;	(по положенію одноконная, но походомъ всегда запрягалась съ пристяжкою).
	2 провіантскія повозки;	(по положенію четырехконная запряжка въ рядъ, но походомъ запрягались въ уносъ).
	2 офицерскія облегченныя повозки;	(парная запряжка).
Артиллерійскій:	Повозка для фуража;	Всѣ походомъ шли четверкою съ уносомъ.
	Повозка для запасныхъ частей артиллеріи;	
	Повозка для кузницы и запасного матеріала.	

Всего штатныхъ 10 повозокъ.

Кромѣ означеннаго числа повозокъ, батарея взяла съ собою въ походъ одну нештатную повозку для возки двухъ большихъ артельныхъ котловъ и принадлежностей артельщика и хлѣбопековъ. Повозка эта запряжена была четырьмя артельными лошадьми.

Какъ по конструкціи, такъ и по тяжести укладки, весь означенный обозъ во время кампаніи оказался непригоднымъ для конной батареи, за исключеніемъ аптечной двуколки и облегченныхъ повозокъ.

До перехода черезъ Дунай приказано было весь почти обозъ

оставить въ Румыніи. За батареею тогда назначено было слѣдовать только лазаретному фургону, аптечной двуколкѣ и облегченнымъ двумъ повозкамъ. Нѣсколькихъ легкихъ бричекъ, купленныхъ у мѣстныхъ жителей въ Румыніи, было совершенно достаточно для возки самыхъ необходимыхъ для батареи запасныхъ вещей и инструментовъ; офицеры-же всѣ обзавелись вьючными лошадьми, а самыя необходимыя вещи имѣли при себѣ въ большихъ кобурахъ на сѣдлахъ.

Въ 1877 году въ батареѣ не имѣлось еще упряжи только что утвержденнаго интендантскаго образца; поэтому, вмѣсто упряжи стараго интендантскаго образца, для обоза въ походъ взята была также упряжь образца Капитана *Рубца*, которая въ достаточномъ количествѣ имѣлась въ запасѣ. Такимъ образомъ, въ обозѣ и въ артиллеріи во время кампаніи имѣлась одинаковая артиллерійскаго образца упряжь. Всѣ повозки имѣли упряжь съ уносами. Эта мѣра дала возможность безъ замедленія усиливать запряжку требуемымъ количествомъ уносовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приходилось вытаскивать повозки обоза, завязшія въ тяжеломъ грунтѣ. При этой запряжкѣ на узкихъ проселочныхъ дорогахъ и мостахъ и при движеніи по горнымъ дорогамъ не надо было каждый разъ выпрягать пристяжныхъ. Вообще однообразіе всей упряжи артиллеріи и обоза представляло большія удобства.

Весною 1877 года въ мастерской батареи производились работы для приспособленія къ зарядамъ ящикамъ новой укладки боевого комплекта и принадлежностей артиллеріи. Тогда-же весь боевой комплектъ Гвардейской Конно-Артиллерійской бригады, хранившійся въ Охтенскомъ складѣ, былъ тщательно пересмотрѣнъ и капитально исправленъ подъ наблюденіемъ завѣдывающаго бригадною лабораторіею Штабсъ-Капитана *Саввина*. Впослѣдствіи оказалось, что этотъ штатный комплектъ въ бою дѣйствовалъ превосходно; тогда какъ принимаемые на пополненіе снаряды и заряды отъ подвижныхъ парковъ не были удовлетворительно изготовлены.

Въ батарейной кузницѣ работа заключалась: въ заготовленіи по мѣркѣ для каждой лошади двухъ круговъ подковъ и въ приготовленіи запаса подковъ для лошадей, ожидаемыхъ по конской повинности. Въ швальнѣ спѣшили окончить новую срочную мундирную одежду и привести въ полную готовность неприкосновенный запасъ вещей для людей, ожидаемыхъ при мобилизаціи на укомплектованіе батареи.

О всѣхъ работахъ еженедѣльно доносили по начальству и въ

Штабъ Округа. Представлялись также требуемыя соображенія о размѣщеніи людей и лошадей, ожидаемыхъ на укомплектованіе батареи, и былъ составленъ дневникъ работъ по мобилизаціи.

Для сообщенія всѣхъ требуемыхъ Штабомъ Гвардіи свѣдѣній и заявленій о всѣхъ нуждахъ частей на случай мобилизаціи, Командиры отдѣльныхъ частей собирались въ Штабъ Округа, гдѣ имъ давали всѣ необходимыя указанія и разъясненія. Этимъ порядкомъ устранялась лишняя переписка, и Штабъ Округа получалъ непосредственно отъ Начальниковъ частей заявленія о всѣхъ ихъ нуждахъ.

1-го Мая 1877 года послѣдовало распоряженіе о выступленіи артиллеріи въ Красносельскій лагерь на практическую стрѣльбу. Тотчасъ по приходѣ въ дер. Михайловку, мѣсто лагернаго расположенія батареи, получено было приказаніе сформировать изъ частей войскъ Гвардіи почетный конвой, назначенный состоять при Главной квартирѣ Его Величества. Отъ Гвардейской Конно-Артиллерійской бригады въ почетный полуэскадронъ потребовали одного офицера и по одному нижнему чину отъ батареи.

Лестное назначеніе въ конвой выпало на долю Штабсъ-Капитана 2-й батареи Петра Федоровича *Саввина*. Изъ нижнихъ чиновъ выбранъ былъ Командиромъ батареи бомбардиръ *Новоселовъ*, только что окончившій съ отличіемъ курсъ въ бригадной учебной командѣ. Оба они съ лошадьми въ полномъ походномъ снаряженіи немедленно отправились въ Петербургъ на сборный пунктъ формировавшагося конвоя.

Офицеры и всѣ чины батареи послѣ молебствія провожали своихъ представителей въ конвой съ душевными пожеланіями.

Вся практическая стрѣльба въ лагерѣ въ 1877 году произведена была по установленной программѣ. Во время этой практики батарея впервые ознакомилась съ дѣйствіемъ вновь введеннаго снаряда, діафрагменной шрапнели.

Новыя дистанціонныя трубки увеличеннаго времени горѣнія (10 сек.) оказались отличнаго дѣйствія; онѣ давали возможность четырехфунтовымъ, нарѣзнымъ, съ казны заряжающимся пушкамъ стрѣлять шрапнелью на дистанціи до 1075 саженъ. До этого имѣлись трубки двухъярусныя, при которыхъ успѣшная стрѣльба картечныхъ гранатъ не превышала дистанціи 850 саженъ.

По окончаніи практической стрѣльбы, батарея участвовала на ученіяхъ съ кавалеріей и на отрядныхъ маневрахъ.

Во время стоянки въ дер. Михайловкѣ получено было извѣ-

стіе о переходѣ 15 Іюня нашей арміи черезъ Дунай и о случаѣ при этомъ съ бомбардиромъ *Новоселовымъ*, чудесно спасшимся во время переправы при гибели парома, нагруженнаго артиллеріею. Воспоминанія *Новоселова* объ этомъ приключеніи помѣщены въ приложеніи.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ офицеръ 2-й батареи Штабсъ-Капитанъ Николай Федоровичъ *Мешетичъ*, по окончаніи курса наукъ въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, былъ командированъ въ Дунайскую армію съ назначеніемъ состоять при начальникѣ артиллеріи дѣйствующей арміи Генералъ - Адъютантѣ князѣ *Массальскомъ* *).

Тогда-же въ дѣйствующую Кавказскую армію былъ командированъ въ числѣ прочихъ Гвардейскихъ офицеровъ Поручикъ 2-й батареи Николай Андревичъ *Денъ*. Онъ совершилъ всю кампанію въ Азіатской Турціи и отличился въ бояхъ, находясь при знаменитой своими боевыми заслугами 5-й Кубанской казачьей батареѣ **).

По окончаніи Корпусныхъ маневровъ, 2-я батарея 18-го Іюля возвратилась въ Стрѣльну и перешла на травяное довольствіе.

Извѣстіе о занятіи г. Тырнова передовымъ отрядомъ Генералъ-Адъютанта *Гурко* съ особенной радостью отозвалось въ сердцѣ Гв. Конно-Артиллеристовъ, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ отличился доблестный представитель ихъ въ почетномъ конвоѣ, Штабсъ-Капитанъ *Саввинъ*.

Глубокою печалью поразило всю Россію извѣстіе о неудачахъ нашихъ подъ Плевной 7 и 18-го Іюля, послѣ которыхъ рѣшено было присоединить Гвардію къ дѣйствующей Дунайской арміи.

Высочайшій приказъ о мобилизаціи полученъ былъ въ батареѣ 22-го Іюля въ 7-мъ часу вечера. Командиръ батареи тот-

---

*) Штабсъ-Капитанъ Мешетичъ (нынѣ Генералъ-Лейтенантъ, Начальникъ 2-й Гвардейской пѣхотной дивизіи) сформировалъ въ Кишиневѣ 8-ми-орудійную батарею картечницъ. Батарея находилась до Ноября 1877 года въ Рущукскомъ отрядѣ. Затѣмъ полъ-батареи (4 карт.) перешла на Шипку, гдѣ Штабсъ-Капитанъ Мешетичъ пробылъ на горѣ Николая и на Волынской горѣ до 2 Января 1878 года. Затѣмъ батарея шла въ авангардѣ Генералъ-Лейтенанта Скобелева до Чаталджи. По заключеніи мира, батарея была расформирована. Штабсъ-Капитанъ Мешетичъ съ батареею участвовалъ въ дѣлахъ: въ Рущукскомъ отрядѣ на аванпостахъ и въ сраженіи подъ Аблавою; на Шипкѣ, все время противъ турецкихъ траншей и при отраженіи аттакъ Сулеймана 28 Ноября 1877 года.

**) Будучи въ отставкѣ, скончался въ С.-Петербургѣ въ Декабрѣ 1902 года.

часъ-же собралъ всѣхъ чиновъ батареи и сообщилъ имъ это радостное извѣстіе, встрѣченное восторженнымъ „Ура“!

Послѣ этого принялись за работу. Солдаты уложили свои собственныя вещи въ имѣвшіеся у нихъ сундуки; при этомъ каждый озаботился оставить въ своемъ сундукѣ письменное завѣщаніе на случай „несчастія“. Всѣмъ людямъ розданы были нумерныя бляшки для ношенія на груди съ крестикомъ.

23-го Іюля и въ послѣдующіе дни работа кипѣла безъ устали.

Занятія были распредѣлены между офицерами слѣдующимъ образомъ: Капитанъ *В. С. Усовъ*, Командиръ 3-го взвода, старшій офицеръ батареи, былъ командированъ въ Петербургъ для участія въ комиссіи по пріемкѣ лошадей по конской повинности. Подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Капитана *А. М. Хитрово*, Командира 1-го взвода, производилась укладка и приспособленіе всѣхъ вещей артиллеріи и обоза, которые назначены были итти въ походъ. Прапорщикъ *К. А. Дрейлингъ*, Командиръ 2-го взвода и завѣдывающій канцеляріею, былъ командированъ за полученіемъ вещей и денегъ на различные предметы продовольствія интендантскаго и артиллерійскаго вѣдомства.

Прапорщикъ *В. Г. Павловскій*, завѣдывающій лабораторіею и оружіемъ, былъ командированъ со всѣми пустыми передками и зарядными ящиками за боевымъ комплектомъ батареи въ Охтенскій артиллерійскій складъ.

Поручикъ баронъ *В. Н. Кусовъ* помогалъ Командиру батареи въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ и закупкѣ всѣхъ необходимыхъ батареѣ вещей для похода.

Главное Артиллерійское Управленіе, озабоченное исправностью матеріальной части артиллеріи, прислало въ батарею офицеровъ, спеціалистовъ по технической части, а также арсенальныхъ мастеровъ для подробнаго осмотра и исправленія всего, что потребуется. Вслѣдствіе этого осмотра, батарея получила одно новое орудіе взамѣнъ испортившагося въ лагерное время отъ разрыва шрапнели въ дулѣ орудія.

Всѣ подержанныя колеса были замѣнены новыми, благодаря чему во время кампаніи поломокъ колесъ не было.

Всѣ мѣдныя шворневыя воронки, вслѣдствіе значительнаго размола ихъ, также были замѣнены новыми. Кромѣ того, всѣ оси были туго подтянуты къ станинамъ; осмотрѣны подъемные механизмы, и провѣрена у орудій нулевая линія прицѣливанія.

Для оттачиванія 245 сабель назначены были два слесаря; имъ въ помощь наняты были точильщики; вся отточка окончена была

въ два дня. Револьверы системы *Вессона* и *Смитта* были розданы на руки. Шесть батарейныхъ кузнецовъ въ теченіе пяти дней перековали наново всѣхъ лошадей; остальные два кузнеца были заняты при артиллеріи.

Въ швальняхъ принялись за пришивку къ фуражкамъ козырьковъ и шитье къ нимъ бѣлыхъ полотняныхъ чехловъ съ назатыльниками.

Шорники пригоняли и выдавали новую строевую и артиллерійскую аммуницію. Съ новымъ сѣдельнымъ уборомъ выданы были также всѣмъ новые двойные потники.

Люди подтягивали живцы у ленчиковъ и собирали вьюки съ укладкой по походному положенію. Къ вьюкамъ впервые пришлось пристрачивать полученныя изъ Интендантства бивуачныя палатки и парусинныя ведра, вошедшія въ употребленіе въ 1876 г.

Интендантствомъ отпущены были на всѣхъ людей фуфайки и башлыки. Всѣмъ нижнимъ чинамъ была выдана обмундировка 1-го срока, т. е. 1877 года. Каждый солдатъ взялъ въ походъ, кромѣ мундира и шинели, двѣ пары рейтузъ и двѣ пары сапогъ.

Продажа собственныхъ солдатскихъ вещей, какъ-то: одѣялъ, рубахъ, холста, кожи и прочаго имущества, была строго запрещена, съ цѣлью сберечь ихъ до возвращенія съ похода. Мѣра эта необходима была, чтобы уберечь людей отъ продажи вещей за безцѣнокъ, а также во избѣжаніе мотовства и пьянства.

Всѣ собственныя солдатскія вещи были сложены и отданы на храненіе смотрителю казармъ.

Кромѣ штатнаго запаса подковъ, уложеннаго въ карманы крышекъ потниковъ и въ особыхъ ящикахъ, возимыхъ въ обозѣ, въ батареѣ имѣлся запасъ подковъ, который въ большихъ кожаныхъ мѣшкахъ помѣстили на передкахъ и зарядныхъ ящикахъ.

Неприкосновеннаго сухарнаго запаса взято въ походъ 5-тидневный въ обозъ и трехдневный въ саквы. Соль и крупа на 8 дней были розданы по положенію, частью на руки и частью уложены въ обозъ.

Врачъ батареи, Коллежскій Секретарь *Ивановъ* произвелъ тѣлесный осмотръ нижнимъ чинамъ и отдѣлилъ тѣхъ изъ нихъ, которые по слабости здоровья не въ состояніи были идти въ походъ. Люди эти были переведены въ бригадную инвалидную команду. Лазаретный фургонъ и аптечная двуколка были снабжены въ достаточномъ количествѣ перевязочными средствами и медикаментами. Въ большомъ количествѣ взятъ былъ съ собою хи-

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО
Флигель-Адъютантъ Ротмистръ
Герцогъ Сергѣй Максимиліановичъ Лейхтенбергскій.

нинъ, недостатокъ котораго въ дѣйствующей арміи, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, былъ крайне ощутителенъ.

Общество Краснаго Креста, частныя лица и родственники офицеровъ въ изобиліи снабдили батарею теплыми лазаретными вещами, равно какъ чаемъ и сахаромъ.

Въ 1877 году лошадей въ батареѣ не браковали. Ежегодный бракъ по положенію состоялъ изъ 11-ти строевыхъ и 5-ти артиллерійскихъ лошадей; ихъ передъ походомъ разрѣшено было замѣнить лошадьми младшихъ сроковъ службы изъ 4-й батареи бригады. Въ общемъ, составъ артиллерійскихъ лошадей былъ хорошъ, но составъ строевыхъ лошадей не вполнѣ удовлетворительный; много было малорослыхъ и слабосильныхъ. 2-го Августа вечеромъ, за 4 дня до выступленія, къ батареѣ приведены были 89 лошадей, поступившихъ на укомплектованіе, по штатамъ военнаго времени, и принятыхъ отъ населенія Петербурга. Тотчасъ-же приступлено было къ сортировкѣ, перековкѣ и составленію описей этихъ лошадей. Большею частью лошади эти не удовлетворяли своему назначенію, такъ какъ къ сильной тягѣ не были привычны. Поступивъ въ батарею худоконными отъ населенія, лошади, послѣ перевозки ихъ въ вагонахъ въ теченіе нѣсколькихъ дней и послѣдовавшихъ затѣмъ форсированныхъ переходовъ, очень ослабѣли.

Случалось, что шестерка лошадей, полученныхъ по конской повинности, не была въ состояніи тащить интендантскую фуру, въ которую по положенію полагалось запрягать четверку. Четырехколесные зарядные ящики необходимо было постоянно запрягать восемью лошадьми. Обозъ по Бессарабіи и по Румыніи двигался съ трудомъ и всегда далеко отставалъ отъ батареи. При мобилизаціи, лошади, принятыя въ Петербургѣ отъ населенія, сортировались комиссіями недостаточно разборчиво. На долю 2-й и 5-й батарей бригады получены были лошади изъ Московской и Рождественской частей, гдѣ хорошихъ лошадей оказалось мало; лошади-же богатыхъ владѣльцевъ 1-й Адмиралтейской и Василеостровской частей пошли на укомплектованіе пѣхотныхъ обозовъ Гвардіи.

2-го Августа изъ Петербурга прибыла въ батарею команда въ составѣ 30 человѣкъ, назначенныхъ изъ запаса на укомплектованіе батареи по военному положенію. Большею частью эти люди дѣйствительную службу отбыли въ строю Гв. Конно-Артиллерійской бригады. Обстоятельство это благопріятно было тѣмъ, что въ батарею прибыли хорошіе ѣздовые и номера, а также опыт-

ные фейерверкеры. Тотчасъ по прибытіи людей запаса, они были обмундированы и снаряжены всѣмъ необходимымъ для похода.

Взводные фейерверкеры, а также каптенармусы и прочія должностныя лица наличнаго состава батареи не были замѣнены пришедшими изъ запаса людьми, такъ что личный составъ прислуги и ѣздовыхъ при орудіяхъ остался для похода тотъ-же, что и въ мирное время. 3-го Августа на лошадей, полученныхъ по конской повинности, пригнали всю упряжь, и затѣмъ произведена была имъ, въ запряжкѣ къ ящикамъ и обозу, первая проѣздка на казарменномъ плацу.

Дѣло не обошлось безъ приключеній. Непривычныя къ запряжкѣ въ уносъ и къ грохоту зарядныхъ ящиковъ лошади отказывались итти; другія, взбѣсившись, носили по плацу.

4-го Августа произведена была проѣздка всей батареѣ и обозу въ полномъ боевомъ походномъ снаряженіи. Затѣмъ окончательно уложены были канцелярія, лазаретныя и артельныя вещи. Офицерами подробно осмотрѣны были солдатскіе вьюки и сдѣланъ расчетъ людямъ и лошадямъ по вагонамъ для посадки на желѣзную дорогу. Въ этотъ день батарея получила изъ Окружного Интендантства 150 пудовъ консервовъ для людей и лошадей съ приказаніемъ взять ихъ съ собою въ походъ. Такъ какъ мѣста для укладки ихъ въ обозѣ не имѣлось, то пришлось нанять обывательскія подводы для доставки консервовъ до желѣзной дороги. Въ пути отъ Жмеринки до Дуная консервы перевозились также на нанимаемыхъ подводахъ, и только вслѣдствіе приказанія оставить всѣ лишнія тяжести въ Румыніи, въ Александріи, пришлось тамъ-же оставить и консервы.

Офицеры для похода заказали себѣ большія походныя кобуры вмѣсто малыхъ форменныхъ; онѣ оказались весьма практичными. Кромѣ того, офицеры обзавелись большими вьючными переметными кожаными сумками и небольшого размѣра чемоданами для укладки одного пуда вещей. Чемоданы эти помѣщались въ офицерскихъ облегченныхъ повозкахъ. Въ чемоданы офицеровъ уложены были: вторая пара одежды, обувь и бѣлье. Опытъ кампаніи указалъ на преимущества бѣлья, изготовленнаго изъ бумажной ткани, шертингъ. Нѣкоторые офицеры взяли съ собою легкія деревянныя складныя кровати; другіе имѣли американскіе мѣшки, покрытые гуттаперчей.

Каждый офицеръ обзавелся непромокаемымъ, суконнымъ или кожанымъ, плащемъ; послѣдніе оказались болѣе прочными и дѣйствительно непромокаемыми, тогда какъ суконные всѣ скоро

пришли въ негодность. Кромѣ того, офицеры имѣли при себѣ револьверы, бинокли, малые фонари и письменныя принадлежности.

Передъ выступленіемъ офицеры наняли повара, маркитанта, который былъ снабженъ погребцомъ съ необходимою посудою для варки и стола. Продовольствовались офицеры въ походѣ артелью, при чемъ одинъ изъ офицеровъ, по очереди, исполнялъ обязанности хозяина. Вещи офицерской кухни помѣщались на одной изъ легкихъ походныхъ повозокъ. 5-го Августа, въ 9 часовъ утра батарея выстроилась на Стрѣльнинскомъ плацу, окруженная жителями, провожавшими ее самымъ сердечнымъ образомъ. Мѣстный приходскій священникъ, Отецъ Николай *Кедровъ* въ напутственной рѣчи напомнилъ всѣмъ значеніе совершающагося по волѣ Великаго Царя нашего дѣла „освобожденія единовѣрныхъ братьевъ нашихъ Болгаръ отъ Турецкаго ига“. Затѣмъ совершено было молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Жители Стрѣльны поднесли батареѣ образъ Спасителя и пригласили офицеровъ и нижнихъ чиновъ принять отъ нихъ угощеніе, устроенное на плацу, при чемъ высказано было много сердечныхъ пожеланій.

Раздалась команда: „По конямъ, садись“; „пѣсельники впередъ!“ Трубачи заиграли походъ, и батарея начала вытягиваться по Петербургскому шоссе.

У Сергіевскаго монастыря батарею встрѣтилъ Архимандритъ *Игнатій* въ сопровожденіи всѣхъ монаховъ; онъ благословилъ батарею образомъ Св. Сергія Радонежскаго, который въ продолженіе всей кампаніи хранился въ передкѣ перваго орудія.

Около 3-хъ часовъ пополудни батарея прибыла къ тріумфальной аркѣ Нарвской заставы, гдѣ Начальникъ Артиллеріи Гвардейскаго Корпуса Генералъ-Адъютантъ *Жуковскій*, въ подробности осмотрѣвъ артиллерію и обозъ, напутствовалъ батарею сердечнымъ пожеланіемъ успѣха.

Въ 4½ часа батарея прибыла на товарную станцію Варшавской ж. д., гдѣ началась посадка въ вагоны. При этомъ присутствовалъ Командиръ бригады, свиты Его Величества Генералъ-Маіоръ *Бревернъ*.

Согласно росписанію по передвиженію войскъ, батарея размѣщена была въ двухъ поѣздахъ.

Работа посадки въ поѣздъ была привычна для людей, такъ какъ ежегодно батарея практиковалась въ этомъ въ Красномъ Селѣ. Къ 9 часамъ вечера вся артиллерія, обозъ и лошади перваго эшелона батареи были размѣщены въ поѣздъ.

Лошади 2-го эшелона на ночь оставлены были у станціи на коновязяхъ; ихъ помѣстили въ вагоны на слѣдующій день утромъ. По окончаніи нагрузки людямъ дана была горячая пища, приготовленная въ расположеніи станціи заботами 4-й батареи бригады. Затѣмъ нижніе чины частью въ вагонахъ, частью у коновязей легли отдыхать.

6-го Августа, въ день праздника Спаса Преображенія, въ 7 часовъ утра отправленъ былъ поѣздъ съ первымъ эшелономъ подъ командою старшаго офицера, Капитана *Усова*, въ составѣ 3-го взвода и всего обоза. Въ 3 часа пополудни отправленъ былъ второй поѣздъ съ 1-мъ и 2-мъ взводами батареи, при которыхъ находился Командиръ батареи *).

Родственники, товарищи и друзья офицеровъ и нижнихъ чиновъ собрались у поѣзда, который отошелъ при звукахъ конно-артиллерійскаго марша и всеобщаго „Ура“.

II. Походъ до Болгаріи.

Отъ Петербурга до Жмеринки переѣздъ по желѣзной дорогѣ, согласно плану передвиженія, черезъ Бѣлостокъ, Казатинъ до станціи Жмеринки долженъ былъ продолжаться 6 дней.

Для перевозки войскъ по желѣзнымъ дорогамъ имѣлась спеціальная инструкція относительно продовольствія въ пути. Въ росписаніи движенія указаны были пункты, въ которыхъ людямъ можно было давать горячую пищу и хлѣбъ, для чего требовалось увѣдомлять телеграммами комендантовъ продовольственныхъ пунктовъ.

Фуражъ можно было получать отъ Интендантства на станціяхъ Динабургъ, Вильно и Бѣлостокъ. При отправленіи изъ Петербурга приказано было взять съ собою запасъ хлѣба и сухарей на весь путь до Жмеринки. Такимъ образомъ, батарея взяла съ собою для путевого довольствія четырехдневный запасъ свѣжаго хлѣба и двухдневный запасъ сухарей. Горячая пища на продовольственныхъ пунктахъ приготовлена была отлично, но неудобно было то, что людямъ приходилось раздавать ее по приходѣ поѣздовъ на означенныя станціи ночью.

За время пути люди пили чай, приготовляемый въ котелкахъ; кипятокъ можно было получать отъ паровоза.

Кромѣ четырехдневнаго неприкосновеннаго запаса фуража, батарея взяла съ собою для путевого довольствія овса и прессованнаго сѣна на три дня.

*) Всего 2-я Конная батарея имѣла въ походѣ 3 взвода—6 орудій.

Водопой лошадей въ пути производился изъ парусинныхъ ведеръ, при чемъ людямъ приходилось далеко бѣгать за водою къ станціоннымъ бакамъ. Поили лошадей при всѣхъ продолжительныхъ остановкахъ. Сѣно задавали въ маломъ количествѣ, но часто; при этомъ лошади спокойнѣе стоятъ въ вагонахъ.

При размѣщеніи лошадей по 8-ми въ каждомъ вагонѣ, старались не разлучать свыкнувшихся стоять въ конюшнѣ рядомъ. Жеребцовъ, принятыхъ по конской повинности, во избѣжаніе драки привязывали коротко, надѣвали на ноги путы и ставили къ стѣнѣ рядомъ со спокойными лошадьми.

Въ особенности затруднительна была перегрузка съ одного поѣзда на другой въ ночное время, такъ какъ не имѣлось на станціяхъ достаточнаго освѣщенія.

7-го Августа въ Динабургѣ 1-му эшелону была назначена четырехчасовая остановка, во время которой лошадей вывели изъ вагоновъ и сдѣлали имъ продолжительную проѣздку.

8-го Августа утромъ оба эшелона обѣдали въ Вильнѣ, а ночью того-же дня прибыли въ Бѣлостокъ. Утромъ, съ разсвѣтомъ, началась перегрузка обоихъ эшелоновъ въ поѣзда Граево-Брестской желѣзной дороги; при этомъ нѣкоторыя принятыя по конской повинности лошади сорвались съ коновязей и убѣжали въ поле. Посланные за ними въ погоню люди съ трудомъ успѣли изловить ихъ и привести обратно ко времени отхода поѣзда.

Пользуясь свободнымъ временемъ, офицеры въ Бѣлостокѣ посѣтили лазаретъ Краснаго Креста, устроенный вблизи станціи; здѣсь находилось нѣсколько солдатъ, раненныхъ 18-го Іюля подъ Плевною.

10-го Августа утромъ оба эшелона вновь соединились въ Брестъ-Литовскѣ, гдѣ простояли до вечера, не выводя лошадей изъ вагоновъ.

11-го Августа батарея обѣдала въ Бердичевѣ, а утромъ 12 Августа оба эшелона прибыли въ Жмеринку. Небольшая платформа станціи значительно замедлила разгрузку, и только къ вечеру батарея перешла въ Малую Жмеринку, отстоящую въ 5 верстахъ отъ станціи, гдѣ расположилась бивуакомъ,—нижніе чины и офицеры въ походныхъ палаткахъ. Только что успѣли устроиться на бивуакѣ, какъ разразилась гроза и хлынулъ ливень, продолжавшійся всю ночь.

13-го Августа назначена была дневка, которой воспользовались для исправленія ковки лошадей и нѣкоторыхъ починокъ обоза.

При переѣздѣ по желѣзной дорогѣ поврежденій у лошадей не оказалось; только хвосты въ репицахъ у многихъ были потерты. Замѣчены также у нѣкоторыхъ лошадей опухоли ногъ, вслѣдствіе продолжительнаго стоянія въ вагонахъ, но эти опухоли послѣ первыхъ переходовъ изчезли.

Во время пересадки въ пути стоявшія сперва задомъ къ направленію хода поѣзда лошади перестанавливались въ противоположную сторону, а неспокойно стоявшимъ въ вагонѣ лошадямъ завязывали глаза и путали ноги. Соломенную подстилку въ вагонѣ давали въ изобиліи. Благодаря всѣмъ принятымъ мѣрамъ и постоянной бдительности офицеровъ за людьми и конскимъ составомъ, больныхъ нижнихъ чиновъ и лошадей въ пути не было, такъ что переѣздъ по желѣзной дорогѣ до Жмеринки, продолжавшійся шесть дней, совершенъ былъ вполнѣ благополучно.

Переходъ въ 210 верстъ отъ Жмеринки до г. Скуляны по первоначальному плану передвиженія долженъ былъ совершиться въ 12 дней, въ томъ числѣ 3 дневки. Но по прибытіи въ Жмеринку былъ полученъ отъ Главнаго Штаба другой маршрутъ, по которому движеніе должно было быть ускорено форсированнымъ маршемъ. Одновременно прибылъ съ нами въ Жмеринку Генералъ-Лейтенантъ *Гурко*, который по возвращеніи съ перваго похода за Балканы вновь вступилъ въ командованіе 2-ой Гвардейской Кавалерійской дивизіей.

14-го Августа, въ 6 часовъ утра батарея выступила съ бивуака у д. Жмеринки и присоединилась къ Лейбъ-Уланскому полку, съ которымъ составила 1-й эшелонъ дивизіи подъ командою Генералъ-Маіора *Эттера 2-го*. Лейбъ-Уланы и батарея совершали переходы перемѣнными аллюрами.

Обозы медленно шли въ хвостѣ эшелона и прибывали на ночлегъ поздно вечеромъ. Артельныя фуры, съ котлами, за день высылались впередъ вмѣстѣ съ фуражирами, артельщиками и хлѣбопеками. Закупка фуража по пути слѣдованія не представляла затрудненій, благодаря богатству края и окончившейся уборкѣ полей. Хлѣбъ заготовлялся по пути попеченіемъ воинскихъ начальниковъ въ Могилевѣ-на-Днѣстрѣ, Бѣльцахъ и въ Скулянахъ.

По случаю большой жары, люди были въ кителяхъ, безъ галстуховъ, имѣя фуражки съ чехлами и затыльниками. Мундштуки у лошадей были сняты. Въ подводахъ отъ населенія недостатка не было; на нихъ нагружался фуражъ, консервы и сѣдла натертыхъ лошадей.

Первый переходъ до Шаргорода, 37 верстъ по трудной песчаной дорогѣ, сильно утомилъ непривычныхъ къ походу лошадей. Въ Шаргородѣ батарея расположилась бивуакомъ у рѣки; офицеры помѣстились въ усадьбѣ весьма гостепріимнаго помѣщика.

15-го Августа батарея перешла въ г. Могилевъ-на-Днѣстрѣ, куда прибыла въ 5 часовъ вечера, сдѣлавъ переходъ въ 41 версту при сильной жарѣ. По пути слѣдованія жители деревень встрѣчали войска весьма радушно и угощали солдатъ хлѣбомъ, плодами, молокомъ, табакомъ и виномъ.

Батарея расположилась бивуакомъ у самой рѣки. Въ Могилевѣ стоялъ запасный баталіонъ Одесскаго полка, отъ котораго батарея получила четырехдневную пропорцію свѣжаго хлѣба; офицерамъ была отведена квартира въ городѣ. Нижнимъ чинамъ разрѣшено было купаться въ рѣкѣ, при чемъ купали и лошадей.

Для переправы черезъ рѣку Днѣстръ были заготовлены мѣстными властями большіе паромы; каждый паромъ вмѣщалъ до 30 лошадей.

Со всѣхъ окрестныхъ деревень собраны были крестьяне, перевозчики, которые съ помощью веселъ и багровъ совершали переправу. На противоположномъ, Бессарабскомъ берегу имѣлись подводы съ волами, которыхъ припрягали къ артиллеріи и повозкамъ обоза, чтобы облегчать лошадямъ втаскивать ихъ по крутому подъему.

Особая комиссія земской полиціи слѣдила за порядкомъ на переправѣ, распредѣляя рабочихъ и назначая имъ смѣну.

16-го Августа, въ 4 часа пополудни батарея подошла къ рѣкѣ и къ 6 часамъ вечера переправлена была на другую сторону. Продолжая путь слѣдованія, батарея, послѣ перехода въ 22 версты, въ 11 часовъ ночи прибыла на ночлегъ въ молдаванскую деревню Кремковицу.

17-го Августа, послѣ 20-тиверстнаго перехода, батарея прибыла на бивуакъ въ дер. Шура. 18-го Августа, послѣ 35-тиверстнаго перехода, дошли до города Бѣльцы. По пути слѣдованія жители угощали солдатъ арбузами и плодами. Старосты и сотскіе ближайшихъ по дорогѣ деревень провожали колонну верхомъ. Въ городѣ Бѣльцы батарея расположилась въ казармахъ Астраханскаго Драгунскаго полка, гдѣ получила запасы хлѣба, сухарей и фуража.

19-го Августа, послѣ перехода въ 27 верстъ, батарея прибыла въ Фалешти, гдѣ получено было приказаніе, не дѣлая дневки,

продолжать слѣдовать въ Скуляны, куда эшелонъ прибылъ 20-го Августа, сдѣлавъ переходъ въ 28 верстъ.

Не доходя верстъ 10 до Скулянъ, сдѣланъ былъ привалъ у рѣки Прута *).

Въ Скулянахъ на большомъ лугу отведенъ былъ бивуакъ для всей 2-й Гвардейской Кавалерійской дивизіи съ ея артиллеріею. Дальнѣйшій путь по Румыніи долженъ былъ совершаться эшелонами, по-бригадно, со всѣми предосторожностями военнаго времени. Тотчасъ по приходѣ въ Скуляны было приступлено къ пересмотру всего боевого комплекта и къ починкѣ повозокъ и аммуниціи. Въ Скулянахъ находился Генералъ-Лейтенантъ *Гурко* съ его Штабомъ. Всѣ части дивизіи въ Скулянахъ получили сборники всѣхъ приказаній и наставленій, отданныхъ по дѣйствующей арміи.

При выступленіи изъ Петербурга пришлось окончить и сдать отчетность по день отъѣзда. Въ Скулянахъ требовалось представить отчетность по путевому довольствію изъ отпущенныхъ передъ выступленіемъ авансовъ. Затѣмъ начата отчетность заграничнаго довольствія по существовавшимъ въ дѣйствующей арміи положеніямъ.

Изъ имѣвшихся въ Скулянахъ запасовъ сухарей печенаго хлѣба и крупы батарея была снабжена 7-мидневною пропорціей. Здѣсь-же нанятъ былъ Командиромъ батареи комиссіонеръ-переводчикъ; обязанность его была—съ артельщикомъ и фуражиромъ опережать батарею, чтобы заготовлять на мѣстахъ ночлеговъ фуражъ, мясо и продукты. Румыны, пользуясь случаемъ, запрашивали непомѣрно высокія цѣны на всѣ продукты, но, благодаря опытности батарейнаго комиссіонера, покупки производились по умѣреннымъ цѣнамъ.

При подробномъ осмотрѣ лошадей въ Скулянахъ, оказалось семь строевыхъ лошадей съ намятыми и набитыми спинами. Поврежденія эти произошли большей частью отъ невнимательной сѣдловки полнымъ вьюкомъ. Шесть артиллерійскихъ и обозныхъ лошадей также оказались съ натертыми плечами отъ хомутовъ. Поврежденія эти происходили по малой привычкѣ обозныхъ лошадей, принятыхъ по конской повинности, къ усиленной

*) Въ кампаніи 1828 года 2-я батарея подъ командою Полковника С м а г и н а, находясь въ составѣ отдѣльнаго Гв. Кавалерійскаго Корпуса, также въ этомъ мѣстѣ переходила рѣку Прутъ.

Капитанъ
Владиміръ Степановичъ Усовъ.

работѣ тяги, а также отъ неудовлетворительной пригонки хомутовъ и жесткихъ подхомутинъ.

Поврежденныя лошади во время похода тотчасъ-же освобождались отъ вьюка и упряжи и велись въ заводу, а на мѣсто ихъ брали лошадей изъ запасного взвода. Леченіе лошадей съ набитыми спинами и потертыми плечами въ походѣ производилось частымъ промываніемъ ранъ и смазкою ихъ глицериномъ. Артиллерійскихъ и обозныхъ лошадей походомъ поперемѣнно брали подъ сѣдло и въ подручныя.

Въ видахъ сбереженія лошадей, нерѣдко случалось, что строевую лошадь запрягали въ артиллерію, артиллерійскую-же брали подъ верхъ.

Въ особенности берегли орудійныхъ лошадей постоянной запряжки мирнаго времени, имѣя въ виду сохранить ихъ для предстоящихъ боевыхъ дѣйствій.

21-го и 22-го Августа батарея простояла на бивуакѣ въ Скулянахъ. Начальникъ дивизіи, Генералъ-Лейтенантъ *Гурко* произвелъ 21-го Августа смотръ полкамъ 1-й и 2-й бригадъ дивизіи, а также 2-й и 5-й батареямъ. На смотръ части выведены были въ полномъ походномъ снаряженіи. Полки и батареи проходили по одному.

Лошади дивизіи отъ форсированныхъ переходовъ при сильной жарѣ значительно похудѣли.

Объѣзжая полки, Генералъ-Лейтенантъ *Гурко* останавливался передъ каждою частью и въ краткихъ и внушительныхъ словахъ напоминалъ людямъ, какъ вести себя въ предстоящихъ дѣлахъ съ Турками.

Къ батареѣ онъ обратился со словами: „Турки боятся васъ, какъ чертей. Вы задайте имъ хорошенько. Они въ особенности недолюбливаютъ шрапнелей. Орудія турецкія бьютъ хорошо; поэтому, ребята, и вамъ надо стрѣлять мѣтко“. Обратившись къ офицерамъ, онъ сказалъ: „Господа, конная артиллерія должна ставить своимъ point d'honneur—не отставать отъ кавалеріи и не ложиться на нее бременемъ, но быть ей помогой, а въ случаѣ необходимости и жертвовать собою“.

По окончаніи смотра приказано было всѣмъ офицерамъ дивизіи собраться, и затѣмъ Генералъ-Лейтенантъ *Гурко* обратился къ нимъ со слѣдующей рѣчью:

„Если я былъ счастливъ, когда мнѣ поручили передовой отрядъ дѣйствующей арміи, то нынѣ я несказанно счастливѣе, что веду въ бой мою дивизію, ту, которую обучалъ и съ которой

сроднился. Вы знакомы съ моими требованіями, и я убѣжденъ, что дѣло пойдетъ на ладъ. Настоящая война потребуетъ отъ насъ много жертвъ. Самое трудное—заставить Турокъ принять аттаку. Если вамъ удастся заманить ихъ одною частью, а другою ударить во флангъ, то успѣхъ несомнѣнно будетъ на вашей сторонѣ. Мнѣ пришлось видѣть только разъ подобный удачный маневръ, совершенный Казанскимъ Драгунскимъ полкомъ. Въ открытомъ полѣ черкесы, арнауты и вся прочая турецкая кавалерія никуда не годна. Тактика ихъ—заманить противника на пѣхоту и затѣмъ открыть по немъ убійственный огонь изъ магазинныхъ ружей. Въ бою, прошу помнить—всегда имѣть резервъ. Не думайте, что на войнѣ можно слегка относиться ко всѣмъ мелочнымъ требованіямъ службы; напротивъ того, болѣе чѣмъ когда-либо нужно слѣдить за порядкомъ, а главное за сѣдловкою. Не выпускайте съ бивуака ни одного человѣка, не осмотрѣвъ его сѣдловки. Въ службѣ и во всемъ будьте вдвое взыскательнѣе; помимо блага для дѣла, вы этимъ развлечете солдатъ и заставите ихъ забыть объ опасностяхъ. Избѣгайте малыхъ разъѣздовъ,—менѣе 12 человѣкъ не высылайте, лучше даже больше; въ противномъ случаѣ вы подвергаете ихъ опасности быть уничтоженными, не сдѣлавъ дѣла. Затѣмъ, господа, я убѣжденъ, что вы всѣ докажете, что мы достойны быть Царскою Гвардіей. До дѣла намъ еще предстоитъ большой походъ. Постарайтесь пріучить лошадей къ большому шагу. Тотъ, кто идетъ большимъ шагомъ, теряетъ на походѣ меньше силъ, чѣмъ тотъ, который идетъ рысью. Стремена прошу всѣмъ укоротить; солдатъ дремлетъ верхомъ, избѣжать этого нельзя. Турки отдыхаютъ и спятъ верхомъ; мы отставать отъ нихъ въ этомъ не должны,—только съ короткими стременами можно избѣжать шатанія на сѣдлѣ“.

На слѣдующій день Генералъ-Лейтенантъ *Гурко* осматривалъ во всѣхъ частяхъ лошадей на выводкѣ, безъ сѣделъ. Послѣ выводки онъ всѣмъ присутствовавшимъ офицерамъ сообщалъ свои замѣчанія относительно дѣйствія Турокъ въ бою, указывая на нѣкоторыя эпизоды перваго его похода за Балканами. „Надо вамъ доказать“, говорилъ Генералъ, „что мы умѣемъ приносить кровавыя жертвы; до сихъ поръ кавалерія ихъ не имѣла, и пѣхота ее перещеголяла“.

Въ полкахъ дивизіи, во время похода отъ Жмеринки до Скулянъ, оказалось значительное количество набитыхъ лошадей. Всѣ онѣ, при послѣдующихъ походныхъ движеніяхъ, составляли

особую заводную команду. Сѣдла съ полнымъ вьюкомъ этой команды перевозились на нанятыхъ обывательскихъ подводахъ.

По приходѣ къ Дунаю, число потертыхъ, помятыхъ и больныхъ лошадей еще болѣе увеличилось, и были полки, которые имѣли въ заводу до четверти своего конскаго состава. Въ батареѣ набитыхъ лошадей было двѣнадцать. За весьма малымъ исключеніемъ, эти попорченныя лошади впослѣдствіи, при продолжительной стоянкѣ въ концѣ Сентября въ Горной Липницѣ, были вылечены и вновь взяты въ строй.

23-го Августа батареѣ приказано было выступить съ 3-ьей бригадой дивизіи, въ составѣ Уланскаго Его Величества и Гродненскаго Гусарскаго полка, подъ общей командой Генералъ-Маіора *Графа де-Бальмена*.

24-го Августа изъ Скулянъ выступилъ 2-й эшелонъ дивизіи: Л.-Гв. Уланскій и Л.-Гв. Гусарскій Его Величества полки съ 5-й батареей Гв. Конно-Артиллерійской бригады, а 25 Августа 3-й эшелонъ: Л.-Гв. Конно-Гренадерскій и Л.-Гв. Драгунскій полки съ 3-й батареей Гв. Конно-Артиллерійской бригады.

Квартирьеры каждаго эшелона высылались впередъ. Тяжелый обозъ слѣдовалъ за своими эшелонами. Пѣшихъ людей съ нѣкоторыми тяжестями обоза, въ томъ числѣ консервы, разрѣшено было отправить изъ города Яссы по желѣзной дорогѣ до Михалешти, гдѣ они должны были вновь присоединиться къ своимъ частямъ.

Отъ Скулянъ довольствіе приказано было производить согласно указаніямъ, даннымъ въ приказахъ и положеніяхъ дѣйствующей арміи.

Въ это время части начали получать печеный хлѣбъ отъ Товарищества *Когана*, которое имѣло свои склады по пути слѣдованія дивизіи.

Отъ Товарищества можно было получать также по квитанціямъ: фуражъ, крупу, вино, чай, сахаръ, соль и другіе продукты.

Обыкновенный приварочный окладъ для Румыніи былъ опредѣленъ въ 7 коп. въ сутки; тѣмъ-же частямъ, которыя имѣли при себѣ порціонный скотъ, приварокъ назначенъ былъ въ 3 копѣйки.

Фуражное довольствіе предоставлено было закупать, по желанію, самимъ частямъ, по справочнымъ цѣнамъ, утвержденнымъ Начальникомъ дивизіи. Цѣны эти назначены были: 5 рублей—четверть овса и 40 коп. пудъ сѣна. Топливо и подстилку войска должны были заготовлять покупкою. Довольствіе порціоннымъ

скотомъ, которымъ большей частью пользовались войска, производилось на слѣдующихъ основаніяхъ.

Вѣсъ одного вола установленъ былъ казною въ 10 пудовъ; и на основаніи такого вѣса расчитывалось, сколько воловъ требуется для продовольствія части въ извѣстный періодъ. Цѣнность пары воловъ опредѣлялась справками, устанавливаемыми на одинъ мѣсяцъ впередъ: отъ 80 до 100 руб. На пару воловъ назначенъ былъ отпускъ отъ казны по одному пуду сѣна въ сутки.

Порціонный скотъ значительно улучшалъ пищу, такъ какъ, кромѣ мяса, въ пользу части оставались всѣ оконечности туши. Скотъ обыкновенно закупался по дешевой цѣнѣ въ значительномъ количествѣ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ его запрягали въ купленныя у жителей арбы, на которыхъ перевозили фуражъ и другія тяжести. При обозѣ скотъ слѣдовалъ гуртомъ. Убой скота производился мясниками, назначенными изъ числа солдатъ, до поступленія на службу занимавшихся этимъ дѣломъ.

23-го Августа 3-я бригада дивизіи съ батареею была выстроена вдоль дороги, у моста черезъ рѣку Прутъ.

По случаю предстоявшаго вступленія въ г. Яссы, всѣмъ частямъ приказано было быть въ мундирахъ. Въ 8 часовъ утра прибылъ Генералъ-Лейтенантъ *Гурко* и, собравъ офицеровъ, обратился къ нимъ со слѣдующей рѣчью: „Мы вступаемъ въ страну союзную. Предупреждаю васъ, что народъ въ ней расположенъ къ намъ; но нельзя того-же сказать о властяхъ. Прошу васъ слѣдить за тѣмъ, чтобы солдаты не обижали жителей и не брали ни единой щепки, не получивъ на то разрѣшенія. Я требую, чтобы въ этомъ дѣлѣ вы старались поддержать Гвардейскую репутацію.—Теперь съ Богомъ“.

Всѣ сняли шапки и перекрестились; нѣкоторые по народному обычаю захватили съ собою горсть земли, и затѣмъ съ удалою пѣсней, полки и батарея по понтонному мосту перешли въ Румынію. Генералъ-Лейтенантъ *Гурко* пропустилъ мимо себя всѣ части въ походномъ порядкѣ при звукахъ хоровъ трубачей. У рѣки собралась толпа мѣстныхъ жителей, которые встрѣчали и провожали части съ восторгомъ; тутъ-же стоялъ караулъ румынской пограничной стражи, отдавая честь русской Гвардіи.

Батарея перешла границу въ составѣ: 5 офицеровъ*), 243 ниж-

*) Полковникъ Таль (нынѣ Командиръ XI-го Армейскаго Корпуса); Капитанъ Усовъ (нынѣ Начальникъ Артиллеріи войска Донского); Капитанъ Хитрово (нынѣ Начальникъ Артиллеріи XIII-го Армейскаго Корпуса); Поручикъ Павловскій и Подпоручикъ Дрейлингъ.

нихъ чиновъ и 263 лошадей. По дорогѣ въ Яссы насъ встрѣтилъ Генералъ-Маіоръ *Бревернъ*, Командиръ Гвардейской Конно-Артиллерійской бригады, назначенный исправлять должность Начальника Артиллеріи Гвардейскаго Корпуса дѣйствующей арміи. Генералъ, слѣдуя съ нами, подробно осмотрѣлъ батарею на походѣ.

Послѣ 17-тиверстнаго перехода, бригада вступила въ Яссы. При въѣздѣ въ городъ находился лазаретъ Краснаго Креста; сестры милосердія и многіе раненые стояли у дороги и радостно привѣтствовали части. Батарея расположилась бивуакомъ на обширномъ полѣ близъ станціи желѣзной дороги. Чистенькій и благоустроенный городъ съ богатыми магазинами произвелъ на всѣхъ пріятное впечатлѣніе.

Изъ румынскихъ войскъ въ городѣ находились только кадры нѣкоторыхъ частей, занятые обученіемъ рекрутовъ и резервовъ. Мимо бивуака, по направленію къ Дунаю, часто проходили поѣзда съ Гвардейскою пѣхотой, при чемъ съ бивуака и поѣздовъ солдаты привѣтствовали другъ друга радостнымъ „Ура“.

Въ Яссахъ были временные отдѣлы полевого Интендантства и Казначейства. Пришлось окончить и сдавать сложные путевые расчеты и получать авансомъ деньги по разнымъ статьямъ довольствія.

24-го Августа, въ шесть часовъ утра бригада выступила изъ Яссъ по шоссе на Кадоешти. За долиной рѣки Балуецъ продолжительный крутой подъемъ въ гору крайне затруднилъ и замедлилъ движеніе нашихъ обозовъ, отставшихъ отъ колонны на полъ-перехода.

Къ 6 часамъ вечера, послѣ сорокаверстнаго перехода, бригада расположилась бивуакомъ недалеко отъ м. Кадоешти; обозы прибыли только въ полночь. Всю ночь шелъ проливной дождь.

25-го Августа, послѣ 25-тиверстнаго перехода, бригада прибыла на бивуакъ у гор. Васлуй; грязное еврейское мѣстечко.

26-го Августа, по переходѣ 18-ти верстъ, эшелонъ расположился бивуакомъ у д. Кицкунь. Овса у мѣстныхъ жителей не было, и пришлось въ первый разъ задать лошадямъ купленный ячмень.

Несмотря на всѣ принятыя предосторожности, въ батареѣ, отъ перемѣны корма на ячмень, пало на первыхъ же порахъ три лошади.

Впослѣдствіи всѣ лошади привыкли къ ячменю, и заболѣваніе коликами болѣе не повторялось.

27-го Августа бригада съ батареей, послѣ 28-миверстнаго пе-

рехода, перешла на бивуакъ въ гор. Бырлатъ. По случаю ярмарки въ городѣ было большое оживленіе; жители встрѣчали войска съ восторгомъ. Бивуакъ батареи находился вблизи города, гдѣ офицерамъ отведены были обывательскія квартиры. Кавалерія расположилась квартирно-бивуачно, на обширныхъ дворахъ мѣстечка.

Въ Бырлатѣ было куплено нѣсколько кожаныхъ шлеекъ для строевыхъ лошадей на случай необходимости припряжки ихъ на уносъ въ артиллерію и къ обозу. Шлейки эти весьма пригодились впослѣдствіи въ Болгаріи, въ гористой мѣстности, на крутыхъ подъемахъ, при гололедицѣ.

На ярмаркѣ въ мѣстечкѣ куплено было шесть паръ сильныхъ воловъ съ подводами, которые служили для перевозки фуража, консервовъ и другихъ тяжестей. Впослѣдствіи, по переходѣ Дуная, волы израсходованы были въ пищу.

Предвидя зимнюю кампанію, полки и батарея купили на ярмаркѣ въ Бырлатѣ всѣ имѣвшіеся въ наличности полушубки.

Для обоза батареи куплено было восемь лошадей мѣстной породы, малорослыхъ, но весьма сильныхъ и выносливыхъ; ими замѣнены были пришедшія въ негодность лошади, принятыя по конской повинности.

Съ переходомъ черезъ границу, пришлось мѣнять наши бумажныя деньги на мѣстную звонкую монету. Въ Румыніи въ обращеніи находятся франки и наполеоны. 20-тифранковую золотую монету жители называютъ желтица; мелкую монету составляютъ галаганы (2 коп.). За одинъ кредитный рубль намъ тогда давали 2 франка 50 сантимовъ.

Солдаты скоро привыкли къ счету иностранной монеты, но изъ-за курса нашихъ бумажныхъ денегъ у нихъ съ мѣстными жителями возникали постоянные споры.

29-го Августа, послѣ 48-миверстнаго перехода, батарея перешла въ м. Текучъ. Походомъ весь день шелъ проливной дождь, и только поздно вечеромъ занято было квартирно-бивуачное расположеніе на дворахъ предмѣстья, гдѣ люди по очереди ходили въ дома погрѣться и сушить свою одежду.

30-го Августа утромъ вся бригада выстроилась въ конномъ строю на полѣ, вокругъ аналоя. Вскорѣ прибылъ Генералъ-Лейтенантъ *Гурко* и, объѣзжая части, поздравлялъ съ торжественнымъ днемъ тезоименитства ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Затѣмъ полковой священникъ Уланскаго Его Величества полка отслужилъ молебенъ, по окончаніи котораго хоръ трубачей игралъ „Боже Царя храни“ при восторженномъ „Ура“ присутствующихъ. За-

тѣмъ полки и батарея прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо Начальника дивизіи и продолжали движеніе по дорогѣ въ г. Фокшаны. Кратчайшій путь изъ Текуча въ Фокшаны ведетъ къ переправѣ черезъ р. Серетъ по плавучему мосту. Въ виду полученныхъ свѣдѣній о неблагонадежности этого моста и крайне испорченной ливнями дороги, колонна слѣдовала кружнымъ путемъ на Марочешны, гдѣ по желѣзнодорожному мосту перешла рѣку Серетъ.

Сдѣлавъ большой привалъ у станціи желѣзной дороги, колонна въ 4 часа пополудни, послѣ 25-тиверстнаго перехода, прибыла въ Фокшаны *).

У городскихъ воротъ собралась толпа жителей съ оркестромъ, который игралъ „Боже Царя храни“. На отведенномъ бивуакѣ приготовленъ былъ праздничный обѣдъ нижнимъ чинамъ, передъ которымъ Командиръ батареи провозгласилъ здравіе ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

Офицеры размѣщены были въ городѣ по квартирамъ.

Батарея въ Фокшанахъ пополнила свои продовольственные запасы, и больные сданы были въ находившійся здѣсь полевой военный госпиталь, которымъ завѣдывалъ Комендантъ этапнаго пункта тыла арміи.

31-го Августа бригада перешла въ мѣст. Рымники.

Бивуакъ въ Рымникахъ находился вблизи знаменитаго Суворовскаго поля сраженія **). Вблизи бивуака былъ бѣлый мраморный крестъ, воздвигнутый въ память сына Фельдмаршала Суворова, который погибъ здѣсь въ 1811 году при переправѣ черезъ рѣку.

Вода въ рѣкѣ оказалась горько-соленою; лошади ея не пили.

Къ колодезямъ съ прѣсной водой, находящимся въ мѣстечкѣ, не было возможности пробраться,—тамъ поила лошадей кавалерія, и воды оказалось недостаточно.

Толкотня и давка у колодезей продолжалась почти всю ночь, и только къ разсвѣту батареѣ удалось напоить нѣсколькихъ лошадей.

1-го Сентября бригада, послѣ 30-тиверстнаго перехода по шоссе, прибыла въ м. Бузео. На желѣзнодорожной станціи въ публикѣ замѣтно было тревожное настроеніе. Проѣзжіе изъ Болгаріи передавали подробности о третьей нашей неудачной аттакѣ Плевны.

*) Побѣда Суворова 21 Іюля 1789 года.

**) Побѣда Суворова 11 Сентября 1789 года.

2-го Сентября переходомъ 32-хъ верстъ бригада прибыла въ Мезоль, гдѣ 3-го Сентября оставалась на дневкѣ.

По причинѣ большой жары на послѣднихъ переходахъ число помятыхъ лошадей въ кавалеріи значительно увеличилось. Въ батареѣ на дневкѣ всѣ хомуты были пересмотрѣны и у нѣкоторыхъ подхомутинъ похудѣвшихъ лошадей подложенъ былъ войлокъ. Весь боевой комплектъ былъ тщательно пересмотрѣнъ, при чемъ въ зарядахъ оказалось много мякоти. Въ батарейномъ паркѣ, утромъ и вечеромъ, произведены были ученія при орудіяхъ.

4-го Сентября, послѣ 36-тиверстнаго перехода, бригада перешла въ Плоешти. Въ этомъ мѣстечкѣ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изволилъ останавливаться при слѣдованіи въ дѣйствующую армію. Въ память пребыванія ЦАРЯ въ Плоешти, Румыны назвали улицу, въ которой Онъ жилъ—Александровскою. У дома, гдѣ Онъ останавливался, прибита была мраморная доска съ надписью объ этомъ событіи.

Въ Плоешти всѣмъ людямъ были куплены жестяныя фляги для воды и холщевыя торбы для хлѣба и сухарей для ношенія ихъ черезъ плечо; вещи эти впослѣдствіи оказались весьма полезными.

5-го Сентября бригада, сдѣлавъ переходъ въ 30 верстъ, прибыла въ Софтикъ. По случаю засухи предшествовавшихъ дней, всѣ колодези высохли, и на водопой кавалеріи и батареѣ пришлось водить лошадей верстъ за пять.

Въ Софтикѣ получено было извѣстіе, что на слѣдующій день, при прохожденіи Букареста, Генералъ-Адъютантъ *Дрентельнъ*, бывшій тогда Начальникомъ тыла дѣйствующей арміи, произведетъ смотръ полкамъ и батареѣ. Вечеромъ на бивуакѣ всѣ люди были заняты приготовленіемъ къ смотру, и трубачи изучали румынскій національный гимнъ.

6-го Сентября, дойдя до городской заставы Букареста, полки и батарея выстроились для встрѣчи вдоль шоссе. Генералъ-Адъютантъ *Дрентельнъ* прибылъ въ сопровожденіи румынскихъ Генераловъ и офицеровъ, съ конвоемъ взвода румынской кавалеріи, Рошфіоровъ. По объѣздѣ фронта, онъ собралъ всѣхъ офицеровъ и прочелъ телеграмму Главнокомандующаго, въ которой Его Императорское Высочество привѣтствовалъ Гвардію съ прибытіемъ на театръ войны. Рѣчь свою Генералъ-Адъютантъ *Дрентельнъ* окончилъ словами: „Господа, васъ ждетъ вся армія, и дай Богъ, чтобы вы оправдали надежды ЦАРЯ“.

Послѣ этого началось торжественное прохожденіе черезъ Бу-

Штабсъ-Капитанъ
Петръ Федоровичъ Саввинъ.

карестъ, при чемъ трубачи играли румынскій гимнъ. Всѣ дома украшены были флагами, коврами и гирляндами, а женщины изъ оконъ бросали цвѣты и вѣнки. Народъ выражалъ свой восторгъ криками „Ура“ и аплодисментами. За городомъ назначенъ былъ большой привалъ. Пройдя затѣмъ 35 верстъ, бригада прибыла въ дер. Михалешти.

7-го Сентября переходомъ въ 35 верстъ бригада дошла до Драгонешти.

8-го Сентября, послѣ 31-верстнаго перехода, бригада прибыла въ г. Александрію, гдѣ 9-го Сентября была назначена дневка.

Въ Александріи находился обширный продовольственный складъ товарищества *Когана*, которымъ всѣ воспользовались для пополненія своихъ запасовъ.

Всѣхъ больныхъ людей помѣстили во временный военный госпиталь. Этотъ госпиталь переполненъ былъ ранеными, больными и отсталыми слабосильными людьми.

Въ Александріи получено было приказаніе Начальника дивизіи — при дальнѣйшемъ слѣдованіи до крайней возможности уменьшить обозъ.

Вслѣдствіе этого, всѣ тяжелыя повозки и излишнія тяжести помѣщены были въ указанныхъ мѣстахъ въ городѣ, гдѣ онѣ должны были оставаться впредь до распоряженія подъ присмотромъ пѣшихъ командъ, собранныхъ изъ числа слабосильныхъ людей; отъ батареи оставлены были при обозѣ: 1 фейерверкеръ и 23 нижнихъ чина. Для общаго надзора за оставленными вещами и порядкомъ въ командахъ отъ дивизіи назначенъ былъ офицеръ. При батареѣ оставлены были только: лазаретный фургонъ, аптечная двуколка, двѣ легкія парныя повозки и бричка.

Запасныхъ вещей и инструментовъ въ эти повозки взято самое незначительное число. Консервы, 150 пудовъ, сданы были въ Интендантскій складъ.

Сѣдельный вьюкъ у строевыхъ нижнихъ чиновъ также приказано было облегчить. Чемоданчики, вторыя пары рейтузъ и сапогъ оставлены были въ Александріи, о чемъ впослѣдствіи пришлось сожалѣть.

Въ передовой конскій запасъ, находившійся тогда въ Александріи, всѣ части дивизіи передали больныхъ лошадей, не бывшихъ въ состояніи слѣдовать за своими частями. Тогда-же сформирована была команда ординарцевъ для постояннаго конвоя Начальника дивизіи. Отъ Гв. Конной Артиллеріи назначенъ былъ въ орди-

нарцы къ Генералъ-Лейтенанту *Гурко* Поручикъ 5-й батареи Дмитрій Дмитріевичъ *Кузьминъ-Караваевъ* и по два нижнихъ чина отъ каждой батареи; отъ 2-ой батареи назначены были бомбардиры *Еретинъ* и *Бутковъ*.

10-го Сентября бригада, сдѣлавъ переходъ въ 37 верстъ, перешла въ Зимницу.

У берега Дуная стояли громадные продовольственные транспорты; здѣсь-же установлены были на большомъ пространствѣ шатры Краснаго Креста и подвижныхъ госпиталей. На обширномъ полѣ у притока Дуная отведенъ былъ бивуакъ для частей 2-й Гвардейской Кавалерійской дивизіи.

11-го Сентября въ Зимницѣ была дневка. День былъ теплый, и всѣ воспользовались близостью Дуная, чтобы выкупаться и вымыть свое бѣлье. Недалеко отъ бивуака находился лазаретъ Краснаго Креста Евангелическаго общества, изъ Дерпта. Въ лазаретѣ этомъ передъ приходомъ батареи лежалъ смертельно раненный 22 Августа подъ Ловчею, Штабсъ-Капитанъ *Саввинъ*. Пуля пронзила ему грудь и задѣла позвоночный хребетъ, вслѣдствіе чего обѣ ноги были парализованы. Подъ Ловчею онъ командовалъ взводомъ дальнобойной батареи, сформированной изъ взятыхъ въ крѣпости Никополѣ турецкихъ орудій.. За мужество и храбрость въ этомъ дѣлѣ Штабсъ-Капитану *Саввину* пожалована была золотая сабля. Сестры милосердія лазарета, въ которомъ нѣсколько дней пробылъ *Саввинъ*, передавали, какъ тяжело ему было уѣзжать изъ Зимницы, не повидавъ и не простившись со своею родной батареей, о скоромъ прибытіи которой ему было извѣстно *). На мѣсто Штабсъ-Капитана *Саввина* въ почетный Его Императорскаго Величества конвой былъ назначенъ 2-й батареи Поручикъ Александръ Михайловичъ *Вороновичъ* **).

Въ Зимницѣ вечеромъ 11 Сентября при собраніи всѣхъ чиновъ батареи былъ прочитанъ приказъ № 20 Августѣйшаго Командира Гвардейскаго Корпуса, Государя Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Александра Александровича, отданный въ деревнѣ Дальній Монастырь 28 Августа

---

*) Штабсъ-Капитанъ Саввинъ скончался въ Кіевѣ въ лазаретѣ Краснаго Креста 24-го Декабря 1877 года. Похороненъ въ Сергіевскомъ монастырѣ близъ С.-Петербурга, гдѣ надъ могилою его воздвигнутъ памятникъ съ вѣчно горящей лампадой.

**) Скончался въ 1903 году, будучи Командиромъ 36-й Арт. бригады.

Поручикъ
Александръ Михайловичъ Вороновичъ.

1877 года *). Къ этому приказу приложена была Инструкція для войскъ Гвардейскаго Корпуса **).

Въ Зимницѣ въ это время свирѣпствовала лихорадка и дизентерія. Отъ сильныхъ испареній болотистыхъ береговъ Дуная бивуакъ ночью былъ сырой, и воздухъ пропитанъ былъ запахомъ неубранной падали, лошадей и воловъ подвижныхъ транспортовъ.

Въ Зимницѣ 11 Сентября сосредоточены были Лейбъ-Гусары, Лейбъ-Уланы, Гродненскіе Гусары, Уланы Его Величества, 2-я и 5-я батареи Гвардейской Конно-Артиллерійской бригады. Остальныя части дивизіи—Лейбъ-Драгуны, Конно-Гренадеры и 6-я Гвардейская Донская батарея были еще въ походѣ.

12-го Сентября въ 8 часовъ утра означенные четыре полка съ двумя батареями были выстроены въ ожиданіи прибытія Генералъ-Лейтенанта *Гурко*. По прибытіи его, послѣ объѣзда, онъ, слѣдуя во главѣ колонны, повелъ полки дивизіи къ переправѣ.

Всѣмъ порядкомъ при переправѣ черезъ мостъ завѣдывала особая комиссія инженерныхъ офицеровъ. Повозки на мостъ пропускались по одной на дистанцію до десяти шаговъ. Движеніе по мосту продолжалось безпрерывно днемъ и ночью. Скопленіе обозовъ и повозокъ всякаго рода было столь значительное, что нѣкоторымъ приходилось по два дня ждать очереди, чтобы попасть на мостъ.

Кромѣ перваго устроеннаго моста, въ разстояніи около двухъ верстъ ниже его наведенъ былъ другой такой-же мостъ, по которому совершалась переправа съ праваго на лѣвый берегъ Дуная.

День 12-го Сентября былъ ясный, но верховой вѣтеръ развилъ довольно сильное волненіе. Въ ожиданіи окончанія незначительной починки моста, офицеры собрались на берегу, гдѣ одинъ саперный офицеръ, участвовавшій при переправѣ въ ночь съ 14-го на 15-е Іюня, сообщалъ имъ подробности этого геройскаго подвига нашихъ войскъ. При видѣ почти двухверстной ширины Дуная и высокаго противоположнаго его берега, съ котораго Турки имѣли отличный обстрѣлъ, не вѣрилось глазамъ, что такая преграда могла быть преодолѣна войсками подъ убійственнымъ ог-

*) Приложеніе 6-е.

**) Въ Инструкціи вкратцѣ указаны были тактическія дѣйствія войскъ и наиболѣе цѣлесообразныя дѣйствія каждаго рода оружія въ бою. Относительно артиллеріи между прочимъ сказано было: „Потеря орудія не безчестіе для артиллеріи, а напротивъ—слава, если только она успѣла сдѣлать послѣдній выстрѣлъ въ упоръ. Поэтому самый лучшій выстрѣлъ послѣдній,—т. е. въ упоръ, долженъ быть для артиллеріи заповѣдью“.

немъ противника. „Войска“, доносилъ Его Императорское Высочество Главнокомандующій ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, „покрыли себя въ этотъ достопамятный день неувядаемой славой“.

III. Въ Болгаріи.

12-го Сентября, въ 9 часовъ утра 2-я Гвардейская Кавалерійская дивизія начала втягиваться на мостъ. Во главѣ колонны, за Генералъ-Лейтенантомъ *Гурко* шли Гродненскіе Гусары; за ними слѣдовала 2-я батарея, въ одно орудіе, на дистанціи 9-ти шаговъ. Ѣздовые не слѣзали, номера шли за орудіями спѣшенными по два въ рядъ. За орудіями слѣдовали всѣ зарядные ящики и въ хвостѣ батареи обозъ. Въ строю, при переходѣ Дуная, всего было на лицо нижнихъ чиновъ 210, лошадей 223. При выходѣ съ моста, всѣ части проходили мимо находившагося у берега Генерала *Гурко*. Поднявшись по крутому подъему на высокій берегъ, колонна слѣдовала по дорогѣ къ Турско-Сливнѣ.

Навстрѣчу, растянувшись версты на три, шелъ большой транспортъ съ раненными подъ Плевною. При транспортѣ слѣдовали: врачъ, фельдшера и сестры милосердія. Печальное шествіе это, стоны и жалостные крики раненыхъ, которыхъ страданія увеличивались отъ сотрясенія повозокъ, произвело на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе.

У дер. Царевицы дивизія проходила мимо бивуака 3-ей Гвардейской пѣхотной дивизіи, которая прибыла въ Румынію по желѣзнымъ дорогамъ изъ Варшавы. Къ вечеру дивизія стала стягиваться на бивуакъ у д. Турско-Сливна. Въ окрестности бивуака негдѣ было достать фуража; воды для лошадей не хватало, и, по недостатку дровъ, не было возможности разложить костры; къ тому-же всю ночь лилъ дождь. Обѣдъ людямъ поспѣлъ только къ утру. Ночь была холодная, дулъ сильный вѣтеръ; въ промокшихъ палаткахъ офицеры и люди прозябли и не спали.

На слѣдующій день 13-го Сентября погода прояснилась. Стало извѣстно, что въ Турско-Сливнѣ придется простоять нѣсколько дней. Всѣ принялись за болѣе удобное устройство бивуака и разослали команды на фуражировку. Покупка фуража была сопряжена съ большими затрудненіями, такъ какъ завѣдывающій въ это время Управленіемъ Гражданскихъ дѣлъ въ Болгаріи, *Князь Черкасскій*, запретилъ жителямъ продавать войскамъ фуражъ и продовольственные продукты.

Этою мѣрой предполагалось сберечь запасы страны въ случаѣ, еслибы кампанія продолжалась зимою.

Къ счастью вскорѣ прибыли на бивуакъ интендантскіе транспорты, а также транспортъ товарищества *Когана*. Отъ нихъ получены были ячмень, крупа и спиртъ; въ сухаряхъ оказался недостатокъ.

Съ бивуака были отправлены въ Зимницу фуражиры, которые черезъ два дня доставили батареѣ пѣсколько повозокъ отличнаго сѣна.

Отъ всѣхъ частей высланы были въ окрестность команды косарей, которые доставляли къ бивуаку на вьюкахъ скошенную траву.

Въ это время въ Болгаріи, во многихъ мѣстахъ луга еще не были убраны; жители опасались выходить на полевыя работы, и рабочихъ рукъ въ деревняхъ недоставало. Такъ какъ доставка достаточнаго количества сухарей замедлилась, то людямъ стали выдавать ихъ по полтора фунта. Въ мясѣ и крупѣ недостатка не было.

Въ особенности войска нуждались въ соли, которая въ транспортахъ не имѣлась, а у мѣстныхъ жителей достать ее было нельзя.

Хотя людямъ постоянно напоминали о неприкосновенномъ сбереженіи имѣющагося у нихъ на рукахъ запаса сухарей, и количество его часто повѣрялось, при чемъ приходилось и налагать взысканіе на тѣхъ, которые не соблюдали этого приказанія, тѣмъ не менѣе впослѣдствіи, при началѣ военныхъ дѣйствій, запасъ этотъ постепенно уничтожался и приходилось пополнять его при всякой возможности.

На общемъ бивуакѣ батарея расположена была между полками.

Оцѣпленіе всего бивуака производилось кавалеріею. Караулъ въ батарейномъ паркѣ состоялъ изъ двухъ постовъ у фронта и по одному при обозѣ и денежномъ ящикѣ. Арестъ провинившимся замѣнялся нарядомъ въ караулъ внѣ очереди.

У всѣхъ офицеровъ батареи имѣлись вьючныя лошади или мулы, купленные въ Румыніи и у Болгаръ. Офицерскіе вьюки были различныхъ образцовъ; ими обзавелись частью въ Петербургѣ, частью на походѣ. Удобнѣе всѣхъ оказались кавказскія большія переметныя сумы волосяной ткани.

Палатки нижнихъ чиновъ возились при зарядныхъ ящикахъ, вмѣсто фашинъ, которыхъ батарея съ собой не возила. Офицер-

скія палатки помѣщались на вьюкахъ. У всѣхъ вьюковъ имѣлись брезенты.

Главный недостатокъ солдатскихъ палатокъ оказался въ слишкомъ рѣдкой ткани ихъ полотна, такъ что при продолжительномъ и сильномъ дождѣ онѣ промокали. Полотнища постоянно рвались, и приходилось ихъ починять. Тонкія стойки палатокъ часто ломались; пришлось ихъ замѣнить дубовыми и буковыми.

Отъ постоянныхъ дождей, холода и промокшей почвы одежда и обувь на людяхъ не высыхала.

Число больныхъ стало увеличиваться. У многихъ появилась лихорадка и всѣ почти кашляли. Со времени перехода черезъ Дунай до 15-го Сентября въ батареѣ выбыло изъ строя заболѣвшихъ 9 нижнихъ чиновъ.

Въ Турско-Сливнѣ для батареи куплено было 8 паръ воловъ, которыми пользовались для подвоза къ батареѣ фуража, принимаемаго отъ интендантскихъ транспортовъ, чѣмъ сберегались артиллерійскія и обозныя лошади.

Болгары охотно продавали войскамъ лошадей, воловъ и повозки, которыя они отобрали отъ бѣжавшаго зажиточнаго турецкаго населенія и считали своею собственностью.

16-го Сентября стало извѣстно, что на слѣдующій день дивизіи назначенъ Высочайшій смотръ въ Горномъ Студнѣ.

17-го Сентября, въ 8 часовъ утра выстроенъ былъ общій резервный порядокъ, послѣ чего дивизія съ мѣрами охраненія выступила съ бивуака.

Обозы и заводныя лошади выступили на разсвѣтѣ отдѣльною колонной, которой назначено было слѣдовать кратчайшимъ путемъ къ мѣсту новаго бивуака, въ Горную Липницу.

Въ 1 часъ дня дивизія дошла до дер. Горный Студень, гдѣ на обширномъ полѣ выстроилась въ двѣ линіи, имѣя конныя батареи за своими бригадами. Вскорѣ прибылъ Главнокомандующій, Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій и, объѣхавъ всѣ части, привѣтствовалъ ихъ съ прибытіемъ въ дѣйствующую армію. Затѣмъ прибылъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ въ формѣ Лейбъ-Гусарскаго полка. Въ свитѣ ЦАРЯ находился только что прибывшій въ дѣйствующую армію Генералъ-Адьютантъ *Тотлебенъ* и всѣ находящіеся при Главной квартирѣ представители арміи иностранныхъ державъ.

Объѣзжая части, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ остановился у батареи и спросилъ, не видалъ-ли кто-либо изъ офицеровъ ра-

неннаго подъ Ловчею Штабсъ-Капитана *Саввина*. Командиръ батареи доложилъ, что Штабсъ-Капитанъ *Саввинъ* до прихода батареи въ Зимницу былъ отправленъ въ санитарномъ поѣздѣ въ Кіевъ. „Какъ жаль бѣднаго“, сказалъ ГОСУДАРЬ и приказалъ передать ему поклонъ. Затѣмъ, вспомнивъ о фейерверкерѣ *Новосельцѣ*, ГОСУДАРЬ сказалъ: „Онъ молодецъ; его Богъ спасъ“.

Дивизія проходила церемоніальнымъ маршемъ по-эскадронно, батареи развернутымъ фронтомъ, шагомъ, за полками своихъ бригадъ. ГОСУДАРЬ за прохожденіе благодарилъ каждую часть. Послѣ церемоніала полки тотчасъ перестраивались въ походный порядокъ и продолжали движеніе къ деревнѣ Горная Липница.

По пути слѣдованія жители деревень выходили навстрѣчу и подносили солдатамъ вино, молоко, мамалыгу, арбузы и табакъ, приговаривая: „Некъ жіе братушки, Гвардія ЦАРЯ АЛЕКСАНДРА“.

Въ 7 часовъ вечера дивизія прибыла въ Горную Липницу, гдѣ на обширномъ лугу всѣ части расположены были бивуакомъ.

Продолжительная стоянка у дер. Горная Липница, съ 17-го по 30-е Сентября, была крайне тяжелая. Ежедневно шелъ дождь, и на бивуакѣ образовалась непролазная грязь. Людямъ не было возможности обсушиться. Лошади дрогли отъ мокроты и холоднаго вѣтра. Просьба Начальниковъ частей расположиться квартирно-бивуачно не была уважена. Въ окрестностяхъ бивуака были луга, гдѣ принялись косить траву, но вслѣдствіе постоянныхъ дождей сѣно гнило, и лошади его ѣли неохотно.

Транспорты Интендантскаго вѣдомства, вслѣдствіе дурныхъ дорогъ, съ трудомъ стали подвозить продовольствіе и фуражъ. Печеный хлѣбъ получался на бивуакѣ изъ Горнаго Студня, гдѣ устроены были войсковыя хлѣбопекарни.

На бивуакѣ у деревни Горная Липница ветеринарные врачи заняты были леченіемъ большого количества набитыхъ и намятыхъ лошадей. Леченіе набитыхъ лошадей производилось весьма успѣшно мазью изъ салициловой кислоты и свѣжаго сала и смазываніемъ ихъ затѣмъ глицериномъ.

На бивуакѣ почва обратилась въ болото, и ежедневно приходилось перемѣнять мѣсто коновязей. Лошади по нѣсколько дней не ложились, и многія были простужены; въ батареѣ пали двѣ артиллерійскія лошади.

Всѣмъ частямъ разрѣшено было имѣть подрядчиковъ, которые были отправлены въ Румынію для закупки и подвозки фуража. Наконецъ послѣдовало разрѣшеніе покупать, а въ случаѣ необходимости брать реквизиціею фуражъ у мѣстныхъ жителей.

Справочныя цѣны значительно были увеличены. Благодаря тому, что войска стали платить за фуражъ большія цѣны и при томъ золотою монетой, жители издалека охотно сами стали подвозить къ бивуаку фуражъ. Батарея на бивуакѣ занялась изготовленіемъ подковъ и перековкою лошадей.

Желѣзо и гвозди доставили изъ Тырнова; уголь заготовляли сами изъ дровъ, привезенныхъ изъ ближайшей дубовой рощи. При батареѣ имѣлась переносная кузница системы Гарднера.

Въ Тырновѣ были куплены конскія торбы изъ волосяной ткани; онѣ превосходно сохранились въ продолженіе всего похода, тогда какъ холщевыя, при постоянной сырой погодѣ, вскорѣ пришли въ негодность.

Несмотря на неблагопріятную погоду во время стоянки у деревни Горная Липница, проѣздки батареи производились почти ежедневно, равно какъ и занятія съ нижними чинами при орудіяхъ.

По случаю дождливой погоды, людямъ ежедневно выдавалась получарка водки, куда всыпали нѣсколько хины, которая въ значительномъ количествѣ взята была съ собою изъ Петербурга. Утромъ и вечеромъ люди въ котелкахъ заваривали чай Пища варилась въ 3-хъ взводныхъ котлахъ; въ кавалеріи варка производилась въ котелкахъ. Больныхъ въ батареѣ въ это время было шесть; они помѣщались въ околоткѣ, устроенномъ въ деревнѣ. Слабосильныхъ въ строю было мало; большая часть ихъ оставлена была въ Александріи.

Лошади за время стоянки на бивуакѣ у Горной Липницы значительно похудѣли; у многихъ появились подсѣды, мокрецы и гніеніе стрѣлокъ.

Съ бивуака командированы были отъ частей дивизіи офицеры въ Одессу, для принятія отъ Интендантства полушубковъ. Эти полушубки доставлены были батареѣ у Филиппополя.

Офицеры батареи на бивуакѣ помѣщались въ палаткахъ и продовольствовались за общимъ столомъ.

Въ свободное время офицеры дивизіи дѣлали проѣздки въ окрестностяхъ и нерѣдко ѣздили въ Горный Студень, гдѣ находился ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ и Главная квартира. Журналы и корреспонденція получались по полевой почтѣ ежедневно. Извѣстія о военныхъ событіяхъ узнавали въ Штабѣ дивизіи; ихъ сообщалъ Начальникъ Штаба, Полковникъ *Бунаковъ*, у котораго ежедневно собирались всѣ Начальники частей.

Гвардейская пѣхота тогда только что собиралась въ Болгаріи.

Поручикъ
Николай Федоровичъ Мешетичъ.
1875 г.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ въ Горномъ Студнѣ 24 Сентября дѣлалъ смотръ 1-й Гвардейской пѣхотной дивизіи, а 2-я и 3-я Гвардейскія дивизіи послѣ Высочайшихъ смотровъ въ это время находились на походѣ къ Плевнѣ.

Общее положеніе дѣлъ было слѣдующее: къ Осману-Пашѣ, въ Плевну, подходили подкрѣпленія и транспорты изъ Софіи; отъ высланнаго въ обходъ Плевны сильнаго Кавалерійскаго отряда Генерала *Крылова* никакихъ свѣдѣній не имѣлось; съ восточной стороны Плевны расположены были 4-й, 9-й и Румынскій Корпуса. Шипку оберегалъ 8-й Корпусъ. Рущукская армія Наслѣдника Цесаревича, 11-й, 12-й и 13-й Корпуса охраняли лѣвый флангъ нашей арміи.

20-го Сентября Генералъ-Адъютантъ *Гурко* отозванъ былъ въ Главную квартиру и передалъ командованіе дивизіей Генералъ-Лейтенанту *Леонову*.

Худая погода продолжалась; до 30-го Сентября дожди шли безпрерывно. Бивуакъ сталъ похожъ на сплошную лужу. Люди и лошади топтались въ грязи; наступили холода и сильные вѣтры.

Между тѣмъ въ Горную Липницу ежедневно доходили извѣстія о дѣлахъ нашей арміи подъ Плевной, у Шипки и въ Рущукской арміи. Съ нетерпѣніемъ дивизія ждала своей очереди принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ; тяжелая стоянка на бивуакѣ на всѣхъ наводила уныніе и тоску.

30-го Сентября послѣдовало приказаніе дивизіи размѣститься квартирно-бивуачно въ окрестныхъ деревняхъ. 2-я батарея вмѣстѣ съ Конно-Гренадерскимъ полкомъ перешли въ дер. Карайсанъ. Прочія части дивизіи расположились въ деревняхъ: Горная и Дольняя Липница, Тенка и Мекишъ. Въ этомъ расположеніи дивизія оставалась съ 1-го по 6-е Октября.

По неимѣнію въ деревнѣ конюшенъ и сараевъ, лошади помѣщены были на коновязяхъ въ обнесенныхъ плетнями дворахъ. Люди размѣстились въ избахъ. Болгары къ войскамъ нашимъ относились чрезвычайно радушно и помогали солдатамъ, въ чемъ могли.

Только что дивизія расположена была по квартирамъ, настала прекрасная теплая погода,—бабье лѣто. Въ это время вновь былъ пересмотрѣнъ боевой комплектъ и вся матеріальная часть артиллеріи.

Изъ Главной квартиры получено было тогда извѣстіе о побѣдѣ, одержанной 3-го Октября Кавказскою арміей у Авліара.

Это радостное событіе тотчасъ сообщено было всѣмъ собраннымъ нижнимъ чинамъ батареи, которымъ по этому случаю устроено было угощеніе, съ провозглашеніемъ здравицы Августѣйшему Шефу батареи, Главнокомандующему Кавказской арміей. Музыка и пѣсни продлились до поздняго вечера, и въ танцахъ приняли участіе собравшіяся женщины села.

4-го Октября получено было въ Штабѣ приказаніе о движеніи дивизіи къ Плевнѣ. Начальникъ Штаба, Полковникъ *Бунаковъ*, при собраніи всѣхъ Начальниковъ частей, сообщилъ подробности о передвиженіи и продовольствіи. Въ Главной квартирѣ рѣшено было обложить Плевну съ западной стороны и прекратить этимъ окончательно сообщеніе Османа-Паши съ Софіею.

Продовольствіе для предстоящаго движенія обезпечено было слѣдующими мѣрами. Изъ интендантскаго транспорта принятъ былъ трехдневный запасъ галетъ; кромѣ того, имѣлись въ неприкосновенномъ запасѣ сухари на четыре дня.

Во время стоянки въ д. Карайсанѣ людямъ выдавались печеныя лепешки, приготовляемыя жителями изъ кукурузной муки (мамалыга). За око (3 фунта) такихъ лепешекъ Болгарамъ платили по 7½ коп. звонкой монетой. Продовольствуясь мамалыгою, батарея тѣмъ сберегла сухари. Фуража для похода батарея имѣла—на четыре дня ячменя и на два дня сѣна. Фуражъ этотъ помѣщался на передкахъ, на лафетахъ, въ саквахъ, сѣткахъ, а также на запряженныхъ волами каруцахъ, купленныхъ въ Турско-Сливнѣ.

Четыре каруцы составляли собственный транспортъ батареи. Въ каждомъ полку дивизіи имѣлись подобные транспорты, которые слѣдовали отдѣльно отъ своихъ частей и подтягивались къ мѣстамъ ихъ бивуаковъ и продолжительныхъ стоянокъ. Эти вспомогательные транспорты оказывали весьма существенную пользу; ими перевозили фуражъ и сухари, принимаемые отъ интендантскихъ транспортовъ, отъ которыхъ войскамъ нерѣдко приказывали получать возможно скорѣе доставляемые ими запасы.

5-го Октября Капитанъ *Хитрово* командированъ былъ отъ батареи въ гор. Тырновъ, въ казначейство 8-го Армейскаго Корпуса за полученіемъ денегъ по разнымъ предметамъ довольствія. Выѣхавъ въ 5 часовъ вечера въ сопровожденіи двухъ вѣстовыхъ, Капитанъ сдѣлалъ ночной переходъ, прибылъ въ 6 часовъ утра въ Тырновъ и, окончивъ дѣла, присоединился къ батареѣ у деревни Лежаны, сдѣлавъ пробѣгъ въ 150 верстъ—въ 24 часа.

6-го Октября дивизія выступила изъ дер. Карайсанъ и, пройдя Овчу-Могилу, прибыла на бивуакъ въ дер. Лежаны. Переходъ въ 20 верстъ по совершенно испортившимся дорогамъ былъ весьма трудный; орудія вязли въ грязи по ступицы.

У Лежанъ дивизія перешла черезъ р. Осьму по устроеннымъ саперами мостамъ на козлахъ; для обороны переправы возведены были полевыя укрѣпленія; мосты оберегались карауломъ.

Деревня Лежаны населена Болгарами-католиками. У дома приходскаго священника прибита была вывѣска съ надписью, что домъ и церковь находятся подъ покровительствомъ Австрійской Имперіи. Жители деревни очень зажиточны и трудолюбивы.

7-го Октября дивизія перешла въ Боготу (35 верстъ). На пути слѣдованія, у Пелишатъ, дивизія проходила въ походномъ порядкѣ мимо Князя Карла Румынскаго, бывшаго въ то время Начальникомъ всѣхъ войскъ, сосредоточенныхъ у Плевны. Князь здоровался со всѣми частями на русскомъ языкѣ. Собравшимся у него Начальникамъ частей онъ на французскомъ языкѣ высказывалъ полную увѣренность, что съ прибытіемъ Гвардіи и усиленіемъ арміи ожидаемыми резервами Плевна принуждена будетъ въ непродолжительномъ времени сдаться. Поздно вечеромъ въ темнотѣ, при проливномъ дождѣ, дивизія расположилась на отведенномъ у дер. Богота бивуакѣ. Водопоя для такой массы лошадей найти нельзя было; обозы отстали; костры отъ дождя потухали, и почва обратилась въ непролазную грязь. Только къ утру передъ выступленіемъ люди въ котелкахъ успѣли сварить себѣ кашицу.

Ночью получено было приказаніе,—при дальнѣйшемъ слѣдованіи обоза съ собою не брать, за исключеніемъ лазаретныхъ фургоновъ и аптечныхъ двуколокъ; прочія повозки слѣдовало оставить впредь до распоряженія въ Боготѣ.

8-го Октября дивизія выступила изъ Боготы въ 9 часовъ утра и слѣдовала на деревни Ралево, Беглешъ въ Бѣжаново. По пути пришлось переходить глубокій скалистый оврагъ ручья Огорчинъ.

Кавалерія перешла оврагъ, ведя лошадей въ поводу, по тропамъ; но батареѣ пришлось выпрягать лошадей, и съ помощью отвозныхъ канатовъ прислуга спускала въ оврагъ орудія и зарядные ящики. Переправа всей дивизіи черезъ оврагъ продолжалась часа три. Находившіяся при частяхъ повозки пришлось отправить далекимъ кружнымъ путемъ на д. Ески-Баркачъ, откуда онѣ присоединились къ дивизіи только на слѣдующій день.

Въ Бѣжаново сѣна и соломы нашлось вдоволь, такъ какъ до прихода дивизіи нашихъ и турецкихъ войскъ въ этой деревнѣ еще не было.

Съ 9-го по 11-е Октября батарея простояла съ дивизіей на бивуакѣ у дер. Бѣжаново, находящейся въ пятнадцати верстахъ отъ Софійскаго шоссе, по которому тогда еще безпрерывно двигались непріятельскіе транспорты. Дивизія, по приходѣ на бивуакъ, тотчасъ выставила сторожевую цѣпь.

IV. Горный Дубнякъ. Телишъ. Махалетъ.

11-го Октября, въ 6 часовъ вечера, въ батареѣ получена была диспозиція для овладѣнія укрѣпленными позиціями Турокъ у дер. Горный Дубнякъ и Телишъ.

По полученіи диспозиціи тотчасъ были сдѣланы всѣ распоряженія для выступленія съ бивуака въ 2 часа утра. Людямъ послѣ ужина розданы были порціи мяса, которыя приказано было взять съ собою въ кобурахъ.

Ночь была сырая, туманная, и луну заволокло тучами; люди рано легли отдыхать. Въ часъ ночи всѣ были на ногахъ, поили лошадей въ ближайшемъ ручьѣ и при свѣтѣ костровъ стали сѣдлать и запрягать; орудія зарядили гранатами.

До выступленія съ бивуака передъ фронтомъ прочтена была молитва передъ сраженіемъ, и Командиръ батареи напомнилъ людямъ о честномъ исполненіи своихъ обязанностей въ предстоящемъ бою.

Батареѣ приказано было слѣдовать между Лейбъ-Уланскимъ и Конно-Гренадерскимъ полками. Во главѣ находился Командиръ бригады, Свиты Его Величества Генералъ-Маіоръ *Клотъ*.

Рѣка Видъ пройдена была въ бродъ, и въ 4 часа утра бригада остановилась на привалѣ у дер. Свипаръ, чтобы пропустить впередъ колонну Генералъ-Маіора *Розенбаха* (2-я бригада 2-й Гв. пѣхотной дивизіи). Пѣхота несла на себѣ большіе фашины и туры; она шла стройно, быстро и имѣла воодушевленный, бодрый видъ.

Когда прошли Финляндскій и Павловскій полки, бригада двинулась уступомъ внѣ лѣваго фланга пѣхоты, строившей въ то время боевой порядокъ.

Впереди шли Уланы, въ линіи взводныхъ колоннъ; за ними батарея развернутымъ фронтомъ, имѣя при себѣ первый эшелонъ зарядныхъ ящиковъ и запасный лафетъ. Лѣвѣе Уланъ, во второй линіи, находились Конно-Гренадеры. За бригадою, въ нѣко-

торомъ разстояніи слѣдовалъ второй эшелонъ зарядныхъ ящиковъ, а за нимъ лазаретные фургоны и аптечныя двуколки.

Около 8 часовъ утра со стороны Телиша раздался первый непріятельскій орудійный выстрѣлъ; гранату разорвало впереди фронта бригады, не задѣвъ никого.

До Телишскихъ укрѣпленій было болѣе четырехъ верстъ, и только по дыму можно было опредѣлить расположеніе непріятельской артиллеріи. Вторая турецкая граната ударила между батареей и первымъ эшелономъ зарядныхъ ящиковъ; ея не разорвало. Вскорѣ Турки открыли артиллерійскій огонь со стороны редута Горнаго Дубняка, до котораго разстояніе было не менѣе трехъ верстъ. Такимъ образомъ непріятельскіе снаряды стали перекрещиваться съ обѣихъ сторонъ, но большею частью онѣ зарывались въ легкую почву кукурузнаго поля, не причиняя бригадѣ вреда. Только въ лазаретномъ фургонѣ батареи осколкомъ гранаты убита была одна лошадь, а другая тяжело ранена. Фургонъ шелъ четверкою и послѣ убыли двухъ лошадей продолжалъ итти парою.

Впослѣдствіи неоднократно замѣчено было, что излюбленной цѣлью для турецкой артиллеріи были наши лазаретные фургоны, которые издалека представляли собою большія движущіяся мишени.

По мѣрѣ того, какъ боевой порядокъ бригады Генерала *Розенбаха* развертывался противъ западной стороны укрѣпленій Горнаго Дубняка, кавалерійская бригада захожденіемъ лѣвымъ плечемъ перемѣнила направленіе движенія и, перейдя шоссе, расположилась фронтомъ къ Горному Дубняку, прикрываясь отъ непріятельскаго оружейнаго и артиллерійскаго огня находящимся впереди высокимъ, густымъ кустарникомъ.

Для связи съ отрядами Генералъ-Маіоровъ *Черевина* и *Челищева*, на сѣверъ и на западъ высланы были сильные разъѣзды. Между тѣмъ бой у Горнаго Дубняка разгорался и со стороны Телиша слышна была сильная канонада.

Въ это время правѣе шоссе, между Павловскимъ и Финляндскимъ полками на позиціи находились 4-я и 5-я батареи 2-й Гв. Артиллерійской бригады, стрѣлявшія по большому редуту.

Командиръ бригады рѣшилъ выдвинуть по направленію Телиша Л.-Гв. Конно-Гренадерскій полкъ съ 4-мя орудіями батареи; двумъ орудіямъ 3-го взвода приказано было оставаться при Л.-Уланахъ. Полкъ, пройдя версты двѣ къ Телишу, остановился и выслалъ разъѣзды. Пальба у Телиша утихла, но донесенія отъ

разъѣздовъ не получались. Вскорѣ приказано было Конно-Гренадерамъ вернуться къ Горному Дубняку, гдѣ они вновь присоединились къ Лейбъ-Уланамъ.

Около 11½ часовъ утра, по просьбѣ Командира батареи, Генералъ-Маіоръ *Клотъ* разрѣшилъ двумъ взводамъ батареи выѣхать на позицію лѣвѣе шоссе, на линію пѣшихъ батарей, гдѣ находился выѣхавшій ранѣе на позицію 3-й взводъ батареи. Огонь батареи направленъ былъ противъ большого редута, съ дистанціи 850 саженъ, первоначально гранатами, а затѣмъ шрапнелями, при чемъ онъ былъ распредѣленъ вдоль всего фаса укрѣпленія. Внимательно слѣдя за каждымъ выстрѣломъ, можно было убѣдиться, что не разорвавшихся снарядовъ не было, и что направленіе выстрѣловъ не могло наносить вреда нашей пѣхотѣ, расположенной впереди съ лѣвой и правой сторонъ батареи. Наводка каждаго орудія и установка дистанціонныхъ трубокъ повѣрялась офицерами. Турецкая пѣхота преимущественно стрѣляла залпами. Когда длинная и густая линія красныхъ фесокъ показывалась изъ-за бруствера, батарея тотчасъ учащала огонь. Ружейный огонь Турокъ направленъ былъ преимущественно на нашу пѣхоту, вслѣдствіе чего въ батареѣ потерь не было. Передки стояли внѣ фланговъ батареи.

Положеніе Турокъ было безвыходное; ружейный огонь ихъ подобенъ былъ безпрерывному фонтану фейерверка, окаймляющаго гребень укрѣпленія. Около 2-хъ часовъ съ батареи ясно было видно появленіе по временамъ въ сѣверной части редута большого бѣлаго флага, который послѣ нѣсколькихъ минутъ исчезалъ. Можетъ быть, это былъ флагъ на турецкомъ перевязочномъ пунктѣ, а, можетъ быть, указаніе о готовности сдаться. Плѣнные впослѣдствіи говорили, что вслѣдствіе большихъ потерь, въ особенности отъ огня нашей артиллеріи, Ахметъ-Февзи-Паша намѣренъ былъ сдаться, но тому противились окружающіе его лица, надѣясь на прибытіе помощи изъ Плевны или изъ Телиша.

Во время разгара боя, около трехъ часовъ, къ батареѣ подъѣхали Генералъ *Гурко* и Графъ *Шуваловъ*; они объѣзжали всѣ войска подъ самымъ дѣйствительнымъ огнемъ Турокъ. Прибывъ къ батареѣ, они слѣзли съ коней и слѣдили за боемъ въ бинокль.

Со всѣхъ сторонъ прибывали ординарцы съ донесеніемъ о большихъ потеряхъ. Генералъ *Гурко* до крайности былъ озлобленъ на то, что произошла путаница въ исполненіи его приказанія относительно трехъ залповъ, которые батареи должны

были дать по очереди, начиная съ лѣваго фланга, послѣ чего всей пѣхотѣ слѣдовало штурмовать укрѣпленія. По недоразумѣнію, залпы начались съ праваго фланга, и послѣдовали частныя разрозненныя аттаки, которыя не увѣнчались успѣхомъ.

Генералъ *Гурко* оставался непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи. „Ни шагу назадъ“, приказывалъ онъ ординарцамъ передавать въ части, „передохнемъ и опять аттакуемъ“.

Около 3½ часовъ прискакалъ ординарецъ съ донесеніемъ о неудачной аттакѣ Лейбъ-Егерей на Телишъ.

Положеніе стало тяжелое. Наступалъ вечеръ; двѣ аттаки на большой редутъ были отбиты съ большимъ уронемъ; при томъ можно было ожидать наступленія Турокъ со стороны Телиша и Плевны. По полученіи извѣстія о положеніи дѣлъ у Телиша, Генералъ *Гурко* тотчасъ отдалъ приказаніе Генералъ-Маіору *Клоту*— съ бригадой и 2-ю батареей итти на помощь Генералъ-Маіору *Чепишеву*. Бригада съ батареею, слѣдуя къ Телишу, первоначально двинулась по шоссе, а затѣмъ безъ дороги взяла направленіе влѣво, по густо засѣянному кукурузою полю. Вскорѣ движеніе замедлилось вслѣдствіе встрѣтившихся глубокихъ канавъ. Между тѣмъ начало темнѣть, и со стороны Телиша стрѣльба замолкла. Въ ожиданіи донесеній отъ разъѣздовъ, бригада остановилась. Въ это время къ бригадѣ подъѣхалъ Лейбъ-Гусарскій разъѣздъ, который сообщилъ, что Лейбъ-Егеря отступили по направленію къ д. Свинаръ, а 2-я бригада дивизіи находится у д. Ракиты. Имѣя въ виду предупредить возможное наступленіе Турокъ изъ Телиша, Генералъ-Маіоръ *Клотъ* перешелъ съ бригадою ближе къ шоссе, гдѣ построенъ былъ резервный порядокъ и высланы разъѣзды.

Высланная отъ бригады къ сторонѣ Телиша цѣпь наѣздниковъ наткнулась на цѣпь Черкесовъ, которая открыла съ коня стрѣльбу и быстро отступила. Въ ожиданіи разъясненія обстановки, бригада оставалась на мѣстѣ. Вскорѣ наступила совершенная темнота. Со стороны Горнаго Дубняка ружейная пальба стала утихать.

Въ началѣ 7-го часа на темномъ фонѣ горизонта, у Горнаго Дубняка, показалось громадное пламя загорѣвшихся стоговъ сѣна и соломы и послышалось „Ура“ нашей пѣхоты. Затѣмъ на нѣсколько минутъ все затихло и затѣмъ снова раздалось безконечное „Ура“. Вскорѣ прискакалъ ординарецъ и сообщилъ, что редутъ взятъ. Выставивъ къ сторонѣ Телиша наблюдательные посты, бригада отошла къ Горному Дубняку и остановилась на шоссе, у того мѣста, гдѣ находился главный перевязочный пунктъ 2-й

бригады 2-й Гвардейской пѣхотной дивизіи. Къ сторонѣ Телиша выставлена была сторожевая цѣпь. Въ этомъ мѣстѣ батарея съ бригадою простояла всю ночь, держа лошадей въ поводу.

На перевязочномъ пунктѣ всю ночь производилась перевязка раненыхъ, и священникъ причащалъ умирающихъ; сюда-же приносили всѣхъ убитыхъ. Вдали, съ поля, въ темнотѣ раздавались крики раненыхъ, которыхъ не успѣли подобрать; они звали къ себѣ на помощь носильщиковъ. Отъ пѣхоты наряжены были команды, которыя съ фельдшерами ходили всю ночь по полю, собирая при свѣтѣ фонарей и факеловъ раненыхъ и убитыхъ.

Съ тою-же цѣлью отъ кавалеріи высланы были команды со всѣми лазаретными фургонами и фельдшерами. На перевязочномъ пунктѣ, въ палаткѣ, лежали смертельно раненные — Командиръ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка Полковникъ *Лавровъ* и Фл.-Ад. Полковникъ *Руновъ*.

Ночью лошадей батареи по очереди водили на водопой ко вблизи находящемуся ручью; люди-же, добывъ хворостъ, разложили костры и заваривали себѣ чай. Офицеры закусили, чѣмъ попало, и всѣ легли отдыхать около своихъ орудій.

Со стороны Дольняго Дубняка по временамъ еще раздавались отдѣльные выстрѣлы, но, наконецъ, и тамъ все утихло. Около полуночи въ пѣхотѣ у взятыхъ редутовъ затрубили тревогу. Войска быстро стали строиться, но затѣмъ оказалось, что тревога была ложная; она произошла вслѣдствіе того, что сторожевая цѣпь наша открыла огонь по кучкамъ турецкихъ солдатъ, которые, пользуясь темнотой, спасались бѣгствомъ къ Дольнему Дубняку.

Изъ разспросовъ офицеровъ, участвовавшихъ въ штурмѣ большого редута, можно было заключить, что иниціатива послѣдней аттаки возникла почти одновременно во всѣхъ частяхъ, тѣсно обложившихъ укрѣпленіе. Ожесточенные донельзя солдаты находились въ высшей степени нервномъ настроеніи; у всѣхъ была одна мысль—во что бы то не стало покончить съ Турками. Темнота способствовала тому, что наши солдаты успѣли незамѣтно для Турокъ подползти и перебѣжать ближе къ укрѣпленію.

Вдругъ гдѣ-то крикнули „Ура“, и вся масса нашей пѣхоты со всѣхъ сторонъ ринулась на штурмъ. Подъ Горнымъ Дубнякомъ батарея израсходовала 44 гранаты и 52 шрапнели.

Съ разсвѣтомъ 13 Октября къ 1-й бригадѣ присоединились: 3-я бригада дивизіи, Л.-Гв. Уланскій Его Величества и Л.-Гв. Гродненскій Гусарскій полки съ 3-й батареей Гв. Конно-Артиллерійской бригады. Въ 8 часовъ утра прибылъ Генералъ

Прапорщикъ
Николай Андреевичъ Денъ.
1875 г.

Гурко, который съ 16 эскадронами и 12 конными орудіями двинулся по шоссе къ Телишу, съ цѣлью рекогносцировки непріятельскаго расположенія.

Не доходя трехъ верстъ до Телиша, Генералъ *Гурко* приказалъ въ сторонѣ отъ шоссе остановить колонну, и лично съ Начальникомъ Штаба, Генералъ-Маіоромъ *Наиловскимъ*, въ сопровожденіи небольшой свиты выѣхалъ впередъ, на рекогносцировку.

Изъ Телиша ни одного выстрѣла не послѣдовало,—видимо, Турки не желали обнаруживать свое расположеніе. Генералъ *Гурко* объѣхалъ Телишъ со всѣхъ сторонъ и, убѣдившись, что позиція сильно укрѣплена, отложилъ предполагавшуюся на слѣдующій день аттаку, рѣшивъ предварительно болѣе обезпечить себя со стороны Плевны и Дольняго Дубняка, для чего приказано было привести въ сильно оборонительное положеніе Горный Дубнякъ. Противъ Телиша оставлены были для наблюденія за непріятелемъ 2-я бригада дивизіи, Л.-Драгунскій и Л.-Гусарскій полки съ 5-ой Гвардейской Конной батареей. Эта бригада расположена была къ югу отъ Телиша на возвышенности у д. Ракиты. 3-я бригада дивизіи съ 3-й Гвардейской Конной батареей расположена была сѣвернѣе шоссе, а 1-я бригада съ 2-й Гвардейской Конною батареей направлена была къ югу отъ шоссе, къ деревнѣ Свинаръ, куда прибыла на бивуакъ въ 4 часа дня.

13-го Октября, по случаю дня рожденія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, людямъ изготовленъ былъ улучшенный обѣдъ, и за чаркой провозглашена была здравица Августѣйшему Шефу батареи. Въ Свинарѣ батарея пробыла на бивуакѣ 14 и 15 Октября. Здѣсь находился летучій паркъ, изъ котораго вся артиллерія пополнила свой боевой комплектъ. Въ дер. Чириковѣ, рядомъ со Свинаромъ, былъ главный перевязочный пунктъ Гвардіи, гдѣ находилось въ это время до 2000 человѣкъ раненыхъ.

Вечеромъ 15-го Октября получена была диспозиція для аттаки на слѣдующій день укрѣпленной позиціи Телиша. Аттакѣ должно было предшествовать продолжительное обстрѣливаніе укрѣпленій артиллеріею.

16-го Октября 1-я бригада со 2-й батареей выступила съ бивуака въ 9 часовъ утра и присоединилась у дер. Ракиты ко 2-й бригадѣ дивизіи. День былъ пасмурный, и съ утра густой туманъ застилалъ всю мѣстность. Командующій дивизіей Генералъ-Маіоръ *Леоновъ* собралъ на возвышенности всѣхъ Начальниковъ частей и, указывая на мѣстность, разъяснилъ имъ общій планъ дѣйствій.

Въ 10 часовъ утра батарея выѣхала на позицію, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ 3-й Гвардейской пѣхотной дивизіи. Мѣстность къ турецкимъ укрѣпленіямъ постепенно возвышалась, и обстрѣлъ замаскированъ былъ неснятою съ поля кукурузою. Кромѣ того, непріятельскіе окопы обложены были съ наружной стороны хворостомъ и дерномъ, вслѣдствіе чего наводка чрезвычайно затруднялась; пришлось производить ее по дыму непріятельскихъ орудій. Направленіе выстрѣловъ батареи было взято во флангъ и тылъ турецкихъ укрѣпленій.

Послѣ нѣсколькихъ очередей, получено было приказаніе батареѣ заѣхать еще болѣе влѣво и открыть огонь по деревнѣ и находившемуся на другой сторонѣ шоссе большому лагерю, въ которыхъ замѣчены были съ высоты у д. Ракиты непріятельскіе резервы и конница. Батарея быстро перенеслась на новую позицію, съ которой открывался обстрѣлъ вдоль всего оврага, отдѣлявшаго укрѣпленную позицію отъ деревни Телишъ. Огонь направленъ былъ противъ турецкой кавалеріи, которая укрывалась въ этомъ оврагѣ; а когда она скрылась, то орудія направлены были на деревню, гдѣ между строеніями видны были пѣхотные резервы. 3-му взводу батареи приказано было стрѣлять по большому лагерю; дистанція до него оказалась 1200 саженъ. Гранатами удалось сжечь стоги сѣна, находившіеся въ лагерѣ.

До переѣзда батареи на вторую позицію, со стороны шоссе, на полѣ, въ кустахъ и кукурузѣ, показалась наступающая цѣпь Черкесовъ, за которою слѣдовала цѣпь пѣхоты. Надо было во что бы то ни стало отбросить эту наступающую на насъ во флангъ непріятельскую линію.

Это дѣло блистательно исполнили Лейбъ-Уланы, 3-й и 4-ый эскадроны, находившіеся лѣвѣе батареи. Они стремительно бросились въ аттаку, смяли Черкесовъ и врубились въ турецкую цѣпь, которая обратилась въ бѣгство. Уланы преслѣдовали бѣгущихъ, но, приближаясь къ лѣсу, встрѣчены были сильнымъ огнемъ пѣхотныхъ частей, занимавшихъ опушку. Прекративъ преслѣдованіе, Уланы шагомъ, подъ огнемъ непріятеля, стройнымъ фронтомъ вернулись къ лѣвому флангу общаго расположенія. Во время этой лихой аттаки 5-я батарея съ высотъ у д. Ракиты, обстрѣливала во флангъ пѣхотныя части Турокъ, показавшіяся на опушкѣ лѣса, и тѣмъ задерживала ихъ движеніе къ Телишу.

Всѣмъ Командирамъ батарей на 16-е Октября дана была инструкція относительно порядка стрѣльбы. Съ 10 до 11 часовъ утра приказано было стрѣлять безпрерывно, послѣ чего дать три

Подпоручикъ
Викторъ Григорьевичъ
Павловскій.

залпа и прекратить стрѣльбу. По прошествіи получаса слѣдовало вновь открыть огонь и опять безпрерывно стрѣлять въ продолженіе одного часа, и въ такомъ порядкѣ продолжать. Мѣра эта принята была съ цѣлью заставить Турокъ предполагать, что войска наши, по прекращеніи стрѣльбы артиллеріи, начнутъ штурмовать укрѣпленія. Передъ возобновленіемъ третьей очереди стрѣльбы Генералъ *Гурко* послалъ Туркамъ предложеніе сдаться.

Около 2½ часовъ всѣмъ батареямъ послано было приказаніе прекратить стрѣльбу, такъ какъ Турки выставили бѣлый флагъ и Гаки-Паша со всѣмъ гарнизономъ сдается въ плѣнъ. Тогда во всей линіи нашихъ войскъ раздалось радостное „Ура“.

Всего взято было въ плѣнъ около 100 офицеровъ и до 3000 солдатъ. Въ укрѣпленіяхъ забрано было 4 стальныхъ орудія и много боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ.

По взятіи укрѣпленій, 1-я бригада со 2-й батареей на рысяхъ направлены были по шоссе для преслѣдованія отступающей по направленію на Радомирцы турецкой пѣхоты, занимавшей опушку лѣса. Къ бригадѣ присоединились Л.-Гв. Гусарскій полкъ и 4 орудія 5-й батареи. По тому же направленію, сѣвернѣе отъ шоссе, слѣдовала 3-я батарея дивизіи.

1-я бригада наступала въ боевомъ порядкѣ по обѣимъ сторонамъ шоссе; разъѣзды доносили о присутствіи въ лѣсу значительныхъ силъ непріятельской кавалеріи и пѣхоты.

Оказалось, что кучки турецкой пѣхоты и Башибузуки еще занимали находившіяся по бокамъ шоссе кукурузныя поля. Два эскадрона Лейбъ-Уланъ стремительно аттаковали ихъ въ разсыпную и отбросили къ лѣсу. Караулка, находившаяся на шоссе, занята была турецкою пѣхотою.

Тогда 2-й батареѣ приказано было выѣхать на позицію правѣе шоссе. Батарея открыла огонь шрапнелями по караулкѣ и по расположенной около нея турецкой пѣхотѣ, съ разстоянія 500 саженъ.

Вскорѣ по открытіи огня Турки скрылись. Наша кавалерія продолжала наступать и у лѣса остановилась. Стало темнѣть, и вернувшіеся разъѣзды донесли, что непріятель поспѣшно отступаетъ къ д. Радомирцы. Дальнѣйшее преслѣдованіе Турокъ предоставлено было дивизіону Конно-Гренадерскаго полка.

Затѣмъ 1-й бригадѣ приказано было вернуться на бивуакъ къ д. Ракиты; 2-я бригада дивизіи направлена была въ дер. Свинаръ. Бивуакъ у д. Ракиты батарея заняла въ 9 часовъ вечера.

Взятіе Телиша обошлось съ незначительными потерями. Эта

побѣда изгладила тяжелое впечатлѣніе неудачи подъ Телишемъ 12 Октября и большихъ потерь, понесенныхъ при взятіи Горнаго Дубняка.

Дѣло 16 Октября указало на результаты, которыхъ можно достичь съ помощью надлежащей подготовки аттаки укрѣпленія артиллерійскимъ огнемъ. Въ бою подъ Телишемъ батарея израсходовала 80 гранатъ и 126 шрапнелей.

17-го и 18-го Октября 1-я бригада съ батареею оставались на бивуакѣ у дер. Ракиты. Отъ кавалеріи высылались сильные разъѣзды къ югу въ пространство между рѣками Искеромъ и Видомъ, гдѣ, по словамъ Болгаръ, Башибузуки и Черкесы занимались грабежемъ.

18-го Октября въ поиски за Черкесами отправлены были два эскадрона Конно-Гренадеръ со вторымъ взводомъ 2-й батареи. Отрядъ этотъ прошелъ 35 верстъ и вернулся черезъ Радомирцы, не встрѣтивъ непріятеля, но успѣлъ захватить брошенный Турками транспортъ съ галетами и ячменемъ.

Въ Радомирцахъ отрядъ достовѣрно узналъ, что 16 Октября изъ Орханіэ на помощь къ Туркамъ въ Телишъ шла сильная колонна пѣхоты съ кавалеріею, подъ начальствомъ Шевкета-Паши, но, узнавъ о взятіи нами Телиша, колонна эта поспѣшно ушла обратно въ Орханіэ.

19-го Октября получено было приказаніе о новомъ расположеніи войскъ Гвардіи, сосредоточенныхъ къ западу отъ Плевны.

Всей 2-й Гвардейской Кавалерійской дивизіи приказано было перейти къ дер. Махалетъ и Абаскіой. Бригада въ тотъ-же день выступила съ бивуака у д. Ракиты и, слѣдуя черезъ Свинаръ, Чириковъ и Горный Дубнякъ, къ вечеру прибыла на отведенный бивуакъ, на правомъ берегу рѣки Искера у дер. Махалетъ.

На 22-е Октября отдана была Генераломъ *Гурко* диспозиція для аттаки сильно укрѣпленной позиціи Турокъ у Дольняго Дубняка. Рѣшено было начать дѣло, какъ подъ Телишемъ, продолжительнымъ огнемъ массою артиллеріи.

Но 20 Октября утромъ оказалось, что Турки въ ночь съ 19-го на 20 Октября ушли изъ Дольняго Дубняка въ Плевну. Отступленіе это совершено было въ темную ночь, незамѣтно для нашей сторожевой цѣпи, при чемъ Турки перешли рѣку Видъ въ бродъ. Дольній Дубнякъ немедленно былъ занятъ нашими войсками. Отдана была новая диспозиція для болѣе тѣснаго обложенія Плевны съ западной стороны. Въ приказѣ по отряду 21-го Октября сказано было:

„Такъ какъ съ замкнутіемъ блокадной линіи у Плевны значительно сократилась роль кавалеріи, то ей слѣдуетъ обратить свое вниманіе на западъ. Для сего 2-й Гв. Кавалерійской дивизіи сильными разъѣздами освѣщать мѣстность: между Островикомъ и Рахово на сѣверъ; Враца и Рахово на западъ; Каменополь и Кулина на югъ. Открывать своевременно всѣ движенія войскъ и транспортовъ непріятеля между рѣкой Искеромъ и р. Огустомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ 2-й Гв. Кавалерійской и 4-ой Кавалерійской дивизіямъ позаботиться о сборѣ рогатаго скота для Гвардіи, Гренадеръ и Румынскихъ войскъ“.

„Сверхъ того, обѣимъ дивизіямъ (2-й Гвардейской и 4-й) приняться энергично за сборъ муки въ мѣстностяхъ за Искеромъ, чтобы раздавать ее войскамъ для печенія хлѣба. Если муки не найдется, забирать зерновый хлѣбъ, заставляя Болгаръ молоть его на мельницахъ р. Искера и возить муку въ Дольній Дубнякъ и Нестрополь. Реквизицію производить правильно, платя за все деньгами“.

Въ виду наступленія холодовъ, приказано было во всѣхъ частяхъ на бивуакахъ строить землянки. Войскамъ разрѣшено было производить строевыя ученья, собирать пѣсельниковъ и по вечерамъ играть хорамъ музыки. Запрещено было подымать войска съ бивуаковъ по тревогѣ.

Въ приказѣ сказано было, что о всякомъ наступленіи непріятеля со стороны Плевны будетъ извѣстно заблаговременно, и для выхода войскъ на позиціи послѣдуетъ особое приказаніе.

Къ сторонѣ Плевны выставлено было сильное сторожевое охраненіе съ резервами аванпостовъ изъ трехъ родовъ оружія.

Всѣ войска, расположенныя на лѣвомъ берегу р. Вида, занялись возведеніемъ полевыхъ укрѣпленій; видъ этихъ окоповъ указанъ былъ на чертежахъ, полученныхъ изъ Штаба Генералъ-Адъютанта *Тотлебена.*

Отъ кавалеріи высылались при офицерахъ команды, которымъ поручено было отбирать отъ Болгаръ скотъ, оставленный бѣжавшими турецкими жителями. Этотъ скотъ, овцы и домашняя птица бродили повсюду безъ присмотра по обширнымъ лугамъ, находящимся къ западу отъ р. Искера. Собранный скотъ передавался въ пѣхотныя и кавалерійскія части. Сборъ зернового хлѣба и перемолъ его на водяныхъ мельницахъ успѣшно производился подъ присмотромъ офицеровъ кавалеріи.

Транспорты муки отправлялись въ Дольній Дубнякъ.

Во время стоянки у дер. Махалетъ кавалерія высылала отряды

и сильные разъѣзды для освѣщенія мѣстности къ западу отъ р. Искера и въ погоню за шайками Башибузуковъ и Черкесовъ, грабившихъ Болгаръ. Въ особенности отличились при этихъ экспедиціяхъ два эскадрона Л.-Гв. Драгунскаго полка, которые совершили набѣгъ на турецкую деревню Джурилово. Драгуны вернулись на бивуакъ 22 Октября, отобравъ у Турокъ оружіе, скотъ, барановъ и транспортъ зерна. Каруцы съ волами распредѣлены были между частями дивизіи. На бивуакѣ въ Махалетѣ присоединился къ батареѣ обозъ, который вмѣстѣ съ обозомъ прочихъ частей дивизіи оставленъ былъ въ Боготѣ, откуда онъ черезъ Свинаръ и Горный-Дубнякъ прибылъ въ Махалетъ.

Для пополненія запасовъ соли, гвоздей, желѣза и олова, необходимаго для полуды котелковъ, командированъ былъ капитенармусъ съ двумя повозками за Дунай въ Турнь-Магурели.

26-го Октября съ бивуака выступилъ отрядъ подъ начальствомъ Командующаго дивизіей Генералъ-Маіора *Леонова* въ составѣ: Конно-Гренадерскаго, Л.-Гв. Драгунскаго и Л.-Гв. Уланскаго Его Величества полковъ, одного взвода 2-й батареи и одного взвода 6-й Л.-Гв. казачьей батареи (всего 12 эскадроновъ и 4 конныхъ орудія). Отъ батареи назначенъ былъ взводъ подъ командою Капитана *Хитрово;* младшимъ офицеромъ при взводѣ находился Прапорщикъ *Павловскій.*

Отрядъ имѣлъ назначеніе овладѣть городомъ Враца, гдѣ по имѣвшимся свѣдѣніямъ находилось нѣсколько турецкихъ таборовъ и собраны были значительные продовольственные запасы, предназначенные для Турокъ въ Орханіэ.

28-го Октября батарея въ составѣ четырехъ орудій выступила съ бивуака у Махалета вмѣстѣ съ Л.-Уланскимъ полкомъ и прибыла въ тотъ-же день въ дер. Бреница.

По имѣвшимся свѣдѣніямъ въ Раховѣ находился турецкій отрядъ силою въ 2000 пѣхоты при 4-хъ орудіяхъ.

Цѣлью движенія Л.-Уланъ было сдѣлать развѣдку къ сторонѣ Рахова, а также на западъ отъ р. Искера, и очистить мѣстность отъ Черкесовъ и Башибузуковъ, которые своимъ грабежемъ наводили панику на болгарское населеніе.

Деревня Бреница въ Іюнѣ, при движеніи Турокъ къ Плевнѣ, была ими совершенно разграблена. Всѣ вещи въ церкви большого села были расхищены, и алтарь поломанъ. Женщины съ дѣтьми, не желая разстаться съ могилами своихъ мужей и братьевъ, зарѣзанныхъ Черкесами и Башибузуками, поселились табором на деревенскомъ кладбищѣ. Болгары села не вѣрили,

что русскимъ войскамъ удастся ихъ освободить отъ турецкаго ига. Они считали Османа-Пашу непобѣдимымъ и опасались, что съ уходомъ нашихъ войскъ Турки безпощадно ихъ уничтожатъ.

На бивуакѣ въ Брениць батарея простояла 29-е и 30-е Октября.

31-го Октября, въ 5 часовъ утра получено было приказаніе: батареѣ присоединиться къ имѣющимъ прибыть изъ Махалета двумъ эскадронамъ Лейбъ-Гусаръ и вмѣстѣ съ ними слѣдовать на присоединеніе къ отряду Генералъ-Маіора *Леонова*, который, какъ сказано было въ предписаніи, вѣроятно находится гдѣ-нибудь на линіи Вербица-Враца.

Приказаніе это получено было изъ Штаба Генералъ-Адъютанта *Гурко*, гдѣ ко времени отсылки его еще не было извѣстно, что Генералъ-Маіоръ *Леоновъ* занялъ гор. Врацу 28-го Октября.

Въ 10 часовъ утра прибыли два эскадрона Л.-Гусаръ и вмѣстѣ съ батареею, подъ общимъ начальствомъ Командира батареи, Полковника *Таля* выступили по направленію дер. Вроньякъ. Л.-Уланы пошли на Раховъ.

Высланы были дальніе разъѣзды съ цѣлью искать слѣдъ движенія отряда Генералъ-Маіора *Леонова*. Батарея при себѣ имѣла только лазаретный фургонъ и аптечную двуколку; весь прочій обозъ изъ Брениць отправленъ былъ въ Махалетъ, гдѣ онъ съ прочимъ обозомъ дивизіи впослѣдствіи долженъ былъ быть направленъ по Софійскому шоссе въ Радомирцы.

Слѣдуя къ дер. Вроньякъ, отрядъ, вслѣдствіе плохихъ дорогъ и большихъ овраговъ, вынужденъ былъ значительно замедлить свое движеніе.

Наступила темнота, и проводники указывали, что при дальнѣйшемъ движеніи по этому направленію къ Врацѣ по пути встрѣчаются крутые подъемы и спуски, едва-ли проходимые для артиллеріи.

Въ виду этого, Начальникъ отряда рѣшилъ слѣдовать на д. Боровань, находящуюся на большой дорогѣ Раховъ-Враца, съ тѣмъ, чтобы переночевать въ этой деревнѣ и утромъ продолжать движеніе на Врацу.

Отрядъ прибылъ въ Боровань въ 10 час. ночи и засталъ въ деревнѣ разъѣздъ Лейбъ-Гусаръ, захватившій въ плѣнъ нѣсколькихъ вооруженныхъ Башибузуковъ, которые до прихода разъѣзда въ деревню занимались грабежемъ и зарѣзали нѣсколькихъ Болгаръ.

Жители деревни вышли къ отряду навстрѣчу съ факелами, и радость ихъ не имѣла предѣловъ; они цѣловали руки и ноги

у солдатъ и, становясь на колѣни, кланялись имъ до земли. Немедленно по приходѣ отряда, Болгары принесли солдатамъ хлѣбъ, вино и фуражъ.

Затѣмъ жители вызвались сами охранять ночлегъ отряда сторожевою цѣпью и выставили вокругъ деревни пѣшихъ и конныхъ людей.

Вернувшіеся ночью разъѣзды донесли, что въ деревнѣ Комарева, верстахъ въ 12-ти отъ Борованъ, находится Гродненскій Гусарскій полкъ съ 3-й батареей Гвардейской Конно-Артиллерійской бригады. Ночью въ деревню прискакалъ Болгаринъ, отъ котораго узнали достовѣрно, что Генералъ-Маіоръ *Леоновъ* занялъ съ боя 28-го Октября городъ Врацу.

V. Враца.

1-го Ноября, въ 7 часовъ утра отрядъ выступилъ изъ д. Борованъ и въ дер. Черкескіой присоединился къ Гродненскому Гусарскому полку. Дивизіонъ Лейбъ-Гусаръ ушелъ обратно въ Махалетъ. Батарея съ Гродненскимъ Гусарскимъ полкомъ, подъ командою Принца Альтенбургскаго, слѣдовала черезъ деревни Савитъ, Оходанъ и Мраморени въ Врацу, куда прибыла въ 4 часа вечера. По пути слѣдованія къ отряду присоединилась толпа молодыхъ Болгаръ, просившихъ позволенія оставаться при отрядѣ; изъ нихъ нѣкоторые были вооружены винтовками. Такіе болгарскіе волонтеры зачастую продолжительное время слѣдовали при частяхъ кавалеріи. Они помогали войскамъ при развѣдкѣ и сторожевой службѣ. Зная мѣстность, они служили проводниками, а также и переводчиками. На бивуакѣ они помогали солдатамъ добывать дрова, поить лошадей, таскать воду и ревностно исполняли всѣ порученія. Солдаты любили этихъ братушекъ за ихъ услуги и кормили ихъ изъ остатковъ своей пищи. Не доходя Врацы, отрядъ былъ встрѣченъ вышедшимъ оттуда съ крестомъ священникомъ, сопровождаемымъ толпою жителей, при чемъ онъ привѣтствовалъ и благословлялъ всѣхъ.

На обширномъ полѣ вблизи города всѣмъ частямъ дивизіи указанъ былъ бивуакъ.

Во Врацѣ въ это время находился Уланскій Его Величества полкъ съ 1-мъ взводомъ 2-й батареи. Объ участіи этого взвода при взятіи Врацы Капитанъ *Хитрово* представилъ Командиру батареи слѣдующее донесеніе:

г. Враца. 28-го Октября 1877 года.

2-го Ноября 1877 г.
Гор. Враца *).

РАПОРТЪ.

Согласно приказанію по 2-й Гвардейской Кавалерійской дивизіи, первый взводъ ввѣренной Вашему Высокоблагородію батареи 26-го Октября выступилъ подъ моею командой съ отрядомъ Генералъ-Маіора *Леонова* для совершенія набѣга на городъ Врацу. Отрядъ состоялъ изъ Л.-Гв. Конно-Гренадерскаго полка (4 эскадрона), Л.-Гвардіи Драгунскаго полка (4 эскадрона), Л.-Гв. Уланскаго Его Величества полка (4 эскадрона), 1 взвода 2-ой батареи и 1-го взвода 6-й Гвард. Донской батареи,—всего 12 эскадроновъ и 4 конныхъ орудія.

По приказанію Начальника отряда, я, какъ старшій изъ офицеровъ Конной Артиллеріи, временно принялъ командованіе надъ сводной батареей изъ 4-хъ орудій, имѣя въ распоряженіи двухъ офицеровъ, а именно: 6-й Донской батареи Поручика *Рыковскаго* и 2-й батареи Подпоручика *Павловскаго*. Ввѣренный мнѣ взводъ, отдѣляясь отъ батареи на неопредѣленное время, снабженъ былъ восьмидневнымъ запасомъ сухарей, крупы и соли и трехдневнымъ запасомъ ячменя.

При взводѣ находилось два зарядныхъ ящика съ полнымъ боевымъ комплектомъ. Во взводѣ было полное число номеровъ, трубачъ и ветеринарный фельдшеръ; въ заводу имѣлось шесть лошадей. Офицеры имѣли все необходимое на вьючныхъ лошадяхъ.

Составъ взвода 6-й Л.-Гвард. Донской батареи былъ такой-же.

26-го Октября, въ 8 часовъ утра отрядъ, имѣя во главѣ первый дивизіонъ Конно-Гренадерскаго полка, снялся съ бивуака у д. Махалета и, перейдя въ бродъ р. Искеръ, слѣдовалъ по лѣвому берегу рѣки.

26-го Октября, пройдя 25 верстъ, отрядъ около 3-хъ часовъ дня расположился бивуакомъ у деревни Чумаковицы, вблизи рѣки Искеръ. Къ вечеру Начальникомъ отряда получено было донесеніе отъ 1-го эскадрона Конно-Гренадерскаго полка, что наши разъѣзды встрѣтили у д. Каменополя небольшой турецкій разъѣздъ, около 10 человѣкъ Черкесовъ, который отступилъ по направленію къ д. Горный-Кременецъ. Ночью получено было другое донесеніе, что въ д. Горный-Кременецъ, верстахъ въ 10 отъ Врацы, эскадронъ Конно-Гренадеръ имѣлъ дѣло съ Черкесами, которые выбиты были изъ занимаемыхъ ими въ деревнѣ домовъ,

*) Приложеніе: планъ Врацы.

при чемъ нѣсколько Черкесовъ было убито, и намъ достались ихъ лошади и оружіе.

По показаніямъ жителей, Враца занята была сильнымъ отрядомъ пѣхоты съ 300-ми Черкесами, и впереди города возведены были земляныя укрѣпленія.

Турецкая деревня Чумаковицы брошена была жителями; въ ней нашлось много продовольственныхъ запасовъ, которыми отрядъ и воспользовался.

27-го Октября, въ 7 часовъ утра отрядъ выступилъ съ бивуака на д. Горный-Кременецъ и Каменополь. Этотъ переходъ сдѣланъ былъ съ большими затрудненіями. Путь пролегалъ по узкой каменистой дорогѣ съ безпрерывными спусками и подъемами и мѣстами по крутымъ косогорамъ, при чемъ людямъ неоднократно приходилось лямками поддерживать ящики и орудія.

Въ г. Каменополь мы прибыли около 1 часа дня, и послѣ привала, напоивъ лошадей, отрядъ продолжалъ движеніе, почти безъ дорогъ, по гористой мѣстности, едва проходимой для артиллеріи.

Съ заходомъ солнца отрядъ дошелъ до дер. Горный-Кременецъ, занятой уже эскадрономъ Конно-Гренадерскаго полка, гдѣ и расположился бивуакомъ. Приказано было огня не разводить и соблюдать полную тишину. Замѣченный турецкій разъѣздъ отступилъ по направленію Врацы.

28 Октября, съ разсвѣтомъ, около 6 часовъ утра отрядъ выступилъ съ бивуака, имѣя при себѣ рабочихъ Болгаръ съ лопатами и топорами, назначенныхъ разрабатывать путь для движенія артиллеріи.

Не доходя версты четыре до города, я былъ приглашенъ Начальникомъ отряда обрекогносцировать, вмѣстѣ съ Начальникомъ Штаба отряда, Полковникомъ *Бунаковымъ*, впереди лежащую мѣстность. При этомъ мы взобрались на возвышенность, съ вершины которой открылся передъ нами видъ на городъ Враца, расположенный въ долинѣ и окруженный горами. Впереди города, къ сѣверу, видны были четыре группы турецкихъ палатокъ, и передъ каждой группой палатокъ находились насыпи, представлявшія собою длинные бруствера съ загнутыми короткими фасами

Составивъ себѣ приблизительное понятіе о непріятельскомъ расположеніи, мы убѣдились, что направленіе, по которому отрядъ приближался къ Врацѣ, было весьма выгодное, такъ какъ путь слѣдованія выходилъ во флангъ и тылъ непріятельскихъ окоповъ, фронтъ которыхъ обращенъ былъ къ сѣверу, откуда одновременно съ нашей колонною наступалъ Л.-Гв. Уланскій

Его Величества полкъ. Отрядъ нашъ, спустившись съ горъ въ долину, быстро сталъ выстраивать боевой порядокъ. На флангахъ батареи находились эскадроны Л.-Гв. Конно-Гренадерскаго полка. Снявшись съ передковъ, батарея открыла огонь гранатами съ дистанціи около 500 саженъ по ближайшему непріятельскому окопу. Выстрѣлы анфилировали всю линію укрѣпленій. Послѣдовательно сдѣлавъ около 15 выстрѣловъ, я увидѣлъ, что ближайшіе къ позиціи окопы были оставлены Турками, которые перебѣгали кучками въ болѣе отдаленные окопы и въ городъ, по отступающимъ стрѣльба велась шрапнелями.

Въ это время я получилъ приказаніе отъ Генералъ-Маіора *Леонова* отдѣлить одинъ взводъ въ распоряженіе Генералъ-Маіора *Клота*. По моему приказанію, Поручикъ *Рыковскій* тотчасъ взялъ въ передки и поскакалъ со взводомъ по указанному ординарцемъ пути, на противоположный флангъ общаго расположенія отряда, гдѣ дѣйствовали Уланы Его Величества.

Съ моимъ взводомъ я перемѣнилъ позицію, выѣхавъ впередъ саженъ на 300 и открывъ огонь по направленію среднихъ и лѣвофланговыхъ турецкихъ окоповъ. Послѣ 15 выстрѣловъ съ этой второй позиціи, я принужденъ былъ прекратить огонь, такъ какъ 1-й дивизіонъ Конно-Гренадерскаго полка въ конномъ строю бросился въ аттаку. Турки, выйдя изъ ложементовъ, бѣгомъ отступали къ городу, преслѣдуемые Конно-Гренадерами. Добравшись до города, Турки засѣли въ домахъ, упорно отстаивая ихъ противъ ворвавшихся въ улицы города Конно-Гренадеръ и Лейбъ-Драгунъ.

Замѣтивъ, что съ отлогостей высокихъ горъ, прилегающихъ къ городу съ южной стороны, отступающая турецкая пѣхота открыла огонь по насѣдавшимъ на нихъ спѣшившимся частямъ кавалеріи, я сталъ стрѣлять по ней шрапнелями до тѣхъ поръ, пока она не скрылась.

Затѣмъ, получивъ приказаніе Генералъ-Маіора *Леонова*, я со взводомъ присоединился ко взводу 6-й Гв. Донской батареи, находившейся на правомъ флангѣ общаго расположенія. Съ этой позиціи всѣ четыре орудія обстрѣливали шрапнелью части турецкой пѣхоты, отступавшія по направленію города Берковаца.

Убыли отъ непріятельскаго огня на взводѣ не было.

Внезапное появленіе отряда передъ Врацею и быстрое движеніе къ аттакѣ кавалеріи, равно какъ и дѣйствіе артиллерійскаго огня, видимо сильно ошеломили Турокъ.

Всего израсходовано было во взводѣ 2-й батареи: гранатъ 20, шрапнелей 50.

Послѣ боя подъ Врацей взводъ мой со всѣмъ отрядомъ расположился близъ города на бивуакѣ.

29-го Октября взводъ стоялъ на бивуакѣ, занимаясь приведеніемъ въ порядокъ матеріальной части артиллеріи.

30-го Октября Конно-Гренадеры выступили обратно въ Махалетъ; съ ними отправлены были продовольственные припасы для Гвардейской пѣхоты, а также раненые и плѣнные.

Того-же дня Лейбъ-Драгуны со взводомъ Л.-Гв. 6-й Донской батареи, подъ начальствомъ Полковника *Ковалевскаго*, выступили на рекогносцировку къ сторонѣ Орханіэ. Въ Врацѣ оставался Л.-Гв. Уланскій Его Величества полкъ и мой взводъ, подъ начальствомъ Флигель-Адъютанта Полковника *Притвица*.

Увидавъ, что отрядъ, оставленный для охраны города, значительно уменьшился, мѣстные жители встревожились.

Организовавъ команды ополченцевъ, вооруженныя брошенными турецкими ружьями, жители Врацы оцѣпили городъ, расположивъ охранительные посты на всѣхъ возвышенныхъ пунктахъ, откуда доносили Начальнику отряда о всемъ замѣченномъ со стороны непріятеля.

31-го Октября для рекогносцировки высланы были полтора эскадрона Уланъ съ однимъ орудіемъ моего взвода, подъ общею командою Ротмистра Графа *Берга*, по направленію г. Берковаца.

Вечеромъ отрядъ этотъ вернулся.

1-го Ноября взводъ присоединился къ батареѣ, прибывшей на бивуакъ вмѣстѣ съ Лейбъ-Гв. Гродненскимъ Гусарскимъ полкомъ.

Въ заключеніе считаю долгомъ засвидѣтельствовать Вашему Высокоблагородію о доблестномъ поведеніи въ бою, при взятіи города Врацы, всѣхъ чиновъ, бывшихъ подъ моимъ начальствомъ.

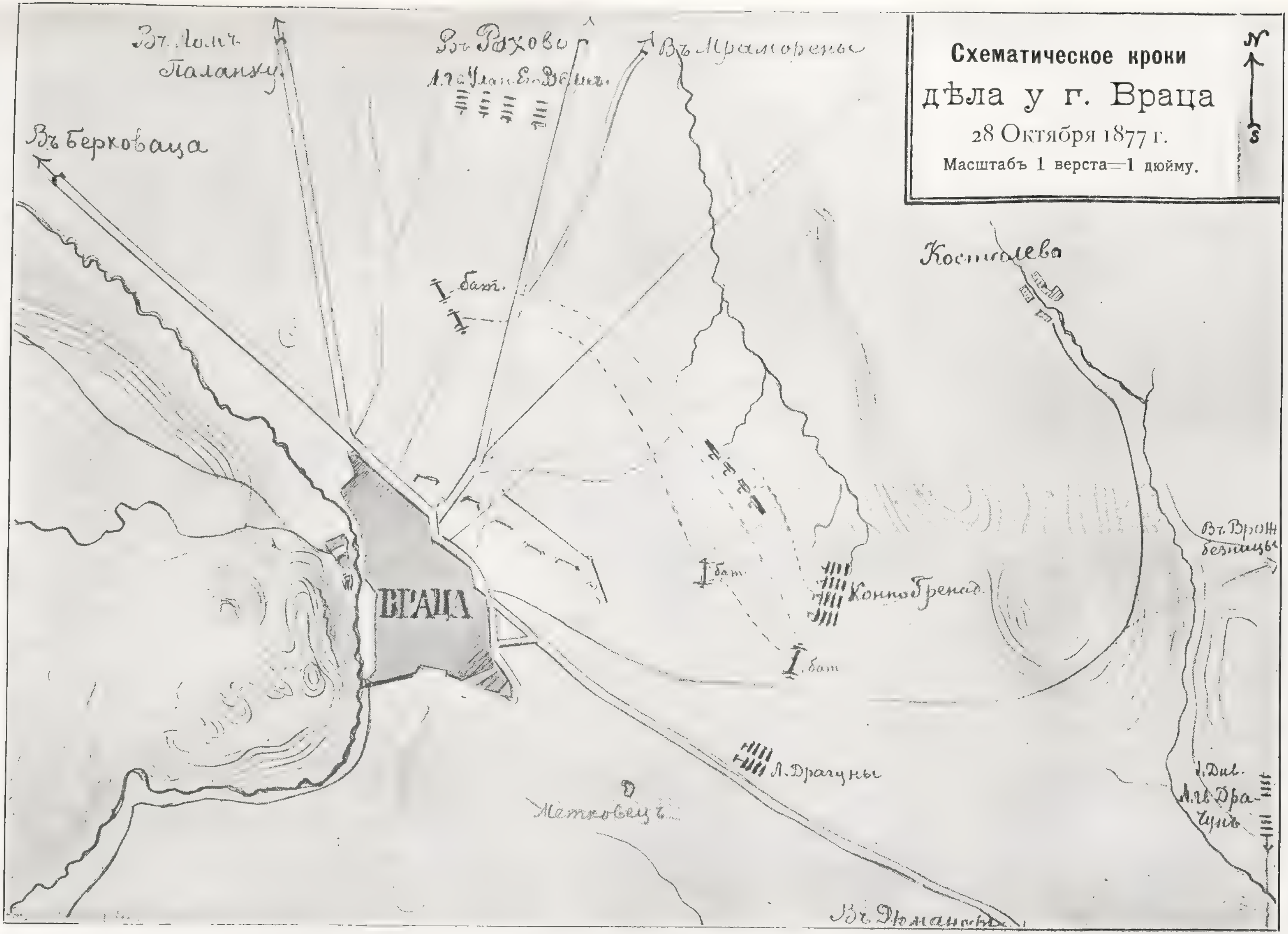
Командиръ взвода
Капитанъ *Хитрово* *).

Рекогносцировка Орханіевскаго ущелья, произведенная Л.-Гв. Драгунскимъ полкомъ съ взводомъ 6-й Гв. казачьей батареи 30 и 31 Октября, обнаружила расположеніе Турокъ въ окрестностяхъ Новочина и Лютакова.

Стоянка у города Врацы дала возможность всѣмъ исправить нѣсколько матеріальную часть, а также одежду и обувь.

---

*) Приложеніе: Рапортъ Генералъ-Маіора Леонова Командующему войсками Гвардіи и Кавалеріи Западнаго отряда отъ 28 Октября 1877 года.


Схематическое кроки
дѣла у г. Враца
28 Октября 1877 г.
Масштабъ 1 верста=1 дюйму.
N
S
Въ Берковаца
Въ Ломъ Паланку
Въ Рахово
Въ Мраморень
Костолево
Враца
Конно Гренад.
Л. Драгуны
Жетковецъ
Въ Врожбезницы
Въ Дюманецъ

Въ виду наступленія зимы, офицеры заказали себѣ мѣховыя пальто, а людямъ, у которыхъ не было полушубковъ, куплены были болгарскаго покроя овчины и теплыя перчатки. Наступившіе морозы стали чувствительны. Братушки-Болгары дарили солдатамъ чай, сахаръ, табакъ и, весь день сидя у костровъ въ компаніи съ ними, вели оживленную бесѣду о Россіи, Болгаріи и Туркахъ.

Комендантомъ города Врацы былъ назначенъ Л.-Гв. Конно-Гренадерскаго полка Полковникъ *Кетхудовъ*, который водворилъ въ городѣ порядокъ съ помощью организованной полиціи и привелъ въ извѣстность оставленные Турками запасы.

Войска въ изобиліи снабжались продовольствіемъ. Ежедневно на бивуакъ привозили испеченный въ городѣ хлѣбъ, и вмѣсто сухарей въ неприкосновенный запасъ выданы были турецкія галеты, найденныя въ большомъ количествѣ въ складахъ.

Галеты эти, изготовленныя изъ пшеничной муки, чрезвычайно нравились солдатамъ.

Предвидя, что дальнѣйшія дѣйствія въ гористой мѣстности будутъ особенно затруднительными вслѣдствіе гололедицъ, всѣхъ лошадей батареи перековали на острые шипы.

2-го Ноября утромъ съ бивуака отправленъ былъ отрядъ, подъ начальствомъ Полковника *Дубовскаго*, въ составѣ: двухъ эскадроновъ Л.-Драгунскаго полка, эскадрона Гродненскаго Гусарскаго и эскадрона Уланскаго Его Величества полка, при 2-хъ орудіяхъ 2-й батареи и 2-хъ орудіяхъ 6-й Л.-Гв. Донской батареи. Отрядъ слѣдовалъ по направленію къ дер. Лилачъ, гдѣ, по свѣдѣніямъ отъ лазутчиковъ, находились два табора турецкой пѣхоты и Черкесы, численностью до 1000 человѣкъ. Узнавъ о приближеніи нашего отряда тремя летучими колоннами, Турки, пользуясь гористой и лѣсистой мѣстностью, успѣли уйти. Движеніе Турокъ прослѣдилъ драгунскій разъѣздъ. Впослѣдствіи оказалось, что замѣченный турецкій отрядъ шелъ изъ Рахова на Врацу, но, узнавъ, что городъ занятъ нами, отступилъ на Криводолъ и Берковацъ. Вечеромъ нашъ отрядъ вернулся на бивуакъ.

Въ тотъ-же день, въ 3 часа пополудни, съ бивуака къ Берковацу выступилъ другой отрядъ, подъ командою Уланскаго Его Величества полка Флигель-Адъютанта Полковника *Оффенберга*, въ составѣ: двухъ эскадроновъ Его Величества Уланскаго полка, одного эскадрона Л.-Драгунъ, при двухъ орудіяхъ 2-го взвода батареи, подъ командою Подпоручика *Дрейлинга*; при взводѣ

находился Подпоручикъ *Павловскій*. На пути къ отряду присоединился одинъ эскадронъ Конно-Гренадеръ. Рекогносцировка, произведенная этимъ отрядомъ, обнаружила присутствіе значительныхъ турецкихъ силъ у г. Берковаца, занимавшихъ укрѣпленную у города позицію на Софіевскомъ шоссе, а также въ горахъ у дер. Клисура.

Послѣ жаркой перестрѣлки съ непріятелемъ, отрядъ 4-го Января вернулся во Врацу. О дѣйствіи взвода батареи Подпоручикъ *Дрейлингъ* представилъ слѣдующее донесеніе:

6-го Ноября 1877 г.
Гор. Враца *).

РАПОРТЪ.

Доношу Вашему Высокоблагородію, что 2-го сего Ноября командуемый мною взводъ присоединился къ отряду, посланному для рекогносцировки города Берковаца, подъ начальствомъ Уланскаго Его Величества полка Флигель-Адъютанта Полковника *Оффенберга*. Отрядъ состоялъ изъ 4 эскадроновъ кавалеріи и двухъ орудій ввѣреннаго мнѣ 2-го взвода батареи. Выступивъ съ бивуака у гор. Врацы въ 3 часа пополудни, отрядъ, пройдя верстъ двѣнадцать, остановился на бивуакѣ въ $6^1/_2$ часовъ вечера у деревни Бѣла.

На другой день, 3-го Ноября, отрядъ выступилъ съ бивуака въ $6^1/_2$ час. утра и подошелъ къ гор. Берковацу около $2^1/_2$ час. дня. Переходъ съ бивуака до Берковаца сопряженъ былъ для артиллеріи съ большими затрудненіями, вслѣдствіе труднаго перехода въ бродъ черезъ горную рѣчку и крутыхъ подъемовъ и спусковъ. Подойдя къ городу, замѣчены были части турецкой пѣхоты, быстро удалявшіяся по шоссе въ горы. Для преслѣдованія ихъ посланъ былъ эскадронъ Л.-Драгунъ. При дальнѣйшемъ наступленіи отряда, турецкая пѣхота открыла огонь по эскадрону Конно-Гренадеръ, посланному на шоссе, ведущее въ Ломъ-Паланку. Вскорѣ ввѣренный мнѣ взводъ былъ вызванъ на позицію, указанную мнѣ Начальникомъ отряда. Пришлось пройти тяжелый бродъ и взобраться по крутому подъему на гору. Впереди позиціи, шагахъ въ 50, находилась крестьянская усадьба, окруженная плетнемъ.

Усадьба и плетень заняты были спѣшенными Уланами, которые вели перестрѣлку съ цѣпью турецкой пѣхоты. Обстрѣлъ съ

*) Приложеніе: планъ Берковаца.

позиціи былъ небольшой и трудно было разсмотрѣть расположеніе Турокъ.

До появленія моего взвода на позиціи, Турки вели медленный огонь, но когда взводъ снялся съ передковъ, непріятель открылъ частый ружейный огонь и въ то же время огонь изъ одного турецкаго орудія, расположеннаго весьма скрытно въ кустахъ. Пришлось наводить на дымъ непріятельскаго орудія. Стрѣльба велась гранатами на 500 с. дистанціи. Дымъ отъ ружейныхъ выстрѣловъ Турокъ застилалъ ихъ расположеніе, и вслѣдствіе гористой мѣстности, покрытой кустами, трудно было слѣдить за разрывами нашихъ гранатъ. Вскорѣ затѣмъ влѣво отъ турецкаго орудія показалась наступающая непріятельская пѣхота; по ней открытъ былъ огонь шрапнелями. Выстрѣлы настолько были удачны, что непріятельская пѣхота быстро скрылась. По собраннымъ впослѣдствіи отъ Болгаръ свѣдѣніямъ, выстрѣлы нашихъ орудій причинили Туркамъ значительный уронъ. Затѣмъ я получилъ приказаніе отступить на другую позицію.

Вторая позиція выбрана была мною съ правой стороны дороги, на пригоркѣ, примѣрно въ 400 саженяхъ позади первой. На этой позиціи взводъ успѣлъ дать только два выстрѣла, такъ какъ тотчасъ по занятіи ея получено было приказаніе продолжать отступленіе.

На второй позиціи непріятельскія гранаты перелетали, ложась въ разстояніи до 300 саженъ за взводомъ. На этой позиціи ранены были во взводѣ двѣ артиллерійскія и одна строевая лошади. Затѣмъ отрядъ перешелъ на бивуакъ къ дер. Бѣла, куда прибылъ около 11-ти часовъ ночи.

На другой день отрядъ вернулся на бивуакъ, къ городу Врацѣ. Убыли въ людяхъ во взводѣ не было; лошадей тяжело раненыхъ было 3.

Во время экспедиціи дѣятельнымъ моимъ помощникомъ былъ Подпоручикъ *Павловскій*; между прочимъ, онъ лично отыскалъ единственный удобопроходимый бродъ для артиллеріи черезъ горный потокъ Ботрунію, благодаря чему взводъ не задержалъ движенія отряда.

Командиръ 2-го взвода
Подпоручикъ *Дрейлингъ*.

2-го Ноября во Врацу пріѣхалъ на бивуакъ посланный ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ Флигель-Адъютантъ Полковникъ *Раевскій*, который привезъ три Георгіевскихъ креста для нижнихъ

чиновъ артиллеріи, участвовавшихъ при взятіи Врацы. Его Величество всѣмъ приказалъ передать, что „Онъ гордится успѣхами Гвардіи, которою Самъ командовалъ прежде, и благодаритъ всѣхъ за службу“. Громкое „Ура“ покрыло эти переданныя Флигель-Адъютантомъ милостивыя слова ГОСУДАРЯ. Во все время стоянки отряда на бивуакѣ жители г. Врацы на всѣхъ путяхъ, ведущихъ къ непріятелю, выставляли сторожевые посты. Благодаря бдительности Болгаръ, удалось захватить нѣсколькихъ шпіоновъ и Башибузуковъ.

4-го Ноября на вторую рекогносцировку къ Берковацу съ бивуака ушли три эскадрона Л.-Гв. Драгунскаго полка съ 2 орудіями 6-й Л.-Гв. Донской батареи, подъ общимъ начальствомъ Командира полка Генералъ-Маіора *Ковалевскаго*. Экспедиція эта вернулась 7-го Ноября; она имѣла удачную стычку съ Турками, въ которой захвачено было 27 плѣнныхъ. Успѣхъ этотъ радостно привѣтствованъ былъ всѣми, въ особенности жителями города Врацы, которые еще не успокоились относительно будущей судьбы города.

О силѣ и расположеніи непріятеля у Берковаца и Клисуры имѣлись самыя точныя свѣдѣнія, добытыя рекогносцировками и отъ Болгаръ; но овладѣть этимъ укрѣпленнымъ пунктомъ казалось возможнымъ только при участіи пѣхоты. При томъ желали избѣгнуть большихъ потерь въ кавалеріи, дабы сохранить ее по возможности для предстоящей широкой дѣятельности ея по переходѣ Балканъ.

Противъ Берковаца выставлены были сильные наблюдательные посты и высылались разъѣзды отъ Конно-Гренадеръ.

Во время стоянки подъ Врацею явился на службу въ батарею прибывшій изъ Петербурга Поручикъ Графъ Евгеній Ефимовичъ *Путятинъ*. Тогда-же уволенъ былъ въ отпускъ въ Россію, по случаю болѣзни, Подпоручикъ *Павловскій*.

8-го Ноября 2-я батарея вмѣстѣ съ Конно-Гренадерскимъ полкомъ присутствовала на молебствіи по случаю Тезоименитства Шефа полка и батареи, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича. Въ этотъ день изъ Главной квартиры получено было радостное извѣстіе о взятіи 6-го Ноября штурмомъ крѣпости Карса и плѣненіи всего его гарнизона. Восторгъ былъ всеобщій.

Тотчасъ устроили пиръ нижнимъ чинамъ, и при собраніи жителей гор. Врацы, раздѣлявшими съ войсками общую радость, пѣсни и музыка раздавались на бивуакѣ до поздней ночи.

10 Ноября 1877 г. Новочинъ. *Сверчковъ.*

Вечеромъ 8-го Ноября получена была диспозиція на 9-е Ноября слѣдующаго содержанія:

VI. Новочинъ.

Диспозиція по правому летучему отряду.

9-го Ноября, 2 часа пополуночи, городъ Враца.

10-го сего Ноября будетъ произведена усиленная рекогносцировка всѣхъ турецкихъ позицій, начиная съ устроенныхъ въ окрестностяхъ Этрополя и кончая Лютаковскими, при чемъ имѣется, кромѣ того, въ виду взятіе турецкой позиціи у Правецъ.

Начальникъ отряда приказалъ: правому летучему отряду содѣйствовать означенной рекогносцировкѣ и стараться задержать Турокъ въ Орханійской долинѣ съ тѣмъ, чтобы не допустить ихъ посылать въ Правецъ подкрѣпленія. При томъ оставить части для охраненія города Врацы и для дѣйствія въ сторонѣ Берковаца. Во исполненіе сего Командующій дивизіей приказалъ:

1) Вмѣсто всей 3-й бригады выступить одному Л.-Гв. Уланскому Его Величества полку съ 2-мя орудіями отъ 3-й батареи сего 9-го числа на Кутловицы. На этотъ отрядъ возлагается точное исполненіе всего того, что было предписано для 3-й бригады предыдущею диспозиціею, отданной 8-го числа, за исключеніемъ выставленія взвода у д. Криводолъ и поиска на Бѣлградчинъ. Л.-Гв. Гродненскому Гусарскому полку и 4-мъ орудіямъ 3 батареи оставаться на бивуакѣ у г. Врацы и выставить отъ Л.-Гв. Гродненскаго Гусарскаго полка взводъ у дер. Криводолъ, которому поступать согласно диспозиціи, объявленной 8-го сего числа, и посты изъ 4 человѣкъ въ деревняхъ: Нефела и Власатица, для содержанія связи между Криводоломъ и городомъ Врацею.

2) Для дѣйствія противъ Орханіэ, согласно приказанію Штаба отряда, сформировать, подъ начальствомъ Командира 1 бригады, Свиты Его Величества Генералъ-Маіора *Клота*, отрядъ изъ 3-хъ эскадроновъ отъ Л.-Гв. Конно-Гренадерскаго полка, 3-хъ эскадроновъ отъ Л.-Гв. Драгунскаго полка и 2-й батареи 6 орудій. Эскадрону Л.-Гв. Конно-Гренадерскаго полка, не вошедшему въ составъ отряда, имѣть согласно прежней диспозиціи полуэскадронъ у деревни Хаджиляръ-Мехале и взводъ у деревни Осиково.

Отъ Л.-Гв. Драгунскаго полка включить въ составъ отряда эскадронъ, находящійся въ деревнѣ Дурманцы, при чемъ онъ

долженъ оставить на мѣстѣ посты летучей почты и взводъ въ деревнѣ Дурманцы; остальному-же полуэскадрону присоединиться къ отряду при его прохожденіи черезъ деревню Дурманцы.

3) Отряду, назначенному для дѣйствія противъ Орханіэ, выступить сего 9-го числа въ 7 часовъ утра и слѣдовать по дорогѣ на Дурманцы, пройдя караулку Романію, съ тѣмъ, чтобы 10-го въ 9 часовъ утра открыть артиллерійскую стрѣльбу противъ непріятельскихъ укрѣпленій.

При слѣдованіи 9-го числа, Л.-Гв. Драгунскому полку выслать офицерскій разъѣздъ по дорогѣ Дурманцы, Ликъ, Тимчиницо, Липницо, Новочинъ. Разъѣзду этому поддержать связь между своимъ отрядомъ и отрядомъ изъ 2-хъ ротъ пѣхоты и эскадрона кавалеріи, выставленнаго въ дер. Своды, при сліяніи Липницы и Малаго Искера.

4) Частямъ, двигающимся на Орханіэ, выступить, имѣя на сѣдлахъ по 6 гарнцевъ ячменя и по пяти фунтовъ сѣна; людямъ имѣть по 6 фунтовъ сухарей. Частямъ распорядиться пригонкою скота для варки пищи на ночлегѣ.

2-й батареѣ взять два зарядныхъ ящика. Съ частями слѣдовать аптечнымъ двуколкамъ и по одной повозкѣ для перевозки раненыхъ.

Командующій дивизіей Генералъ-Маіоръ *Леоновъ.*

9-го Ноября, въ 8 часовъ утра отрядъ выступилъ съ бивуака у Врацы. Погода была пасмурная; всю ночь накрапывалъ дождикъ. Въ Дурманцахъ пришлось перейти въ бродъ черезъ р. Большой Искеръ. Лошади глубоко погружались въ воду и съ трудомъ преодолѣвали силу теченія. Подъемъ на противоположный берегъ рѣки потребовалъ большихъ усилій. У деревни Дурманцы весь отрядъ стянулся на привалѣ и затѣмъ слѣдовалъ по дорогѣ шириною не болѣе колеи артиллеріи.

Съ одной стороны пути находился обрывъ къ рѣкѣ, съ другой—скалистая отвѣсная стѣна. Затѣмъ дорога шла съ крутыми извилинами и съ значительнымъ наклономъ полотна къ сторонѣ обрыва. Уносы приходилось отпрягать и прислугу спѣшить, для удержанія орудій и зарядныхъ ящиковъ на лямкахъ. Чѣмъ выше поднимались въ гору, тѣмъ труднѣе становился путь, вслѣдствіе массы каменьевъ и щебня, скатившихся съ горы и загромождавшихъ полотно дороги.

Шедшая впереди кавалерія спѣшилась и шла рядами, а мѣстами по одному. Вслѣдствіе происходившихъ задержекъ, батарея

Караулка Романія. 10 Ноября 1877 г.

отстала отъ шедшей впереди кавалеріи, которая торопилась засвѣтло дойти до дер. Рошкова. Болѣе восьми верстъ тянулся этотъ трудный для движенія путь, и только въ 4 часа пополудни, когда стало темнѣть, батарея дошла до караулки Романіи, гдѣ дорога развѣтвлялась, направляясь налѣво, на Новочинъ, и прямо—на дер. Рошково и Радотинъ.

Караулка Романіи, какъ большая часть подобныхъ караулокъ на дорогахъ въ Балканахъ, представляла собою двухъ-этажный каменный домикъ, покрытый кафелями и приспособленный въ родѣ блокгауза къ оборонѣ.

Въ Болгаріи подобныя караулки встрѣчаются не рѣдко; онѣ построены были турецкими властями для расположенія въ нихъ полицейскихъ и таможенныхъ командъ, преимущественно въ мѣстахъ при входахъ и выходахъ изъ ущелій и на перекресткахъ дорогъ.

У караулки отъ главныхъ силъ отдѣлился отрядъ Полковника *Лихтанскаго* съ 3-мъ взводомъ батареи, подъ командою Капитана *Усова*. Прочія 4 орудія съ Конно-Гренадерами продолжали движеніе.

Не доходя деревни Рошкова, на перевалѣ хребта, около 6-и часовъ вечера, отрядъ остановился у дубовой рощи, на небольшой площадкѣ, на которой съ трудомъ могли помѣститься 2 эскадрона Конно-Гренадеръ съ 4-мя орудіями. Здѣсь рѣшено было остаться до разсвѣта.

Въ виду близости непріятеля, лошадей не разсѣдлывали и орудій не выпрягали. Разрѣшено было разложить только маленькіе костры въ мѣстахъ, скрытыхъ лѣсомъ, у которыхъ солдаты варили себѣ пищу.

Настала темная ночь, и пошелъ сильный дождь. Вернувшіеся разъѣзды донесли, что деревня Радотинъ, въ двухъ верстахъ отъ мѣста ночлега отряда, занята турецкою пѣхотою, охраняемою постами Черкесовъ. Начальникъ отряда отложилъ занятіе деревни до утра. Между дорогою на Новочинъ и дорогою на Радотинъ находится громадной высоты горный кряжъ, такъ называемый Стойнова-Сука, съ трудомъ проходимый даже для одиночныхъ людей; мѣстами здѣсь растетъ высокій густой кустарникъ. Такимъ образомъ, сообщеніе главныхъ силъ съ отрядомъ Полковника *Лихтанскаго*, при движеніи его въ Новочинское ущелье, могло производиться только кружнымъ путемъ, черезъ мѣсто скрещенія дорогъ у караулки Романіи. Вслѣдствіе дождя и холода, ночью

никто не спалъ. Между тѣмъ къ отряду начали сходиться Болгары, которые, опасаясь Турокъ, всюду бродили въ горахъ.

Изъ разнорѣчивыхъ показаній этихъ Болгаръ, а также по свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ разъѣздовъ, нельзя было выяснить въ точности силы и расположеніе Турокъ въ долинѣ у Новочина и Лютакова. По показаніямъ Болгаръ, дорога къ дер. Радотинъ была труднопроходимой для артиллеріи. Болгары сами вызвались, съ помощью имѣвшихся у нихъ топоровъ въ продолженіе ночи разработать путь, по которому возможно было-бы провести батарею къ горной площадкѣ, находящейся вблизи мѣста бивуака, съ которой Начальникъ отряда рѣшилъ съ разсвѣтомъ открыть огонь по турецкимъ укрѣпленіямъ.

Съ разсвѣтомъ 10-го Ноября Полковникъ *Лихтанскій* получилъ приказаніе дѣйствовать самостоятельно противъ Новочинскихъ укрѣпленій. Приказаніе было изложено въ запискѣ слѣдующаго содержанія:

„Бивуакъ у Рошкова. 10-го Ноября, $6^1/_2$ часовъ утра. Командиръ отряда приказалъ вамъ дѣйствовать сего 10-го числа отдѣльно противъ укрѣпленій у Новочина съ полутора эскадронами и двумя орудіями отъ 2-й батареи, открывая огонь по возможности въ 9 часовъ, если будетъ достаточно ясно, и продолжая его до трехъ часовъ пополудни; послѣ чего, если не будетъ обстоятельствъ тому препятствующихъ, отойти къ караулкѣ. Изъ остающагося эскадрона оставить небольшую часть у караулки для прикрытія вьюковъ, а остальное немедленно выслать по дорогѣ въ Рошково, къ бивуаку Конно-Гренадерскаго полка, для прикрытія орудій 2-й батареи, имѣющихъ дѣйствовать отдѣльно во флангъ Лютаковскимъ укрѣпленіямъ.

10-го Ноября утромъ вся мѣстность была застлана густымъ туманомъ; въ нѣсколькихъ шагахъ не было возможности различать предметы. По приказанію Начальника отряда, Командиръ батареи съ Начальникомъ Штаба отряда, Капитаномъ *Храповицкимъ* и съ офицеромъ, производившимъ рекогносцировку 31-го Октября, отправились на разсвѣтѣ осмотрѣть позицію, намѣченную на кроки для стрѣльбы по предполагаемому расположенію непріятеля въ долинѣ. Оказалось, что пройти разстояніе около версты до площадки возможно, но на ней могли помѣщаться четыре орудія только на сомкнутыхъ интервалахъ. Съ позиціи, вслѣдствіе тумана, ничего не было видно. Въ 10 часовъ утра, получивъ приказаніе занять означенную позицію, батарея съ трудомъ дошла до нея по горной тропѣ, расчищенной Болгарами.

Въ прикрытіе къ батареѣ назначенъ былъ эскадронъ Л.-Драгунскаго полка.

Нѣсколько ранѣе того Конно-Гренадеры спустились въ долину, къ деревнѣ Радотинъ, гдѣ выбили непріятельскую пѣхоту и захватили 17 человѣкъ плѣнныхъ. Батарея между тѣмъ ожидала, чтобы хоть сколько-нибудь разсѣялся туманъ, чтобы можно было открыть огонь противъ непріятельскихъ укрѣпленій. Съ позиціи, занимаемой батареею, въ долинѣ слышны были ружейные выстрѣлы Конно-Гренадеръ; вслѣдъ засимъ вдали раздалось нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ, но опредѣлить въ точности направленіе, гдѣ именно стрѣляютъ, нельзя было.

Около 11 часовъ туманъ нѣсколько разошелся, и казалось, что далеко впереди къ сторонѣ Лютакова виднѣлись слабыя очертанія турецкихъ окоповъ. Находившійся при батареѣ Начальникъ отряда приказалъ открыть огонь; прицѣлъ установленъ на 1.200 саженъ; стрѣляли гранатами. Вскорѣ опять нашли густыя облака и закрыли всю мѣстность.

Около часа пополудни ординарецъ передалъ приказаніе Генералъ-Маіора *Клота* сняться съ позиціи и спуститься въ долину къ д. Радотинъ на присоединеніе къ Конно-Гренадерамъ. Когда головное орудіе подошло къ мѣсту ночлега, мимо батареи проскакалъ Корнетъ Графъ *Толстой*, посланный Полковникомъ *Лихтанскимъ*, который сообщилъ Генералу *Клоту* объ отступленіи Новочинскаго отряда къ караулкѣ и о потерѣ двухъ орудій 3-го взвода. Вслѣдъ затѣмъ со стороны караулки показались бѣгущіе въ паническомъ страхѣ Болгары, сообщившіе о наступленіи по Новочинскому ущелью турецкой пѣхоты и Черкесовъ. Затѣмъ прискакалъ денщикъ, прося батарейнаго доктора прибыть къ караулкѣ, гдѣ находится много раненныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, Командиръ батареи пріостановилъ движеніе батареи въ долину, а эскадронъ Драгунъ, прикрывавшій батарею, былъ отправленъ тотчасъ на помощь къ Полковнику *Лихтанскому*. Затѣмъ Начальникъ отряда прислалъ батареѣ приказаніе не спускаться въ долину и ожидать на мѣстѣ прибытія изъ Радотина Конно-Гренадеръ, съ которыми слѣдовать къ караулкѣ.

Когда Конно-Гренадеры спѣшно вернулись изъ Радотина, батарея послѣдовала за полкомъ къ караулкѣ.

По прибытіи къ караулкѣ, отъ находившихся здѣсь отступившихъ Драгунъ получены были подробныя свѣдѣнія о постигшемъ отрядъ Полковника *Лихтанскаго* несчастіи и потерѣ двухъ

орудій батареи. Капитанъ *Усовъ* и большая часть нижнихъ чиновъ были ранены или убиты.

Геройская попытка Л.-Драгунъ спасти орудія стоила большихъ потерь: офицеровъ полка убито было три, ранено три и контужено четыре; изъ 138 Драгунъбыло убито 38, ранено 20, безъ вѣсти пропало 2; лошадей драгунскихъ выбыло изъ строя 75.

Въ 3-мъ взводѣ батареи, когда онъ отдѣлился въ отрядъ Полковника *Лихтанскаго*, находилось въ строю оберъ-офицеровъ 1, нижнихъ чиновъ 31; лошадей артиллерійскихъ 18, строевыхъ 21, запасныхъ 4; всего лошадей 43. Въ день сраженія убыло: тяжело раненный Капитанъ *Усовъ*; нижнихъ чиновъ убито 5, тяжело раненныхъ 5, легко раненныхъ 6. Лошадей убито 19.

Во время дѣла 3-мъ взводомъ произведено выстрѣловъ: гранатами 60, шрапнелями 36.

Геройскою смертью пали, защищая орудіе отъ окружившихъ ихъ Черкесовъ, Л.-Гв. Драгунскаго полка Прапорщики: *Данилевскій*, *Велинскій* и *Назимовъ*.

Во время отступленія, къ концу боя, когда Л.-Драгуны и орудійная прислуга сошлись въ рукопашную съ Черкесами. Капитанъ *Усовъ* раненъ былъ двумя ружейными пулями, изъ коихъ одна раздробила ему чашку лѣваго локтя. Лѣвая рука его вслѣдствіе этого повисла, и лошадь, не чувствуя повода, металась во всѣ стороны. Отъ потери крови и страшной боли Капитанъ пришелъ почти въ безсознательное состояніе. Замѣтивъ это, рядомъ находившійся Л.-Драгунъ *Краморенко* схватилъ лошадь Капитана *Усова* за поводья и, отбиваясь отъ насѣдавшихъ Черкесовъ, вывелъ ее изъ свалки.

Уцѣлѣвшіе нижніе чины показали, что причина несчастія главнымъ образомъ была та, что артиллерійскія лошади всѣ были перебиты и дорога вся была загромождена повозками спасавшихся изъ Новочина Болгаръ. На пути отступленія взвода были крутые повороты, спуски, подъемы и косогоры, на которыхъ было два случая, что орудія перевернулись и, наконецъ, одно повисло надъ пропастью, вслѣдствіе чего приказано было его туда сбросить. Черкесы на близкомъ разстояніи безпрерывно стрѣляли съ коня магазинными ружьями. Драгуны рубили шашками; тѣ, у которыхъ убиты были лошади, подъ конецъ не имѣли возможности стрѣлять, такъ какъ патроны всѣ были израсходованы.

Еще въ началѣ отступленія Капитанъ *Усовъ* приказалъ зарядный ящикъ отвезти назадъ, ближе къ караулкѣ. Фейерверкеръ *Маренюкъ* исполнилъ это съ большимъ трудомъ и болѣе версты

Схематическое кроки
къ рекогносцировкѣ
укрѣпленной позиціи турокъ
у г. Берковацъ
3-го Ноября 1877 г.
Масштабъ 1 верста = 1 дюйму.
Берковаца
р. Беровацa
въ Ломъ Паланку
Коп. Гренадеръ
Мездріа
Казармы
2 позиція Арт.
1. позиція Арт.
Чифликъ
въ Врац
Драч.
Драгуны
д. Клиссура
N
S

насильно пробирался между болгарскими каруцами, но затѣмъ лошади окончательно выбились изъ силъ и ящикъ застрялъ въ рытвинѣ. Тогда *Маренюкъ* приказалъ выпрячь лошадей и, оставивъ ящикъ на полѣ, лошадей отвелъ къ караулкѣ. По прибытіи къ караулкѣ, Генералъ-Маіоръ *Клотъ* тотчасъ лично повелъ два эскадрона Конно-Гренадеръ и эскадронъ Л.-Драгунъ по ущелью къ Новочину. Остальнымъ частямъ отряда съ батареею приказано было слѣдовать въ Дурманцы, гдѣ остановиться до полученія приказанія.

Въ это время стало темнѣть. Подпоручику *Дрейлингу*, съ командою нижнихъ чиновъ, запасными лошадьми и запаснымъ лафетомъ приказано было отъ караулки слѣдовать за ушедшими тремя эскадронами, по дорогѣ къ Новочину, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, если орудія будутъ найдены, доставить ихъ къ батареѣ, а также розыскать и подобрать раненыхъ и убитыхъ. Подпоручикъ подъ утро вернулся вмѣстѣ съ отрядомъ Конно-Гренадеръ въ Дурманцы. Имъ подобраны были тяжело раненые, а пять убитыхъ нижнихъ чиновъ батареи онъ похоронилъ въ общей могилѣ съ убитыми Л.-Драгунами. Орудія не были найдены.

Обратный путь батареи на Дурманцы, въ ночной темнотѣ, совершенъ былъ съ еще бо́льшими затрудненіями, чѣмъ днемъ. Въ опасныхъ мѣстахъ зажигали костры и люди жгли факелы, сдѣланные изъ хвороста; все движеніе происходило весьма медленно. По прибытіи отряда въ Дурманцы, всѣ части размѣстились на площадкѣ у рѣки; орудій не выпрягали и всю ночь держали не разсѣдланныхъ лошадей въ поводу. Въ Дурманцахъ доктора производили перевязку раненымъ; здѣсь находился и Капитанъ *Усовъ*.

Благодаря стойкости, мужеству и храбрости Лейбъ-Драгунъ отряда Полковника *Лихтанскаго*, наступленіе значительныхъ силъ турецкой пѣхоты и Черкесовъ со стороны Новочина было пріостановлено, и Турки не дошли до караулки, съ занятіемъ которой главныя силы отряда, дѣйствующія у Радотина, поставлены были-бы въ затруднительное положеніе.

Потери Турокъ въ Новочинскомъ дѣлѣ, какъ выяснилось впослѣдствіи, были весьма значительны *).

---

*) Приложенія: а) Рапортъ Свиты Его Величества Генералъ-Маіора Клота Начальнику летучаго отряда Генералъ-Маіору Леонову.

б) Рапортъ Л.-Гвардіи Драгунскаго полка Полковника Лихтанскаго Командиру 1-й бригады 2-й Гвардейской Кавалерійской дивизіи.

в) Кроки дѣла у Новочина.

Подробное дѣйствіе Лейбъ-Драгунъ въ дѣлѣ подъ Новочиномъ изложено въ сочиненіи: „Описаніе военнаго похода Л.-Гв. Драгунскаго полка въ Турецкую кампанію 1877—78 г., составлено Полк. Дубовскимъ, Капит. Гульковскимъ и Шт.-Капитаномъ Свищевскимъ (изд. 1880 года).

По турецкимъ источникамъ, опубликованнымъ въ 1878 году въ нѣмецкомъ военномъ журналѣ, оказывается, что Главнокомандующій обороною Этропольскихъ Балканъ, Мехмедъ-Али-Паша, обозрѣвая позиціи въ Орханійской долинѣ, утромъ 10-го Ноября прибылъ съ своимъ конвоемъ къ деревнѣ Скривень, гдѣ присутствовалъ при происходящемъ сраженіи.

Нѣмецкій корреспондентъ, находившійся въ то время при турецкихъ войскахъ, сообщалъ, что:

„Л.-Драгуны, выйдя изъ долины ручья Ребрешъ на Орханійскую равнину, благодаря туману, совершили свое движеніе скрытно, но зато сами не замѣтили укрѣпленную позицію у д. Скривень. Когда туманъ разсѣялся, турецкая пѣхота и артиллерія открыли по русскимъ войскамъ убійственный огонь. Вслѣдъ затѣмъ три сотни Черкесовъ бросились въ аттаку на Драгунъ, которые и были всѣ почти изрублены“.

„Два орудія захвачены были Черкесами“.

„У Турокъ въ этомъ дѣлѣ участвовало около бригады пѣхоты, три сотни Черкесовъ и горная батарея,—всего около 2400 человѣкъ пѣхоты, 300 Черкесовъ и 8 орудій“.

Какъ извѣстно, силы отряда Полковника *Лихтанскаго* состояли изъ 138 драгунъ и двухъ орудій.

11-го Ноября утромъ батарея съ отрядомъ вернулась въ гор. Врацу; но къ вечеру отрядъ Генералъ-Маіора *Клота* съ батареею вновь вернулся въ Дурманцы, гдѣ расположился на бивуакѣ, сдѣлавъ въ этотъ день переходъ въ оба конца до 30-ти верстъ.

Передвиженіе къ Врацѣ и обратно въ Дурманцы вызвано было тѣмъ, что во Врацѣ, получено было 10-го Ноября отъ Генералъ-Адъютанта *Гурко* увѣдомленіе, что аттака Правецкихъ позицій главными силами отложена на 11 Ноября,—поэтому отряду Генералъ-Маіора *Клота* слѣдуетъ содѣйствовать этой аттакѣ демонстраціею на Лютаковъ не 10-го, а 11 Ноября. Передача этого приказанія запоздала по неразъясненной причинѣ; оно получено было только по приходѣ отряда во Врацу утромъ 11-го Ноября.

Предполагая, что, можетъ быть, понадобится демонстрацію возобновить также 12-го Ноября, Генералъ-Маіоръ *Леоновъ* приказалъ Генералу *Клоту* съ отрядомъ 11-го Ноября вернуться въ Дур-

СХЕМАТИЧЕСКОЕ КРОКИ
дѣла у д. Новочинъ
10 Ноября 1877 г.
Хребетъ Стойнова Сина
Новочинъ
Скривень
Позиціи Конно Ар. Взвода обозначены цифрами.

манцы. 12 Ноября получено было извѣстіе, что Правецкія позиціи нами взяты 11 Ноября. Тогда отряду приказано было вновь вернуться въ городъ Врацу.

Къ сторонѣ Лютакова съ разсвѣтомъ 11-го Ноября выдвинутъ былъ дивизіонъ Гродненскаго Гусарскаго полка, который прослѣдилъ отступленіе Турокъ отъ Новочина къ Лютакову.

12-го Ноября батарея подъ прикрытіемъ Драгунъ вернулась на бивуакъ въ г. Врацу, куда на каруцахъ были доставлены всѣ раненные подъ Новочиномъ. Того-же дня получены были подробныя извѣстія о взятіи Правецкихъ позицій, а также о занятіи 12-го Ноября Этрополя и Орханіэ.

Съ 12-го по 17 Ноября батарея простояла на бивуакѣ у г. Врацы. Всѣ раненные офицеры и нижніе чины были отправлены черезъ Яблоницу въ Зимницу. Въ д. Боготѣ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ посѣтилъ 18 Ноября лазаретъ, въ которомъ находились раненные офицеры и между ними Капитанъ *Усовъ*. Его Величество бесѣдовалъ съ нимъ, разспрашивалъ о дѣлѣ подъ Новочиномъ и утѣшалъ его сердечными словами.

Находившемуся при Капитанѣ *Усовѣ* вѣстовому, канониру *Высоцкому*, бывшему также въ Новочинскомъ дѣлѣ, ГОСУДАРЬ при этомъ пожаловалъ знакъ отличія Военнаго Ордена 4-й степени.

По случаю тяжкой болѣзни, Генералъ-Маіоръ *Леоновъ* уѣхалъ изъ Врацы лечиться въ Россію и передалъ командованіе дивизіей Командиру 3-й бригады Генералъ-Маіору *Графу де-Бальмену*. На пути къ Плевнѣ Генералъ-Маіоръ *Леоновъ* скоропостижно скончался отъ разрыва сердца.

17-го Ноября сводная Драгунская бригада (Конно-Гренадеры и Лейбъ-Драгуны) со 2-й батареей выступили изъ гор. Врацы и слѣдовали черезъ Дурманцы и караулку Романію въ дер. Новочинъ, куда прибыли съ наступленіемъ ночи. Прійдя въ Новочинъ, лошадей не разсѣдлывали, и всю ночь всѣ оставались въ полной боевой готовности, въ виду того, что на аванпостахъ у дер. Лютакова у Гродненскихъ Гусаръ происходила оживленная перестрѣлка съ Турками.

18-го Ноября утромъ *Графъ де-Бальменъ* съ Драгунскою бригадой и 2-й батареей предпринялъ рекогносцировку всей западной части Орханійской долины. Пройдя д. Скривень, онъ получилъ донесеніе отъ Командира Л.-Гусарскаго полка, Флигель-Адъютанта Полковника *Барона Мейендорфа*, что рекогносцируя долину въ южной ея части, и войдя въ связь съ дивизіономъ Гродненскихъ Гусаръ, занимающихъ сторожевое охраненіе у дер.

Лютакова, онъ замѣтилъ расположеніе значительныхъ турецкихъ силъ по горамъ и на склонѣ горъ между Врачешемъ и Лютаковомъ. *Графъ де-Бальменъ* немедленно съ Драгунскою бригадой двинулся въ указанномъ направленіи.

Рекогносцировкою и разъѣздами обнаружено было, что Турки занимаютъ въ горахъ сильно укрѣпленную позицію, которая тянется отъ Лютакова до Врачеша; впереди этой позиціи выставлена была ими сторожевая цѣпь. Съ приближеніемъ бригады турецкая цѣпь открыла огонь по разъѣздамъ и наѣздникамъ и вскорѣ затѣмъ отступила въ горы.

Для содержанія аванпостовъ и постояннаго наблюденія за противникомъ, у дер. Лютакова оставлены были 2 эскадрона Гродненскихъ Гусаръ; Драгунская же бригада и 2-ая батарея вернулись въ Новочинъ, гдѣ расположились бивуакомъ. По имѣвшимся свѣдѣніямъ, Лютаковскія позиціи заняты были турецкимъ отрядомъ, вышедшимъ изъ Софіи, силою до 5000 пѣхоты, 300 Черкесовъ и 16 орудій.

Сообщеніе этого турецкаго отряда черезъ Балканы съ Софіею производилось по дорогѣ, ведущей черезъ дер. Огоіо и Яблоница.

Съ 18-го Ноября по 12 Декабря Драгунская бригада со 2-й батареей была расположена бивуакомъ у дер. Новочинъ. Продолжительная стоянка на бивуакѣ у Новочина, при ненастной погодѣ и наступившихъ морозахъ, а также вслѣдствіе затрудненій по продовольственной части, тяжело отзывалась на всѣхъ Интендантскіе транспорты не приходили, и все продовольствіе получалось отъ Коменданта гор. Врацы, откуда по причинѣ распутицы только изрѣдка прибывали на волахъ каруцы съ припасами.

Изъ забранныхъ въ этомъ городѣ турецкихъ складовъ доставлено было нѣкоторое количество одежды, которое весьма пригодилось для починокъ сильно обносившихся у нижнихъ чиновъ рейтузъ.

За сѣномъ посылали въ болгарскія селенія, находящіяся въ горахъ; его доставляли на бивуакъ навьюченнымъ на строевыхъ лошадяхъ.

Всѣ войска и обозы, сосредоточенные въ это время въ долинѣ Орханіэ, фуражировали по всѣмъ окрестностямъ, такъ что незначительные запасы у ближайшихъ мѣстныхъ жителей быстро истощались, и приходилось посылать искать сѣна или соломы въ отдаленныя въ горахъ мѣста.

Для устраненія всякихъ недоразумѣній и споровъ между фу-

Церковь въ деревнѣ Новочинѣ. Декабрь 1877 г.

ражирами, каждой части бригады указанъ былъ раіонъ фуражировки. Были случаи, что общая нужда мирила и враговъ. Такимъ образомъ въ нѣкоторыя деревни, одновременно съ нашими приходили и турецкіе фуражиры, и дѣло обходилось мирно. Подъ конецъ стоянки въ Орханійской долинѣ, въ обширномъ раіонѣ кругомъ, всѣ запасы фуража были истощены, вслѣдствіе чего пришлось уменьшить лошадямъ дачу. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ невзгодъ число больныхъ людей и лошадей увеличилось. Исхода изъ этого тяжелаго положенія можно было ждать только съ движеніемъ впередъ черезъ Балканы; но это обусловлено было ожидаемымъ съ каждымъ днемъ паденіемъ Плевны.

21-го Ноября изъ Врачеша, противъ большого турецкаго редута, расположеннаго на вершинѣ Сѣчково-Глово, отъ главныхъ силъ назначено было поднять на гору одну пѣшую 9 ф. батарею (Полковника *Кокорева*), которая должна была съ выбранной позиціи анфилировать огнемъ непріятельское расположеніе на Лютаковскихъ позиціяхъ.

Одновременно со стороны деревни Лютакова назначенъ былъ демонстрировать Л.-Драгунскій полкъ со 2 батареею. Деревня Лютаково занята была дивизіономъ Гродненскаго Гусарскаго полка.

Полкъ съ батареею подошелъ въ назначенный часъ къ оставленному около деревни Турками редуту. Батарея, занявъ позицію на холмѣ, открыла огонь противъ нижняго турецкаго укрѣпленія съ дистанціи 1200 саженъ гранатами. Турки отвѣчали изъ дальнобойныхъ орудій, но снаряды ихъ не причиняли вреда и большею частью перелетали. Командиръ Л.-Драгунскаго полка Полковникъ *Ковалевскій*, имѣя въ виду, что дѣйствіе полка должно было быть только демонстративное, отвелъ полкъ и батарею на бивуакъ къ Новочину послѣ того, какъ вечеромъ стрѣльба у Врачеша прекратилась.

22-го Ноября получено было извѣстіе, что обозъ батареи, въ числѣ прочихъ обозовъ дивизіи, прибылъ по шоссе изъ Махалета въ д. Яблоницу, которая находится отъ Новочина въ 35 верстахъ. Тогда отъ батареи командированы были къ обозу люди, для доставки на бивуакъ нѣкоторыхъ необходимыхъ вещей, какъ-то: запасныхъ дышелъ, колесъ, подковъ и гвоздей. Приказано было также изъ обоза присоединить къ батареѣ облегченную офицерскую повозку; въ ней нуждались для перевозки больныхъ, такъ какъ лазаретный фургонъ, пришедшій въ совершенную негодность, оставленъ былъ во Врацѣ.

На бивуакѣ стали получать письма и газеты по полевой почтѣ изъ Орханіэ. Въ Новочинѣ къ батареѣ прибылъ на службу Гв. Конной Артиллеріи Поручикъ Александръ Григорьевичъ *Дружининъ*.

Расположеніе частей дивизіи въ это время было слѣдующее: Конно-Гренадеры и Л.-Драгуны съ 2-мя эскадронами Гродненскихъ Гусаръ и 2-ю батарею, подъ общимъ Начальствомъ Генералъ-Маіора *Клота*, находились у Новочина и Лютакова. Лейбъ-Уланы и Лейбъ-Гусары съ 5-й и 6-й батареями находились въ отрядѣ Генералъ-Маіора *Эллиса* у Орханіэ. Уланы Его Величества и 2 эскадрона Гродненскихъ Гусаръ съ 3-ей батареей, въ отрядѣ Генералъ-Маіора *Графа де-Бальмена*, находились у Врацы и противъ Берковаца.

Служба 2-й Гвардейской Кавалерійской дивизіи въ это время была весьма утомительна; она выставляла отдѣльные наблюдательные посты, содержала аванпосты, полевую почту и высылала дальніе разъѣзды для рекогносцировки расположенія Турокъ и удобопроходимости дорогъ въ Балканахъ.

Наши разъѣзды доходили въ это время до Софійской долины. Въ особенности отличился разъѣздъ Л.-Драгунскаго полка Поручика *Глоба*, который проникъ въ тылъ Лютаковскихъ позицій Турокъ въ дер. Огоіо и Яблоницу, гдѣ разрушилъ телеграфъ.

25-го Ноября ночью выпалъ глубокій снѣгъ, и на бивуакѣ стала невылазная грязь. Сапоги у солдатъ совершенно износились, и нѣкоторымъ пришлось одѣть опорки, изготовляемыя Болгарами изъ воловьей и бараньей шкуры.

Въ ночь на 28 Ноября получено было извѣстіе о вѣроятной вылазкѣ Османа-Паши изъ Плевны. Вслѣдствіе этого приказано было всѣмъ частямъ на бивуакѣ быть въ полной готовности къ выступленію, на случай, если-бы представилась необходимость прикрыть тылъ всего Западнаго отряда, расположеннаго на Балканахъ.

29-го Ноября утромъ прибѣжавшіе на бивуакъ Болгары сообщили извѣстіе о паденіи Плевны. Вскорѣ затѣмъ прибылъ изъ Орханіэ офицеръ, передавшій достовѣрно о плѣненіи всей арміи Османа-Паши. Тогда по бивуаку раздалось несмолкаемое „Ура“.

Лютаковскимъ Туркамъ послана была записка съ сообщеніемъ о паденіи Плевны. На бивуакѣ музыка, пѣсни, пляска и угощеніе продолжались весь день. Вечеромъ были получены болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ знаменательномъ событіи. Офицеры передавали солдатамъ все, что было извѣстно о битвѣ подъ

Новачинъ, 3 Декабря 1877 г.

Плевной. Восторгъ всѣхъ былъ неописанный.

Настала пора перевалить Балканы.

30-го Ноября вблизи отъ бивуака, между Новочиномъ и дер. Скривень, на высотахъ, гдѣ 10 Ноября находились турецкія укрѣпленія, пѣхота 1-й Гвардейской дивизіи, начала возводить большіе редуты, которые предполагалось вооружить артиллеріею. Редуты эти имѣли назначеніе при предстоящемъ переходѣ Балканъ охранять флангъ и тылъ общаго расположенія Западнаго отряда у Орханіэ.

3-го Декабря согласно приказанію, полученному изъ Главной квартиры, отъ 2-й батареи былъ командированъ Поручикъ *Дружининъ* за полученіемъ изъ передового артиллерійскаго запаса двухъ орудій съ лошадьми и упряжью, назначенныхъ въ батарею взамѣнъ потерянныхъ при Новочинѣ.

4-го Декабря выпалъ глубокій снѣгъ, и морозъ сталъ весьма чувствительнымъ, вслѣдствіе чего Командиръ бригады приказалъ всѣмъ расположиться квартирно-бивуачно въ дер. Новочинѣ.

Лошадей размѣстили по дворамъ на коновязяхъ у изгородей; людямъ батареи отведены были три болгарскія хаты, въ которыхъ имъ можно было обсушить одежду и обогрѣться; орудія расположены были на полѣ у края деревни. Со дня на день ждали диспозиціи для перехода черезъ Балканы. Сухарями каждая часть должна была быть снабжена на десять дней, ячменемъ на три дня.

3-го Декабря ГОСУДАРЬ выѣхалъ изъ Плевны и, посѣтивъ Цесаревича въ Брестовацахъ, выѣхалъ изъ дѣйствующей арміи въ Россію. Въ Букарестѣ ГОСУДАРЬ 5-го Декабря отдалъ приказъ по войскамъ дѣйствующей арміи, который прочитанъ былъ при собраніи всѣхъ чиновъ батареи на бивуакѣ 10 Декабря *). За нѣсколько дней до своего отъѣзда изъ дѣйствующей арміи ГОСУДАРЬ сказалъ Штабсъ-Капитану Гв. Конной Артиллеріи *Андреевскому* **): „Передай во 2-й батареѣ, чтобы она не скорбѣла о потерѣ орудій; я ее зналъ отличавшеюся вездѣ, и надѣюсь, что ей еще не разъ представится случай отличиться“.

9-го Декабря вернулся въ Новочинъ Поручикъ *Дружининъ* и привелъ въ батарею вновь сформированный и вполнѣ укомпле-

*) Приложеніе: Высочайшій приказъ 5-го Декабря 1877 года.

**) Примѣчаніе: Евгеній Константиновичъ Андреевскій состоялъ постояннымъ ординарцемъ у Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго арміей Великаго Князя Николая Николаевича; впослѣдствіи былъ Флигель-Адъютантомъ Его Императорскаго Величества.

ктованный взводъ съ двумя новыми орудіями. Для уравненія чиновъ и лошадей немедленно произведенъ былъ новый строевой расчетъ батареи.

VII. Балканы.

11-го Декабря по свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Штаба отряда, стало извѣстно, что движеніе черезъ Балканы назначено было начать 13 Декабря.

12-го Декабря у Генералъ-Адъютанта *Гурко* въ Орханіэ собраны были для совѣщанія всѣ главные Начальники войскъ. Генералъ-Маіоръ *Клотъ*, вернувшись изъ Орханіэ, сообщилъ Начальникамъ частей бригады диспозицію для перехода Балканъ, согласно которой 2-я батарея должна была слѣдовать при колоннѣ Начальника 31-й пѣхотной дивизіи Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова*. Батареѣ приказано было къ 2 часамъ утра 13-го Декабря прибыть къ д. Скривень, гдѣ присоединиться къ 121-му Пензенскому и 122-му Тамбовскому пѣхотнымъ полкамъ.

Съ бивуака у Новочина батарея выступила въ 11 часовъ ночи 12-го Декабря въ составѣ: 4 орудій и 4 зарядныхъ ящиковъ, запаснаго лафета и аптечной двуколки. Поручикъ *Дружининъ* съ 3-мъ взводомъ батареи оставленъ былъ въ Новочинѣ до разсвѣта и затѣмъ долженъ былъ со взводомъ и обозомъ слѣдовать на Орханіэ, гдѣ были собраны въ общій вагенбургъ орудія и зарядные ящики отъ всѣхъ батарей Западнаго отряда, которые временно должны были оставаться въ Орханіэ, въ видахъ необходимости уменьшить при предстоящемъ переходѣ горъ количество артиллеріи. За батареею слѣдовали офицерскія вьючныя и заводныя лошади и двое болгарскихъ саней, нагруженныхъ фуражемъ. Слабосильные люди и ненадежныя лошади оставлены были при 3-мъ взводѣ.

13-го Декабря ночь была темная, морозъ былъ сильный, падалъ снѣгъ и стоялъ густой туманъ. Впереди и по бокамъ батареи шли люди съ фонарями, такъ какъ по пути находились крутые повороты и канавы съ узкими и испорченными мостами. Перейдя рѣчку Ребрешъ въ бродъ, батарея втянулась въ деревню Скривень, гдѣ на бивуакѣ расположены были Тамбовцы и Пензенцы.

Командиръ батареи явился Начальнику 31-й пѣхотной дивизіи Генералъ-Лейтенанту *Вельяминову*, который пожелалъ тотчасъ-же, чтобы ему были представлены всѣ офицеры батареи.

Генералъ-отъ-Инфантеріи
Николай Николаевичъ Вельяминовъ.

Несмотря на преклонные года и пережитыя тяжкія боевыя испытанія подъ Плевною, Генералъ-Лейтенантъ *Вельяминовъ* замѣчательно былъ бодръ; привѣтливымъ обращеніемъ своимъ съ офицерами батареи онъ сразу вызвалъ у всѣхъ глубокую къ нему симпатію.

Полки 31-й пѣхотной дивизіи только накапунѣ, благодаря постоянной ненастной погодѣ, прибыли форсированнымъ маршемъ изъ Плевны, и, вслѣдствіе всѣхъ предшествовавшихъ лишеній и тягостей похода, люди были утомлены. Вскорѣ по приходѣ батареи въ Скривень колонна стала вытягиваться по дорогѣ въ Орханіэ.

Пройдя Орханіэ и Врачешъ съ разсвѣтомъ 13-го Декабря, колонна Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова* на продолжительное время должна была пріостановить свое движеніе, чтобы пропустить впередъ колонну Генералъ-Маіора *Рауха*, которая слѣдовала на д. Чурьякъ.

Къ мѣсту стоянки на привалѣ присоединились къ колоннѣ: полъ-эскадрона Л.-Драгунъ, 4 орудія 5-й батареи Гв. Конно-Артиллерійской бригады, 1 баталіонъ Архангелогородскаго полка и 4 орудія 6-й батареи 31-й Артиллерійской бригады. Сосредоточеніе колонны Генерала *Вельяминова* заняло много времени, такъ какъ дорога изъ Орханіэ во Врачешъ вплотную была занята движеніемъ войскъ колонны главныхъ силъ, и въ темнотѣ происходило при движеніи перекрещиваніе частей; къ тому-же нѣкоторыя части запоздали прибытіемъ къ исходнымъ пунктамъ.

По диспозиціи, весь переходъ Балканъ предполагался закончить въ два дня; въ дѣйствительности-же, онъ совершился въ 8 дней.

Порядокъ слѣдованія колонны Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова* отъ Врачеша былъ слѣдующій:

Авангардъ, подъ Начальствомъ Начальника Штаба дивизіи Полковника *Муромцева*: полъ-эскадрона Лейбъ-Драгунъ, 1-й баталіонъ Тамбовскаго полка и 1-й баталіонъ Архангелогородскаго полка.

Главныя силы: 122-й Тамбовскій полкъ, при немъ 4 орудія 2-й батареи Гв. Конно-Артиллерійской бригады; 121 Пензенскій пѣхотный полкъ, при немъ 4 орудія 5-й батареи Гв. Конно-Артиллерійской бригады. Въ хвостѣ колонны въ началѣ движенія слѣдовала 6-я батарея 31 Артиллерійской бригады, 4 орудія съ зарядными ящиками, но этой батареѣ вскорѣ приказано было вернуться въ Орханіэ.

Авангардъ, подъ Начальствомъ Начальника Штаба 31 пѣхотной дивизіи Полковника *Муромцева*, съ 3-мя проводниками

Болгаръ опередилъ отрядъ часа на два. Главныя силы колонны, подъ личнымъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова*, начали движеніе изъ Врачеша около 10-ти часовъ утра.

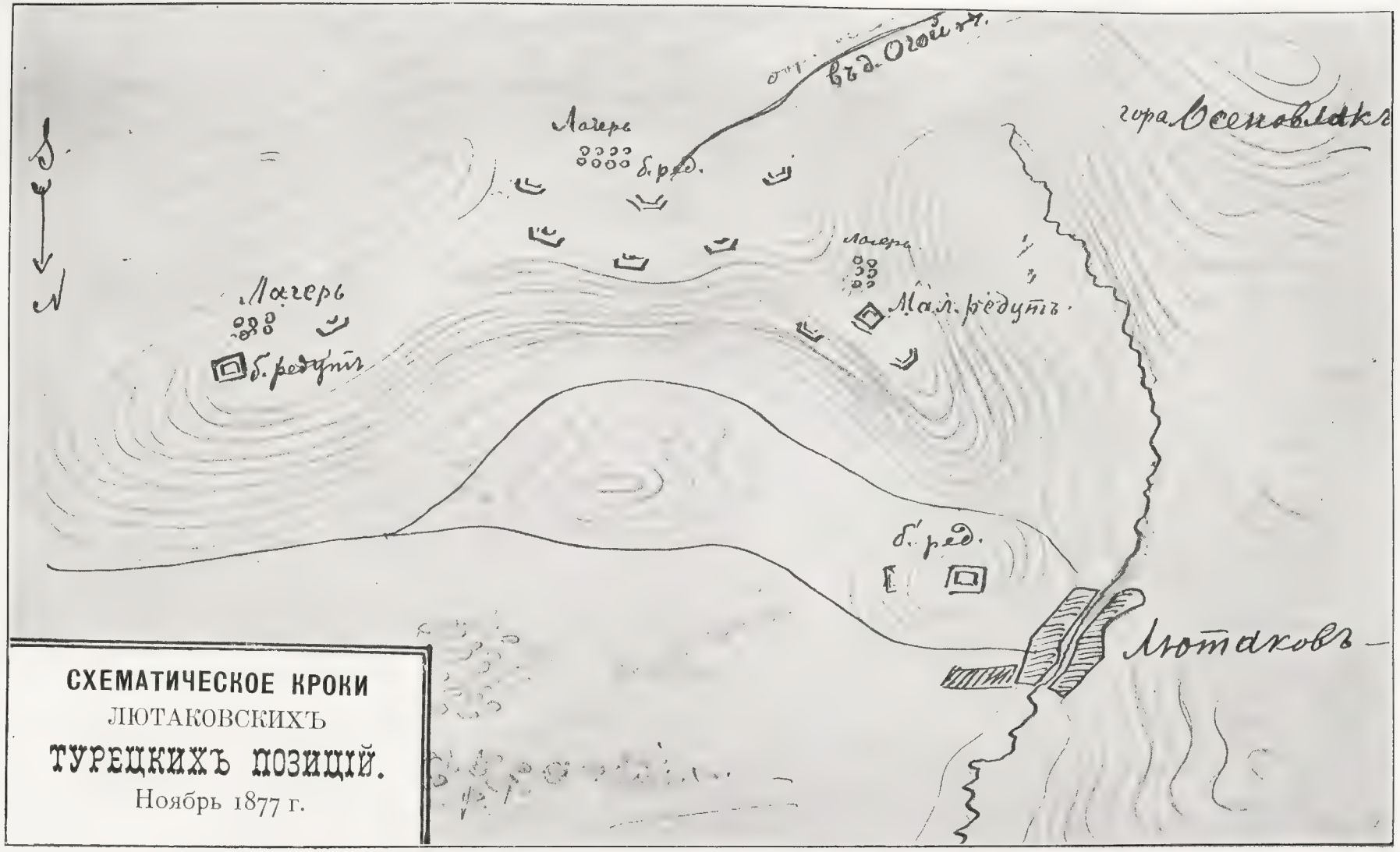
Вызванныя изъ полковъ саперныя команды шли впереди колонны, расчищая снѣгъ и дѣлая путь по возможности проходимымъ. Съ наступленіемъ темноты голова колонны дошла до конца Врачешскаго ущелья. Далѣе на колесахъ итти нельзя было,—дорога прекращалась, и кругомъ виднѣлись почти вертикальныя стѣны скалъ. По недостатку мѣста на площадкѣ въ концѣ ущелья, орудія и ящики расположены были вплотную; лошадей пришлось всю ночь держать въ поводу. Болгары указали въ горахъ ключъ, откуда принесли воду поить лошадей. Ночь была лунная, сильный морозъ давалъ себя чувствовать. Люди сварили въ котелкахъ кашицу и чай и легли отдыхать при кострахъ. Офицеры, завернувшись въ свои бурки и американскіе мѣшки, также расположились на отдыхъ при орудіяхъ. Между тѣмъ, авангардъ успѣлъ вкарабкаться на утесы и, пройдя версты двѣ впередъ по сугробамъ снѣга, остановился для ночлега на горной площадкѣ, гдѣ его заносило метелью.

14-го Декабря утромъ авангардъ пытался продолжать движеніе, но принужденъ былъ остановиться, и Начальникъ его донесъ, что, не будучи въ состояніи продолжать движеніе, онъ приказалъ всѣмъ вернуться къ мѣсту ночлега, на первую площадку.

Съ авангарда также дали знать, что движеніе артиллеріи немыслимо. Изъ числа находившихся при авангардѣ трехъ Болгаръ-проводниковъ одинъ сбѣжалъ, остальные оба, почтенные старики, заявили о невозможности достичь перевала Умургача, вслѣдствіе заноса пути снѣгомъ. Однако, около 10 часовъ утра 14-го Декабря буранъ нѣсколько утихъ, и Генералъ-Лейтенантъ *Вельяминовъ* послалъ Начальнику авангарда приказаніе, во что бы то не стало продолжать движеніе.

Между тѣмъ, утромъ 14-го Декабря въ батареѣ все было приготовлено для начала движенія. Для этого еще ночью послано было въ д. Врачешъ искать у Болгаръ салазки для нагрузки на нихъ орудій въ разобранномъ видѣ. Всѣхъ салазокъ на долю 2-й батареи нашлось восемь. Съ разсвѣтомъ начали укладывать на салазки орудія, снятыя съ лафетовъ, и отдѣльно лафеты безъ колесъ.

Задніе ходы 4-хъ зарядныхъ ящиковъ были отправлены рано утромъ обратно во Врачешъ, откуда ихъ забрали посланными за ними лошадьми 3-го взвода въ Орханіэ. Передки зарядныхъ



СХЕМАТИЧЕСКОЕ КРОКИ
ЛЮТАКОВСКИХЪ
ТУРЕЦКИХЪ ПОЗИЦІЙ.
Ноябрь 1877 г.

ящиковъ успѣли вернуться къ батареѣ къ 10 ч. утра. Орудійныя колеса роздали пѣхотѣ. У передковъ рѣшено было колесъ не снимать и снарядовъ не вынимать. Орудія къ салазкамъ привязывались постромками. Для прочности салазокъ, ихъ обтягивали веревками и сверху привязывали дубовые дрючки, нарубленные въ лѣсу. Впереди каждыхъ салазокъ и передка привязывали два конца каната, которымъ запаслись еще въ г. Врацѣ; для той-же цѣли служили также отвозы. Къ каждымъ салазкамъ и передку наряжено было по одной ротѣ отъ Тамбовскаго полка.

За каждымъ орудіемъ приказано было вести лошадей. Въ хвостѣ колонны слѣдовали запасныя лошади и вьюки.

Впереди батареи шелъ Поручикъ *Графъ Путятинъ* со 2-мъ взводомъ; за нимъ—Капитанъ *Хитрово* съ 1-мъ взводомъ.

14-го Декабря около 9 часовъ утра Тамбовцы начали втаскивать на гору головное 4-е орудіе батареи.

Первоначальный подъемъ изъ оврага до первой площадки, на разстояніи примѣрно версты отъ мѣста ночлега, былъ крутизною до 35°.

Путь шелъ по руслу горнаго ручья, заваленнаго каменными глыбами, и мѣстами подобенъ былъ исполинскимъ ступенямъ.

Въ лѣтнее время по окраинамъ текущаго здѣсь ручья вьется тропа, по которой Болгары гонятъ въ горы на пастьбу своихъ козъ. По пути встрѣчались вѣковыя буковыя и дубовыя деревья, къ которымъ люди, останавливаясь для передышки, привязывали канаты салазокъ.

Вначалѣ скорость движенія не превосходила 80 саженъ въ часъ. Людей смѣняли у тяги каждые полчаса. Путь былъ скользкій, и пришлось мѣстами вырубать въ скалѣ ступени. Работали весь день безъ остановки, при чемъ многіе отъ совершеннаго изнеможенія падали.

Въ 6-мъ часу вечера, при наступившей темнотѣ, 4-е орудіе дотащили до первой площадки; батарея подтянулась, и движеніе колонны пріостановилось; каждая часть расположилась на отдыхъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее застала ночь. Въ это время хвостъ всей колонны отряда еще находился въ Врачешскомъ ущельи.

Предвидя, что дальнѣйшее движеніе въ горахъ продолжится нѣсколько дней, Командиръ батареи поручилъ Подпоручику *Дрейлингу*, взявъ съ собою нѣсколько строевыхъ лошадей, спуститься къ Орханіэ и доставить батареѣ возможно большее количество ячменя. Подпоручикъ *Дрейлингъ* ночью съ большимъ затрудненіемъ дошелъ до Орханіэ, получилъ въ 3-мъ взводѣ имѣвшійся

тамъ въ запасѣ ячмень и 16-го Декабря присоединился вновь къ батареѣ.

15-го Декабря движеніе началось съ разсвѣтомъ. Въ этотъ день мѣстами путь былъ столь-же затруднителенъ, какъ и въ первый день; до ночи работали безъ отдыха. По словамъ Болгаръ, только благодаря толстому слою снѣга, возможно было пройти по крутымъ косогорамъ. Лѣтомъ здѣсь тропа доступна только для одиночныхъ пѣшеходовъ.

Отъ авангарда возвращались люди съ отмороженными лицами и оконечностями. У многихъ появилась болѣзнь глазъ и у нѣкоторыхъ слѣпота, что происходило вслѣдствіе метели и утомленія глазъ отъ бѣлизны снѣга. Вслѣдствіе чрезмѣрной натуги, было нѣсколько человѣкъ, скоропостижно умершихъ отъ разрыва сердца.

По всей колоннѣ слышны были голоса унтеръ-офицеровъ: „разъ, два, три-берн!“; пѣли „дубинушку“ и „ну-ка, братцы, ухнемъ!“

Къ концу дня небо стало проясняться, и въ облакахъ показалась сребристая вершина высшей горы Этропольскихъ Балканъ, Умургачъ. Тамъ, сказывали Болгары, не далеко и до перевала. Вправо отъ пути, между перелѣскомъ, мѣстами открывался чудесный видъ на цѣпь горныхъ вершинъ Балканъ, и далеко внизу видны были укрѣпленія Лютаковской позиціи, еще занятыя Турками; до нихъ было не менѣе 6 верстъ.

Въ этотъ день, съ наступленіемъ ночи движеніе долго не прекращалось. По сторонамъ дороги, которая по мѣрѣ подъема становилась болѣе удобопроходимой, разложены были костры.

Генералъ-Лейтенантъ *Вельяминовъ* верхомъ на турецкой лошади обогналъ всю колонну, при чемъ бесѣдовалъ съ людьми, ободрялъ и хвалилъ ихъ. Слова обожаемаго солдатами Начальника дивизіи усиливали ихъ энергію.

По мѣрѣ приближенія къ перевалу, морозъ усиливался. При каждой остановкѣ люди подбѣгали погрѣться къ кострамъ, разложеннымъ вдоль дороги. Наконецъ, послѣ полуночи движеніе прекратилось, и люди, расположившись по сторонамъ дороги, развели огонь и, въ котелкахъ растопивъ снѣгъ, варили себѣ чай. Офицеры расположились отдыхать на снѣгу у костра.

16-го Декабря движеніе возобновилось до разсвѣта. Съ каждымъ часомъ все яснѣе впереди обрисовывалась величественная вершина Умургача.

Посланный къ перевалу впередъ фейерверкеръ далъ знать, что въ сторонѣ отъ дороги, въ горахъ, Болгары указали ему

стогъ сѣна. Вслѣдствіе этой находки, всѣхъ лошадей пустили впередъ, чтобы подкормить ихъ до прибытія батареи къ перевалу. Въ надеждѣ скораго прихода къ перевалу, Тамбовцы съ пѣснею дружнѣе взялись за работу. Погода послѣ полудня стала разъясняться, путь становился болѣе отлогимъ, снѣгъ тверже, но зато морозъ и вѣтеръ значительно усилились.

Наконецъ, къ закату солнца, около $4^1/_2$ часовъ пополудни, передовое орудіе батареи достигло перевала. Здѣсь стали выстраиваться на такъ называемой Лютой Площадкѣ (Зла-Поляна), покрытой глубокимъ снѣгомъ. Къ западу отъ этой площадки возвышается скалистый хребетъ, на гребнѣ котораго торчитъ нѣсколько шпицевъ; самый высокій изъ нихъ называется Умургачъ; высота его надъ уровнемъ моря 5000 футовъ. Съ перевала на югъ открывается кругозоръ на всю Софійскую долину.

По прибытіи къ мѣсту перевала, прислуга каждаго орудія тотчасъ приступила къ укладкѣ его на лафеты, къ запряжкѣ лошадей и приведенію всего въ надлежащій видъ.

Къ тому времени находящійся при авангардѣ Генеральнаго Штаба Капитанъ *Бюгеръ*, лично изслѣдовавъ путь къ Желявѣ, по которому назначено было слѣдовать колоннѣ, донесъ, что вслѣдствіе крутизны спуска и заносовъ снѣга, путь этотъ для артиллеріи совершенно непроходимъ.

Архангелогородскому баталіону, шедшему въ авангардѣ, съ большимъ трудомъ удалось спуститься по пути къ Желявѣ. Единственно возможный спускъ въ долину для артиллеріи и кавалеріи былъ по ущелью, ведущему къ деревнѣ Чурьякъ; по немъ прошелъ высланный утромъ впередъ разъѣздъ Л.-Драгунскаго полка.

Тогда Генералъ-Лейтенантъ *Вельяминовъ* поручилъ состоявшему при немъ прикомандированнымъ въ качествѣ офицера Генеральнаго Штаба Подполковнику *Квитницкому* *) рекогносцировать этотъ путь и просить у Генерала *Гурко*, который къ тому времени по диспозиціи долженъ былъ быть въ Чурьякѣ, разрѣшенія измѣнить направленіе движенія колонны. Въ 3 часа пополудни Подполковникъ *Квитницкій* вернулся къ Генералу *Вельяминову* съ разрѣшеніемъ колоннѣ спуститься на Чурьякъ.

Оставаться долѣе на Зла-Полянѣ, по словамъ Болгаръ, было опасно, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ свирѣпствуютъ постоянно бури и метели. Дѣйствительно, вскорѣ началъ ураганъ со снѣ-

*) Нынѣ Начальникъ 15-й Кавалерійской дивизіи.

гомъ. Стало темнѣть, когда батарея начала вытягиваться по узкой извилистой дорогѣ Чурьякскаго ущелья, доступной въ лѣтнее время только для вьючныхъ лошадей. Отъ сильной метели нельзя было различать ближайшіе предметы, и колеса углублялись по ступицы въ снѣгъ. Съ наступленіемъ темноты пѣхота разложила по бокамъ дороги костры для освѣщенія пути.

Около 10 часовъ вечера головное орудіе подошло къ опасному мѣсту.

Высланная впередъ пѣхотная саперная команда продолжительное время работала по карнизу утеса, уширяя путь, который былъ менѣе ширины колеи артиллеріи. Въ этомъ мѣстѣ дорога у пропасти огибала скалу.

Саперы разложили большіе костры для освѣщенія опаснаго участка. Лошадей всѣхъ выпрягли и каждое орудіе и передокъ спускали отдѣльно, привязавъ къ нимъ сзади длинные канаты, за которые ихъ придерживало до 80 человѣкъ пѣхоты. Непосредственно у лафетовъ и передковъ находилась орудійная прислуга, которая направляла ихъ движеніе.

Были моменты, когда вслѣдствіе гололедицы вся команда, приставленная къ одному канату, скользила по отлогости, съ опасностью, что орудіе или передокъ оборвется въ пропасть. Работою руководили офицеры и фейерверкеры батареи. Пріостановить движеніе колонны до разсвѣта нельзя было, такъ какъ по обстановкѣ требовалось возможно скорѣе всѣмъ спуститься въ Софійскую долину и дать пройти впередъ 2-й гвардейской Кавалерійской дивизіи, для освѣщенія мѣстности и развѣдокъ къ сторонѣ Софіи и въ тылу Ташкисена. Эта ночь потребовала неимовѣрныхъ напряженій силъ людей, которые безъ сна и отдыха утомились до крайности.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ ушибовъ людей и лошадей,— все обошлось благополучно. Во время спуска едва не погибъ Поручикъ *Графъ Путятинъ*, оборвавшійся въ пропасть; къ счастью, при паденіи онъ былъ задержанъ снѣжнымъ сугробомъ и сучьями кустовъ, растущихъ по стѣнѣ обрыва.

17-го Декабря 1-й взводъ батареи въ 3 часа утра прибылъ къ дер. Чурьякъ; къ 6-ти часамъ утра подтянулся и 2-й взводъ. Въ д. Чурьякъ въ это время находились передовыя части 1-й Гв. пѣхотной дивизіи, входящія въ составъ колонны Генералъ-Маіора *Рауха*. Здѣсь-же находился со своимъ Штабомъ Генералъ *Гурко*.

Батарея стала на привалъ у опушки деревни, въ которой удалось добыть нѣсколько сѣна для лошадей. Для дальнѣйшаго

движенія согласно диспозиціи ожидали только прибытія всего 122-го Тамбовскаго полка. Такимъ образомъ, 2-я батарея въ 4 дня, съ 13-го по 17-е Декабря, перешла черезъ большіе Балканы, благодаря геройскимъ трудамъ славнаго 122 Тамбовскаго пѣхотнаго полка*).

VIII. Горный Бугоровъ.

Спустившись съ Балканъ 17-го Декабря, передовой эшелонъ колонны Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова*, въ составѣ трехъ баталіоновъ 122 Тамбовскаго полка и четырехъ орудій 2-й батареи, выступилъ изъ дер. Чурьякъ на дер. Елешницу, куда прибылъ на ночлегъ въ 2 часа пополудни. По пути колонну опередила 2-я Гв. Кавалерійская дивизія, которая, перейдя Балканы тотчасъ за пѣхотою, пошла къ д. Желявѣ. Дивизія эта послѣ дневки 18-го числа въ Желявѣ, въ 4 часа утра 19-го числа выступила къ Ташкисену, оставивъ въ сторонѣ Софіи по одному эскадрону отъ Л.-Гв. Драгунскаго и Л.-Гв. Гусарскаго Его Величества полковъ, которые въ тотъ-же день вечеромъ также ушли къ Ташкисену; ихъ замѣнила на передовыхъ постахъ къ сторонѣ Софіи Кавказская казачья бригада.

По пути къ д. Елешницѣ дорога шла по берегу горнаго ручья, покрытаго тонкимъ льдомъ. Отыскивая бродъ для батареи, Поручикъ *Графъ Путятинъ* провалился и вмѣстѣ съ лошадью окунулся въ воду. Къ счастью, сильная донская лошадь вынесла его на противоположный берегъ, и онъ карьеромъ поскакалъ въ Елешницу, гдѣ въ хатѣ высушилъ платье и, обогрѣвшись, догналъ батарею.

Въ д. Елешницѣ Тамбовцы и батарея переночевали квартирно-бивуачно, а 18-го Декабря перешли къ дер. Желявѣ, откуда прибыли въ 8 часовъ вечера въ д. Яну, гдѣ и расположились на ночлегъ. Въ этой богатой деревнѣ, не тронутой Турками, нашлись въ изобиліи продовольствіе и фуражъ.

Въ дер. Яну къ колоннѣ присоединились перешедшіе Умургачъ за Тамбовцами два баталіона 121-го Пензенскаго полка и 2 орудія 3 взвода 5-й батареи Гв. Конно-Артиллерійской бригады, подъ начальствомъ Капитана *Мартынова*.

Въ составъ отряда Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова* по диспо-

*) Приложеніе 11: Рапортъ Генералъ-Лейтенанта Вельяминова отъ 25 Января 1878 г.

Приложеніе 19: Изъ походныхъ воспоминаній Поручика Графа Е. Е. Путятина.

зиціи вошла также Кавказская казачья бригада, подъ начальствомъ Свиты Е. В. Генералъ-Маіора *Черевина*, которая 15-го Декабря, по выходѣ изъ горъ у д. Чурьякъ, успѣла захватить съ боя турецкій обозъ на шоссе, и затѣмъ направлена была къ дер. Батунецъ, Кремковица, Дольный Бугоровъ, и далѣе къ западу къ р. Искеръ, для освѣщенія мѣстности къ сторонѣ Софіи.

Такимъ образомъ, общая численность отряда Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова*, который долженъ былъ составлять заслонъ для главныхъ силъ со стороны Софіи, приблизительно была: 2000 пѣхоты 11 сотенъ (900 казаковъ) и 6 орудій 2-й и 5-й батарей Гв. Конно-Артиллерійской бригады.

19-го Декабря, рано утромъ, Генерамъ-Лейтенантъ *Вельяминовъ* изъ Яну въ сопровожденіи своего Штаба, Свиты Е. В. Генералъ-Маіора *Черевина* и Командира 2-й батареи, Полковника *Таль*, предпринялъ рекогносцировку мѣстности въ сторонѣ Софіи, съ цѣлью выбрать позицію на случай наступленія изъ Софіи сосредоточенныхъ тамъ значительныхъ турецкихъ силъ подъ начальствомъ Мехмеда-Паши. Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова* сопровождало при этой рекогносцировкѣ нѣсколько Болгаръ, хорошо знающихъ окрестную мѣстность. По ихъ показаніямъ, въ Софіи находилось до 30 таборовъ Низама, каждый въ составѣ 500 человѣкъ съ 24 орудіями. Болгары показали, что таборы, находившіеся на Лютаковскихъ позиціяхъ, 18 Декабря спустились съ Балканъ и перешли въ Софію. Съ нашей стороны къ сторонѣ Софіи до Искера были выдвинуты части казачьей Кавказской бригады, отъ которой выставлена была 19 Декабря сторожевая цѣпь вдоль рѣки Хаджи-Караманъ, притока Искера.

День былъ солнечный; окрестность видна была на далекомъ разстояніи. При остановкахъ во время рекогносцировки, Болгары давали необходимыя разъясненія о мѣстности. Изрѣдка раздавались вдали одиночные выстрѣлы; то была перестрѣлка нашихъ казаковъ съ турецкими разъѣздами. По шоссе Генералъ *Вельяминовъ* доѣхалъ до рѣки Хаджи-Караманъ, развѣтвляющейся на три рукава, черезъ которые имѣются по шоссе каменные небольшіе мосты. Берега рѣки Хаджи-Караманъ болотисты, и по показаніямъ Болгаръ, бродовъ и проходовъ черезъ болота въ то время не было. Замерзшая рѣчка покрыта была тонкимъ слоемъ льда. Съ шоссе Генералъ *Вельяминовъ* повернулъ на дер. Горный Бугоровъ, откуда съ высотъ представлялся большой кругозоръ въ долину, которую пересѣкаетъ Софійское шоссе, обсаженное деревьями. По обѣимъ сторонамъ шоссе, по указанію Болгаръ, простирались

поля, прорытыя канавами и обработываемыя подъ кукурузу. Теперь все это покрыто было слоемъ снѣга толщиною до одного фута. Рекогносцировка указала на двѣ находящіяся къ сѣверу отъ шоссе, на отрогахъ горъ, позиціи,—обѣ фланговыя относительно Софійскаго шоссе; одна позиція находится южнѣе Яново, другая у д. Горный Бугоровъ.

Генералъ-Лейтенантъ *Вельяминовъ* отдалъ предпочтеніе позиціи у Горнаго Бугорова и, объѣхавъ ее вдоль и поперекъ, тогда-же намѣтилъ расположеніе на ней частей отряда и сообщилъ окружавшимъ его лицамъ предполагаемое имъ дѣйствіе на случай наступленія Турокъ.

Деревня Горный Бугоровъ расположена въ лощинѣ; впереди деревни съ южной стороны находится большой курганъ. Высота восточнѣе деревни командуетъ надъ прочими участками позиціи; она намѣчена была для расположенія батареи. Вся мѣстность впереди пологимъ скатомъ спускается къ шоссе; неровностей и предметовъ, могущихъ служить прикрытіемъ наступающаго со стороны шоссе противника, не было, и съ позиціи представлялся большой обстрѣлъ. Затѣмъ, осмотрѣвъ по пути менѣе удобную вторую позицію, Генералъ *Вельяминовъ* вернулся въ д. Яну.

Въ этотъ день на укомплектованіе Кавказской казачьей бригады, какъ нельзя болѣе кстати, съ Кавказа прибыли двѣ сотни Кубанскаго и Владивостокскаго полковъ, по 180 человѣкъ на каждый полкъ.

Выступленіе отряда изъ Яну къ Горному Бугорову предполагалось съ разсвѣтомъ 20-го Декабря.

19-го Декабря около 4 часовъ пополудни, когда стало смеркаться, со стороны дер. Дольнаго Бугорова ружейная пальба на аванпостахъ казачьей бригады усилилась. Всѣ части отряда, расположенныя въ Яну, встревоженныя этой частой пальбой, не ожидая особаго приказанія, стали готовиться къ выступленію.

Вскорѣ раздались сигналы тревоги, и въ нѣсколько минутъ войска были построены и двинулись на выручку Кавказской казачьей бригадѣ, отъ которой было получено донесеніе о наступленіи значительныхъ силъ Турокъ.

Стало темнѣть, когда колонна, слѣдуя почти бѣгомъ, стала подходить къ деревнѣ Горный Бугоровъ, находящейся отъ дер. Яну въ разстояніи 3 верстъ. Навстрѣчу колоннѣ, съ воплями и криками, въ паническимъ страхѣ спасаясь отъ Турокъ, и увозя на на каруцахъ пожитки свои, бѣжала тысячная толпа Болгаръ окрестныхъ деревень. На горизонтѣ видно было громадное пламя

зажженной Турками деревни Дольный Бугоровъ. Совершенно потемнѣло, когда отрядъ сосредоточился на выбранной днемъ позиціи у Горнаго Бугорова, гдѣ находился Генералъ-Лейтенантъ *Вельяминовъ*, который разсылалъ приказанія, куда направиться и гдѣ расположиться частямъ отряда.

Въ долинѣ, вдоль рѣки Хаджи-Караманъ, линія какъ нашей, такъ и турецкой сторожевой цѣпи обозначалась въ ночной темнотѣ вспышками ружейныхъ выстрѣловъ.

При заревѣ пожара Дольнаго Бугорова можно было видѣть около этой деревни черныя массы непріятеля, и за рѣкою Хаджи-Караманъ тянулась безконечная линія большихъ бивуачныхъ костровъ Турокъ.

Къ 10 часамъ стрѣльба на аванпостахъ стала утихать, и получено было приказаніе, въ виду возможнаго ночного боя, ночевать въ боевомъ порядкѣ на занимаемыхъ мѣстахъ. Костры разрѣшено было разложить только по одному на роту, по возможности въ мѣстахъ, закрытыхъ со стороны непріятеля.

Морозъ значительно усилился, и поднялся сильный вѣтеръ. Солдаты кое-гдѣ начали варить себѣ чай, растапливая снѣгъ въ котелкахъ. Въ Яну нѣкоторыя роты успѣли поужинать; другимъ пришлось выворачивать котелки. Лошадей въ батареѣ не разсѣдлывали; имъ навѣсили торбы, и добыли въ деревнѣ сѣна.

Офицеры, закутавшись въ бурки, легли на снѣгу около орудій, которыя сняты были съ передковъ и заряжены гранатами. Выставлены были часовые, и орудійная прислуга улеглась въ кучкахъ, устроивъ себѣ въ снѣгу ложементы.

На основаніи всѣхъ полученныхъ отъ казачьихъ разъѣздовъ донесеній, надо было предполагать, что Турки собрались въ значительныхъ силахъ. Болѣе всего слѣдовало опасаться обхода нашего лѣваго фланга, какъ стратегическаго ключа позиціи; при чемъ Турки могли прорваться къ Ташкисену или пройти на Ихтиманъ. Въ этомъ случаѣ возложенная на отрядъ обязанность — быть заслономъ нашимъ главнымъ силамъ, находящимся у Ташкисена,—не была-бы выполнена. О результатахъ боя у Ташкисена, происходившаго въ этотъ день, свѣдѣній въ отрядѣ не имѣлось, и связь съ главными силами Генералъ-Адъютанта *Гурко* полевою почтою (разстояніе около 25 верстъ) не была установлена.

Съ разсвѣтомъ 20-го Декабря пѣхота на позиціи начала окапываться штыками и чѣмъ попало. Шанцеваго инструмента имѣлось самое незначительное количество; большею частью онъ

СРАЖЕНІЕ
у дер. Горное Бугорово
20 Декабря 1877 г.
Кроки 250 с.=1 дюйму.
Ю.
С.
Мусачево.
Болгово.
Тухчица
Долн. Бугаров
Ташкисенл.
Ген. шт. Зотов.
Ген. шт. Владиковъ.
Горн. Бугоровъ.
Ташкисенъ
Батунеуз
Яна
Куб. к. п.
2-е Владиков кав. п.
Обсерв. 121 Пех. п.
Бат.
Ящики

пришелъ въ негодность подъ Плевною. Въ деревнѣ добыты были лопаты и топоры. Довольно рыхлая земля кукурузнаго поля облегчала возведеніе стрѣлковыхъ насыпей, не превышавшихъ двухъ футовъ высоты, для дѣйствія изъ-за нихъ лежа съ упора. Обнаженная земля съ наружной стороны маскировалась насыпкою снѣга.

Опушка деревни также приведена была по возможности въ оборонительное положеніе; особенно усиленная работа шла у большого кургана, находящагося впереди деревни.

На правомъ флангѣ позиціи батареи находились 4 орудія 2-й батареи; на лѣвомъ флангѣ—2 орудія 5-й батареи. При батареѣ находились: Командиръ батареи Полковникъ *Таль*, Командиръ 1-го взвода Капитанъ *Хитрово*, Командиръ 2-го взвода Поручикъ *Графъ Шутятинъ*; Командиръ 3-го взвода (5-й Гв. Конной батареи) Капитанъ *Мартыновъ*, Поручикъ *Шереметьевъ* и вольноопредѣляющійся фейерверкеръ *Зволянскій*. Подпоручикъ *Дрейлингъ* назначенъ былъ состоять ординарцемъ при Генералѣ *Вельяминовѣ*.

При батареѣ находился врачъ, Коллежскій Ассесоръ *Ивановъ*. Общій перевязочный пунктъ устроенъ былъ въ тылу позиціи, у деревни. Интервалы между орудіями взяты были въ 30 шаговъ. Орудійные передки помѣщены были въ разстояніи до ста шаговъ, за флангами батареи. Передки зарядныхъ ящиковъ, коноводы и запасные лафеты отведены были еще далѣе назадъ, гдѣ они нѣсколько были прикрыты склономъ мѣстности. Для быстрой передачи снарядовъ приняты были мѣры. На разсвѣтѣ отъ батареи высланы были верхомъ фейерверкеры, чтобы измѣрить временемъ прохожденія разстояніе до нѣкоторыхъ видимыхъ предметовъ впереди позиціи. Разстояніе до одного малаго мостика на шоссе опредѣлилось въ 900 саженъ, а до отдѣльно стоящаго дерева 360 саженъ.

Съ своей стороны и пѣхота выслала людей для измѣренія нѣкоторыхъ дистанцій впереди своего расположенія. Къ сожалѣнію, никакихъ дальномѣровъ при пѣхотѣ и батареѣ не было.

Вся мѣстность съ утра застлана была туманомъ, который постепенно послѣ восхода солнца сталъ разсѣиваться, и горизонтъ нѣсколько разъяснился. Около 10 часовъ со стороны Софіи по шоссе показалась большая турецкая колонна, слѣдующая въ походномъ порядкѣ. По переходѣ мостовъ черезъ рѣку Хаджи-Караманъ, Турки разсыпали стрѣлковую цѣпь. Въ колоннѣ насчитали до 12 таборовъ; между ними слѣдовали двѣ пѣшія батареи, по 6-ти орудій каждая. Движеніе непріятельской колонны вначалѣ было весьма стройное.

Такъ какъ въ батареѣ имѣлось только по 60 гранатъ и шрапнелей и по 3 картечи на орудіе, а въ пѣхотѣ по 60 патроновъ на винтовку, то Генералъ *Вельяминовъ* по всему отряду отдалъ приказаніе открыть огонь только на самой близкой дистанціи и до крайности беречь пули и снаряды.

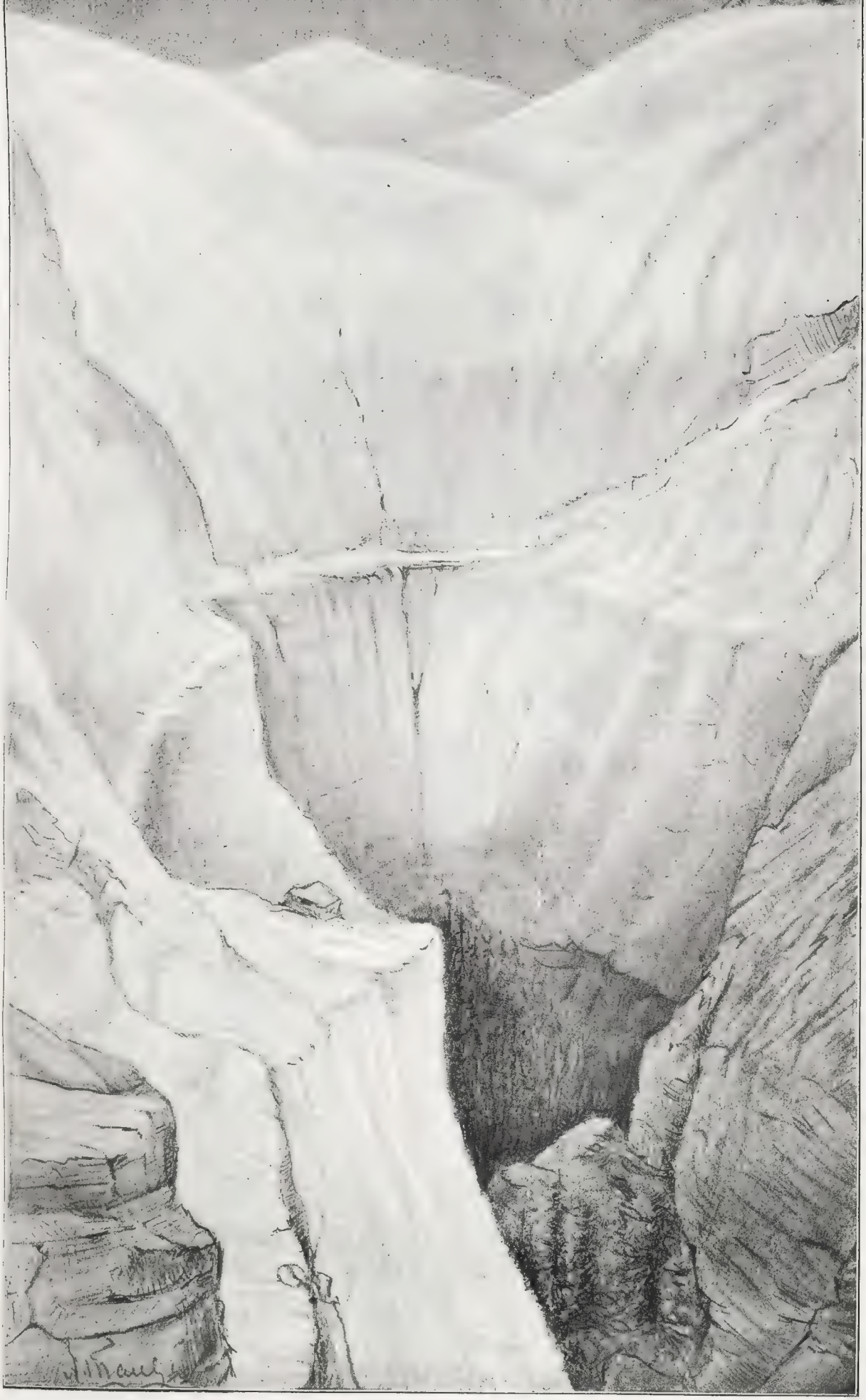
Около 10 часовъ Генералъ *Вельяминовъ* разрѣшилъ батареѣ открыть огонь, который направленъ былъ въ голову колонны. Для перваго выстрѣла прицѣлъ поставленъ былъ на 850 саженъ, и гранату разорвало среди головного табора. Затѣмъ перешли на шрапнель, при чемъ по-взводно распредѣлили огонь вдоль всей колонны.

Для сбереженія снарядовъ стрѣльба велась медленная. Наблюденіе за разрывомъ снарядовъ затруднялось яркою бѣлизною покрытаго снѣгомъ поля и туманомъ. Установку времени горѣнія трубки шрапнелей пришлось значительно измѣнить противъ указанной въ таблицѣ. Регулировать время горѣнія дистанціонныхъ трубокъ удалось, однако, вполнѣ; трубки были новаго изготовленія, 10-тисскундпаго времени горѣнія, и дѣйствовали однообразно, такъ что вскорѣ стали получать желаемую высоту разрыва шрапнели. По открытіи огня батареи, непріятельская колонна стала сворачивать съ шоссе и строить боевой порядокъ, имѣя впереди почти сплошную густую стрѣлковую цѣпь. Вслѣдствіе большого протяженія линіи наступающихъ Турокъ, огонь по-взводно былъ распредѣленъ по всему фронту; 4 орудія 2-й батареи обстрѣливали лѣвый флангъ и центръ, а два орудія 5-й батареи -правый флангъ непріятельскаго боевого порядка, при чемъ приказано было наводить на сомкнутыя части поддержекъ цѣпи.

Вслѣдствіе значительнаго командованія артиллерійской позиціи надъ равниной, возможно было обстрѣливать боевой порядокъ Турокъ не только по фронту, но и въ глубину.

Съ фронта позиціи, за шоссе, выѣхали двѣ непріятельскія шести-орудійныя батареи, которыя открыли по нашей батареѣ и пѣхотѣ огонь гранатами и шрапнелями. Дистанція до первой батареи была приблизительно около 1000, а до второй около 700 саженъ. На огонь этихъ турецкихъ батарей наша батарея не отвѣчала, такъ какъ все вниманіе было обращено на пораженіе наступавшей непріятельской пѣхоты.

Стрѣльба турецкихъ батарей отряду не причиняла вреда. Первые снаряды, хотя и ложились довольно близко, но, не разрываясь, глубоко зарывались въ рыхлую почву. Затѣмъ непріятельскіе снаряды начали значительно перелетать за батарею, а



Спускъ съ Умургача. 16 Декабря 1877 г.

шрапнели изрѣдка рвало на большой высотѣ. Турецкимъ батареямъ пришлось стрѣлять черезъ головы своей пѣхоты, что и было причиною большихъ перелетовъ ихъ снарядовъ.

Вся линія наступающей цѣпи Турокъ съ разстоянія примѣрно 1500 шаговъ открыла безпрерывный бѣглый огонь и безостановочно надвигалась на занимаемую нашими войсками позицію. Медленный огонь нашей пѣхоты, вооруженной винтовками Крынка, открытъ былъ только съ разстоянія около 700 шаговъ. Шипѣніе непріятельскихъ пуль не умолкало, и турецкая цѣпь стрѣляла на ходу. По всей ея линіи трубили сигналы, раздавались команды и дружный крикъ „Аллахъ“. Протяженіе всей непріятельской линіи, охватывающей фронтъ и фланги нашей позиціи, доходило до $1^1/_2$ верстъ.

Расположеніе нашихъ войскъ на позиціи также было весьма растянутое, что, при малочисленности отряда, легко могло быть причиною прорыва боевой линіи.

При началѣ боя получено было донесеніе, что два турецкихъ табора съ орудіями обходятъ правый флангъ нашего общаго расположенія, направляясь на Батунецъ. Вслѣдствіе этого, правый флангъ позиціи усиленъ былъ изъ резерва ротами Тамбовскаго полка и Пензенскимъ баталіономъ. Правый флангъ Турокъ постоянно удлинялся, и такимъ образомъ всему нашему отряду угрожало быть окруженнымъ съ 3-хъ сторонъ.

Батарея участила стрѣльбу, и по мѣрѣ приближенія Турокъ, снаряды наши безъ промаха стали разрываться среди ихъ сомкнутыхъ частей. Около орудія лежали наготовѣ картечь и шрапнели, установленныя на картечь. Наступилъ критическій моментъ, и рѣшеніе боя близилось къ концу. Въ это время расположенныя на нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ роты Тамбовцевъ, по иниціативѣ Командира 3-го баталіона Маіора *Артаболевскаго*, съ цѣлью предупредить окончательный обходъ нашего лѣваго фланга, перешли въ наступленіе и, отбросивъ правый флангъ турецкой цѣпи, съ крикомъ „Ура“ быстро продолжали аттаку. Тамбовцы по временамъ останавливались, давая залпы. Турки не выдержали этой аттаки и стали отступать, собираясь въ кучи, въ которыя и были направлены выстрѣлы нашей батареи. Эта успѣшная аттака 3-го баталіона Тамбовцевъ была кульминаціоннымъ моментомъ перемѣны обстановки всего боя въ нашу пользу.

Одновременно съ этимъ успѣхомъ, на нашемъ лѣвомъ флангѣ произошло не менѣе важное событіе въ центрѣ позиціи, у кургана впереди деревни. Здѣсь 1-й баталіонъ Тамбовскаго полка

былъ аттакованъ густою массою турецкой цѣпи съ ихъ поддержками. Тамбовцы на самомъ близкомъ разстояніи дали нѣсколько залповъ и затѣмъ кинулись въ аттаку въ штыки, предводительствуемые унтеръ-офицерами, такъ какъ до этого Командиръ баталіона Подполковникъ *Богаевскій* былъ убитъ и всѣ офицеры баталіона ранены и выбыли изъ строя. Турки отхлынули; за ними по пятамъ, съ криками „Ура“, двинулись Тамбовцы, которые окончательно обратили ихъ въ бѣгство и преслѣдовали залпами. Тогда во всей линіи пѣхота наша вышла изъ окоповъ и дружно перешла въ наступленіе.

Огонь батареи послѣ этого направленъ былъ въ густыя массы Турокъ, толпившихся на шоссе и отступавшихъ къ мостамъ черезъ рѣчку Хаджи-Караманъ. Стрѣльба производилась гранатами и шрапнелями на разстояніи отъ 1000 до 1200 саженъ. Удачные разрывы снарядовъ увеличили панику среди отступающихъ. Многіе вязли въ болотѣ и тонули въ рѣкѣ, такъ какъ на единственно возможномъ пути отступленія черезъ мосты происходила страшная давка. Въ это время батареѣ пришлось дать нѣсколько выстрѣловъ гранатами черезъ головы наступающей нашей пѣхоты; самая дальняя дистанція, съ которой можно было стрѣлять шрапнелью съ 10-секундной трубкою, была 1075 саженъ. Аттака Турокъ на нашъ правый флангъ позиціи со стороны д. Батунецъ также была блистательно отражена контръ-аттакою Тамбовцевъ и Пензенцевъ. Одновременно съ общимъ наступленіемъ нашей пѣхоты, сотни Кавказской казачьей бригады стали охватывать фланги непріятеля, при чемъ казаки, разсыпавшись въ лаву, открыли огонь.

По переходѣ рѣчки Хаджи-Караманъ, Турки стали собираться у Дольнаго Бугорова. Генералъ-Лейтенантъ *Вельяминовъ* послалъ пѣхотѣ приказаніе пріостановить преслѣдованіе и вернуться на позицію. Казаки вновь протянули свою сторожевую цѣпь вдоль рѣки и выслали разъѣзды, чтобы слѣдить за дальнѣйшими дѣйствіями Турокъ. Стало темнѣть, и всѣ части пѣхоты вновь сосредоточились на первоначально занимаемыхъ ими мѣстахъ.

Запылали большіе костры, и люди стали варить себѣ пищу. Генералъ-Лейтенантъ *Вельяминовъ* объѣзжалъ бивуакъ и благодарилъ всѣхъ за славное дѣло. Солдаты всѣ въ восторгѣ были отъ одержанной побѣды, и въ отвѣтъ на сердечную рѣчь обожаемаго ими Начальника дивизіи „Ура“ на позиціи не умолкало.

Съ наступленіемъ ночи выставлена была цѣпь парныхъ часовыхъ, и приказано было къ разсвѣту быть наготовѣ, въ случаѣ

Балканы. Подъемъ на Умургачъ.

возобновленія боя. Ночью Генералъ-Лейтенантъ *Вельяминовъ* разослалъ своихъ ординарцевъ сообщить во всѣ части, что утромъ 21-го числа Генералъ-Адъютантъ *Гурко*, съ колонною Генералъ-Маіора *Рауха* присоединится къ отряду для дальнѣйшаго наступленія на Софію.

Уборка убитыхъ продолжалась до поздней ночи. Батарейный врачъ, Коллежскій Ассесоръ *Ивановъ*, опытный хирургъ, неутомимо работалъ при раненыхъ, производя на перевязочномъ пунктѣ сложныя операціи.

Утромъ 21-го Декабря, при собраніи всѣхъ офицеровъ отряда и баталіона Тамбовскаго полка, хоронили на деревенскомъ кладбищѣ, въ братской могилѣ, убитыхъ нижнихъ чиновъ. Подполковника *Богаевскаго* и Прапорщика *Лобадовскаго* похоронили въ отдѣльныхъ могилахъ. Панихиду служилъ болгарскій священникъ. Всѣхъ тяжело раненыхъ на болгарскихъ каруцахъ отправили въ д. Чурьякъ; многіе легко раненые пожелали остаться во фронтѣ.

Въ 11 часовъ утра того-же дня подошла по шоссе къ Горному Бугорову колонна Генералъ-Маіора *Рауха*. Вскорѣ затѣмъ началось дѣло у Враждебно, куда проскакалъ Генералъ-Адъютантъ *Гурко* со своею свитою.

Во время дѣла у Враждебно отрядъ Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова* сосредоточенъ былъ у Горнаго Бугорова въ резервной колоннѣ, ожидая полученія приказанія. Вечеромъ того-же дня отрядъ получилъ приказаніе выступить на слѣдующій день 22-го Декабря въ дер. Куманицу для аттаки съ сѣверной стороны укрѣпленнаго города Софіи *).

О дѣлѣ подъ Горнымъ Бугоровомъ Генералъ-Адъютантъ *Гурко* донесъ Главнокомандующему Великому Князю *Николаю Николаевичу*, находившемуся въ д. Боготѣ слѣдующее:

„Вообще дѣло это, блестящее само по себѣ, заслуживаетъ особаго вниманія еще потому, что Генералъ-Лейтенантъ *Вельяминовъ*, находясь въ очень затруднительномъ и одно время въ критическомъ положеніи, справился съ Турками одинъ, не прося подкрѣпленій, и тѣмъ далъ возможность прочимъ войскамъ спокойно продолжать свое дѣло“.

---

*) Приложеніе 12: Рапортъ Начальника правой колонны западнаго отряда Генералъ-Адъютанту Гурко отъ 25 Января 1878 года.

Приложеніе 20: Изъ походныхъ воспоминаній Прапорщика К. А. Дрейлинга.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изъ Петербурга 24 Декабря удостоилъ Великаго Князя *Николая Николаевича* слѣдующею телеграммой:

„Честь и слава *Вельяминову* и молодецкимъ его войскамъ. Пошли ему отъ меня Георгія 4-й степени и по три креста для нижнихъ чиновъ на роту, сотню и батарею. Съ нетерпѣніемъ буду ждать подробностей и дальнѣйшихъ извѣстій".

Александръ.

Въ бою подъ Горнымъ Бугоровомъ потери были: убитыми—Тамбовскаго полка Подполковникъ *Богаевскій* и Прапорщикъ *Лобадовскій*; ранены были: того-же полка Штабсъ-Капитанъ *Шлегель*, Поручикъ *Левковецъ* и Подпоручикъ *Тальковскій*; контужены: того-же полка Маіоръ *Златолинскій*, Поручикъ *Вилькевичъ* и Прапорщикъ *Масловъ*.

Убито нижнихъ чиновъ:	Въ Тамбовскомъ полку	39
	„ Пензенскомъ „	1
Ранено нижнихъ чиновъ:	Въ Тамбовскомъ полку	167
	„ Пензенскомъ „	29
	„ батареѣ	10
	у казаковъ	15

Изъ всего отряда выбыло изъ строя: офицеровъ 8, нижнихъ чиновъ 261.

Въ этотъ счетъ не включены легко раненые, оставшіеся во фронтѣ; такихъ, между прочимъ, было во 2-й батареѣ пять нижнихъ чиновъ.

Въ частности убыль въ артиллеріи была:

во 2-й батареѣ тяжело ранено	при 4-хъ орудіяхъ	6
въ 5-й „ „ „	„ 2-хъ „	4
	Всего . . .	10

Во 2-й батареѣ Гв. Конно-Артиллерійской бригады ранено было при 4-хъ орудіяхъ:

Канониры:	Сиденко	пулею въ	бедро.
	Дацукъ	„ „	ногу *).
	Турчакъ	„ „	бедро.
	Погодинъ	„ „	руку.
Бомбардиръ	Макашинъ	„ „	руку.
Фейерверкеръ	Каляло	„ „	руку.

*) Въ самый разгаръ сраженія у деревни Горный Бугоровъ во 2-й Гвардейской Конной батареѣ былъ раненъ ѣздовой Дацукъ, который, не желая итти на перевязочный пунктъ, тутъ-же усѣлся на батареѣ и подъ сильнѣйшимъ

Силиври у Мраморнаго моря. 13 Февраля 1878 г.

Въ 5-й батареѣ ранены были при 2-хъ орудіяхъ:

Бомбардиры: Гайдукъ. Демиденко. Гусевъ. Алешинъ.

Лошадей убитыхъ и тяжело раненныхъ выбыло изъ строя:

Во 2-й батареѣ (при 4-хъ орудіяхъ) . . . 13
„ 5-й „ „ 2-хъ „ . . . 14

Всего . . . 27

Въ строю на позиціи находилось:

Во 2-й батареѣ . . 3 офицера, 139 нижн. чиновъ, 171 лошадь.
Въ 5-й „ . . 2 „ 70 „ „ 81 „

Всего . . 5 офицеровъ, 209 нижн. чиновъ, 252 лошади.

Израсходовано во время боя:

Во 2-й батареѣ . . . . . 48 гранатъ, 80 шрапнелей.
Въ 5-й „ . . . . 30 „ 26 „

Всего . . . . . 76 гранатъ, 106 шрапнелей.

IX. Софія, Самаковъ, Каратаиръ.

21-го Декабря къ отряду Генерала *Вельяминова* присоединены были изъ колонны Генералъ-Маіора *Рауха* 123-й Козловскій полкъ и 6-я батарея Л.-Гвардіи 1-й Артиллерійской бригады (4 орудія).

огнемъ непріятеля сталъ выковыривать ножемъ изъ раны пулю. Офицеръ, замѣтивъ, что Дацукъ ковыряетъ ножемъ въ ногѣ, подошелъ къ нему и спрашиваетъ:

„Что это ты, братъ, дѣлаешь?“

„Пулю выскребъ, Ваше Благородіе“, отвѣчаетъ Дацукъ.

Дѣйствительно, въ рукѣ у него была пуля, а нога вся въ крови.

„Да ты себѣ хуже сдѣлаешь“, говоритъ офицеръ.

„И безъ дохтура обойдусь; вонъ пуля-то“, смѣясь, показывалъ ее Дацукъ.

„Ловкій дохтуръ!“ хохотали товарищи.

Затѣмъ Дацукъ надѣлъ сапогъ на раненную ногу и пошелъ къ лошадямъ, немного прихрамывая. Дѣло кончилось, а Дацукъ все еще продолжалъ убирать и кормить лошадей. Только по настоянію Командира онъ отправился на перевязочный пунктъ, гдѣ оказалось, что пуля попала въ икру и засѣла въ кости, сильно оцарапавъ ее; оттуда-то онъ ее и вытащилъ. Доктора удивлялись, какъ это онъ могъ самъ вынуть пулю и спрашивали:

„Должно быть, ужасно болѣла нога, когда ты ножемъ ковырялъ?“

„Кабы вы, Ваше Благородіе, вынимали, все едино бы болѣла, а сгоряча оно и лучше“.

(Разсказъ позаимствованъ изъ воспоминаній Л. М. Чичагова).

Въ этотъ день войска Гвардіи, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора *Рауха*, съ боя овладѣли мостомъ черезъ р. Искеръ у Враждебно и отбросили Турокъ къ гор. Софіи.

Утромъ 21-го Декабря батарея пополнила свой боевой комплектъ, получивъ спаряды отъ 8-й Донской батареи, которая слѣдовала при колоннѣ Генералъ-Маіора *Рауха*. Отъ означенной батареи приданы были два зарядныхъ ящика ко 2-й батареѣ; они впослѣдствіи въ Софіи замѣнены были двумя ящиками отъ 3-й батареи Гв. Конно-Артиллерійской бригады, перешедшей Балканы по Арабаконакскому шоссе.

Изъ Горнаго Бугорова опорожненные 4 передка зарядныхъ ящиковъ батареи отправлены были съ фейерверкеромъ *Бороджинымъ* въ Орханіэ, чтобы забрать оставленные тамъ задніе ходы ящиковъ и доставить ихъ къ батареѣ. *Бороджинъ* съ трудомъ пробрался по Арабаконакскому шоссе, который загроможденъ былъ въ то время артиллеріею и обозами. Въ Орханіэ онъ забралъ задніе ходы зарядныхъ ящиковъ и легкія повозки обоза, нагрузилъ на нихъ полученные въ то время изъ Россіи для нижнихъ чиновъ полушубки и, слѣдуя обратно черезъ Софію, Ихтиманъ и Татаръ-Базарджикъ, присоединился къ батареѣ 5-го Января подъ Филиппополемъ.

У многихъ частей, перешедшихъ Балканы, въ то время запасъ сухарей истощился; поэтому послѣдовало распоряженіе, чтобы на всѣхъ лошадяхъ парковъ и артиллеріи, временно оставленныхъ въ Орханіэ, навьючены были мѣшки съ сухарями и доставлены возможно скорѣе къ войскамъ, перешедшимъ Балканы.

Легко раненныхъ и больныхъ лошадей батареи рѣшено было вести въ поводу, съ офицерскими вьюками; тыловыхъ учрежденій, куда сдавать такихъ лошадей, вблизи не было, тогда какъ при батареѣ представлялась возможность ихъ сберечь леченіемъ и хорошимъ уходомъ, вслѣдствіе чего онѣ большей частью впослѣдствіи совершенно поправились. Тяжело раненныхъ лошадей, не подающихъ надежды на выздоровленіе, пришлось уничтожать; ихъ пристрѣливали, а также убивали впусканіемъ въ вены воздуха.

22-го Декабря отрядъ Генерала *Вельяминова*, въ 9 час. утра выступилъ съ бивуака у Горнаго Бугорова и, слѣдуя черезъ Челипецъ и Неговань, засвѣтло прибылъ къ дер. Куманицѣ. На этомъ переходѣ колонну опередилъ Генералъ-Адъютантъ *Гурко*, который послѣ боя у Враждебно производилъ лично рекогносцировку расположенія Турокъ у Софіи.

СХЕМАТИЧЕСКОЕ КРОКИ

дѣла у Самаково

28 Декабря 1877 г.

Генералъ благодарилъ каждую роту и батарею за дѣло 20-го Декабря. На переходѣ произошла продолжительная задержка при переправѣ черезъ р. Искеръ, такъ какъ деревянный мостъ Турками былъ разрушенъ, и пришлось переходить рѣку по тонкому льду, для чего изъ деревни добыли доски и устроили мостки, по которымъ артиллерія благополучно перебралась.

Гвардейская стрѣлковая бригада, послѣ взятія съ боя моста у Враждебно, также была направлена въ обходъ Софіи съ сѣверной стороны, для совмѣстнаго дѣйствія съ отрядомъ Генерала *Вельяминова*.

Въ Куманицѣ батарея размѣщена была по дворамъ деревни; пѣхота стала бивуакомъ.

Аттака Софіи назначена была на 24-е Декабря. Болгары показывали, что городъ занятъ значительными турецкими силами, расположенными въ полевыхъ укрѣпленіяхъ вокругъ всего города.

23-го Декабря утромъ получено было извѣстіе, что Турки оставили г. Софію и отступили на Радомиръ, вслѣдствіе чего Генералъ-Адъютантъ *Гурко* съ войсками колонны Генералъ-Маіора *Рауха*, въ тотъ-же день заняли городъ. Въ ожиданіи разъясненія дальнѣйшихъ дѣйствій, отряду приказано было варить пищу.

Около 4-хъ часовъ отрядъ выступилъ изъ Куманицы и подошелъ къ Софіи, когда стало темнѣть. Морозъ былъ сильный, и пришлось долго ждать приказанія размѣститься на ночлегъ. Только въ 10 часовъ вечера батареѣ разрѣшено было занять на окраинѣ города нѣсколько дворовъ; орудія и ящики оставлены были на большой дорогѣ подъ охраною караула.

Недалеко отъ города отрядъ проходилъ мимо возведенныхъ Турками редутовъ и траншей, около которыхъ стояла масса палатокъ оставленнаго ими лагеря. Нѣсколько изъ этихъ палатокъ были забраны батареею; въ нихъ впослѣдствіи при продолжительныхъ стоянкахъ помѣщались офицеры и больные нижніе чины. Въ Софіи, въ предмѣстьяхъ и садахъ, всю ночь раздавались выстрѣлы Болгаръ, которые нападали и грабили турецкихъ жителей. По уходѣ турецкихъ войскъ, часть магометанскаго населенія города, собравъ свое имущество, съ женами и дѣтьми на повозкахъ, въ паническомъ страхѣ спѣшили выбраться изъ города. На этихъ несчастныхъ, невооруженныхъ жителей накидывались Болгары, отнимали у нихъ все, что могли, и при сопротивленіи безжалостно ихъ убивали. Крикъ и плачъ всю ночь слышны были на окраинахъ и въ окрестностяхъ города. Для водворенія порядка высланы были отъ нашей пѣхоты патрули.

24-го Декабря батарея оставалась въ Софіи; въ этотъ, какъ и въ слѣдующій день удалось перековать артиллерійскихъ лошадей кругомъ на острые шипы. По неимѣнію достаточнаго запаса своихъ подковъ, пришлось нѣкоторыхъ лошадей ковать подковами турецкаго образца, съ сплошными подошвами. Изъ складовъ, оставленныхъ Турками въ Софіи, приняты были для батареи шестидневный запасъ галетъ и нѣсколько мѣшковъ соли и рису.

Сочельникъ офицеры провели за общею трапезой, вспоминая родныхъ и товарищей, оставшихся на родинѣ.

25-го Декабря, въ праздникъ Рождества Христова, въ соборѣ, въ присутствіи Генералъ-Адъютанта *Гурко* и многихъ офицеровъ, происходило торжественное богослуженіе. Нижніе чины батареи, собранные передъ образомъ, въ мѣстѣ расположенія батареи, пропѣли нѣсколько молитвъ; имъ приготовленъ былъ роскошный обѣдъ въ добытыхъ болгарскихъ большихъ котлахъ.

Офицеры осмотрѣли городъ и пополнили свои продовольственные запасы. Въ Софіи устроенъ былъ турецкій госпиталь Красной Луны, которымъ завѣдывала Леди Стретфордъ. Госпиталь былъ переполненъ ранеными и больными частей турецкихъ войскъ, оборонявшихъ Этропольскія Балканы; между ними много было съ отмороженными конечностями. Турецкіе офицеры, раненные подъ Горнымъ Бугоровомъ, говорили, что въ этомъ дѣлѣ у нихъ участвовало 15 таборовъ пѣхоты, нѣсколько таборовъ кавалеріи и 12 орудій. Одинъ изъ турецкихъ Штабъ-офицеровъ между прочимъ передалъ, что орудія, взятыя ими подъ Новочиномъ, по приказанію Паши, подобраны были на полѣ сраженія пѣхотою и доставлены были волами на Лютаковскія позиціи, гдѣ передъ отступленіемъ къ Софіи тѣла орудій зарыты были въ землю, а все прочее поломано и отдано было Болгарамъ *).

Въ Софіи, при собраніи всѣхъ нижнихъ чиновъ батареи, прочтенъ былъ приказъ Генералъ-Адъютанта *Гурко*, въ которомъ онъ благодарилъ Начальниковъ и всѣхъ нижнихъ чиновъ Западнаго отряда за дѣйствія при переходѣ черезъ Балканы **).

Въ два часа пополудни 25-го Декабря полученъ былъ приказъ

*) Показаніе это подтверждено было турецкимъ офицеромъ, встрѣченнымъ впослѣдствіи въ Константинополѣ, который также находился на Лютаковскихъ позиціяхъ. По наведеннымъ справкамъ, орудія были откопаны впослѣдствіи Болгарами, распилены и проданы ими въ Софіи. Въ точности, однако, судьба этихъ орудій неизвѣстна.

Въ арсеналѣ Топ-хане въ Константинополѣ въ Іюнѣ 1878 г. орудій этихъ не было, и Начальникъ арсенала говорилъ, что ему неизвѣстно, куда они дѣлись.

**) Приложеніе 13: Приказъ № 76, 25-го Декабря 1877 года.

Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова* о выступленіи батареи съ авангардомъ отряда изъ Софіи въ 5 час. вечера. Въ означенный часъ батарея вмѣстѣ съ 123 Козловскимъ полкомъ выступили по шоссе на Чердакли, куда прибыли въ 10 часовъ вечера. Въ Чердакли находилась въ это время прибывшая раньше Кавказская казачья бригада.

Переходъ изъ Софіи до Чердакли, 8 верстъ, значительно замедлился вслѣдствіе необходимости исправлять мосты, а также по причинѣ гололедицы.

Распредѣленіе частей въ колоннѣ Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова* было слѣдующее:

Авангардъ, подъ начальствомъ Свиты Его Величества Генералъ-Маіора *Черевина*: 123 Козловскаго полка 3 баталіона; Кавказской казачьей бригады 7 сотенъ; 2-й батареи Гв. Конной Артиллеріи 4 орудія; 8 Донской батареи 6 орудій. Всего 3 баталіона, 7 эскадроновъ и 10 орудій.

Главныя силы: подъ личнымъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова*: 122 Тамбовскаго полка 3 баталіона, 121 Пензенскаго полка 2 баталіона и взводъ 5-й батареи Гв. Конно-Артиллерійской бригады въ 2 орудія. Всего 5 баталіоновъ и 2 орудія.

Главныя силы выступили изъ Софіи утромъ 26-го Декабря.

Въ общей диспозиціи по Западному отряду, отданной Генералъ-Адъютантомъ *Гурко* въ Софіи 25-го Декабря, значилось:

„Отряду Генерала *Вельяминова* выступить изъ Софіи,—авангарду 25-го Декабря и главнымъ силамъ рано утромъ 26-го Декабря, и слѣдовать изъ Софіи въ Пусто-Пасарелль, Самаковъ, Баніе и Зимчинъ".

„Ближайшая цѣль дѣйствія,—овладѣніе г. Самаковымъ, чтобы этимъ занятіемъ отрѣзать дорогу изъ Радомира и Дубницы въ Татаръ-Базарджикъ и тѣмъ не допустить Турокъ, отступившихъ изъ Софіи на Радомиръ, соединиться съ арміею Шакира-Паши, отступившей въ Татаръ-Базарджикъ".

„Когда эта цѣль будетъ достигнута, тогда отряду двинуться черезъ Баніе къ Татаръ-Базарджику. При этомъ, такъ какъ есть точное основаніе предполагать, что Турки будутъ защищать позицію у Трояновыхъ воротъ, возлѣ Капуджикъ, то отрядъ долженъ содѣйствовать колоннѣ Генералъ-Адъютанта *Графа Шувалова*, наступающей по шоссе на Ихтиманъ, въ овладѣніи этой позиціей. Для этого отрядъ Генерала *Вельяминова* долженъ оперировать противъ лѣваго фланга, и если можно, то и противъ тыла турецкой позиціи. Въ Баніе отрядъ долженъ прибыть 30-го Декабря и для дѣйствія противъ трояновской позиціи ожидать приказаній изъ

Ихтимана. Если выходъ изъ Баніе въ окрестности Татаръ-Базарджика окажется возможнымъ, то 30-го же Декабря всѣ три регулярные кавалерійскіе полки, находящіеся при колоннѣ Генералъ-Адъютанта *Графа Шувалова*, будутъ переведены изъ Ихтимана на Баніе. По соединеніи ихъ съ Кавказской казачьей бригадою, всѣ пять полковъ, въ составѣ 24 эскадроновъ и сотенъ, должны будутъ 31-го Декабря двинуться въ окрестности Татаръ-Базарджика для дѣйствій въ тылу турецкой арміи. При этой кавалеріи отправить: взводъ 5-й батареи Гвардейской Конной Артиллеріи и четыре орудія 6-й Донской Гвардейской конной батареи.

26-го Декабря въ 8 час. утра авангардъ колонны Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова* выступилъ изъ Чердакли. До деревни Горная Лоза дорога была сносная, но далѣе начался крутой подъемъ на Брдо-Планину. На протяженіи 7 верстъ дорога извивается постоянно зигзагами, и при гололедицѣ представляетъ собою катокъ ледяной горы. Шестеркѣ лошадей было не по силамъ втянуть орудія по крутымъ подъемамъ; припряжка строевыхъ лошадей на шлейкахъ мало помогала; только благодаря нѣсколькимъ парамъ буйволовъ, которыхъ привели изъ деревни и припрягали на уносъ, удалось медленно, по частямъ, дотянуть артиллерію до перевала. Послѣ Брдо-Планины слѣдовалъ трудный спускъ; приходилось тормозить всѣ колеса канатами. Особенно затруднительно было при подъемахъ и спускахъ движеніе двухъ зарядныхъ ящиковъ съ полною укладкою.

Поздно вечеромъ весь отрядъ сосредоточился на бивуакѣ у дер. Пусто-Пасарелли. Люди и лошади батареи размѣщены были на одномъ обширномъ дворѣ деревни; артиллерія оставлена была на дорогѣ, въ походной колоннѣ. Въ богатой деревнѣ, жители которой занимаются скотоводствомъ, Болгары встрѣтили отрядъ радушно и тотчасъ доставили фуражъ и обильную подстилку соломы для людей и лошадей.

Кавказская казачья бригада выдвинута была къ д. Калково. Казаки обнаружили въ Калковѣ присутствіе Черкесовъ и пѣхоты, которые отступили на Чемурли и Ново-Село.

27-го Декабря отрядъ изъ Пусто-Пасарелли продолжалъ слѣдовать на Калково. Вслѣдствіе гололедицы, при крутыхъ подъемахъ и спускахъ, на прохожденіе 10 верстъ потребовалось пять часовъ времени. Острые шипы подковъ у лошадей совершенно истерлись; запасныхъ шиповъ не было. Казачья бригада и Козловскій полкъ высланы были впередъ и прогнали изъ Чемурли Черкесовъ и таборъ пѣхоты, который отступилъ на Самаковъ. Въ виду необ-

ходимости собрать свѣдѣнія о непріятелѣ, занимавшемъ, по показаніямъ Болгаръ, значительными силами г. Самаковъ и его окрестности, Генералъ *Вельяминовъ* выслалъ по всѣмъ направленіямъ разъѣзды и лично предпринялъ рекогносцировку. Отряду приказано было оставаться въ Калковѣ, гдѣ орудія батареи были оставлены при караулѣ на дорогѣ, а лошадей размѣстили по дворамъ и разсѣдлали.

Въ ночь съ 27 на 28 Декабря Подпоручикъ *Дрейлингъ*, состоявшій ординарцемъ при Генералѣ *Вельяминовѣ*, произвелъ смѣлую и удачную рекогносцировку. По горнымъ тропинкамъ онъ въ темнотѣ добрался до деревни Слакучаны, не доѣзжая которой онъ слѣзъ съ лошади, приказалъ людямъ своего разъѣзда укрыться за бугромъ и ждать его возвращенія. Затѣмъ онъ пѣшкомъ подкрался къ ближайшей болгарской хатѣ, вызвалъ къ себѣ хозяина, который вышелъ къ нему съ сыномъ, и узналъ отъ нихъ, что въ самой деревнѣ ночуютъ спрятавшіеся Черкесы, что въ городѣ Самаковѣ и окрестностяхъ его у Драгочина и Ново-Села Турки возвели укрѣпленія, что днемъ изъ Татаръ-Базарджика въ Самаковъ пришли значительныя турецкія силы, которыя предполагаютъ итти на присоединеніе къ Осману-Нури-Пашѣ, отступающему изъ Софіи на Самаковъ. По словамъ Болгаръ, у Турокъ въ Самаковѣ находилось въ это время до 15 таборовъ пѣхоты и нѣсколько таборовъ Черкесовъ. Вернувшіеся въ Калково казачьи разъѣзды подтвердили то же самое. На основаніи добытыхъ свѣдѣній Генералъ *Вельяминовъ*, для занятія Самакова и прегражденія Туркамъ пути на Татаръ-Базарджикъ, раздѣлилъ отрядъ на три колонны: 1) Правая, подъ начальствомъ Командира Тамбовскаго полка Полковника *Головина*, въ составѣ 1-го баталіона Тамбовскаго полка съ 2 орудіями 5-й батареи Гв. Конной Артиллеріи и 1-ю сотнею казаковъ, должна была слѣдовать по большой дорогѣ на Самаковъ и занять позицію у рѣки Искера, согласуя свои дальнѣйшія дѣйствія съ средней колонной. 2) Средняя колонна, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора *Радзишевскаго*, въ составѣ 1-го баталіона Пензенскаго полка, 2-хъ баталіоновъ Тамбовскаго полка съ 4-мя орудіями 2-й батареи направлена была на Слакучаны.

3) Лѣвая колонна, подъ начальствомъ Свиты Е. В. Генералъ-Маіора *Черевина*, въ составѣ 1-го баталіона Пензенскаго полка, 3-хъ баталіоновъ Козловскаго полка, 5-ти сотенъ казаковъ и 6 орудій 8-й Донской батареи, должна была слѣдовать на Ново-Село, для дѣйствій противъ сообщенія Турокъ по шоссе между Сама-

ковымъ и Баніе. Средняя и лѣвая колонны должны были вмѣстѣ слѣдовать до д. Чемурли. О расположеніи непріятеля у Ново-Села Болгары сообщали, что какъ въ деревнѣ, такъ и въ ущельяхъ, повсюду возведены полевыя укрѣпленія.

Правая и средняя колонны должны были задержать Турокъ у Самакова и этимъ дать возможность лѣвой колоннѣ выйти на путь отступленія Турокъ изъ Самакова въ Базарджикъ.

28-го Декабря рано утромъ отрядъ выступилъ изъ Калкова, и колонны направились согласно отданной диспозиціи. Бой начался почти одновременно у всѣхъ трехъ колоннъ, около 2-хъ часовъ пополудни.

Когда средняя колонна со 2-й батареею прошла Чемурли, съ возвышенности южнѣе Слакучанъ показалась наступавшая густая цѣпь турецкой пѣхоты съ сильными поддержками.

Непріятельская артиллерія, расположенная въ укрѣпленіяхъ у Драгочина, а также на отдѣльной возвышенности къ сѣверо-западу отъ Самакова, на такъ называемой, Средней горѣ, открыла изъ дальнобойныхъ орудій съ дистанціи около 1000 саженъ рѣдкій огонь по средней и правой колоннѣ. Непріятельскія орудія чрезвычайно искусно были замаскированы окопами.

Вдали у Самакова, верстахъ въ четырехъ отъ занимаемой батареею позиціи по шоссе отъ Дубницы, видно было движеніе большой колонны турецкой пѣхоты съ обозомъ. Отдѣльныя части этой колонны ясно обозначались на фонѣ мѣстности, покрытой снѣгомъ, и съ позиціи въ бинокль насчитали до двадцати таборовъ. Такимъ образомъ, отряду Генерала *Вельяминова*, у котораго пѣхоты было всего не болѣе 4500 человѣкъ, предстоялъ серьезный бой; при томъ всѣ три колонны отряда разъединены были трудно проходимой мѣстностью, и на взаимную скорую поддержку разсчитывать нельзя было.

Пѣхота средней колонны Генералъ-Маіора *Радзишевскаго*, выславъ цѣпь, начала перестрѣлку съ наступающей непріятельскою цѣпью. 2-я батарея, занявъ позицію на покатости горы къ сѣверу отъ д. Слакучанъ, открыла по поддержкамъ турецкой цѣпи съ дистанціи 800 саженъ огонь шрапнелями. Въ это время въ правой колоннѣ Полковника *Головина* взводъ 5-й батареи также открылъ огонь по наступавшей по шоссе изъ Самакова непріятельской кавалеріи. Противъ лѣваго фланга позиціи Генералъ-Маіора *Радзишевскаго* непріятель значительно удлинилъ цѣпь, резервы которой наступали по гребню горъ, въ пространствѣ между Ново-Селомъ и Слакучанами.

Чтобы предупредить непріятеля въ Слакучанахъ, Генералъ *Радзишевскій* направилъ туда бѣгомъ 1-й баталіонъ Тамбовскаго полка, приказавъ слѣдовать за нимъ одному взводу 2-й батареи. Между главной позиціей и деревнею Слакучаны была трудно проходимая глубокая балка. 1-й взводъ батареи, подъ командою Капитана *Хитрово*, спустился въ балку и карьеромъ выѣхалъ на позицію, съ лѣвой стороны деревни. Взводъ открылъ огонь шрапнелями по сомкнутымъ частямъ съ разстоянія 400 саженъ.

Лѣвѣе позиціи, занятой 1-мъ взводомъ, находился высокій курганъ, который заняла одна рота Табмовцевъ. Послѣ неожиданнаго для Турокъ быстраго занятія деревни Слакучаны, наступленіе ихъ пріостановилось. 2-й взводъ батареи, оставаясь на первоначально занятой позиціи, продолжалъ поражать шрапнелью турецкую пѣхоту, обходящую лѣвый флангъ общаго расположенія.

Со стороны Ново-Села, за горами, слышна была неумолкаемая орудійная пальба, по которой можно было заключить, что лѣвая колонна Генерала *Черевина* находится въ серьезномъ бою. Наступленіе этой колонны было задержано, такъ какъ Турки сильно укрѣпили ущелье, по которому пролегала дорога изъ Чемурлы въ Ново-Село.

Такимъ образомъ, около 3-хъ часовъ пополудни во всѣхъ трехъ колоннахъ бой былъ въ полномъ разгарѣ.

Въ это время вдругъ у Турокъ по всей линіи раздались сигналы, и вслѣдъ за симъ движеніе и стрѣльба у нихъ прекратились. Съ нашей стороны также прекратили стрѣльбу, и всѣ были въ недоумѣніи о причинѣ прекращенія дѣла. Вскорѣ со стороны Слакучанъ показалась группа всадниковъ съ парламентерскимъ флагомъ и трубачемъ, и къ нашей цѣпи подъѣхалъ офицеръ турецкаго Генеральнаго Штаба, Капитанъ *Хаки-Бей*, въ сопровожденіи двухъ солдатъ регулярной кавалеріи; съ ними былъ переводчикъ, служащій на телеграфной станціи въ Самаковѣ, французъ Бедріе. Съ нашей стороны имъ навстрѣчу выѣхалъ офицеръ Кавказской казачьей бригады съ конвоемъ. Офицеру-парламентеру и переводчику завязали платкомъ глаза, и казаки повели ихъ лошадей за поводъ къ Генералу *Радзишевскому*. Капитанъ *Хаки-Бей* на французскомъ языкѣ просилъ нашихъ офицеровъ представить его нашему главному Начальнику. Генерала *Радзишевскаго* въ это время въ Слакучанахъ не было,—онъ уѣхалъ къ правой колоннѣ Полковника *Головина*, гдѣ также появился другой парламентеръ.

Хаки-Бей, въ ожиданіи прибытія генерала, заявилъ присутствую-

щимъ офицерамъ, что командующій турецкими войсками въ Самаковѣ, Османъ-Нури-Паша получилъ телеграмму отъ главнокомандующаго Сулеймана-Паши о заключенномъ перемиріи и прекращеніи военныхъ дѣйствій.

До полученія болѣе подробныхъ разъясненій, Начальникъ турецкихъ войскъ въ Самаковѣ, Османъ-Нури-Паша предлагалъ, чтобы обѣ стороны оставались на занимаемыхъ ими позиціяхъ. *Хаки-Бей* былъ очень озабоченъ, чтобы съ нашей стороны не былъ открытъ огонь, и просилъ немедленно обо всемъ увѣдомить Генералъ-Адъютанта *Гурко*. Прибывшій вскорѣ Генералъ *Радзишевскій* обратилъ вниманіе *Хаки-Бея* на продолжавшееся движеніе турецкой цѣпи и потребовалъ, чтобы она немедленно отступила назадъ, что въ скорости и было исполнено. Затѣмъ съ нашей стороны потребовано отъ *Хаки-Бея* выслать офицеровъ-заложниковъ, какъ ручательство правдивости заявленнаго извѣстія о перемиріи.

Въ это время стрѣльба у дер. Ново-Села еще продолжалась, но *Хаки-Бей* увѣрялъ, что и туда посланъ парламентеръ, и, дѣйствительно, вскорѣ въ колоннѣ Генерала *Черевина* орудійная стрѣльба прекратилась.

Хаки-бею разрѣшено было ѣхать обратно въ Самаковъ. Поровнявшись съ линіею турецкихъ войскъ, онъ отдалъ приказаніе имъ отступить. Вечеромъ къ Генералу *Радзишевскому* прибылъ турецкій Маіоръ съ запискою, что онъ присланъ заложникомъ. Маіора помѣстили въ болгарской хатѣ въ Слакучанахъ и приставили къ нему часовыхъ.

Въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній, части отряда расположились на отдыхъ на занимаемой позиціи. Съ нашей стороны, какъ и у Турокъ, по всей линіи разложены были костры. Въ томъ, что, дѣйствительно, состоялось перемиріе, у насъ сомнѣвались, и поэтому приказано было всей пѣхотѣ окопаться. Ночь была лунная, морозъ былъ сильный, и поднялась метель. Къ вечеру оба взвода батареи соединились на позицію у Слакучанъ, гдѣ возведены были для каждаго орудія ложементы. Лошадей не разсѣдлывали; ихъ привязали у изгороди ближайшаго деревенскаго двора, гдѣ офицеры и нижніе чины поперемѣнно грѣлись въ хатѣ. Всего въ бою 28-го Декабря у Самакова батареею израсходовано было 22 гранаты и 24 шрапнели. Убыли въ людяхъ и лошадяхъ не было.

Генералъ *Вельяминовъ* ночью прислалъ приказаніе батарейному доктору *Иванову* прибыть съ фельдшеромъ и аптечною двуколкою въ дер. Чемурли, гдѣ находился общій перевязочный пунктъ.

Большею частью раненые и убитые были въ колоннѣ Генерала *Черевина*.

29-го Декабря, съ разсвѣтомъ, всѣ ждали приказанія вновь начать бой. Турецкая пѣхота за ночь отошла ближе къ Самакову, и въ долинѣ у Драгочина не видать было непріятеля. Метель усилилась, и впереди ничего нельзя было разсмотрѣть. Къ сторонѣ Самакова высланы были разъѣзды.

29-го Декабря вечеромъ отъ Генералъ-Адъютанта *Гурко* было получено приказаніе во что-бы то не стало продолжать наступленіе и не обращать вниманія на заявленіе Турокъ о заключеніи перемирія. Ночью съ 29-го на 30-е Декабря метель прекратилась, и замѣчено, что число турецкихъ костровъ увеличилось.

30-го Декабря, съ разсвѣтомъ, къ общему удивленію, изъ сторожевой цѣпи дали знать, что Турокъ въ д. Драгочинѣ и на позиціяхъ, которыя они занимали съ вечера, не видать. Разъѣзды, вернувшіеся изъ Самакова, донесли, что городъ не занятъ Турками, и что всѣ они отступили на Баніе. Тотчасъ по полученіи этого извѣстія, Генералъ-Маіоръ *Радзишевскій* приказалъ правой и средней колоннамъ наступить къ Самакову. Впослѣдствіи оказалось, что самъ *Сулейманъ-Паша*, занятый сосредоточеніемъ своихъ силъ къ Филиппополю, былъ обманутъ Сераскеріатомъ относительно заключеннаго яко-бы съ нами перемирія. Военный Министръ *Реуфъ-Паша* отправилъ *Сулейману* три депеши; изъ нихъ въ двухъ предписывалось прекратить военныя дѣйствія, а въ послѣдней—продолжать ихъ до окончательнаго соглашенія о перемиріи.

Около 2 часовъ дня колонны Генералъ-Маіора *Радзишевскаго* и Полковника *Головина* подошли къ Самакову; колонна Генерала *Черевина* оставалась у Ново-Села. На встрѣчу нашимъ войскамъ въ Самаковѣ вышла толпа жителей, во главѣ съ духовенствомъ и хоругвями. Отрядъ расположился квартирно-бивуачно, и жители города оказывали всѣмъ войскамъ самый радушный пріемъ и всѣмъ частямъ безплатно доставили хлѣбъ.

Такъ какъ имѣлось свѣдѣніе, что со стороны Дубницы идетъ къ Самакову еще нѣсколько таборовъ пѣхоты съ Черкесами и Башибузуками, вѣроятно отставшихъ отъ турецкихъ главныхъ силъ, то по шоссе выдвинутъ былъ къ сторонѣ Дубницы баталіонъ Тамбовцевъ со 2-й батареей. Орудія, снятыя съ передковъ, поставлены были на позицію вблизи шоссе, а люди и лошади помѣстились на дворѣ рядомъ съ городской скотобойней.

Въ Самаковѣ выяснилось, что число турецкихъ силъ, прошед-

шихъ изъ Софіи на Баніе, доходило до 20.000 пѣхоты съ двумя полками регулярной кавалеріи, при 28 орудіяхъ.

Большею частью эти войска принадлежали къ Низаму и прибыли въ Декабрѣ изъ Адріанополя; они отличались хорошимъ вооруженіемъ и имѣли при себѣ большой запасъ патроновъ. Движеніе черезъ городъ, по словамъ жителей, происходило въ большомъ порядкѣ.

Турки стремились возможно скорѣе сосредоточиться у Филиппополя, и каждая минута для нихъ была дорога, такъ какъ всѣ прочія колонны Генералъ-Адъютанта *Гурко* подвигались также къ Татаръ-Базарджику. Принять бой для нихъ не было расчета, и они всячески старались уклониться отъ него, выставивъ заслонъ къ д. Драгочину и Ново-Селу и совершая форсированный маршъ днемъ и ночью, чтобы выйти изъ труднаго положенія, при чемъ ложное перемиріе дало имъ возможность достичь желаемой цѣли.

Турецкое населеніе города при вступленіи нашего отряда въ Самаковъ не разбѣжалось, а прислало представителей своихъ съ просьбой о защитѣ ихъ семействъ и имущества.

Во избѣжаніе всякихъ столкновеній съ турецкимъ населеніемъ города, войскамъ запрещено было занимать дома, обитаемые ими. Еще до прихода отряда, у каждаго дома, принадлежащаго Туркамъ, вывѣшенъ былъ красный флагъ съ бѣлой луной. Ночлегъ въ Самаковѣ далъ возможность войскамъ нѣсколько обогрѣться, такъ какъ морозъ стоялъ сильный, и теплой одежды у солдатъ не было.

31-го Декабря, съ разсвѣтомъ, колонна Генералъ-Маіора *Радзишевскаго* выступила изъ Самакова на Баніе. У караулки, на пересѣченіи съ дорогою отъ Ново-Села, колонна соединилась съ колонною Генерала *Черевина*, и весь отрядъ подъ общимъ начальствомъ Генерала *Вельяминова* слѣдовалъ далѣе по ущелью къ Базарджику.

Гололедица, крутые подъемы и спуски вновь замедляли движеніе артиллеріи, такъ что приходилось мѣстами обращаться къ помощи пѣхоты. На всемъ пути встрѣчались примѣты, указывающія на поспѣшное отступленіе значительныхъ турецкихъ силъ. По дорогѣ и въ оврагахъ валялись повозки и брошенные ящики съ патронами англійскаго изготовленія; оставлено было Турками по дорогѣ также много болгарскихъ каруцъ съ галетами, рисомъ и консервами. Мѣстами лежали раненные и больные турецкіе солдаты, которые не въ силахъ были подняться. Къ счастью, камен-

ные мосты по дорогѣ оказались въ цѣлости, и движеніе отряда могло происходить безостановочно, но съ наступленіемъ темноты весьма медленно.

По переходѣ рѣки Марицы, въ 9 часовъ вечера, отрядъ подошелъ къ Баніе. Батарея размѣстилась на отдыхъ на обширномъ болгарскомъ дворѣ; артиллерія оставлена на дорогѣ подъ охраною караула; люди разложили костры и сварили себѣ пищу.

Офицеры пріютились отъ вѣтра и холода въ полуразрушенномъ турецкомъ домикѣ. Здѣсь въ товарищескомъ кружкѣ офицеры 2-й и 5-й батарей встрѣтили наступающій 1878 годъ.

Отъ Плевны до Самакова полки 31-й пѣхотной дивизіи имѣли только три дневки,—въ Скривеняхъ, въ Горномъ Бугоровѣ и Софіи. Послѣ форсированныхъ переходовъ отъ Плевны до Орханійской долины, полки дивизіи тотчасъ двинуты были черезъ Балканы. Бивуаки дивизіи постоянно были на снѣгу или на размокшей почвѣ въ грязи. Погода все время была дурная; морозы съ метелью и рѣзкимъ вѣтромъ не прекращались. Одежда и обувь на людяхъ не высыхали. Сапоги совершенно износились, такъ что у многихъ образовались на ногахъ раны. Починять изодранную одежду не было ни средствъ ни времени.

Ноша пѣхоты была непомѣрно велика, такъ какъ обозы оставались за Балканами, и всѣ запасы продовольствія и патроновъ солдаты носили на себѣ. По пути отъ Софіи не мало было отсталыхъ, которые затѣмъ въ одиночку и партіями догоняли свои части. Не преувеличивая, можно сказать, что вся дивизія была доведена до крайняго предѣла истощенія физическихъ силъ человѣка. Въ Баніе данъ былъ только короткій отдыхъ. Обстановка требовала безостановочнаго движенія, чтобы не дать возможности отступающей турецкой арміи сосредоточиться и вновь занять сильное оборонительное положеніе.

Въ Баніе до прихода отряда находился Финляндскій полкъ и дивизіонъ Гродненскихъ Гусаръ; они выдѣлены были изъ отряда Генералъ-Лейтенанта *Графа Шувалова* съ цѣлью отрѣзать путь отступленія Туркамъ. По приходѣ отряда Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова* Финляндскій полкъ и Гусары выступили изъ Баніе въ Базарджикъ.

Въ Баніе находился также взводъ 3-й батареи Гв. Конно-Артиллерійской бригады, который, согласно диспозиціи Генералъ-Адъютанта *Гурко* отъ 1-го Января, присоединенъ былъ къ отряду Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова*.

1-го Января отрядъ перешелъ изъ Баніе въ Земчинъ. Голо-

ледица сильно затрудняла движеніе, и колонна значительно растянулась; несмотря на всѣ принятыя мѣры, число отсталыхъ увеличилось.

По пути слѣдованія отрядъ проходилъ деревню Коскіой, которая была сожжена Турками. *Сулейманъ-Паша* приказывалъ при отступленіи жечь и раззорять все, что можно.

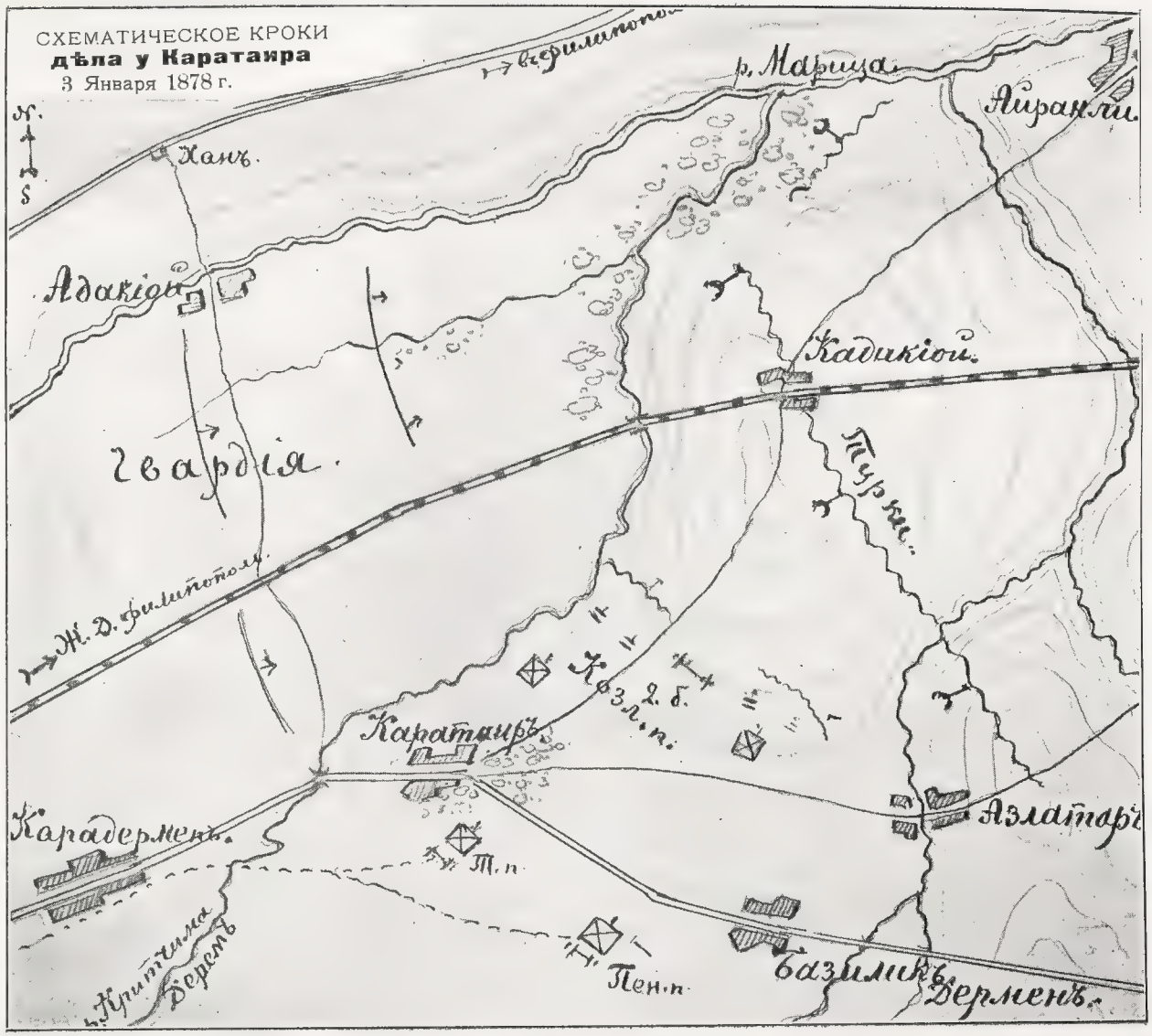
Недалеко отъ д. Земчинъ къ отряду прибылъ ординарецъ отъ Генералъ-Адъютанта *Гурко* съ приказаніемъ во что бы то не стало прибыть рано утромъ 2-го Января въ Базарджикъ, гдѣ въ этотъ день ожидали боя съ турецкимъ арьергардомъ дивизіи *Фуадъ-Паши*.

Въ Земчинъ отрядъ прибылъ около 10 час. вечера. Приказано было дѣлать варку и быть наготовѣ выступить ночью. Части отряда и батарея расположились на ночлегъ въ обширныхъ дворахъ деревни; лошадей не разсѣдлывали; артиллерія оставалась въ колоннѣ на дорогѣ. Въ Земчинѣ до прихода отряда былъ Л.-Гв. Московскій полкъ и дивизіонъ Астраханскаго Драгунскаго полка, которые также, какъ и Финляндцы, направлены были изъ колонны *Графа Шувалова* на перерѣзъ отступающимъ Туркамъ. Московцы у Земчина имѣли упорную схватку съ непріятелемъ, при чемъ отбиты были ими у Турокъ 100 повозокъ съ оружіемъ и патронами.

2-го Января, въ 4 часа утра, въ темнотѣ, отрядъ выступилъ изъ Земчина. У дер. Ессекъ-Кази къ отряду присоединился Л.-Гв. Московскій полкъ. Въ авангардѣ шла казачья бригада. При выступленіи изъ Земчина на горизонтѣ видно было громадное зарево горѣвшаго города Татаръ-Базарджика, откуда слышны были орудійные выстрѣлы. Всѣ были въ ожиданіи предстоящаго дѣла.

Къ Базарджику весь отрядъ Генерала *Вельяминова* стянулся около 9 час. утра. Городъ горѣлъ во многихъ мѣстахъ. Мостъ черезъ р. Марицу также былъ сожженъ Турками. Большая толпа жителей города, спасавшаяся отъ Турокъ въ окрестностяхъ, присоединилась къ отряду во время его слѣдованія.

По собраннымъ у жителей свѣдѣніямъ, арьергардъ Турокъ, въ числѣ 28 таборовъ при 20 орудіяхъ, подъ начальствомъ *Фуадъ-Паши*, выступилъ изъ города ночью и ушелъ по правому берегу Марицы по направленію къ деревнѣ Сонетли. Самъ *Сулейманъ-Паша* съ своимъ Штабомъ выѣхалъ изъ Базарджика 1-го Января. На станціи желѣзной дороги въ Базарджикѣ захваченъ былъ нашими войсками большой поѣздъ съ паровозомъ, которымъ Турки при своемъ отступленіи не успѣли воспользоваться.


СХЕМАТИЧЕСКОЕ КРОКИ
дѣла у Каратаира
3 Января 1878 г.
N.
S
въ Филиппополь
р. Марица
Айранли
Ханъ
Адакіой
Кадикіой
Гвардія
Турки
Ж. Д. Филиппополь
Козл. п.
2. б.
Каратаиръ
Азлатаръ
Карадерменъ
Т. п.
Пен. п.
Базиликъ
Дерменъ
Критчима
Деремъ

Между тѣмъ, Кавказская бригада, продолжая преслѣдовать Турокъ, наткнулась у дер. Сонетли на значительныя силы турецкой кавалеріи. По полученіи о томъ донесенія, Генералъ *Вельяминовъ* выслалъ на помощь Генералу *Черевину* Козловскій полкъ. Но Турки, не дожидаясь подхода нашей пѣхоты, ушли, послѣ чего Козловцы вернулись. Всему отряду въ Базарджикѣ назначенъ былъ ночлегъ на лѣвомъ берегу Марицы. Пѣхота перешла мостъ по доскамъ, наложеннымъ на уцѣлѣвшихъ устояхъ моста. Большая часть отряда помѣстилась въ уцѣлѣвшихъ отъ пожара домахъ предмѣстья. Артиллерія, вслѣдствіе труднаго брода, оставлена была на правомъ берегу рѣки подъ прикрытіемъ роты пѣхоты; лошади-же батареи переправлены были въ бродъ на лѣвый берегъ рѣки, гдѣ ихъ и людей размѣстили въ дворахъ предмѣстья.

На желѣзнодорожной станціи найдены были въ большомъ количествѣ галеты, рисъ и соль, которыми отрядъ пополнилъ свои уже истощившіеся запасы. Жители города приносили солдатамъ свѣжій хлѣбъ, вино, медъ, табакъ и варили имъ обѣдъ. Въ Татаръ-Базарджикъ явился на службу во 2-ю батарею прикомандированный къ ней 5-й Конно-Артиллерійской батареи Подпоручикъ Николай Сергѣевичъ *Ермоловъ**). Офицеръ этотъ до прибытія въ батарею участвовалъ въ сраженіи подъ Ловчею, находясь при сформированной изъ забранныхъ турецкихъ орудій батареѣ, и впослѣдствіи продолжительное время несъ службу на передовыхъ позиціяхъ у Плевны.

3-го Января, въ 7 часовъ утра, отрядъ Генерала *Вельяминова* выступилъ изъ Татаръ-Базарджика по правому берегу Марицы на д. Сонетли, Текиркіой, Кари-Дерменъ и Каратаиръ.

Турки, съ цѣлью задержать наступленіе нашихъ войскъ, разрушили деревянные мосты черезъ притоки Марицы, вслѣдствіе чего пришлось переходить въ бродъ черезъ разлившіяся рѣчки, что значительно замедлило движеніе отряда.

До прихода отряда Генерала *Вельяминова* въ Каратаиръ, *Графъ Шуваловъ* съ большею частью своихъ силъ, перейдя Марицу въ бродъ у Адакіой, выдержалъ въ пространствѣ между Марицею и полотномъ желѣзной дороги серьезный бой съ арьергардомъ Турокъ, которымъ начальствовалъ *Фуадъ-Паша*.

Авангардъ колонны Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова* (казачья бригада, 7 сотенъ съ 4-мя орудіями 8-ой Донской Конной ба-

---

*) Нынѣ Генералъ-Маіоръ Генеральнаго Штаба.

тареи) прибылъ въ Каратаиръ ранѣе главныхъ силъ и имѣлъ серьезный бой съ Турками у дер. Кари-Дерменъ и Каратаиръ. Къ мѣсту боя казакамъ на помощь пришелъ Л.-Гв. Павловскій полкъ, который окончательно выбилъ Турокъ изъ д. Каратаира. Къ тому времени начали подходить къ Каратаиру главныя силы отряда Генерала *Вельяминова*, движеніе котораго замедлено было переправой въ бродъ глубокой рѣчки Кричма-Дересси.

По направленію къ дер. Кадыкіой видна была длинная сторожевая цѣпь непріятельской кавалеріи и пѣхоты, которая вела перестрѣлку съ выдвинутою впередъ цѣпью отряда *Графа Шувалова*. Деревня Кадыкіой, подожженная Турками, вся объята была пламенемъ.

Около 5 час. пополудни, у деревни Каратаиръ, Генералъ *Вельяминовъ* приказалъ отряду выстроить боевой порядокъ. Въ боевой линіи находились Козловскій и Тамбовскій полки со 2-й батареей; въ общій резервъ назначены были 2 баталіона Пензенскаго полка и 4 орудія 3-й и 5-й батареи Гв. Конной Артиллеріи.

Въ означенномъ боевомъ порядкѣ, въ сумеркахъ, началось общее наступленіе отряда. Турки не приняли боя и стали быстро отходить за Кадыкіой.

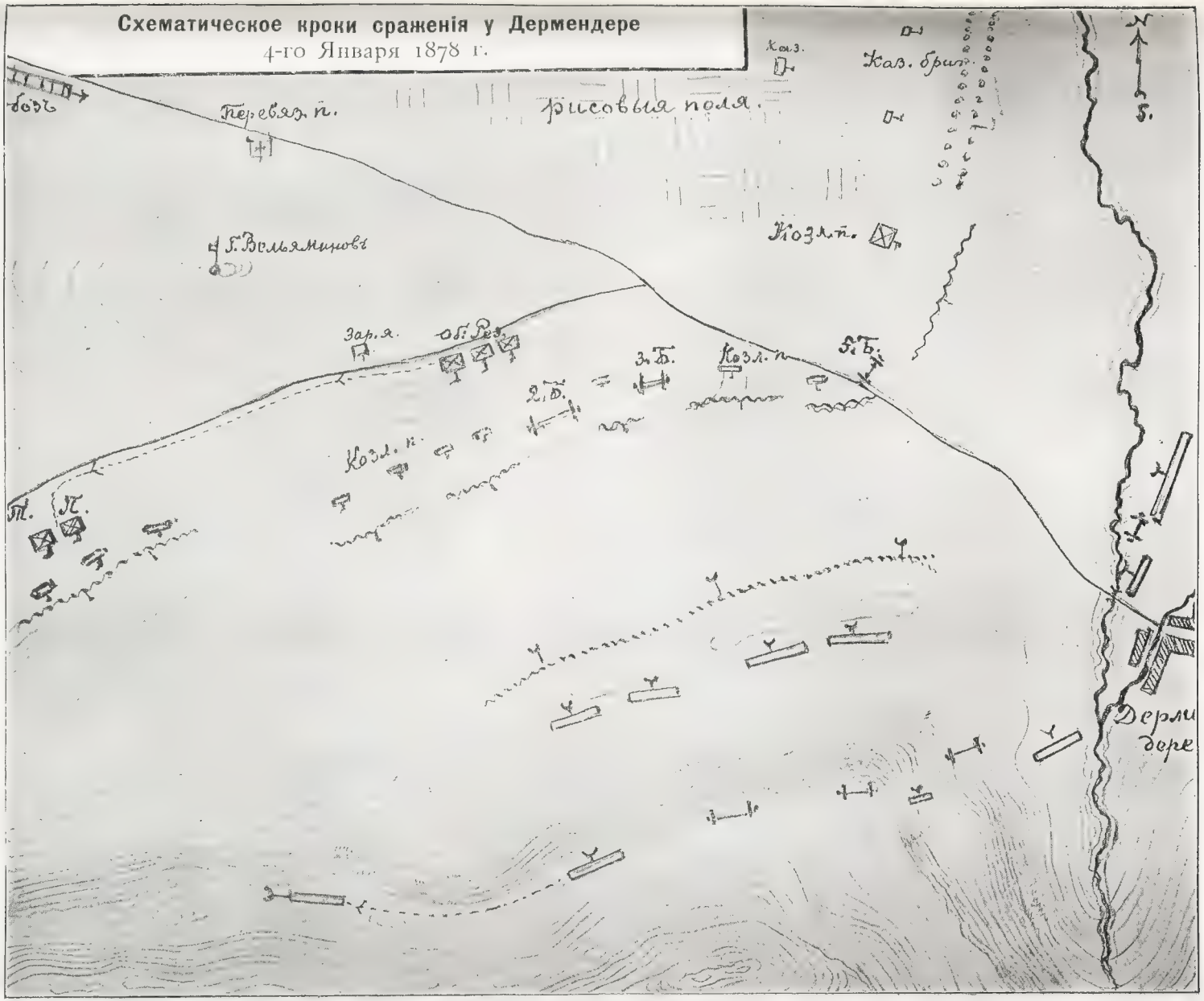
Вскорѣ все движеніе пріостановилось вслѣдствіе наступившей темноты. Казачья бригада заняла сторожевую цѣпь, а Тамбовскому полку со 2-й батареей приказано было отойти къ дер. Каратаиръ. Козловскому и Пензенскому полкамъ со взводомъ 5-й Гв. Конной батареи и съ двумя сотнями казаковъ приказано перейти на ночь къ дер. Базиликъ-Дерменъ, находившейся впереди праваго франга общаго расположенія.

По случаю близости непріятеля, части расположились въ Каратаирѣ на ночлегъ въ резервномъ порядкѣ. Лошадей не разсѣдлывали; разложены были костры, и варили пищу. Рядомъ съ Тамбовцами на ночлегѣ находились Л.-Гв. Павловскій полкъ и 5-я батарея 1-й Гв. Арт. бригады.

Позиція Турокъ у Кадыкіой въ ночь съ 3-го на 4-ое Января была обойдена также съ тыла у Айронли,—отрядомъ Генералъ-Лейтенанта *Шильдеръ-Шульднера*. Всѣ ожидали на слѣдующій день боя у д. Кадыкіой.

X. Дермендере. Марково.

Въ диспозиціи Генералъ-Адъютанта *Гурко*, отданной въ д. Костенкіой 3-го Января, приказано было 4-го Января аттаковать Фи-


Схематическое кроки сраженія у Дермендере
4-го Января 1878 г.
Перевяз. п.
рисовыя поля.
Каз.
Каз. бриг.
Козл. п.
Г. Вельяминовъ
Зар. я.
Об. Рез.
3. Б.
2. Б.
5. Б.
Козл. п.
Т.
П.
Дерм
дере

липпополь и позицію, занятую Турками у Кадыкіой. Задача отряда Генерала *Вельяминова* состояла въ обхватѣ и аттакѣ лѣваго фланга общаго непріятельскаго расположенія.

4-го Января, съ разсвѣтомъ, обнаружилось, что Турки ночью изъ Кадыкіой незамѣтно ушли, заслонивъ свое отступленіе густою цѣпью Черкесовъ. Вскорѣ разъѣзды Кавказской бригады обнаружили, что главныя силы Турокъ отступили по направленію Дермендере и Станимака.

Съ 3-го Января отрядъ Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова* поступилъ подъ команду *Графа Шувалова.*

Въ диспозиціи отданной *Графомъ Шуваловымъ* въ Адакіой на 4-е Января, сказано было:

„Правой колоннѣ—отряду Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова*, имѣя впереди себя Кавказскую казачью бригаду, выступить съ бивуачныхъ мѣстъ въ 8 час. утра и слѣдовать по дорогѣ вдоль подошвы горъ, правѣе и нѣсколько впереди средней колонны, съ цѣлью постояннаго обхода лѣваго фланга непріятеля".

Во исполненіе сего, отрядъ 4-го Января выступилъ изъ Каратаира по дорогѣ на деревни Базиликъ-Дерменъ и Дермендере.

Казачья бригада, шедшая въ авангардѣ отряда вмѣстѣ съ 4-мя орудіями 8-ой Донской казачьей батареи, обнаружила густую цѣпь Черкесовъ, растянутую отъ Дермендере по направленію къ дер. Коматъ. Казаки построили лаву и, подойдя къ Черкесамъ, начали съ ними перестрѣлку. Стрѣльба около $10^1/_2$ час. усилилась, и рекогносцировка, произведенная лично Генераломъ *Вельяминовымъ*, указала, что значительныя турецкія силы пѣхоты съ артилеріею занимаютъ позицію на предгорьи Родопскихъ высотъ, фронтомъ на сѣверъ, правымъ флангомъ у дер. Дермендере. Въ разстояніи примѣрно версты отъ подножія большихъ горъ, параллельно фронту непріятельскаго расположенія, находилась продолговатая возвышенность, незанятая Турками; на ней возвышалось нѣсколько кургановъ. Генералъ *Вельяминовъ* рѣшилъ воспользоваться этой возвышенностью для построенія на ней боевого порядка.

Около 12 час. дня назначенный въ боевую линію Козловскій полкъ быстро занялъ позицію. Въ центрѣ общаго расположенія выѣхала на позицію 2-я батарея. Козловцы расположились по всему гребню возвышенности, загнувъ свой лѣвый флангъ фронтомъ къ дер. Дермендере, также сильно занятой Турками. Два баталіона Пензенскаго полка расположены были на правомъ флангѣ, а Тамбовцы встали въ общій резервъ, за правымъ флангомъ.

Четыре орудія батареи расположены были на позиціи на широкихъ интервалахъ. При орудіяхъ находились: Командиръ батареи Полковникъ *Таль*, Капитанъ *Хитрово*, Поручикъ *Графъ Путятинъ* и Подпоручикъ *Ермоловъ*. Прапорщикъ *Дрейлингъ* находился при Генералѣ *Вельяминовѣ* ординарцемъ. Къ батареѣ съ лѣвой стороны пристроился взводъ 3-й батареи Гв. Конно-Артиллерійской бригады, которымъ командовалъ Капитанъ *Князь Оболенскій*; при взводѣ состоялъ Поручикъ *Шамшевъ*.

На крайнемъ лѣвомъ флангѣ Козловцевъ, фронтомъ къ Дермендере, занялъ позицію взводъ 5 батареи Гв. Конно-Артиллерійской бригады подъ командою Капитана *Мартынова*; при взводѣ находились Подпоручикъ *Шереметьевъ* и вольноопредѣляющійся *Зволянскій*. Часть Кавказской казачьей бригады отошла въ резервъ, гдѣ находились также 4 орудія 8-й Донской Конной батареи; другая часть казаковъ охраняла лѣвый флангъ общаго расположенія.

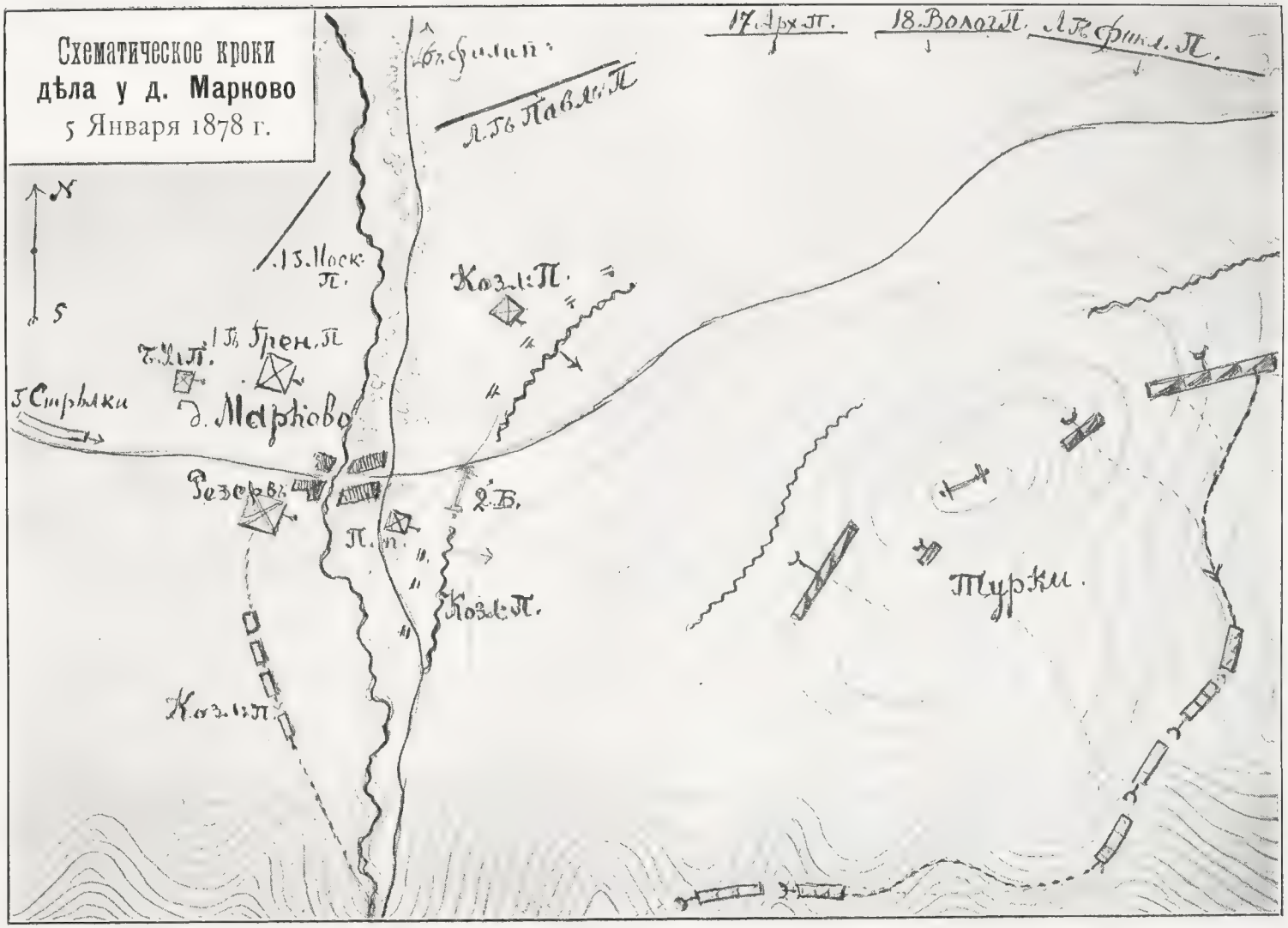
Передки были поставлены за флангами батареи; они были нѣсколько прикрыты мѣстностью. Зарядные ящики, коноводы, запасный лафетъ, аптечная двуколка и вьюки оставались за курганомъ, на правомъ флангѣ позиціи, гдѣ они укрыты были отъ выстрѣловъ.

Вся занятая отрядомъ позиція видна была Туркамъ съ горъ, какъ на ладони, и только на правомъ флангѣ, за курганами, резервы были вполнѣ закрыты отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Въ то время, какъ отрядъ занималъ позицію, Турки по всей линіи открыли орудійный и ружейный огонь.

На горѣ противъ центра позиціи, въ разстояніи до 800 саженъ, у Турокъ находилась дальнобойная 4-хъ-орудійная батарея, у которой интервалы между орудіями были не менѣе 50 шаговъ; батарея эта стрѣляла исключительно гранатами. Вслѣдствіе большого угла паденія турецкихъ гранатъ, онѣ глубоко зарывались въ мягкій грунтъ кукурузнаго поля, на которомъ расположены были наши войска, при чемъ осколки разрывавшихся гранатъ круто летѣли вверхъ, такъ что разрывы гранатъ, происходившіе въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ орудій и передковъ, не причиняли имъ вреда.

На высотахъ у самой деревни Дермендере у Турокъ расположена была другая дальнобойная батарея; по ней открылъ огонь взводъ 5-й батареи, стоявшій на дорогѣ у лѣваго фланга Козловцевъ.

Генералъ-Лейтенантъ *Вельяминовъ* со своимъ Штабомъ находился на большомъ курганѣ у праваго фланга позиціи. Этотъ


Схематическое кроки
дѣла у д. Марково
5 Января 1878 г.
N
S
17. Арх. П.
18. Волог. П.
Л. Гв. Павл. П.
Козл. П.
Грен. П.
д. Марково
Резервъ
2. Б.
П. п.
Козл. П.
Козл. П.
Турки.

курганъ особенно сильно былъ обстрѣливаемъ Турками, которые замѣтили на немъ присутствіе Начальника отряда.

Пѣхота наша въ началѣ боя, вслѣдствіе малой дальности винтовки Крынка, не могла отвѣчать на огонь Турокъ.

Пристрѣлка нашей батареи по турецкой 4-хъ-орудійной батареѣ, расположенной на краю высотъ, затруднялась тѣмъ, что нельзя было слѣдить за разрывомъ перелетовъ. Однако, послѣ нѣсколькихъ очередей гранатами и шрапнелями удалось заставить замолчать два орудія турецкой батареи. Во время самаго разгара боя, непріятельскую гранату разорвало въ интервалѣ между 2-мъ и 3-мъ орудіями батареи. Осколками этой гранаты раненъ былъ Поручикъ *Графъ Путятинъ*, который упалъ и потерялъ сознаніе. Когда онъ приведенъ былъ въ чувство, онъ настоятельно потребовалъ подать ему лошадь; его посадили верхомъ, и онъ въ сопровожденіи поддерживавшаго его вѣстового поѣхалъ на перевязочный пунктъ, гдѣ ему сдѣлали перевязку. Раны оказались у ключицы и на груди, безъ поврежденія костей. Почти одновременно у взвода 3-й батареи сильно контуженъ былъ гранатою Поручикъ *Шамшевъ*. Нѣсколько гранатъ разорвало среди ротъ Козловцевъ, прикрывавшихъ батарею съ фланговъ. Во 2-й батареѣ осколками гранатъ ранены были при 3-мъ орудіи бомбардиръ-наводчикъ *Макатинъ* и при 1-мъ орудіи банникъ-канониръ *Цаюнъ*.

По наступающей непріятельской пѣхотѣ батарея открыла огонь шрапнелью съ дистанціи 400 саженъ. Ружейный огонь Турокъ по всей линіи трещалъ безъ умолку. Огонь нашей пѣхоты въ началѣ наступленія Турокъ былъ весьма сдержанъ. Испытанные въ бояхъ полки дивизіи Генерала *Вельяминова* берегли патроны для болѣе близкихъ дистанцій. Всѣ офицеры батареи въ бинокль зорко слѣдили за каждымъ передвиженіемъ непріятеля, повѣряя высоту прицѣла и наводку въ указываемую цѣль.

Около 3-хъ часовъ по всей турецкой линіи раздались сигналы къ аттакѣ. Скрыто расположенныя до того поддержки турецкой цѣпи быстро стали наступать на фронтъ всей позиціи; за ними слѣдовали въ развернутомъ фронтѣ резервы. Съ нашей стороны резервы цѣпи бѣгомъ выдвинулись впередъ и съ замѣчательною выдержкой открыли стрѣльбу залпами. Батарея участила огонь шрапнелями, по-взводно распредѣливъ его по наступающей линіи Турокъ.

Мѣстность впереди до турецкихъ частей была открытая и представляла широкій обстрѣлъ. Вскорѣ движеніе Турокъ

пріостановилось, и вся ихъ линія, сопровождаемая залпами нашей пѣхоты, быстро начала отступать. Отойдя на разстояніе около 400 саженъ, Турки вновь укрылись въ лощинѣ у подножія горъ. Около 4½ часовъ опять послышались турецкіе сигналы, и стрѣльба по всей линіи разгорѣлась. Турки возобновили аттаку съ криками „Аллахъ“.

На этотъ разъ частая стрѣльба залпами нашей пѣхоты была столь губительна для Турокъ, что, не дойдя 500 шаговъ до нашей линіи, они совершенно были разстроены и обратились въ бѣгство. Въ третій разъ Турки повели аттаку только противъ праваго фланга общаго нашего расположенія, но и тамъ они отражены были огнемъ нашей славной пѣхоты. Во время этихъ аттакъ, нѣсколько таборовъ показалось на высотахъ противъ праваго фланга позиціи. Генералъ *Вельяминовъ* выдвинулъ противъ нихъ изъ резерва два баталіона Пензенскаго полка.

Около 6-ти часовъ, съ наступленіемъ темноты, огонь съ обѣихъ сторонъ прекратился. Въ ожиданіи новой аттаки Турокъ, Генералъ *Вельяминовъ* разослалъ приказаніе всѣмъ оставаться ночью на своихъ мѣстахъ. Пѣхотная цѣпь выдвинута была впередъ, и ею высланы были секреты и патрули. Взводъ 5-й батареи Гв. Конно-Артиллеріи во время боя выпустилъ всѣ свои снаряды и получилъ приказаніе отойти въ резервъ.

Около 8 часовъ вечера офицеры и солдаты батареи расположились на отдыхъ вблизи орудій. Лошадей не разсѣдлывали и не выпрягали, а строевыхъ привязывали къ канату, протянутому между передками и зарядными ящиками. Сѣно и ячмень добыты были въ ближайшей деревнѣ, куда послана была команда съ строевыми лошадьми. Всѣхъ раненыхъ отправили на болгарскихъ каруцахъ въ деревню Брестовецъ, гдѣ устроенъ былъ перевязочный пунктъ.

Всего въ сраженіи подъ Дермендере во 2-й батареѣ выбыло изъ строя: тяжело раненыхъ - офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 2 (изъ нихъ канониръ *Цаюнъ* во время перевозки въ Брестовецъ скончался); легко раненыхъ: 4 нижнихъ чина. Лошадей во 2-й батареѣ тяжело ранено и убито 11. Снарядовъ выпущено: гранатъ 114, шрапнелей 110.

Всего въ отрядѣ Генерала *Вельяминова* 4-го Января потери были: убито нижнихъ чиновъ 10; ранено: офицеровъ 1, нижнихъ чиновъ 58; контужено офицеровъ 3.

У Турокъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ у Болгаръ, потери были весьма значительны; поле усѣяно было ихъ убитыми.

На ночь орудія заряжены были гранатами, и у каждаго орудія

оставленъ былъ дежурный. Отъ пѣхоты наряжена была рота въ прикрытіе къ батареѣ. Всей пѣхотѣ приказано было окопаться ровиками; разведены были костры и люди варили пищу.

4-го Января въ сраженіи у Дермендере со стороны Турокъ участвовала дивизія *Фуадъ-Паши*, въ составѣ примѣрно 10 таборовъ пѣхоты при 12 орудіяхъ. Дивизія эта составляла лѣвый арьергардъ главныхъ силъ *Сулеймана-Паши*, отступившихъ къ Станимаку.

Ночь съ 4-го на 5-е Января прошла спокойно. Подъ утро сильный туманъ окуталъ всю мѣстность. Съ разсвѣтомъ высланы были на развѣдку казачьи разъѣзды и пѣхотные патрули. Вскорѣ отовсюду получены были донесенія, что Турки покинули свое расположеніе на горахъ и, по показаніямъ Болгаръ, отступили на Изворъ и Марково.

5-го Января, около 11 часовъ утра получено было приказаніе отъ *Графа Шувалова*—отряду Генерала *Вельяминова* немедленно слѣдовать черезъ Дермендере на дер. Марково, для аттаки съ запада сосредоточившихся на позиціи турецкихъ силъ.

Движеніе къ дер. Марково представляло большія затрудненія. Грязь была непролазная, и приходилось переходить овраги и глубокія канавы. Жители Дермендере при прохожденіи отряда ликовали, выражая свою радость подношеніемъ солдатамъ хлѣба, крупы и вина.

По дорогѣ всюду стояли брошенные Турками патронные ящики и повозки съ продовольствіемъ. По выходѣ изъ Дермендере, около 12 часовъ дня, со стороны Маркова послышались орудійные выстрѣлы. Колонна подтянулась и ускорила движеніе.

По полученнымъ свѣдѣніямъ, къ дер. Марково подошли съ сѣверной и восточной стороны колонны *Графа Шувалова* изъ Мечкуро и колонна Генерала *Шильдера* изъ Комата.

Около 3-хъ часовъ голова колонны, Козловскій полкъ со 2-й батареею, начала подходить къ дер. Марково. Впереди отряда, въ прилегающихъ къ деревнѣ садахъ, расположенъ былъ Л.-Гв. Гренадерскій полкъ.

Къ востоку отъ деревни, на высотахъ и въ долинѣ у подошвъ горъ, Турки занимали позицію, на которой расположена была артиллерія. Огонь четырехъ орудій турецкой батареи направленъ былъ на Марково.

Генералъ *Вельяминовъ* получилъ отъ Генерала *Шувалова*, лично руководившаго боемъ, приказаніе пройти расположеніе Л.-Гв. Гре-

надерскаго полка и вести аттаку на лѣвый флангъ расположенія Турокъ.

Отрядъ построилъ боевой порядокъ, имѣя въ первой линіи 2 баталіона Козловскаго полка и 2-ую батарею, а прочія части въ резервѣ за правымъ флангомъ. Изъ резерва выдвинуты были два баталіона Пензенскаго полка, которые направлены были по отрогамъ горъ въ обходъ крайняго лѣваго фланга Турокъ. Позиція 2-ой батареи находилась на полянѣ восточнѣе деревни. Стрѣльба открыта была противъ 4-хъ непріятельскихъ орудій, находившихся на отдѣляющейся отъ хребта возвышенности. Дистанція оказалась до 250 саженъ. Такъ какъ непріятельская батарея расположена была на значительной высотѣ, то паденія перелетовъ не было видно. Послѣ десяти выстрѣловъ пристрѣлялись и перешли на шрапнель. Турецкая батарея вскорѣ прекратила огонь и скрылась въ горы.

Затѣмъ выстрѣлы батареи направлены были на отступающую въ горы пѣхотную колонну. Стрѣльба велась первоначально шрапнелями, а затѣмъ гранатами до дистанціи 1200 саженъ.

Непріятельская пѣхота, взобравшись на главный хребетъ, несмотря на значительное разстояніе, продолжала стрѣлять съ горъ.

Около 4-хъ часовъ стрѣльба батареи прекратилась, такъ какъ нашелъ густой туманъ, и Турки скрылись изъ вида. Послѣдній выстрѣлъ батареи у дер. Марково былъ въ то же время послѣднимъ боевымъ выстрѣломъ во время кампаніи.

Съ наступленіемъ темноты отряду приказано было расположиться бивуакомъ у дер. Марково. Передъ окончаніемъ сраженія у Маркова, къ батареѣ вернулся раненный Поручикъ *Графъ Путятинъ*, который, несмотря на сильный упадокъ силъ отъ потери крови и мучительную боль отъ раны, ни за что не желалъ отстать отъ батареи. На ночлегъ батарея заняла квартирно-бивуачное расположеніе.

Болгары со всѣхъ окрестныхъ селъ Родопскихъ горъ прибыли къ отряду съ фуражемъ и продовольствіемъ, и, кромѣ того, въ брошенномъ Турками обозѣ нашлись галеты и рисъ.

Въ дѣлѣ подъ Марковымъ убыли въ батареѣ не было. Всего выпущено было: гранатъ 22, шрапнелей 20 *).

*) 5 Января въ дѣлѣ подъ Марковымъ, до прихода отряда Генерала Вельяминова, съ утра, подъ личнымъ начальствомъ Графа Шувалова участвовали полки: Л.-Гв. Московскій, Л.-Гв. Павловскій, 17 Архангелогородскій, Л.-Гв. Финляндскій, 18 Вологодскій и Л.-Гв. Гренадерскій. По дорогѣ изъ Дер-

Побѣдами, одержанными нашими войсками у Филиппополя, армія *Сулеймана-Паши* была настолько разстроена, разсѣяна и деморализована, что не могла болѣе признаваться вооруженною силою, способною къ сопротивленію. Оставалось преслѣдовать остатки турецкой арміи, раздробившейся небольшими частями въ Родопскихъ горахъ, чтобы отнять у нихъ возможность вновь сосредоточиться и дѣйствовать на нашу операціонную линію.

5-го Января *Графу Шувалову* сообщено было отъ Генералъ-Адъютанта *Гурко*, что всѣ войска, дѣйствующія къ югу отъ Филиппополя, ввѣряются командованію Командира IX-го Корпуса Генералъ-Лейтенанту *Свѣчину*. Вслѣдствіе этого, Генералъ-Лейтенантъ *Свѣчинъ* на 6-е Января отдалъ диспозицію, въ которой указано было, что:

„Задача ввѣренныхъ ему войскъ состоитъ въ томъ, чтобы отрѣзать непріятелю путь отступленія къ Адріанополю, а если представится возможность, то захватить Станимакъ".

Въ этой диспозиціи относительно отряда Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова* сказано было:

„Войска 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи и 8 баталіоновъ 31-й пѣхотной дивизіи, съ имѣющейся при нихъ артиллеріею, подъ общимъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова*, занимаютъ всѣ деревни, лежащія у сѣвернаго подножія горъ къ западу отъ Карагача до Марково включительно, и, опираясь на эти деревни, не допускаютъ непріятеля спуститься съ горъ; правый-же флангъ 31-й пѣхотной дивизіи угрожаетъ лѣвому флангу непріятеля, по дорогѣ отъ Марково на Ново-Село и далѣе.

„2-й Гвардейской пѣхотной дивизіи съ Гвардейскою стрѣлковой бригадой и находящейся при ней артиллеріею составить общій резервъ и стать, впредь до приказанія, у перекрестка желѣзной дороги съ шоссе изъ Филиппополя на Станимакъ".

Графъ Шуваловъ, вслѣдствіе этой диспозиціи, отдалъ приказаніе, чтобы ввѣренная ему дивизія, съ Гвардейскою артиллеріею, какъ пѣшей, такъ и конной, сосредоточилась 6-го Января у Филиппополя.

6-го Января 2-я Гвардейская пѣхотная дивизія перешла къ Филиппополю. Съ нею ушли также взводы 3-й и 5-й батарей Гв.

мендере за отрядомъ Генерала Вельяминова слѣдовала Гвардейская стрѣлковая бригада и Бугскій Уланскій полкъ.

При войскахъ, дѣйствовавшихъ съ фронта, были батареи 2-й Гв. Артиллер. бригады.

Конно-Артил. бригады. 2-й батареѣ приказано было 6 Января оставаться въ Марковѣ и выступить къ Филиппополю 7-го Января.

Вечеромъ въ д. Марково прибылъ къ батареѣ изъ Орханіэ фейерверкеръ *Бородкинъ* съ двумя зарядными ящиками; остальные два ящика, вслѣдствіе крайняго изнуренія лошадей, оставлены были имъ на дневку въ деревнѣ Ортакіой, не доходя Филиппополя. *Бородкинъ* изъ Орханіэ все время шелъ форсированнымъ маршемъ, зная, что батарея нуждается въ снарядахъ. Съ зарядными ящиками *Бородкинъ* привезъ также принятые отъ Интендантства полушубки, что было очень кстати, такъ какъ ночи были холодныя, и одежда у людей очень износилась *).

XI. Филиппополь. Адріанополь. Родосто.

7-го Января 2-я батарея перешла на присоединеніе къ Гвардейскимъ войскамъ въ Филиппополь. Въ этотъ день батарея отдѣлилась изъ состава отряда Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова* и простилась съ дорогими своими боевыми товарищами, полками 31-й пѣхотной дивизіи. Около полудня батарея прибыла въ Филиппополь, гдѣ расположилась въ предмѣстьи, въ отведенномъ ей обширномъ постояломъ дворѣ. Артиллерію поставили вблизи на площади, а офицеры помѣстились въ домѣ богатаго греческаго купца.

Отрядъ Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова* былъ расформированъ, и всѣ Гв. Конныя батареи должны были вновь присоединиться къ своей дивизіи. Въ приказѣ отъ 10-го Января Генералъ *Вельяминовъ* благодарилъ всѣхъ Начальниковъ и нижнихъ чиновъ отряда за ихъ боевую службу во время бытности ихъ подъ его начальствомъ **). Тогда-же Генералъ-Лейтенантъ *Вельяминовъ* назначенъ былъ Филиппопольскимъ Комендантомъ.

Такъ какъ батареѣ назначено было оставаться въ Филиппополѣ до 10 Января, то немедленно приступлено было къ приведенію въ порядокъ матеріальной и хозяйственной части и пополненію всѣхъ запасовъ. Тотчасъ по приходѣ, представилась возможность всѣмъ людямъ побывать въ турецкой банѣ.

---

*) Приложеніе 14: Рапортъ Генералъ-Лейтенанта Вельяминова Начальнику Западнаго отряда Ген.-Адъют. Гурко отъ 25 Января 1878 года.

Приложеніе 20: Походныя воспоминанія Прапорщ. Дрейлинга „Отъ Чуріака до Филиппополя“.

**) Приложеніе 15: Приказъ Генералъ-Лейтенанта Вельяминова отъ 10-го Января 1878 года, городъ Филиппополь.

Лошадей всѣхъ перековали на новыя зимнія подковы съ шипами. Часть подковъ была заказана по даннымъ образцамъ мѣстнымъ кузнецамъ, а часть изготовили въ батареѣ. Имѣвшіеся въ продажѣ гвозди турецкаго образца оказались слишкомъ коротки, такъ что пришлось изготовить надлежащей длины гвозди батарейнымъ кузнецамъ, которые въ мирное время этому обучались. Ветеринары дѣятельно принялись за леченіе больныхъ лошадей, у большей части которыхъ оказались мокрецы, подсѣды, наминки, болѣзни копытъ и поврежденія спинъ.

Передъ приходомъ нашихъ войскъ въ Филиппополь большинство турецкаго населенія бѣжало изъ города; но вскорѣ, убѣдившись, что войска наши никакихъ обидъ жителямъ не дѣлаютъ, и что въ городѣ заведенъ строгій полицейскій порядокъ, Турки стали возвращаться, и торговля оживилась. Болѣе всего эксплоатировали войска Греки, въ рукахъ которыхъ находится почти вся мѣстная торговля. Въ Филиппополь прибыло отъ всѣхъ частей войскъ много раненыхъ и больныхъ, вслѣдствіе чего здѣсь устроенъ былъ большой военный госпиталь; подвижной лазаретъ Краснаго Креста прибылъ впослѣдствіи. Въ городѣ было также много больныхъ и раненыхъ Турокъ, которые помѣщались въ госпиталѣ Красной Луны, при которомъ находились французскіе, англійскіе и нѣмецкіе доктора и медицинскій персоналъ иностранцевъ. Для очистки города и работъ по устройству разрушеннаго Турками моста наряжались турецкіе плѣнные.

8-го Января прикомандированный къ 2-й батареѣ Подпоручикъ *Ермоловъ* былъ назначенъ во вновь сформированную въ Филиппополѣ изъ забранныхъ у Турокъ дальнобойныхъ орудій батарею. Подпоручикъ *Ермоловъ* въ сраженіи подъ Ловчей 22 Августа находился при подобной-же батареѣ, сформированной тогда изъ забранныхъ въ Никополѣ орудій, при которыхъ находился также Штабсъ-Капитанъ *Саввинъ*. Въ Филиппополь 8-го Января прибылъ къ батареѣ изъ Орханіэ Поручикъ *Дружининъ* съ людьми и лошадьми 3-го взвода батареи; присоединились также къ батареѣ два зарядныхъ ящика, оставленныхъ фейерверкеромъ *Бородкинымъ* въ Ортакіой.

По уходѣ батареи изъ Орханіэ, Поручикъ *Дружининъ*, для удобства продовольствія людей и лошадей, получилъ приказаніе отъ Начальника Артиллеріи Гвардейскаго Корпуса перейти Балканы безъ орудій и расположиться въ Софійской долинѣ, въ Ени-Магале; при немъ находился также взводъ 5-й батареи Гв. Конно-Артиллерійской бригады.

Въ этой деревнѣ его застало приказаніе присоединиться къ батареѣ, вслѣдствіе чего Поручикъ *Дружининъ* форсированнымъ маршемъ прибылъ въ Филиппополь. Орудія 3-го взвода оставлены были въ Орханіэ, откуда послѣ были перевезены въ Плевну для сдачи въ Артиллерійскій запасъ. Третій взводъ получилъ впослѣдствіи орудія въ Казанлыкѣ, куда для принятія ихъ командированъ былъ прибывшій въ батарею по выздоровленіи Прапорщикъ *Павловскій*, который доставилъ орудія въ Силиври.

10-го Января изъ Филиппополя выступила колонна Генералъ-Адъютанта *Графа Шувалова*, въ составѣ полковъ 2-й Гв. пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріею и съ Гвардейской стрѣлковой бригадой; съ этою колонною слѣдовала къ Адріанополю и 2-я батарея. Въ Филиппополѣ въ командованіе батареею вступилъ Капитанъ *Хитрово*, такъ какъ Командиръ батареи тяжко заболѣлъ.

Въ 4 часа пополудни колонна *Графа Шувалова* прибыла въ Папазли, гдѣ войска заняли бивуакъ. Деревни не существовало,— ее сожгли и разграбили Турки.

11-го Января колонна перешла въ деревню Каяли, которая также сожжена была Турками. Жители деревни размѣстились таборомъ на развалинахъ своихъ хижинъ и съ отчаяніемъ разсказывали о звѣрствахъ Турокъ.

12-го Января колонна дошла до Хаскіой. Турецкое населеніе этого небольшого мѣстечка бѣжало, боясь мести и грабежа болгарскаго населенія. Изъ Филиппополя батарея взяла съ собою трехдневный запасъ ячменя, который помѣщался на передкахъ и зарядныхъ ящикахъ.

По пути слѣдованія нельзя было добыть фуража; пришлось высылать впередъ во всѣ стороны фуражировъ, которые насильно заставляли Болгаръ подвозить фуражъ къ мѣстамъ стоянокъ войскъ. Болгары боялись отлучаться отъ своихъ деревень, такъ какъ много турецкихъ мародеровъ, отставшихъ отъ своихъ войскъ, грабили и поджигали села. Но и Болгары съ своей стороны, пользуясь наступленіемъ нашей арміи, вооружившись, стали всюду нападать на турецкое населеніе, отбирая у нихъ скотъ и имущество и убивая сопротивляющихся. Во всемъ краѣ царилъ терроръ; кто только могъ изъ Турокъ, спасался по направленію къ Адріанополю.

По дорогѣ постояно встрѣчались толпы оборванныхъ Турокъ съ ихъ женами и дѣтьми, съ воплемъ умолявшихъ наши войска защитить ихъ отъ разбоевъ Болгаръ. Многіе изъ этихъ Турокъ погибали отъ голода и холода, — въ это время уже свирѣп-

ствовали морозы. Нѣкоторыхъ несчастныхъ турецкихъ женщинъ съ дѣтьми сажали на передки и зарядные ящики и подвозили ихъ до ближайшихъ селеній.

13-го Января батарея перешла въ Херманли. Дорога настолько была тяжела, что приходилось съ помощью шлеекъ припрягать строевыхъ лошадей. По дорогѣ къ Херманли, видны были остатки разграбленныхъ Болгарами обозовъ турецкаго населенія, которое искало спасенія бѣгствомъ къ Адріанополю. На протяженіи многихъ верстъ вдоль дороги разбросаны были поломанныя каруцы съ пожитками и всякимъ хламомъ спасающихся Турокъ.

Когда наступающая къ Адріанополю въ авангардѣ кавалерія Шипкинскаго отряда миновала этотъ громадный обозъ турецкихъ бѣглецовъ, Болгары накинулись на него. Турки у обоза отчаянно оборонялись; многіе изъ нихъ были убиты. Болгары выпрягали воловъ, разбивали повозки и грабили все цѣнное имущество. Около мѣста происходившаго разгрома долго еще лежали разлагающіеся трупы Турокъ, распространяя кругомъ заразу. Ужасное зрѣлище представляли почти нагія турецкія женщины съ дѣтьми, старики и умирающіе раненые и больные, которые безпомощно расположились на снѣгу вдоль дороги у костровъ.

Желѣзнодорожный мостъ у Херманли оказался разрушеннымъ. Къ сожалѣнію, это было дѣломъ одного изъ нашихъ передовыхъ разъѣздовъ.

Прекращеніе желѣзнодорожнаго сообщенія къ Адріанополю было большимъ несчастіемъ для всей наступающей къ Константинополю нашей арміи, которая лишена была этимъ быстраго подвоза продовольствія и всѣхъ необходимыхъ военныхъ припасовъ.

14-го Января колонна *Графа Шувалова*, пройдя 40 верстъ, прибыла въ большое турецкое село Мустафа-Паша. Движеніе значительно замедлилось, вслѣдствіе разрушенныхъ Турками при ихъ отступленіи мостовъ; приходилось проходить трудные броды, такъ какъ всѣ рѣчки въ это время, вслѣдствіе проливныхъ дождей и таянія снѣга въ горахъ, обратились въ бурные потоки. Желѣзная дорога на этомъ переходѣ проведена рядомъ съ дорогою, по которой слѣдовали войска. На походѣ колонну обогналъ поѣздъ, въ которомъ ѣхалъ Великій Князь, Главнокомандующій, съ своимъ Штабомъ въ Адріанополь. При встрѣчѣ раздалось восторженное „Ура“ войска; Великій Князь, стоя у окна вагона, здоровался съ частями и привѣтливо всѣмъ кланялся. Радостная встрѣча эта подбодрила всѣхъ крайне утомленныхъ большимъ

переходомъ. Въ Мустафѣ-Пашѣ войска были расположены бивуакомъ.

15-го Января отрядъ выступилъ рано. Не доходя Адріанополя, батареѣ пришлось пройти тяжелый бродъ. Ширина брода доходила до 40 саженъ, при глубинѣ 1½ арш. Мостъ на дорогѣ былъ разрушенъ, и полковые саперы заняты были починкою его. Въ ожиданіи исправленія моста пѣхота расположилась на привалѣ, а батареѣ приказано было итти въ бродъ. Снаряды и заряды были выпуты изъ передковъ и зарядныхъ ящиковъ, и орудійная прислуга перевезла ихъ верхомъ.

Затѣмъ приказано было коноводамъ вести лошадей обратно.

На нихъ сажали стрѣлковъ баталіона Императорской Фамиліи, которые переправились въ бродъ верхомъ. Каждой лошади, такимъ образомъ, пришлось разъ двадцать совершить переправу взадъ и впередъ въ бродъ. Грунтъ рѣки былъ чрезвычайно топкій, и вода холодная, какъ ледъ. Вслѣдствіе этой переправы, большая часть лошадей по приходѣ въ Адріанополь заболѣла инфлуэнціей. Пѣхота частью перебралась черезъ рѣку въ одиночку, по уцѣлѣвшимъ балкамъ разрушеннаго моста. Вся переправа замедлилась до наступленія темноты.

Вслѣдствіе крайняго утомленія пѣхоты, ночлегъ назначенъ былъ у Чифлика, не доходя Адріанополя. Костровъ на бивуакѣ нельзя было разложить, такъ какъ всю ночь шелъ дождь.

16-го Января, около полудня, колонна *Графа Шувалова* подошла къ Адріанополю. 2-я батарея размѣстилась на постоялыхъ дворахъ западнаго предмѣстья, вблизи сліянія рѣки Тунджи и рѣки Марицы.

Въ Адріанополѣ батарея простояла 17 дней, отъ 16 Января до 3 Февраля. Помѣщенія въ крытыхъ конюшняхъ, изобиліе фуража и наступившая теплая погода дали возможность оправиться утомленнымъ людямъ и лошадямъ. Къ сожалѣнію, у многихъ лошадей появилась инфлуэнція и острое воспаленіе копытъ. Заболѣвавшія копытами лошади не ложились и переставали ѣсть кормъ; стрѣлки копытъ гнили, и весь рогъ копыта отдѣлялся, послѣ чего лошади околѣвали отъ изнуренія. Въ продолженіе 4-хъ дней въ батареѣ пало 15 лошадей. Главнымъ образомъ развитію болѣзни копытъ способствовало движеніе по гололедицѣ при отсутствіи острыхъ шиповъ, постоянныя стоянки на бивуакахъ въ грязи и прохожденіе въ холодной, какъ ледъ, водѣ рѣчныхъ бродовъ. Въ Адріанополѣ всѣхъ лошадей перековали на новыя подковы. Въ это время послано было за всѣми обо-

зами, оставленными въ тылу за Балканами. Не дожидаясь прихода обоза, батарея въ Адріанополѣ обзавелась взводными котлами средняго размѣра. Варка производилась два раза въ день съ двухфунтовою порціей мяса; приварочныхъ продуктовъ клали въ изобиліи; бѣлый хлѣбъ, крупа, чай и сахаръ получались отъ Интендантства. Людямъ выдавали ежедневно по получаркѣ водки. Обильная и хорошая пища необходима была для возстановленія силъ людей послѣ испытанныхъ ими трудовъ и лишеній, отъ которыхъ многіе были крайне истощены. Въ Адріанополѣ людей часто посылали въ турецкія бани; всѣмъ куплено было бѣлье, а также сукно и кожа для починки одежды и обуви. Офицеры въ городѣ размѣщены были по обывательскимъ квартирамъ.

Въ свободное время солдаты командами отправлялись осматривать городъ. Между прочимъ, имъ показывали знаменитую мечеть Султана-Селима, всю высѣченную изъ мрамора. Офицеры осматривали также всѣ форты и укрѣпленія города. Форты эти были блиндированы, и въ нихъ имѣлись большіе траверсы. Орудія на валахъ укрѣпленій были большого калибра, „24 сантиметровъ“, изготовленія завода *Крупа*.

Во многихъ мѣстахъ укрѣпленій имѣлась трехъярусная ружейная оборона. Рвы, окружающіе форты, имѣли ширину до 6 и глубину до 3-хъ саженъ. На гласисахъ всюду устроены были волчьи ямы. Впереди главной ограды были отдѣльно вынесенные форты и редуты, соединенные между собою закрытыми путями. Не подлежитъ сомнѣнію, что если-бы арміи *Сулеймана-Паши* удалось достичь Адріанополя, то овладѣніе этой крѣпостью потребовало бы съ нашей стороны большихъ усилій. Въ Адріанополь прибылъ къ батареѣ оправившійся отъ болѣзни Командиръ батареи.

19-го Января стало извѣстно о состоявшемся перемиріи. По этому случаю на слѣдующій день въ Греческомъ соборѣ въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго и многочисленнаго собранія начальствующихъ лицъ и офицеровъ происходило торжественное богослуженіе.

24-го Января, при собраніи всѣхъ чиновъ батареи, прочитанъ былъ приказъ Главнокомандующаго по войскамъ дѣйствующей арміи *).

*) Приложеніе 16: Приказъ войскамъ дѣйствующей арміи № 4, 24 Января 1878 года.

26-го Января отслужена была въ Греческомъ соборѣ панихида по Штабсъ-Капитанѣ *П. Ф. Саввинѣ*, скончавшемся въ Кіевѣ 24 Декабря 1877 года отъ раны, полученной 22 Августа при взятіи Ловчи.

На панихидѣ присутствовали всѣ офицеры и нижніе чины батареи и почетнаго конвоя. Конвой этотъ находился при Главной квартирѣ, такъ какъ по отъѣздѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА изъ дѣйствующей арміи онъ назначенъ былъ состоять при Его Императорскомъ Высочествѣ Главнокомандующемъ.

Въ батарею въ этотъ день прибылъ изъ Петербурга Штабсъ-Капитанъ *Баронъ Кусовъ*. Онъ сообщилъ, что ГОСУДАРЬ въ Зимнемъ дворцѣ присутствовалъ на панихидѣ по Штабсъ-Капитанѣ *Саввинѣ*, при чемъ вспоминалъ доблестное его поведеніе въ бою.

Между тѣмъ, переговоры объ окончательномъ заключеніи мира затянулись, и по отъѣздѣ изъ Адріанополя турецкихъ уполномоченныхъ стали распространяться слухи о вѣроятномъ возобновленіи военныхъ дѣйствій.

2-го Февраля получено было приказаніе о выступленіи батареи на слѣдующій день въ Чорлу. Въ виду этого, въ батареѣ сдѣлано было распоряженіе отправить слабосильныхъ людей и больныхъ лошадей по желѣзной дорогѣ впередъ до Чорлу.

3-го Февраля былъ командированъ отъ батареи въ Казанлыкъ Прапорщикъ *Павловскій* съ 12-ю артиллерійскими лошадьми и людьми, чтобы принять отъ расформированной 9-й Артиллерійской бригады 2 новыхъ орудія для 3 взвода батареи. До Іени-Загры Прапорщикъ *Павловскій* съ командою доѣхалъ по желѣзной дорогѣ; оттуда перешелъ въ Казанлыкъ, гдѣ, принявъ орудія, форсированнымъ маршемъ черезъ Тырновъ-Семенли, Адріанополь и Чорлу благополучно присоединился 3-го Апрѣля къ батареѣ въ городѣ Силиври. Прапорщикъ *Павловскій* тотчасъ по возвращеніи въ батарею тяжело занемогъ тифомъ и пролежалъ въ Силиври до Марта мѣсяца, послѣ чего былъ уволенъ въ Россію для поправленія совершенно разстроеннаго здоровья.

Передъ выступленіемъ изъ Адріанополя 2-я батарея получила, для пополненія убыли, изъ расформированныхъ батарей 9-й Артиллерійской бригады двѣнадцать лошадей; къ сожалѣнію, онѣ сильно были изнурены и мало пригодны для работы.

Въ приказѣ о выступленіи изъ Адріанополя 2-й батареѣ было назначено слѣдовать въ Родосто, съ Л.-Гв. Уланскимъ полкомъ.

3-го Февраля батарея перешла въ Хавса;
4-го Февраля „ „ въ Баба-Экси;

5-го Февраля батарея перешла въ Люли-Бургасъ;
6-го Февраля „ „ въ Кариштиранъ;
7-го Февраля „ „ въ Чорлу,

гдѣ присоединилась команда, посланная изъ Адріанополя впередъ по желѣзной дорогѣ.

8-го Февраля батарея перешла въ г. Родосто, у Мраморнаго моря. Во время этихъ переходовъ безпрерывно шли проливные дожди. Движеніе по вязкимъ, глинистымъ грунтовымъ дорогамъ, испорченнымъ массою двигавшихся по нимъ войскъ и обозовъ, для артиллеріи было весьма затруднительно. Зарядные ящики запрягались 8-ю лошадьми, для передышки которыхъ требовались постоянныя остановки. Фуражировка по пути слѣдованія производилась верстъ за 15 въ сторону, такъ какъ всѣ запасы ближайшихъ деревень были истощены.

Сѣна негдѣ было достать, и забирали у Болгаръ соломенную сѣчку; дачу ячменя уменьшили на половину. Въ Чорлу погода прояснилась, и настала весна. У Родосто батареѣ открылся восхитительный видъ на Мраморное море, у берега котораго амфитеатромъ расположенъ городъ, окруженный фруктовыми садами.

Батарея заняла квартиры у восточной окраины города, гдѣ люди и лошади размѣщены были въ ближайшихъ обывательскихъ дворахъ; артиллерія помѣщена была на площадкѣ вблизи моря.

Въ Родосто сосредоточилась вся 2-я Гв. Кавалерійская дивизія со 2-й, 3-й и 5-й батареями Гв. Конно-Артиллерійской бригады.

Вслѣдствіе истощенія запасовъ фуража въ городѣ, пришлось фуражировъ высылать за 30 и болѣе верстъ, въ Айраболъ и Айнаржикъ.

Добытые въ окрестностяхъ въ небольшомъ количествѣ ячмень и сѣно доставляли къ батареѣ на вьюкахъ.

Вечеромъ 10-го Февраля получено было приказаніе—на слѣдующій день выступить изъ Родосто и слѣдовать при дивизіи форсированнымъ маршемъ къ Константинополю.

11-го Февраля, съ разсвѣтомъ, батарея выступила изъ Родосто, слѣдуя съ полками 2-й Кавалерійской дивизіи. Въ Родосто оставленъ былъ Прапорщикъ *Дрейлингъ* съ командою больныхъ людей и лошадей; ему поручено было по возвращеніи командъ, посланныхъ на фуражировку присоединить ихъ къ батареѣ.

11-го Февраля, послѣ 40-верстнаго перехода вдоль берега моря, при чемъ пройдено было въ бродъ нѣсколько широко разлив-

шихся рѣчекъ, батарея прибыла въ городъ Эрекли. Ночью присоединилась команда фуражировъ, вернувшаяся въ Родосто. Вслѣдъ за уходомъ батареи, ею пройдено было въ этотъ день до 80 верстъ. На мѣстѣ небольшого города Эрекли въ древности находилась греческая колонія; и понынѣ здѣсь сохранились церковь и монастырь, существующіе съ IX вѣка. Около монастыря батарея расположилась бивуакомъ.

12-го Февраля дивизія съ батареею перешла въ г. Силиври, населенный Греками и Болгарами. Въ Силиври въ это время находилась 3-я Гвардейская Гренадерская дивизія. Батарея заняла квартирно-бивуачное расположеніе на окраинѣ города.

Съ 12-го по 13-ое Февраля батарея простояла въ Силиври. Сюда прибылъ вновь назначенный Начальникъ 2-й Гв. Кавалерійской дивизіи, Генералъ-Лейтенантъ *Баронъ Дризенъ*. Въ городѣ можно было купить фуражъ, который стали подвозить купцы изъ Константинополя.

19-го Февраля, въ день восшествія на Престолъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, въ Греческомъ городскомъ соборѣ въ присутствіи всѣхъ офицеровъ отслужено было молебствіе. Богослуженіе совершалъ священникъ Л.-Гв. Драгунскаго полка. По окончаніи молебствія былъ церковный парадъ. Городъ принялъ праздничный видъ; жители украсили дома флагами и коврами. На площади весь день играли хоры музыки и пѣли пѣсельники, около которыхъ толпились жители въ праздничныхъ нарядахъ. Ночью изъ Главной квартиры прибылъ офицеръ, который сообщилъ о заключеніи мира. Радостное извѣстіе это тотчасъ передано было собраннымъ нижнимъ чинамъ, и неумолкаемое „Ура“ раздалось по всѣмъ бивуакамъ, расположеннымъ вокругъ города. Прибывшій изъ С.-Стефано офицеръ присутствовалъ на бывшемъ тамъ парадѣ и сообщилъ слѣдующія подробности объ этомъ знаменательномъ событіи. Съ 9-ти часовъ утра войска у С.-Стефано выстроились для парада, назначеннаго по случаю дня восшествія на Престолъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Въ тотъ-же день Великій Князь Главнокомандующій ожидалъ окончательнаго подписанія мирнаго договора. Но уполномоченные Портою *Намикъ* и *Рауфъ-Паша* тянули переговоры и требовали, чтобы окончательное рѣшеніе условій мира предоставлено было Европейской конференціи. Наконецъ, въ 5 часовъ вечера Генералъ-Адъютантъ *Игнатьевъ* привезъ Великому Князю подписанный мирный договоръ.

Тогда Великій Князь выѣхалъ къ войскамъ и, собравъ

Начальниковъ частей, поздравилъ ихъ „съ Богомъ дарованнымъ миромъ“ и сказалъ: „Когда мнѣ приходилось говорить съ вами еще въ Красномъ Селѣ, вы часто выражали опасеніе, что если-бы и пришлось Гвардіи участвовать въ войнѣ, то васъ будутъ держать въ резервѣ. Я же вамъ говорилъ, что если я буду Главнокомандующимъ, то пущу васъ въ первый огонь. Я сдержалъ слово, но и вы оправдали надежды на васъ. Вы доказали всему свѣту то, въ чемъ я былъ всегда увѣренъ,—что для васъ невозможнаго нѣтъ, если ЦАРЬ прикажетъ. Вы поддержали славу русскаго народа передъ цѣлымъ свѣтомъ“.

Послѣ этого было молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Великій Князь, при объѣздѣ войскъ, въ сердечныхъ словахъ благодарилъ каждую часть за службу.

На слѣдующій день въ Силиври прибылъ изъ Главной квартиры Начальникъ Штаба дивизіи; онъ сообщилъ, что приступлено къ распоряженію о перевозкѣ войскъ въ Россію моремъ.

22-го Февраля къ батареѣ въ Силиври прибылъ изъ Орханіэ обозъ, при которомъ находилась команда нестроевыхъ нижнихъ чиновъ. Обозъ батареи съ 28 Октября находился подъ начальствомъ старшаго фейерверкера *Мельника*, а хозяйственная часть и отчетность велись старшимъ батарейнымъ писаремъ, унтеръ-офицеромъ *Палещукомъ*.

Несмотря на четырехмѣсячное самостоятельное странствованіе обоза по Болгаріи при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, онъ прибылъ къ батареѣ въ полномъ порядкѣ. Въ обозѣ находились офицерскія вещи, взводные котлы, запасный матеріалъ и инструменты, сѣдла и аммуниція съ павшихъ лошадей, а также оружіе и вещи людей, оставшихся въ госпиталяхъ.

Въ Силиври получены были посланные Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ для раздачи нижнимъ чинамъ 18 знаковъ отличія Военнаго Ордена. Нижніе чины сами выбрали между собою, кому получить эти отличія, и по утвержденіи наградного списка Командиромъ батареи, кресты эти торжественно были переданы избраннымъ людямъ.

25-го Февраля батарея съ Конно-Гренадерскимъ полкомъ выступила изъ Силиври обратно въ Родосто. Въ продолженіе предшествовавшихъ дней дожди лили ежедневно, и всѣ рѣчки, впадающія въ море, обратились въ быстрые широкіе потоки. Отойдя отъ Силиври верстъ 10, колонна подошла къ рѣкѣ Чонду-Дере, перейти которую въ бродъ оказалось невозможнымъ. Командиръ полка рѣшилъ тогда вернуться обратно въ Силиври и обождать,

пока вода въ рѣкѣ спадетъ. Съ 26 Февраля по 1 Марта батарея оставалась въ Силиври.

1-го Марта Конно-Гренадеры съ батареею вновь выступили изъ Силиври и дошли до Чифлика-Султанъ, гдѣ расположились на ночлегъ бивуакомъ.

2-го Марта перешли къ Чифлику-Іени, а 3 Марта полкъ съ батареею прибылъ на старыя квартиры въ Родосто. Въ продолженіе всѣхъ этихъ дней постоянно шли дожди.

Но и на этотъ разъ не суждено было батареѣ долго пробыть въ Родосто.

5-го Марта получено приказаніе батареѣ выступить съ Конно-Гренадерскимъ полкомъ въ Силиври для дальнѣйшаго слѣдованія къ мѣсту посадки на суда.

6-го Марта батарея съ полкомъ перешла опять въ Эрекли, гдѣ расположилась бивуакомъ. Ночью свирѣпствовала буря, и выпалъ глубокій снѣгъ, —явленіе весьма рѣдкое въ этихъ краяхъ.

7-го Марта, рано утромъ въ Эрекли прибылъ изъ Главной квартиры ординарецъ, который передалъ приказаніе Главнокомандующаго вернуться въ Родосто. Посадка была отложена, вслѣдствіе измѣнившихся политическихъ обстоятельствъ, усложнившихся вмѣшательствомъ западно-европейскихъ державъ при заключеніи условій мирнаго договора съ Турціей въ С.-Стефано.

Конно-Гренадерскій полкъ съ батареею перешли въ тотъ-же день на ночлегъ въ Чифликъ-Іени, а 8 Марта вернулись обратно въ г. Родосто. На этотъ разъ батарея оставалась въ Родосто съ 8 Марта по 11 Апрѣля.

9-го Марта высланы были конныя партіи искать въ окрестностяхъ Родосто фуражъ. Къ счастью, вечеромъ того-же дня прибылъ изъ Марселя большой пароходъ съ ячменемъ и прессованнымъ сѣномъ. Фуражъ заказанъ былъ греческими коммерсантами для сбыта русскимъ войскамъ. Всѣ полки дивизіи немедленно закупили весь прибывшій грузъ фуража и выписали новые запасы изъ Одессы и Александріи. Такимъ образомъ, довольствіе фуража покупкою было обезпечено.

Въ это время въ Родосто къ кавалеріи стали прибывать на укомплектованіе рядовъ запасные маршевые эскадроны.

Къ сожалѣнію, передовой артиллерійскій запасъ въ то время не могъ дать Гвардейской артиллеріи желаемаго укомплектованія, въ которомъ она сильно нуждалась, въ виду возможности возобновленія военныхъ дѣйствій.

Въ Родосто батарея занялась исправленіемъ мундирной одежды, шитьемъ сапогъ, починкою аммуниціи и заготовленіемъ своими кузнецами запаса подковъ.

Весь необходимый матеріалъ былъ выписанъ изъ Константинополя, и для ускоренія работъ наняты были частные мастеровые.

Леченіе больныхъ лошадей, благодаря наступившей хорошей погодѣ, шло успѣшно. Въ Родосто въ это время года всегда свирѣпствуетъ тифъ и лихорадка; ими начали заболѣвать и люди въ батареѣ. Число больныхъ во всѣхъ частяхъ стало быстро увеличиваться и въ батареѣ доходило до 30 человѣкъ. Всѣ находившіеся въ частяхъ войскъ пріемные покои, а также устроенный въ городѣ войсковой госпиталь, переполнены были больными. Доктора и весь медицинскій персоналъ не щадили своихъ силъ при уходѣ за больными, и многіе изъ нихъ заразились тифомъ. Общій любимецъ батареи, выдающійся опытный фельдшеръ *Медовщиковъ*, въ это время скончался отъ тифа; его хоронили на городскомъ кладбищѣ съ подобающими воинскими почестями.

Еженедѣльно отправлялись для эвакуаціи въ Чорлу и далѣе по желѣзной дорогѣ въ Адріанополь транспорты съ больными.

Строевыя занятія мирнаго времени во всѣхъ частяхъ возобновились. Въ батареѣ ежедневно производились ученія не только въ паркѣ, но и въ конномъ строю. Пользуясь срочными рейсами пароходовъ, офицеры по очереди побывали въ Константинополѣ, куда разрѣшено было ѣхать не иначе, какъ въ статскомъ платьѣ. Богослуженіе въ Греческой церкви въ Родосто по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ совершали полковые священники дивизіи.

Въ это время изъ Одессы въ батарею присланы были отъ Интендантства мундиры и годовыя вещи, въ томъ числѣ сапоги въ сшитомъ видѣ. Всѣ сапоги оказались маломѣрными, вслѣдствіе чего они отосланы были въ интендантскій складъ въ Адріанополь. Пришлось въ Родосто и Константинополѣ заказать сапоги у вольныхъ мастеровъ.

Въ виду необходимости облегчить зарядные ящики, изъ заднихъ ходовъ ихъ приказано было вынуть 28 гранатъ. Такимъ образомъ, на каждое орудіе въ батареѣ осталось по 92 снаряда, а именно: въ орудійныхъ передкахъ 32, а въ зарядныхъ ящикахъ 60; кромѣ того, имѣлось по 10 картечей на орудіе. Всѣ излишнія гранаты переданы были въ особый артиллерійскій складъ, устроенный для всей арміи въ Чатальджѣ.

По свѣдѣніямъ, получаемымъ изъ Константинополя и по га-

зетамъ, надо было ожидать войны съ Англіей Въ ясные дни изъ Родосто видна была къ сторонѣ острова Мармара англійская эскадра, которая ежедневно маневрировала и производила практическую стрѣльбу.

Много коммерческихъ пароходовъ подъ англійскимъ флагомъ проходило мимо Родосто изъ Дарданельскаго пролива въ Константинополь, и, по словамъ Консуловъ, они были нагружены боевыми военными припасами.

9-го Марта на крейсерѣ „Константинъ“ прибылъ въ Родосто Командующій Гвардейскимъ Корпусомъ, Генералъ-Адъютантъ *Графъ Шуваловъ*, въ сопровожденіи Командующаго Гвардейскою Артиллеріею дѣйствующей арміи, Генералъ-Маіора *Бреверна*.

На обширномъ лугу вблизи города для смотра выстроены были: Лейбъ-Гусарскій, Уланскій Его Величества и Гродненскій Гусарскій полки; при нихъ: 2-я, 3-я и 5-я батареи Гвардейской Конно-Артиллерійской бригады. На парадѣ *Графъ Шуваловъ* нашелъ всѣ части въ отличномъ видѣ. Отъ лицъ, прибывшихъ изъ Главной квартиры, въ этотъ день стало извѣстно, что рѣшено въ Берлинѣ собрать конференцію изъ представителей всѣхъ державъ, заинтересованныхъ въ Восточномъ вопросѣ.

XII. У Константинополя.

11-го Апрѣля батарея получила приказаніе слѣдовать въ С.-Стефано для присоединенія къ Драгунской бригадѣ, состоявшей, изъ Конно-Гренадеръ и Лейбъ-Драгунъ. Для облегченія лошадей при слѣдованіи въ С.-Стефано, наняты были два большихъ каюка, на которые нагрузили всѣ вещи обоза и запасный фуражъ, а также помѣщены были обозные и запасные нижніе чины. Каюки подъ парусами попутнымъ вѣтромъ въ три дня благополучно прибыли въ С.-Стефано.

12-го Апрѣля 2-я батарея перешла въ Эрекли, 13-го въ Силиври, а 14-го въ Буюкъ-Чекмедже. Повсюду пришлось ночевать бивуакомъ, такъ какъ пѣхота 3-й Гвардейской Гренадерской дивизіи въ этихъ мѣстечкахъ занимала всѣ строенія и дворы. Во время этихъ переходовъ стояла теплая весенняя погода.

Начиная отъ Силиври, дорога мѣстами совершенно близко подходитъ къ морю; это дало возможность на одномъ большомъ привалѣ выкупаться всей батареѣ въ Мраморномъ морѣ.

15-го Апрѣля батарея перешла въ С.-Стефано. На этомъ переходѣ открылся величественный видъ на Царьградъ.

Въ 3 часа пополудни батарея расположилась на бивуакѣ у Чифлика-Ай-Мама, рядомъ съ бивуакомъ Гвардейской стрѣлковой бригады.

Бивуакъ былъ сырой, такъ какъ предшествовавшіе ливни сильно размочили почву. Только что успѣли установить палатки, пошелъ проливной дождь.

Въ ночь съ 15-го на 16-е Апрѣля на бивуакѣ у Чифлика-Ай-Мама батарея праздновала Пасху. Въ С.-Стефано съ вечера куплены были пасхальныя яйца, булки, ветчина и пиво. Въ полночь, люди были выстроены и пропѣли молитвы и „Христосъ Воскресе“; Командиръ батареи и офицеры христосовались со всѣми нижними чинами, послѣ чего всѣ разговлялись. Весь день Свѣтлаго Христова Воскресенья прошелъ въ исправленіи и чисткѣ аммуниціи и одежды и уборкѣ лошадей, такъ какъ на слѣдующій день, по случаю дня рожденія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, а также отъѣзда Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго изъ дѣйствующей арміи, былъ назначенъ парадъ всѣмъ войскамъ, расположеннымъ у С.-Стефано.

Къ 10-ти часамъ утра, 17-го Апрѣля, батарея была выстроена у мѣста парада на линіи кавалеріи. Въ 12 часовъ дня Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ, въ сопровожденіи Прусскаго посла въ Константинополѣ *Принца Рейсса* и многочисленной свиты, въ которой находились также военные представители иностранныхъ державъ и нѣсколько турецкихъ пашей съ ихъ офицерами, привѣтствуемый криками „Ура“, объѣхалъ ряды войскъ и благодарилъ каждую часть за службу. При этомъ Его Императорское Высочество поздравилъ нѣкоторыя части съ Высочайше пожалованными Георгіевскими знаменами.

Подъѣхавъ къ 6-й Донской Гвардейской батареѣ, до того числившейся молодой Гвардіею, Великій Князь объявилъ батареѣ о Высочайше пожалованной ей наградѣ, зачисленіемъ ее въ Старую Гвардію. У 2-й батареи Великій Князь остановился, обнялъ Командира, благодарилъ всѣхъ за службу и справился о здоровьи Капитана *Усова* и о потеряхъ при Новочинѣ. Относительно состоянія лошадей онъ сказалъ: „Прелесть“. Послѣ объѣзда Великій Князь собралъ около себя всѣхъ Начальниковъ частей до баталіонныхъ Командировъ включительно и прочелъ полученную имъ отъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА телеграмму, въ которой Его Императорское Величество, посылая арміи свой Монаршій привѣтъ, благодарилъ войска за ихъ службу. Въ

отвѣтъ на слова Великаго Князя раздалось долго не умолкавшее „Ура“ 60,000 человѣкъ, участвовавшихъ на парадѣ. Затѣмъ Великій Князь объявилъ о своемъ предстоящемъ вслѣдствіе разстроеннаго здоровья отъѣздѣ, при чемъ высказалъ надежду вернуться вновь къ арміи, какъ только оправится.

„Я васъ передаю въ надежныя руки“, говорилъ Великій Князь, указывая на Генералъ-Адъютанта *Тотлебена*. „Вами будетъ командовать герой Севастополя и Плевны, и если вамъ безъ меня придется вновь встрѣтиться съ врагомъ, покажитесь такими-же молодцами, какъ и были“. Вслѣдъ затѣмъ начался церемоніальный маршъ, послѣ котораго всѣ части вернулись къ своимъ бивуакамъ.

Къ 3-мъ часамъ пополудни на пристани С.-Стефано собрались всѣ Начальники частей и масса офицеровъ провожать своего Августѣйшаго всѣми обожаемаго забалканскаго вождя. Великій Князь переѣхалъ въ катерѣ на Императорскую яхту „Ливадія“ и приказалъ Капитану при отъѣздѣ держаться ближе къ берегу, вдоль котораго стояли нижніе чины ближайшихъ на бивуакахъ расположенныхъ частей. „Ура“ не умолкало; Великій Князь стоялъ на рубкѣ и на прощанье махалъ фуражкою. Передъ отъѣздомъ Его Императорское Высочество простился съ арміею въ приказѣ, отданномъ 17-го Апрѣля *).

23-го Апрѣля на бивуакѣ у Ай-Мама батарея отпраздновала свой батарейный праздникъ; молебствіе совершалось священникомъ Гв. Стрѣлковой бригады. Передъ праздничнымъ обѣдомъ, за чаркою, Командиръ батареи провозгласилъ здоровье ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, Шефа батареи, Генералъ-Фельдцейхмейстера и всѣхъ Августѣйшихъ Особъ.

Его Императорскому Высочеству Шефу батареи послана была телеграмма на Кавказъ, на которую полученъ былъ милостивый отвѣтъ и поздравленіе съ праздникомъ.

23-го Апрѣля вечеромъ прибылъ въ батарею дальнобойный Конно-Артиллерійскій взводъ, подъ командою полевой конной артиллеріи Капитана *Трусова* и Поручика пѣшей артиллеріи *Разуева*. Взводъ этотъ вооруженъ былъ малокалиберными стальными орудіями дальняго боя, системы Барановскаго. Въ составѣ взвода находились 2 орудія, 7 зарядныхъ ящиковъ, 69 человѣкъ прислуги и 97 лошадей. Матеріальная часть и личный составъ взвода

*) Приложеніе 17: Приказъ Главнокомандующаго дѣйствующей арміей отъ 17-го Апрѣля 1878 года.

сформированы были въ С.-Петербургѣ; лошади и упряжь приняты были въ Зимницѣ. Взводъ этотъ форсированнымъ маршемъ шелъ на присоединеніе къ батареѣ, при которой оставался до возвращенія въ Стрѣльну.

2-го Мая батарея выступила съ бивуака у Ай-Мама, получивъ назначеніе присоединиться къ Гвардейской Драгунской бригадѣ, находившейся на крайнемъ лѣвомъ флангѣ общаго расположенія арміи, въ авангардѣ Генералъ-Адъютанта *Скобелева 2-го*. Батарея слѣдовала черезъ г. Ярымъ-Бургасъ и монастырь Св. Георгія, по чрезвычайно гористой и пересѣченной мѣстности, и только поздно вечеромъ прибыла къ назначенному мѣсту бивуака у деревни Аязма, находящейся въ десяти верстахъ къ юго-востоку отъ Деркаса.

Прибрежье Чернаго моря къ сѣверо-западу отъ Константинополя представляетъ чрезвычайно дикую гористую мѣстность, покрытую густымъ низкимъ лѣсомъ и кустарникомъ. Перевозка тяжестей въ этой мѣстности жителями производится вьюками; колесныхъ дорогъ мало, и на каждомъ шагу рѣчки и овраги съ крутыми обрывами затрудняютъ сообщеніе. Въ долинахъ вдоль рѣчекъ имѣются весною пастбища, на которыхъ пасутся большія стада скотопромышленниковъ, но въ Іюнѣ всѣ эти луга высыхаютъ. Съ приближеніемъ русской арміи, турецкое населеніе этой мѣстности большей частью ушло въ Константинополь и Малую Азію, спасаясь отъ мести Болгаръ и Грековъ, которыхъ Турки постоянно притѣсняли. Всѣ богатыя чифлики (усадьбы) въ этой мѣстности принадлежатъ зажиточнымъ Туркамъ Константинополя.

Ко времени прихода 2-й батареи въ расположеніе лѣваго передового отряда Генералъ-Лейтенанта *Скобелева 2-го*, вся наша армія заняла передовыми позиціями линію отъ Мраморнаго моря у С.-Стефано до Имбрикіой и Абкунаръ у Чернаго моря. Путь къ прибрежью Чернаго моря охранялся отдѣльными сторожевыми постами Драгунской бригады.

Правый флангъ общаго расположенія арміи занималъ Гвардейскій Корпусъ, лѣвый—войска 4-го Корпуса Генералъ-Лейтенанта *Веревкина*; въ резервѣ у Хадынкіой расположенъ былъ восьмой Корпусъ Генералъ-Адъютанта *Радецкаго*.

Съ занятіемъ всей арміей новаго расположенія, Генералъ-Адъютантомъ *Тотлебеномъ* предписано было принять всѣ мѣры военной предосторожности. Выставлены были аванпосты, наряжались дежурныя части, высылались разъѣзды для рекогносцировокъ, связи и освѣщенія мѣстности. Кромѣ того, составленъ

былъ проектъ укрѣпленія всѣхъ занимаемыхъ позицій; окопы не возводились вполнѣ, а только обозначались на мѣстности. Особое вниманіе обращено было на исправленіе дорогъ и устройство новыхъ путей сообщенія вдоль и въ тылу позицій; повсюду устроены были полевые телеграфы. На случай тревоги отдана была диспозиція и сообщено было секретно всѣмъ Начальникамъ частей о предполагаемыхъ дѣйствіяхъ въ случаѣ возобновленія войны.

Начальникъ лѣваго передового отряда, Генералъ *Скобелевъ 2-й*, лично неоднократно предпринималъ со всѣми Начальниками частей отряда рекогносцировки мѣстности, при чемъ имъ указаны были предположенія на случай нашихъ наступательныхъ или оборонительныхъ дѣйствій.

Офицерамъ кавалеріи поручено было производить глазомѣрныя съемки. Офицеры пѣхоты и артиллеріи руководили земляными работами и занимались измѣреніями дистанцій впереди укрѣпленій съ помощью дальномѣровъ Нолапа и Мартюшева.

Турки съ своей стороны съ лихорадочной дѣятельностью готовились къ возобновленію войны, усиливая занимаемыя ими позиціи возведеніемъ полевыхъ укрѣпленій. Земляныя работы у нихъ производились днемъ и ночью, при участіи населенія города. Турецкіе передовые посты стояли вдоль демаркаціонной линіи въ близкомъ разстояніи отъ нашей сторожевой цѣпи.

Число турецкихъ войскъ на позиціяхъ съ каждымъ днемъ увеличивалось; къ нимъ прибывали также подкрѣпленія изъ Малой-Азіи. Съ ранняго утра до поздняго вечера у Турокъ производились строевыя ученія. Въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, лѣвый передовой отрядъ долженъ былъ дѣйствовать въ обхватъ праваго фланга турецкихъ позицій, при чемъ приказано было уничтожить знаменитые водопроводы, снабжающіе Константинополь прѣсною водою.

Между тѣмъ, наступила знойная жара, доходившая въ тѣни до 30°. Нижнимъ чинамъ батареи сшиты были полотняныя рубахи, а также чехлы и назатыльники на фуражки.

6-го Мая батарея, вслѣдствіе новой диспозиціи Начальника отряда, перешла на бивуакъ у Чаныръ-Хана, а 10 Мая батарея перешла на двѣ версты далѣе на бивуакъ у Карамети. На этомъ бивуакѣ батарея расположена была около Астраханскаго Драгунскаго полка, съ которымъ составляла кавалерійскій резервъ авангарднаго отряда Полковника *Аргамакова*. Бивуакъ у Чифлика-Карамети отведенъ былъ на скалистой возвышенности, вдали отъ воды, и во всѣхъ отношеніяхъ былъ крайне неудобнымъ. За по-

купкою фуража, дровъ и провизіи приходилось посылать въ С.-Стефано, Ярымъ-Бургасъ и окрестныя деревни. Кухня и водопой устроены были у родника, находящагося въ разстояніи двухъ верстъ отъ бивуака. Расположеніе Турокъ обозначалось непрерывными рядами земляныхъ укрѣпленій. Съ нашей стороны по всей линіи передовыхъ постовъ устроены были вышки, на которыхъ постоянно находились дежурные, которые въ бинокль наблюдали за всѣмъ, что дѣлается у Турокъ.

Строевыя ученія нашей и турецкой пѣхоты происходили на виду другъ у друга. У нашей пѣхоты проходили практическую стрѣльбу съ молодыми солдатами, прибывшими на укомплектованіе частей.

Бивуачное расположеніе массы сосредоточенныхъ нашихъ войскъ приняло характеръ лагернаго сбора мирнаго времени, при чемъ производились даже малыя двухстороннія ученія и упражненія въ аттакѣ укрѣпленій. Въ батареѣ также производились конно-артиллерійскія ученія съ примѣненіемъ къ мѣстности и проѣздки для упражненія ѣздовыхъ и лошадей проходить трудныя мѣста и преодолѣвать крутые подъемы и спуски.

Палатки офицеровъ и нижнихъ чиновъ установлены были вдали отъ коновязей, такъ какъ при жарѣ конскій навозъ издавалъ сильный амміачный запахъ, вредный въ гигіеническомъ отношеніи.

Для помѣщенія людей устраивали изъ дерна четырехугольные валики вышиною въ $1^1/_2$ аршина, и надъ ними натягивались полотнища отъ палатокъ въ видѣ высокой крыши; рядомъ съ палатками устраивали шалаши изъ хвороста. Для предохраненія лошадей отъ солнечныхъ ударовъ, имъ на голову клали полотняныя тряпки, которыя дневальными постоянно смачивались водою; затѣмъ, добывъ достаточно хвороста, имъ стали дѣлать навѣсы. Вороныя лошади батареи отъ солнцепека обратились въ рыжихъ.

Во время стоянки батареи у Чифлика-Караметли, между нижними чинами появилась эпидемія тифа. Въ видахъ предупрежденія болѣзни, людямъ приказано было днемъ и ночью носить шерстяныя фуфайки, купленныя въ Константинополѣ, и тотчасъ послѣ заката солнца одѣвать шинели въ рукава. Съ наступленіемъ знойныхъ дней строевыя ученія прекратились. Пріемный покой помѣщался въ турецкихъ палаткахъ, забранныхъ въ Софіи. Число трудно больныхъ доходило до 20 человѣкъ. Сильно ослабѣвшихъ, по миновеніи кризиса, отправляли въ С.-Стефано, гдѣ находился госпиталь, изъ котораго эвакуировали больныхъ въ Россію на нарочно для сего законтрактованныхъ пароходахъ.

На бивуакѣ батареи скончался отъ тифа Георгіевскій кавалеръ, бомбардиръ *Чужиновъ*, одинъ изъ лучшихъ солдатъ батареи; его похоронили на общемъ кладбищѣ, устроенномъ въ тылу позиціи. Кладбище это огорожено было каменнымъ валомъ, и надъ каждой могилою поставленъ былъ крестъ съ надписью. Не менѣе, чѣмъ у насъ, въ это время свирѣпствовалъ тифъ и въ турецкой арміи. Вообще, число умершихъ отъ болѣзней тифа и дизентеріи во время стоянки подъ Константинополемъ въ нашей арміи было значительное.

Приказомъ отъ 8-го Іюля, Начальникомъ лѣво-фланговаго передоваго отряда, Генералъ-Лейтенантомъ *Скобелевымъ* предписано было принять рядъ мѣръ съ цѣлью пресѣченія распространившейся эпидеміи *).

Для развлеченія солдатъ, по вечерамъ играла музыка, собирались пѣсельники, устраивались всевозможныя игры. Въ это время офицеры нерѣдко совершали для купанія поѣздки къ Черному морю. Всѣ офицеры по очереди успѣли побывать въ Константинополѣ, при чемъ имъ удалось видать Султана во время его шествія къ селямлику. Изъ Константинополя ежедневно доставлялись на бивуакъ журналы, корреспонденція и посылки.

Томительная и однообразная жизнь на бивуакѣ, при общей тоскѣ по родинѣ, до крайности наскучила всѣмъ; къ тому-же постоянная убыль людей усугубляла общее грустное настроеніе.

23-го Мая Генералъ-Адъютантъ *Тотлебенъ* объѣзжалъ всѣ передовыя позиціи, при чемъ въ батареѣ люди были выстроены передъ бивуакомъ. Главнокомандующій осмотрѣлъ все расположеніе батареи, интересовался санитарнымъ состояніемъ ея и отъ Имени ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА благодарилъ всѣхъ за службу.

При объѣздѣ Л.-Гв. Конно-Гренадерскаго полка, Генералъ-Адъютантъ *Тотлебенъ* произвелъ ученье вновь сформированной и обученной Конно-піонерной командѣ. Смотръ удался какъ нельзя лучше, и тогда-же рѣшено было во всѣхъ Драгунскихъ полкахъ сформировать подобныя саперныя команды.

6-го Іюня вся армія, собранная подъ Константинополемъ, по тревогѣ заняла боевое расположеніе, заблаговременно указанное по диспозиціи. Всѣ ожидали начала военныхъ дѣйствій. Тревога была поднята тѣмъ, что Начальникъ передовыхъ частей турецкой арміи, *Фуадъ-Паша*, заявилъ, что если въ этотъ-же день не будутъ

---

*) Приложеніе 18. Приказъ по лѣвому отряду дѣйствующей арміи 6 Іюня 1878 г. № 25.

Пор. Дружининъ. Пр. Дрейлингъ. Кап. Хитрово. Полк. Таль. Шт.-Кап. Гр. Путятинъ. Пор. Бар. Кусовъ. Пр. Ермоловъ. Іюнь 1878 г.

убраны вышки, построенныя нами на демаркаціонной линіи, то онъ заставитъ снять ихъ силою. Въ теченіе всего дня, однако, никакихъ непріязненныхъ дѣйствій съ турецкой стороны не послѣдовало, и къ вечеру приказано было вновь занять бивуачное расположеніе. Посолъ нашъ, находившійся тогда въ Буюкъ-Дере, сообщилъ турецкому военному министру о выходкѣ *Фуада-Паши*, которому Султанъ приказалъ дать выговоръ; послу же нашему оффиціально сообщено было, что никакихъ непріязненныхъ дѣйствій со стороны Турокъ не послѣдуетъ.

11-го Іюня Л.-Гв. Конно-Гренадеры въ Богасъ-Кіой праздновали свой полковой праздникъ. На праздникѣ присутствовалъ Генералъ-Адъютантъ *Тотлебенъ* со всѣмъ своимъ Штабомъ, а также всѣ офицеры батареи.

25-го Іюня батарея перешла на вновь назначенный ей бивуакъ у д. Арнаутъ-Кіой. Деревня эта находилась на крайнемъ лѣвомъ флангѣ общаго расположенія войскъ. Начальство надъ этимъ флангомъ ввѣрено было Командиру 3-й Стрѣлковой бригады, Генералъ-Маіору *Блохфельду*. Генералъ *Скобелевъ 2-й* назначенъ былъ Командующимъ 4-мъ Корпусомъ. Гвардейская Драгунская бригада расположена была впереди батареи у Богасъ-Кіой и Имбри-Кіой. Бивуакъ батареи находился рядомъ съ 3-й и 4-й Стрѣлковыми бригадами и съ двумя пѣшими батареями 16-й Артиллерійской бригады.

Новая стоянка у Арнаутъ-Кіой приходилась въ центрѣ позиціи, на которой въ случаѣ натиска Турокъ рѣшено было удерживаться до прибытія 8-го Корпуса.

Проектъ усиленія позиціи у Арнаутъ-Кіой окопами составленъ былъ Инженеромъ Полковникомъ *Кюи*.

Очертанія всѣхъ возводимыхъ укрѣпленій указаны были въ особой инструкціи, данной Генералъ-Адъютантомъ *Тотлебеномъ*. Офицеры батареи руководили работами, на которыя наряжались стрѣлки.

Командующій 4-мъ Корпусомъ Генералъ-Лейтенантъ *Скобелевъ 2-й* постоянно лично провѣрялъ во всѣхъ частяхъ Корпуса боевую готовность; онъ нерѣдко пріѣзжалъ въ авангардъ, приказывалъ выходить частямъ по тревогѣ и, послѣ произведеннаго ученія съ тактической цѣлью, собиралъ около себя всѣхъ офицеровъ, давалъ имъ наставленія, какъ дѣйствовать въ бою, и бесѣдовалъ съ ними о вѣроятно предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

12-го Іюля работы по возведенію укрѣпленій были закончены, за исключеніемъ большого редута на крайнемъ лѣвомъ флангѣ.

Въ ночь съ 19-го на 20-е Іюля разразилась необычайно силь-

ная гроза съ градомъ; буря и ливень не прекращались до утра. Палатки разнесло во всѣ стороны; бивуачные фонари и костры потухли; лошади рвались и метались на коновязяхъ, вслѣдствіе чего всѣмъ людямъ приказано было стоять при нихъ и успокаивать. Бурная и дождливая погода продолжалась нѣсколько дней, вслѣдствіе чего стало прохладнѣе и раскаленная почва размокла. Число больныхъ тифомъ послѣ этихъ дождей уменьшилось, но затѣмъ люди стали заболѣвать дизентеріею, чему способствовали продаваемые мѣстными жителями за безцѣнокъ плоды.

Въ концѣ Іюля окончательно стало извѣстно, что Гвардію предположено вернуть въ Россію моремъ, для чего законтрактованы были пароходы Общества пароходства Чернаго моря и частныхъ иностранныхъ компаній. Берлинская конференція близилась къ концу, и, по полученнымъ извѣстіямъ, военныхъ дѣйствій болѣе не предвидѣлось.

Стоянка батареи у Арнаутъ-Кіой длилась съ 25-го Іюня по 2-е Августа. Вслѣдствіе полученнаго приказанія, батарея 2-го Августа въ 8 час. утра снялась съ бивуака Арнаутъ-Кіой и однимъ переходомъ перешла къ Мраморному морю, къ д. Галатаріи, въ 5 верстахъ отъ С.-Стефано.

Въ Галатаріи батарея расположилась бивуакомъ между виноградными садами, вблизи отъ желѣзной дороги; тамъ же расположены были 5-я и 6-я батареи Гвард. Конно-Артиллерійской бригады.

Близость моря дала возможность всѣмъ ежедневно купаться.

На 5-е Августа Главнокомандующій назначилъ общій парадъ войскамъ, расположеннымъ вблизи Константинополя и Чаталджи.

Въ этотъ день войска въ 12 часовъ дня были выстроены на обширномъ полѣ у С.-Стефано, фронтомъ къ Константинополю. На парадѣ этомъ участвовало: 120 баталіоновъ, 22 эскадрона, 5 сотенъ и 286 орудій,—общею численностью 1.725 офицеровъ и 81.283 строевыхъ нижнихъ чина.

Въ свитѣ Генералъ-Адъютанта *Тотлебена* находились приглашенные *Гази-Мухтаръ-Паша*, *Рашидъ-Паша* и многіе турецкіе и иностранные офицеры. Громадная толпа жителей города, пѣшкомъ, верхомъ, въ экипажахъ и на всевозможныхъ повозкахъ, прибыла изъ Константинополя смотрѣть на парадъ.

Турецкія войска, расположенныя на своихъ позиціяхъ, въ этотъ день находились подъ ружьемъ, въ полной боевой готовности.

Главнокомандующій, объѣзжая войска, поздравлялъ отдѣльныя части съ скорымъ возвращеніемъ на родину. Прохожденіе церемо-

2-я Его Имп. Выс. Ген.-Фельдцейхмейстера батар. Гв. Кон.-Арт. Бригады.

Іюль 1878 г. Арнаутъ-Кіой у Константинополя

Полк. Таль. Кап. Хитрово. Пор. Дружининъ. Пр. Дрейлингъ. Шт.-Кап. Гр. Путятинъ. Пр. Ермоловъ. Пор. Бар. Кусовъ

піальнымъ маршемъ длилось болѣе двухъ часовъ. Генералъ-Адъютантъ *Тотлебенъ* по окончаніи парада благодарилъ Начальниковъ за отличное состояніе частей и напомнилъ всѣмъ обратить вниманіе на поддержаніе строгаго внутренняго порядка во время мирнаго послѣдняго пребыванія въ Турціи и по возвращеніи на родину. Послѣ парада всѣ Начальники частей, а также послы и иностранные офицеры, были приглашены на обѣдъ, который состоялся въ шатрахъ, устроенныхъ у Чифлика-Ай-Мама. 6-го Августа, въ день Спаса-Преображенія, по случаю полкового праздника Л.-Гв. Преображенскаго полка и праздника всей Гвардейской Артиллеріи, назначенъ былъ церковный парадъ у деревни Сафрикіой. Парадъ происходилъ въ присутствіи Главнокомандующаго и на немъ отъ каждой батареи Гв. Артиллеріи парадировалъ одинъ взводъ въ пѣшемъ строю.

На бивуакѣ въ Галатаріи получено было приказаніе переформировать батарею изъ военнаго состава въ мирный. Всѣхъ излишнихъ лошадей приказано было сдавать въ особую комиссію, гдѣ, по сортировкѣ ихъ, часть назначена была въ продажу, а другая на укомплектованіе войскъ, остающихся въ окупаціонной арміи. Всего въ батареѣ выранжированы были 51 лошадь. Въ виду совершеннаго расформированія нѣкоторыхъ артиллерійскихъ парковъ, разрѣшено было замѣнять лошадей батареи лучшими изъ парковъ.

XIII. Возвращеніе на родину.

12-го Августа началась первая посадка на суда войскъ Гвардіи. Во всѣ части разосланы были инструкціи о порядкахъ, которые слѣдуетъ соблюдать при посадкѣ, и о продовольствіи во время морского пути. На пристань у С.-Стефано посылалась команда отъ батареи, чтобы приглядѣться къ работѣ посадки. Въ батареѣ сдѣланъ былъ запасъ продовольствія и фуража на четыре дня. Для всѣхъ лошадей изготовлены были путы, а для жеребцовъ намордники. Куплены были также, для болѣе прочной привязи лошадей на пароходѣ, желѣзныя цѣпи.

23-го Августа въ батареѣ отслужена была панихида по скончавшемся 21-го Августа въ Одессѣ отъ тифа Командирѣ Гв. Конно-Артиллерійской бригады Генералъ-Маіорѣ *Магнусъ Ивановичъ Бревернъ*, исполнявшемъ должность Начальника Гвардейской Артиллеріи въ дѣйствующей арміи. Генералъ-Маіоръ *Бревернъ* пользовался глубокимъ уваженіемъ и любовью со стороны всѣхъ ему подчиненныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Какъ человѣкъ,

онъ былъ высокихъ гуманныхъ и рыцарскихъ правилъ, а въ службѣ онъ всей душою былъ преданъ родному ему оружію, конной артиллеріи. За Телишъ 16-го Октября онъ удостоился получить Георгіевскій крестъ 4-й степени.

Батарея простояла бивуакомъ у Галатаріи съ 4-го по 26-е Августа.

Вечеромъ 26-го Августа получено было приказаніе батареѣ перейти для посадки на пароходъ къ пристани у С.-Стефано.

27-го Августа батарея утромъ подошла къ пристани, гдѣ орудія, зарядные ящики и обозъ помѣщены были на пристани, а люди и лошади расположились на берегу бивуакомъ.

28-го Августа на рейдъ въ С.-Стефано прибылъ англійскій трехъмачтовый пароходъ „Рояль-Кроунъ“ съ Капитаномъ *Томсономъ*, законтрактованный въ Гуллѣ для перевозки войскъ въ Россію. Пароходъ этотъ приспособленъ былъ къ помѣщенію въ немъ лошадей въ трюмѣ, въ два яруса, въ каждомъ по 130 лошадей; на немъ былъ запасъ прѣсной воды для 260 лошадей на семь сутокъ.

Къ нагрузкѣ разрѣшено было приступить только съ 10 час. вечера. Предварительно надо было съ пристани нагрузить всю матеріальную часть и запасы на большую паровую баржу Черноморской компаніи.

Баржа съ пристани уходила на рейдъ и приставала къ пароходу, который стоялъ на якорѣ въ разстояніи версты отъ берега. Перегрузка съ баржи на пароходъ совершалась посредствомъ паровыхъ лебедокъ. Артиллерію и обозъ помѣстили въ нижнемъ трюмѣ и на палубѣ парохода. Тѣмъ-же порядкомъ доставляли къ пароходу лошадей; съ баржи ихъ подхватывали подпругами шириною въ 1½ аршина, при чемъ голову прикрывали попонкою. По данному сигналу, паровая лебедка краномъ разомъ поднимала лошадь вверхъ; затѣмъ кранъ подводили подъ люкъ, и лошади опускались въ трюмъ, гдѣ ихъ ставили въ устроенныя стойла задомъ къ борту парохода. По наполненіи нижняго этажа лошадьми, тѣмъ-же порядкомъ наполнялся и верхній. Вся работа исполнялась людьми батареи, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ офицеровъ, которые присутствовали при работѣ всю ночь. Вся батарея съ дальнобойнымъ взводомъ помѣстилась на одномъ пароходѣ. Всего нагружено было 265 лошадей, вся артиллерія, обозъ и запасъ фуража на 4 дня, что вмѣстѣ съ людьми и багажемъ составляло не болѣе 10,000 пудовъ. Отъ нагрузки пароходъ осѣлъ только на 1 футъ. Обстоятельства этого Капитанъ

Стрѣльна. Молебенъ по возвращеніи съ похода, 19 Сентября 1878 г.

Томсонъ не предвидѣлъ и, полагая, что вѣсъ груза будетъ значительно большій, не запасся достаточнымъ балластомъ, необходимымъ для большихъ пароходовъ при плаваніи въ бурное время. Въ это время на Черномъ морѣ свирѣпствовали штормы, и случалось, что пароходы, выжидая погоду, не выходили изъ Босфора въ открытое море, но стояли на якорѣ по нѣсколько дней, при чемъ имѣвшіеся у нихъ запасы воды, фуража и продовольствія истощались.

Въ 8 часовъ вечера 29-го Августа посадка была окончена. Подняли якорь, и „Рояль-Кроунъ“, при восторженномъ „Ура“ всѣхъ чиновъ батареи, тронулся въ путь. Ночью проходили мимо Константинополя; городъ, по случаю праздника Рамазана, весь былъ иллюминованъ и представлялъ волшебный видъ.

Въ 12 часовъ ночи пароходъ вышелъ въ открытое море. Несмотря на сильную зыбь, лошади стояли спокойно. Дневальнымъ приказано было изъ рукъ постепенно подкармливать лошадей сѣномъ и чаще давать пить.

30-го Августа, день Тезоименитства ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, батарея провела въ открытомъ морѣ. Утромъ пѣли молитвы; людямъ приготовленъ былъ роскошный обѣдъ, передъ началомъ котораго провозглашено было здоровье Его Величества и Августѣйшей Его Семьи. Затѣмъ вызваны были пѣсельники, плясали и занимались на палубѣ играми. Волненіе утихло и погода разъяснилась.

Число нижнихъ чиновъ, заболѣвшихъ морскою болѣзнью, было значительно. Особенно трудно было людямъ и лошадямъ въ нижнемъ этажѣ трюма, вслѣдствіе недостатка вентиляціи. Дневальныхъ приходилось тамъ смѣнять черезъ каждые полчаса. Нѣкоторыя лошади падали въ обморокъ; ихъ обливали водой и растирали нашатырнымъ спиртомъ. Вслѣдствіе качки, у многихъ лошадей репицы хвостовъ до крови были растерты бортами парохода.

Пища для людей готовилась въ особыхъ котлахъ, нагрѣваемыхъ паромъ. Всѣмъ продовольствіемъ людей на пароходѣ завѣдывалъ чиновникъ отъ Интендантства.

31-го Августа пароходъ проходилъ мимо Кинбургской косы, гдѣ на бортъ принятъ былъ лоцманъ. Затѣмъ вошли въ Лиманъ и вечеромъ въ 8 час. бросили якорь на рейдѣ г. Николаева. Разгрузка начата была только утромъ 1-го Сентября въ 6 час. и окончилась въ 2 ч. пополудни.

При разгрузкѣ людямъ батареи помогала команда Черноморскихъ моряковъ; батарея провела ночь на бивуакѣ у берега лимана.

2-го Сентября батарея перешла къ желѣзнодорожной станціи, гдѣ размѣщена была во временно-устроенныхъ баракахъ 34-го Артиллерійскаго парка. Въ особо-устроенныхъ камерахъ произведена была дезинфекція всѣхъ мундирныхъ вещей и бѣлья нижнихъ чиновъ.

3-го Сентября, въ присутствіи помощника Главнаго Начальника Черноморскаго флота Адмирала *Монтомери* и всѣхъ городскихъ властей, при стеченіи многочисленной публики, по случаю благополучнаго возвращенія на родину, прибывшій также въ Николаевъ Л.-Гв. Конно-Гренадерскій полкъ вмѣстѣ съ батареею отслужили благодарственное молебствіе. По окончаніи богослуженія, городскими властями предложенъ былъ всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ роскошный обѣдъ. Вечеромъ всѣ офицеры приглашены были на балъ въ Городское собраніе.

5-го Сентября произведена была посадка батареи на два желѣзнодорожныхъ поѣзда, которые въ тотъ-же день отошли на Знаменку и Фастово.

8-го Сентября батарея прибыла въ Кіевъ. Выгрузившись съ поѣзда, батарея прослѣдовала черезъ городъ и расположилась въ лагерѣ, нарочно устроенномъ для всѣхъ войскъ, слѣдующихъ изъ Турціи въ мѣста своего постояннаго квартированія. Во время стоянки въ Кіевѣ, нижніе чины отправлялись командами помолиться въ Печерскую лавру. Въ Кіевѣ къ батареѣ присоединилась команда съ имуществомъ, оставленнымъ въ началѣ кампаніи въ Румыніи, въ г. Александріи. За этою командою изъ С.-Стефано былъ командированъ Поручикъ *Баронъ Кусовъ*, который черезъ Браиловъ и Николаевъ прибылъ въ Кіевъ, гдѣ выждалъ прибытія батареи.

12-го Сентября батарея вновь нагружена была на два поѣзда, которые въ тотъ-же день отошли на Бахмачъ, и затѣмъ по Либаво-Роменской дорогѣ прибыли 15-го Сентября въ г. Вильну.

Здѣсь, по распоряженію Командующаго войсками, устроено было нижнимъ чинамъ угощеніе.

Въ Вильнѣ произведена была перегрузка въ поѣзда С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги, и до посадки лошадямъ была сдѣлана проѣздка.

Выѣхавъ изъ Вильны 16-го Сентября, оба поѣзда прибыли 18-го Сентября въ Гатчину. Здѣсь батарея окончательно выгрузилась и походнымъ порядкомъ перешла въ Красное Село, куда прибыла поздно ночью.

Съ разсвѣтомъ 19-го Сентября 2-я батарея выступила въ Стрѣльну, гдѣ ей устроена была торжественная встрѣча.

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Александръ Александровичъ съ Цесаревною Маріею Федоровною и Августѣйшими Ихъ Дѣтьми, а также Великая Княжна Александра Іосифовна съ Великими Князьями Константиномъ и Вячеславомъ Константиновичами, удостоили батарею своимъ присутствіемъ при возвращеніи ея въ Стрѣльну.

Командиръ Гвардейскаго Корпуса, Наслѣдникъ Цесаревичъ, выѣхалъ со Своею свитою навстрѣчу батареѣ. Поздравивъ всѣхъ съ возвращеніемъ на родину, Его Императорское Высочество благодарилъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ за ихъ боевую службу.

Пройдя черезъ выстроенную тріумфальную арку, на которой красовались на щитахъ названія сраженій, въ которыхъ батарея принимала участіе, всѣ выстроились противъ павильона, въ которомъ находились Высочайшія особы. Масса народа собралась по сторонамъ дороги, встрѣчая батарею восторженнымъ „Ура“ при звукахъ Конно-Артиллерійскаго марша. Изъ рукъ Ея Императорскаго Высочества Цесаревны всѣ офицеры удостоились получить вѣнки и букеты.

У аналоя собралось духовенство. Благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ совершилъ настоятель Сергіевской пустыни Архимандритъ Игнатій. Затѣмъ батарея проходила церемоніальнымъ маршемъ мимо Высочайшихъ Особъ и прослѣдовала на казарменный плацъ, гдѣ была встрѣчена представителями мѣстныхъ жителей Стрѣльны, которые предложили всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ угощеніе.

Отъ Имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Іосифовны каждому нижнему чину батареи роздано было по экземпляру Новаго Завѣта и по одной праздничной рубашкѣ. Остальную часть дня до поздней ночи офицеры и солдаты весело провели въ обществѣ родственниковъ и друзей, пріѣхавшихъ встрѣтить батарею, которая отсутствовала въ походѣ одинъ годъ и 43 дня.

Послѣ выгрузки батареи въ г. Николаевѣ, Командиръ батареи телеграфировалъ на Кавказъ Августѣйшему Шефу батареи, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу, увѣдомляя его о благополучномъ возвращеніи батареи изъ Турціи. Отъ Его Императорскаго Высочества полученъ былъ тогда отвѣтъ слѣдующаго содержанія: „Поздравляю мою дорогую, родимую батарею съ возвра-

щеніемъ на родину и раздѣляю ваши радости. Счастливъ, что Моя лихая батарея имѣла въ прошлую кампанію столько случаевъ съ честью поддержать свою старую славу. Увѣренъ, что всегда будетъ такъ же".

МИХАИЛЪ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ на бывшемъ въ Ноябрѣ 1878 года въ С.-Петербургѣ на Марсовомъ полѣ парадѣ всей Гвардіи, на которомъ батарея представилась Его Величеству въ первый разъ послѣ похода, объѣзжая войска, остановился передъ батареею и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ за службу въ минувшую кампанію. Въ эту торжественную минуту всѣ чины батареи глубоко тронуты были сердечными словами Обожаемаго Монарха, и въ отвѣтъ имъ раздались могучіе крики „Ура".

Въ Высочайшей грамотѣ, данной въ Ливадіи 3-го Мая 1879 года значится:

БОЖЬЕЮ МИЛОСТЬЮ

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій
Царь Польскій и Великій Князь Финляндскій
и проч. и проч. и проч.

Нашей 2-й Его Императорскаго Высочества Генералъ-Фельдцейхмейстера батареѣ Гвардейской Конно-Артиллерійской бригады.

Въ ознаменованіе особеннаго Монаршаго благоволенія Нашего, за оказанные подвиги, мужество и храбрость 2-й Его Императорскаго Высочества Генералъ-Фельдцейхмейстера батареей Гв. Конно-Артиллерійской бригады въ Турецкой войнѣ 1877—1878 г. Всемилостивѣйше жалуемъ батареѣ этой знаки отличія на головныхъ уборахъ съ надписью „За Горный Бугоровъ 20 Декабря 1877 года" и повелѣваемъ знаки эти носить на головномъ уборѣ.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

АЛЕКСАНДРЪ.

Приложенія.

Результаты кампаніи.

Батарея была на военномъ положеніи съ 22-го Іюля 1877 года по 18-е Октября 1878 года.

Въ походѣ была въ это время 408 дней. Походнымъ порядкомъ пройдено около 2300 верстъ.

Батарея участвовала въ бояхъ:

1. Подъ Горнымъ Дубнякомъ	12	Октября	1877 года.
2. Подъ Телишемъ	16	Октября	„ „
3. При взятіи города Врацы	28	Октября	„ „
4. При 1-й рекогносцировкѣ Берковаца .	2	Ноября	„ „
5. Въ дѣлѣ подъ Новочиномъ	10	Ноября	„ „
6. При демонстраціи Лютаковскихъ укрѣпленій	21	Ноября	„ „
7. Въ сраженіи при Горномъ Бугоровѣ .	20	Декабря	„ „
8. При дер. Слакучаны у Самакова . . .	28	Декабря	„ „
9. При дер. Каратаирѣ	3	Января	1878 года.
10. При дер. Дерменъ-Дере	4	Января	„ „
11. При дер. Марково	5	Января	„ „

За всю кампанію израсходовано снарядовъ:

		Всего.
Обыкновенныхъ гранатъ	440	983.
Шрапнелей	543	

Имѣлось при выступленіи въ походъ въ передкахъ и зарядныхъ ящикахъ:

Обыкновенныхъ гранатъ	356	686.
Шрапнелей	330	
Картечей	66	
Пополнено изъ летучихъ парковъ и складовъ		297.

Батарея выступила въ походъ въ составѣ: 5 офицеровъ, 254 нижнихъ чиновъ и 238 лошадей.

Убыль въ кампаніи была:

			Всего.
Убито:	Офицеровъ	1	7.
	Нижнихъ чиновъ	6	
Ранено:	Офицеровъ, тяжело	2	17.
	Нижнихъ чиновъ, тяжело	8	
	„ „ легко	7	
Умерло отъ тифа		3	
Отправлено въ госпиталь заболѣвшихъ тифомъ и дизентеріей		82	
Изъ нихъ вернулось по выздоровленіи въ разное время		54	

Лошадей:

Убито и пристрѣлено вслѣдствіе тяжелыхъ ранъ	32	82.
Пало	50	

ПЕРЕЧЕНЬ ПО ДНЯМЪ

похода 2-й Его Императорскаго Высочества Генералъ-Фельдцейхмейстера батареи Гв. Конно-Артиллерійской бригады въ Турецкую кампанію (1877—78 гг.).

1877 годъ.	18 Іюля батарея вернулась изъ лагернаго сбора въ Стрѣльну.
22 Іюля.	Полученъ былъ въ батареѣ приказъ о мобилизаціи Гв. Корпуса.
Съ 23 Іюля по 5 Августа.	Батарея укомплектовалась людьми и лошадьми и приведена была въ полное походное снаряженіе.
5 Августа въ 10 ч. утра.	Выступленіе батареи изъ Стрѣльны въ Петербургъ, къ станціи Варшавской желѣзной дороги. Нагрузка батареи въ вагоны 2-хъ поѣздовъ.
6 Августа.	Въ 7 часовъ утра отправленіе 1-го эшелона; въ 2 часа пополудни отправленіе 2 эшелона.
7 „	Обѣдъ въ Динабургѣ.
8 „	Обѣдъ въ Вильнѣ; вечеромъ прибытіе въ Бѣлостокъ всей батареи; ночлегъ въ вагонахъ.
9 „	Утромъ выводка лошадей на бивуакъ вблизи станціи,—проѣздка; вечеромъ посадка въ вагоны и перегрузка артиллеріи.
10 „	Прибытіе въ Брестъ въ 10 часовъ утра; отправленіе въ 7 час. вечера.
11 „	Прибытіе вечеромъ въ Бердичевъ.
12 „	Утромъ въ 9 час. прибытіе въ Жмеринку (Подольской губ.); разгрузка обоихъ эшелоновъ; обѣдъ и переходъ въ дер. Мал. Жмеринка на бивуакъ.
13 „	Дневка.
14 „	Переходъ батареи съ Л.-Гв. Уланскимъ полкомъ въ Шаргородъ (37 верстъ); бивуакъ.
15 „	Переходъ въ Могилевъ-на-Днѣстрѣ (41 вер.). Прибытіе въ 5 час. вечера; расположеніе бивуакомъ у рѣки рядомъ съ 5-ой батареей бригады.

16	Августа.	Съ 3-хъ до 5 час. пополудни переправа черезъ рѣку на паромахъ, затѣмъ движеніе на деревню Кремковица (22 вер.). Прибытіе въ 11 час. ночи на бивуакъ.
17	„	Переходъ въ Кетросъ-де-Сосъ (22 вер.); расположеніе бивуакомъ у дер. Шуря (Бессарабской губ.).
18	„	Переходъ въ Бѣльцы (35 вер.).
19	„	Переходъ въ гор. Фалешти (26 вер.).
20	„	Переходъ въ Скуляны (28 вер.), расположеніе бивуакомъ на общемъ сборномъ пунктѣ дивизіи. Всего пройдено 210 верстъ въ 7 дней со всѣмъ обозомъ,—среднимъ числомъ 30 верстъ въ сутки.
21	„	Дневка. Смотръ Нач. див. Ген.-Ад. *Гурко* въ конномъ строю.
22	„	Дневка. Смотръ Начальника дивизіи лошадей на выводкѣ.
23	„	Въ 8 ч. утра—переходъ границы черезъ р. Прутъ, въ присутствіи Начальника дивизіи. Движеніе до Яссъ (17 вер.), бивуакъ у станціи желѣзной дороги.
24	„ (Румынія).	Переходъ въ Кадоешти (40—45 вер.). 2-я батарея въ 1-мъ эшелонѣ съ 3 бригадою; прибытіе на ночлегъ въ 6 ч. вечера; обозы въ 9 часовъ.
25	„	Переходъ эшелона въ Васлуй (25 вер.).
26	„	Переходъ въ Кицкунь (18 вер.).
27	„	Переходъ въ Бырлатъ (28 вер.).
28	„	Дневка.
29	„	Переходъ въ Текучъ (48 вер.).
30	„	Переходъ въ Фокшаны (25 вер.), переправа черезъ р. Серетъ у дер. Марочешны.
31	„	Переходъ въ Рымники (37 вер.).
1	Сентября.	Переходъ въ Бузео (30 вер.).
2	„	Переходъ въ Мезоль (32 вер.).
3	„	Дневка въ Мезоли.
4	„	Переходъ въ Плоешти (36 вер.).
5	„	Переходъ въ Софтикъ (35 вер.).

6 Сентября.	Переходъ въ Михалешти (35 вер.). При прохожденіи черезъ Букарестъ смотръ Г.-Адъют. *Дрентельна*, Начальника тыла арміи.
7 „	Переходъ въ Драгонешти (35 вер.).
8 „	Переходъ въ Александрію (31 вер.).
9 „	Дневка. Батарея облегчаетъ обозъ, оставляя часть повозокъ въ Александріи.
10 „	Прибытіе въ Зимницу (37 вер.). Всего пройдено отъ Скулянъ до Зимницы 490 вер. въ 18 дней,—средняя скорость 28 вер. въ сутки.
11 „	Дневка.
12 „	Переправа черезъ р. Дунай въ 12 час. дня; переходъ въ д. Турско-Сливна (18 вер.).
13—16 „	Бивуакъ у д. Турско-Сливна.
17 „	Выступленіе изъ Турско-Сливна въ 8 час. утра. Обозы въ особомъ эшелонѣ. Высочайшій смотръ. Движеніе на деревню Горн. Липница; въ 7 час. вечера расположеніе бивуакомъ.
18—30 „	Стоянка на бивуакѣ.
1 Октября.	Переходъ въ дер. Карайсанъ (18 вер.) вмѣстѣ съ Л.-Гв. Конно-Гренадерскимъ полкомъ.
2—5 „	Стоянка въ Карайсанѣ на квартирахъ.
6 „	Начало движенія къ Плевнѣ. Переходъ всей дивизіи въ Лежаны (20 вер.); бивуакъ у дер. Осьмы.
7 „	Переходъ въ Боготу (35 вер.).
8 „	Переходъ въ Бѣжаново.
9—11 „	Бивуакъ у дер. Бѣжаново.
12 „	Батарея принимала участіе въ сраженіи при Горномъ Дубнякѣ.
13 „	Рекогносцировка Телиша. Бивуакъ у дер. Свинаръ.
14—15 „	Бивуакъ у дер. Свинаръ.
16 „	Сраженіе подъ Телишемъ.
17 „	Бивуакъ у д. Ракиты.
18 „	2-й взводъ подъ командою Пр. *Дрейлинга* слѣдуетъ при 2-хъ эскадронахъ Конно-Гренадерскаго полка, высланныхъ на рекогносцировку по направленію д. Радомирцы.

19 Октября.	Переходъ отъ д. Ракиты къ дер. Махалетъ, на общій бивуакъ 2-й Гв. Кон. див.
20 „	3-й взводъ, подъ командою Кап. *Усова*, отправленъ при 2-хъ эскадронахъ Кон.-Гренадеръ на поиски непріятельскаго транспорта.
21—25 „	Бивуакъ у Махалета; 1-й взводъ батареи, подъ командою Капитана *Хитрово*, при немъ прапорщикъ *Павловскій*, выступилъ съ Л.-Гв. Конно-Гренадерскимъ полкомъ къ гор. Врацѣ.
26—27 „	Бивуакъ у Махалета.
28 „	Батарея съ Л.-Уланскимъ полкомъ перешла въ д. Брениця. Въ тотъ же день занятъ съ боя г. Враца.
29—30 „	Бивуакъ въ дер. Брениця.
31 „	Выступленіе батареи (4 орудія) съ 2-мя эскадронами Л.-Гусарскаго полка на Врацу. Обозы оставлены въ Бреницѣ. Прибытіе въ 9 час. вечера въ Боровань.
1 Ноября.	Движеніе черезъ Савитъ (черкесское село) на Оходанъ; присоединеніе къ Гродненскому полку и къ 3-й батареѣ Гв. Конно-Артиллеристовъ. Движеніе къ Врацѣ, куда прибыли въ 4 часа вечера.
2 „	Усиленная рекогносцировка къ деревнѣ Лила. 3-й взводъ батареи при Гродненскомъ полку.
	Отправленіе въ Берковацъ отряда Фл.-Адъют. Полковника *Оффенберга* съ 2-мъ взводомъ батареи подъ командою Пр. *Дрейлинга*.
3 „	Бивуакъ у гор. Враца.
4 „	Возвращеніе отряда, рекогносцировавшаго Берковацъ.
5—8 „	Бивуакъ при гор. Враца.
9 „	Выступленіе отряда Генер.-Маіора *Клота* противъ укрѣпленной позиціи Турокъ въ долину Орханіэ (Л.-Гв. Конно-Гренадерскій полкъ, Л.-Гв. Драгунскій полкъ и 6 орудій); бивуакъ у Рошкова.
10 „	Дѣло у Новочина и у Рошкова. Бивуакъ въ Дурманцахъ.
11—16 „	Возвращеніе въ гор. Враца.

17 Ноября.	Походъ изъ Врацы въ Новочинъ подъ начальствомъ Генералъ-Маіора *Бальмена*. Ночлегъ на бивуакѣ у Новочина.
18 „	Выступленіе изъ Новочина въ Скривень и затѣмъ рекогносцировка укрѣпленной турецкой позиціи у Лютаково. Возвращеніе на бивуакъ къ дер. Новочинъ.
19—20 „	Бивуакъ у дер. Новочинъ.
21 „	Рекогносцировка и демонстрація противъ Лютаковскихъ укрѣпленій.
22 „	Бивуакъ у дер. Новочинъ.
23 Ноября—4 Дек.	Бивуакъ у Новочина.
4 Декабря.	Переходъ съ бивуака на тѣсныя квартиры въ деревню Новочинъ.
12 „	Выступленіе батареи изъ Новочина въ 11 часовъ ночи. Присоединеніе батареи къ 31-й пѣхотной дивизіи (въ Скривени) подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова*. Ночной переходъ черезъ Орханіэ во Врачешъ.
13 „	Подъемъ въ горы до конца Врачешскаго ущелья.
14 „	Съ утра дальнѣйшее движеніе въ горы; ночлегъ на дорогѣ.
15 „	Продолженіе подъема.
16 „	Продолженіе движенія. Привалъ на Лютой Площадкѣ Умургача. Начало спуска въ дер. Чурьякъ.
17 „	Движеніе черезъ дер. Потопъ въ дер. Елешницу. Ночлегъ въ деревнѣ.
18 „	Переходъ черезъ дер. Желяву на ночлегъ въ дер. Яну.
19 „	Въ 5 часовъ вечера движеніе къ дер. Горный Бугоровъ на присоединеніе къ Кавказской Казачьей бригадѣ Генералъ-Маіора *Черевина*. Занятіе позиціи.
20 „	Сраженіе подъ Горнымъ Бугоровымъ.
21 „	Прибытіе колонны Генералъ-Маіора *Рауха*.
22 „	Движеніе въ отрядѣ Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова* въ обходъ Софіи черезъ Искеръ. Прибытіе на ночлегъ въ Куманицу.

23 Декабря.	Выступленіе изъ Куманицы въ Софію.
24 „	Дневка въ Софіи.
25 „ (Рождество Христово).	Выступленіе изъ Софіи въ Чердакли.
26 Декабря.	Переходъ черезъ горный кряжъ Малыхъ Балканъ, Брдо-Планину, въ дер. Пусто-Пасарелли.
27 „	Переходъ въ дер. Калково.
28 „	Движеніе на Чемурли. Дѣло у Самакова. Ночлегъ у Слакучанъ, въ виду турецкихъ аванпостовъ.
29 „	Стоянка отряда на позиціи.
30 „	Вслѣдствіе отступленія Турокъ ночью, отрядъ двинутъ былъ въ Самаковъ, куда прибылъ въ 4 часа пополудни.
31 „	Переходъ изъ Самакова въ дер. Баніе, Встрѣча съ Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ и съ 2-мя эскадронами Гродненскаго Гусарскаго полка.
1878-й годъ.	
1 Января.	Переходъ изъ Баніе въ Земчинъ.
2 „	Прибытіе въ Татаръ-Базарджикъ; ночлегъ на лѣвомъ берегу Марицы.
3 „	Переходъ въ Каратаиръ; участіе въ дѣлѣ; бивуакъ въ Каратаирѣ.
4 „	Движеніе отряда на Дермендере. Сраженіе у Дермендере. Ночлегъ на позиціи.
5 „	Движеніе на дер. Марково, дѣло у Маркова, ночлегъ отряда въ деревнѣ.
6 „	Стоянка въ Марковѣ.
7 „	Переходъ батареи (4 оруд.) въ Филиппополь.
8 „	Пребываніе въ Филиппополѣ.
10 „	Выступленіе изъ Филиппополя въ отрядѣ Генералъ-Адъютанта *Графа Шувалова* (2 Гв. Пѣх. дивизія и Стрѣлковая бригада); переходъ въ Папазли.
11 „	Переходъ въ Каяли.
12 „	Переходъ въ Хаскіой.
13 „	Переходъ въ Херманли.
14 „	Переходъ въ Мустафа-Паша.
15 „	Переходъ въ Чифликъ.

16 Января.	Прибытіе въ Адріанополь.
16 Янв.—3 Февр.	Пребываніе батареи въ Адріанополѣ.
3 Февраля.	Переходъ въ Хавса.
4 „	Переходъ въ Баба-Эски.
5 „	Переходъ въ Люли-Бургасъ.
6 „	Переходъ въ Кариштиранъ.
7 „	Переходъ въ гор. Чорлу.
8 „	Переходъ изъ Чорлу въ Родосто.
9—10 „	Пребываніе въ Родостѣ.
11 „	Переходъ въ Эрекли.
12 „	Переходъ въ Силиври.
13—25 „	Стоянка въ Силиври.
25 „	Выступленіе батареи въ 9 часовъ утра съ Л.-Гв. Конно-Гренадерскимъ полкомъ въ Родосто. Возвращеніе въ Силиври.
26—28 „	Стоянка въ Силиври.
1 Марта.	Переходъ батареи изъ Силиври въ Чифликъ-Султанъ.
2 „	Переходъ до Чифлика-Іени.
3 „	Переходъ въ Родосто.
4—5 „	Стоянка по квартирамъ въ Родостѣ.
6 „	Выступленіе батареи съ бригадою въ Эрекли.
7 „	Обратное движеніе батареи изъ Эрекли въ Чифликъ-Іени.
8 „	Переходъ въ Родосто.
8 Марта—12 Апр.	Пребываніе въ Родостѣ.
12 Апрѣля.	Переходъ въ Эрекли.
13 „	Переходъ въ Силиври.
14 „	Переходъ въ Буюкъ-Чекмедже. Бивуакъ у дер. Каликротъ.
15 „	Переходъ въ С.-Стефано. Бивуакъ у Чифлика Ай-Мама.
16 „	Празднованіе Свѣтлаго Христова Воскресенія на бивуакѣ.
17 „	Парадъ въ присутствіи Главнокомандующаго. Стоянка на бивуакѣ у Чифлика-Ай-Мама.
2 Мая.	Выступленіе батареи черезъ дер. Св. Георгія къ дер. Аязма. Батарея входитъ въ составъ Авангарда лѣваго отряда Генералъ-Лейтенанта *Скобелева 2-го*.
3—5 „	Стоянка на бивуакѣ у дер. Аязма.

6 Мая.	Переходъ въ Чифликъ Чаныръ-Ханъ.
7—10 „	Бивуакъ у Чаныръ-Хана.
11 „	Переходъ въ Караметли.
12 Мая—25 Іюня.	Бивуакъ у Караметли.
25 Іюня.	Батарея переходитъ на бивуакъ при деревнѣ Арнаутъ-Кіой.
Съ 25 Іюня по 2 Авг.	Бивуакъ у Арнаутъ-Кіой.
2 Августа.	Выступленіе батареи къ С.-Стефано; расположеніе на бивуакѣ у деревни Галатарія.
3—5 „	Общій парадъ подъ Константинополемъ.
6 „	Парадъ Л.-Гв. Преображенскаго полка и всей Гвардейской Артиллеріи у Сафрикіой.
7—26 „	Бивуакъ у дер. Галатарія.
27 „	Передвиженіе къ пристани, подготовка къ нагрузкѣ.
28 „	Въ 10 часовъ вечера начало нагрузки на англійскій пароходъ „Рояль-Кроунъ“.
29 „	Окончаніе нагрузки; въ 8 часовъ вечера отправленіе.
30 „	Плаваніе на Черномъ морѣ.
31 „	Прибытіе въ Николаевъ въ 8 часовъ вечера.
1 Сентября.	Разгрузка, бивуакъ на берегу у пристани.
2 „	Переходъ къ желѣзнодорожной станціи.
3—4 „	Стоянка въ Николаевѣ.
5 „	Нагрузка въ вагоны; вечеромъ отправленіе на Знаменку.
7 „	Переѣздъ изъ Знаменки въ Фастово.
7 „	Переѣздъ изъ Фастова въ Кіевъ.
8—11 „	Стоянка лагеремъ у Кіева.
12 „	Отъѣздъ изъ Кіева.
13—14 „	Бахмачъ.
15 „	Прибытіе въ Вильну. Перегрузка.
16 „	Отправленіе.
18 „	Прибытіе вечеромъ въ Гатчину, разгрузка.
19 „	Торжественное вступленіе въ Стрѣльну въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича.

СПИСОКЪ

гг. офицеровъ 2-й Его Императорскаго Высочества Генералъ-Фельдцейхмейстера батареи Гв. Конно-Артиллерійской бригады, удостоенныхъ Высочайшихъ наградъ за отличія, оказанныя во время кампаніи 1877—78 гг.

№	Чины, имена, отчества и фамиліи.	Отмѣтка полученныхъ наградъ.	
	Полковникъ		
1	Александръ Яковлевичъ **фонъ-Таль.**	За Горный Дубнякъ 12 и Телишъ 16 Октября 1877 г.	Св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ.
		За Горный Бугоровъ 20 Декабря 1877 г.	Св. Георгія 4-й степени.
		За дѣло подъ Филиппополемъ 4 и 5 Января 1878 г.	Золотое оружіе.
	Капитаны:		
2	Владиміръ Степановичъ **Усовъ.** (Командиръ 3-го взвода).	За дѣло подъ Горнымъ Дубнякомъ 12 и Телишемъ 16 Октября 1877 г.	Св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ.
		За дѣло подъ Новочиномъ 10 Ноября 1877 г.	Золотое оружіе.
3	Александръ Михайловичъ **Хитрово.** (Командиръ 1-го взвода).	За Горный Дубнякъ 12 Октября и Телишъ 16 Октября 1877 г.	Св. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ.
		За дѣла противъ Турокъ въ Ноябрѣ и Декабрѣ 1877 г. до перехода черезъ Балканы.	Св. Станислава 2-й ст. съ мечами.
		За переходъ черезъ Балканы.	Св. Владиміра 4-й ст. съ мечами.
		За дѣло подъ Филиппополемъ 4 и 5 Января 1878 г.	Св. Анны 2 ст. съ мечами.

№	Чины, имена, отчества и фамиліи.	Отмѣтка полученныхъ наградъ.	
	Штабсъ-Капитаны:		
4	Петръ Феодоровичъ **Саввинъ.** Состоялъ въ Гв. полуэскадронѣ почетнаго Его Величества конвоя.	За взятіе Тырнова. За дѣло подъ Ловчею.	Св. Станислава 2-й ст. съ мечами. Золотое оружіе.
5	Николай Феодоровичъ **Мешетичъ.** Командированъ былъ въ Рущукскій отрядъ.	За дѣла противъ непріятеля.	Св. Станислава 2-й ст. съ мечами. Св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ. Св. Анны 2 ст. съ мечами.
6	Графъ Евгеній Ефимовичъ **Путятинъ.** Прибылъ въ батарею 8 Ноября 1877 г.	За переходъ черезъ Балканы и дѣло подъ Горнымъ Бугоровымъ 20 Декабря 1877 г. За дѣла подъ Филиппополемъ 4-го Января 1878 г.	Св. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ. Св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ.
	Поручики:		
7	Александръ Григорьевичъ **Дружининъ.** Прибылъ въ батарею 20 Ноября 1877 г.; до этого служилъ въ 3-й батар. Гв. Кон.-Артиллер. бригады.	За дѣло подъ Правецомъ 12 Ноября 1877 г. За переходъ черезъ Балканы 1877 г.	Св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость“. Св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ.
8	Александръ Михайловичъ **Вороновичъ.** Съ 11 Сентября 1877 г. состоялъ въ командировкѣ въ Гв. полуэскадронѣ почетнаго Его Величества конвоя.	За переходъ черезъ Балканы 1877 г. За дѣло подъ Горнымъ Дубнякомъ 12 Октября и подъ Телишемъ 16 Октября 1877 года.	Св. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ. Св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ.

№	Чины, имена, отчества и фамиліи.	Отмѣтка полученныхъ наградъ.	
9	Николай Андреевичъ **Денъ.** Командированъ былъ въ Кавказскую дѣйствующую армію, гдѣ состоялъ при 5-й Кубанской Конной батареѣ.	За участіе въ дѣлахъ противъ непріятеля въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1877 г.	Св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость“. Св. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ.
	Прапорщики:		
10	Константинъ Александровичъ **Дрейлингъ.**	За дѣло подъ Горнымъ Дубнякомъ 12 Октября и Телишемъ 16 Октября 1877 г. За дѣла противъ Турокъ въ Ноябрѣ и Декабрѣ 1877 г. За переходъ черезъ Балканы 17, 18 и 19 Декабря 1877 г. За дѣло подъ Филиппополемъ 3, 4 и 5 Января 1878 г.	Св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость“. Св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ. Св. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ. Св. Станислава 2-й ст. съ мечами.
11	Николай Сергѣевичъ **Ермоловъ.** Прибылъ въ батарею 2 Января 1878 г.	За переходъ черезъ Балканы. За дѣло подъ Филиппополемъ.	Св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость“. Св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ.
12	Викторъ Григорьевичъ **Павловскій.**	За дѣло подъ Горнымъ Дубнякомъ 12 Октября и Телишемъ 16 Октября 1877 г. За дѣло подъ Врацей 28 Октября 1877 г.	Св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость“. Св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ.

№	Чины, имена, отчества и фамиліи.	Отмѣтка полученныхъ наградъ.	
	Медицинскій Врачъ		
	коллежскій ассесоръ		
13	Николай Николаевичъ **Ивановъ.**	За дѣло подъ Горнымъ Дубнякомъ 12 Октября и Телишемъ 16 Октября 1877 г.	Св. Станислава 3-й ст. съ мечами.
		За переходъ Балканъ и дѣло подъ Горнымъ Бугоровымъ 20 Декабря 1877 г.	Св. Анны 3 ст. съ мечами.
		За дѣло подъ Филиппополемъ 4 и 5 Января 1878 г.	Св. Владиміра 4-й степени.
		За выдающуюся ревностную службу во время тифозной эпидеміи.	

Всѣ офицеры батареи получили свѣтло-бронзовую медаль за усердіе въ Турецкой кампаніи 1877 — 78 гг. и темно-бронзовый Румынскій крестъ въ память перехода черезъ Дунай и участія въ обложеніи Плевны.

СПИСОКЪ

нижнихъ чиновъ 2-й Его Императорскаго Высочества Генералъ-Фельдцейхмейстера батареи Гв. Конно-Артиллерійской бригады, награжденныхъ знаками отличія Военнаго Ордена во время кампаніи 1877—78 гг.

№	Чины, имена и фамиліи.	Отмѣтка полученныхъ наградъ.	
	Фельдфебель		
1	Сергѣй **Евдокимовъ** . . .	12 Октября 1877 года. За отличіе при взятіи Горнаго Дубняка	4-й степени.
		20 Декабря 1877 года. За переходъ черезъ Балканы и за отличіе подъ Горнымъ Бугоровымъ . .	3-й степени.
		3, 4 и 5 Января 1878 г. За дѣло подъ городомъ Филиппополемъ	2-й степени.
	Награждены знаками отличія Военнаго Ордена 4-й степени.		
	Фейерверкеры:		
2	Евтихій **Мельниковъ** . . .	12 Октября 1877 года. За отличіе въ сраженіи при Горномъ Дубнякѣ.	
3	Григорій **Савенко**		
4	Михаилъ **Маренюкъ** . . .		
5	Иванъ **Кравецъ**	16 Октября 1877 года. За отличіе при взятіи Телишской укрѣпл. позиціи.	
6	Александръ **Жариковъ** . .	10 Ноября 1877 г. За дѣло у д. Новочинъ и въ ущельи Кара-Дербентъ.	
7	Андрей **Бажановъ**		
8	Степанъ **Бородкинъ** . . .	20 Декабря 1877 года. За отличіе въ сраженіи подъ Горнымъ Бугоровымъ.	
9	Михаилъ **Расчупей** . . .	3, 4 и 5 Января 1878 года. За отличіе въ сраженіи подъ г. Филиппополемъ.	

№	Чины, имена и фамиліи.	Отмѣтка полученныхъ наградъ.
	Бомбардиры:	
10	Трофимъ **Лобановъ** . . .	12 Октября 1877 г. За отличіе въ сраженіи подъ г. Филиппополемъ.
11	Антонъ **Гончаренко**	28 Октября 1877 года. За отличіе при взятіи укрѣплен. гор. Враца.
12	Филиппъ **Ширяевъ**	3 Ноября 1877 года. За отличіе при рекогносцировкѣ г. Берковацъ.
13	Иванъ **Абрамовъ**	12 Октября 1877 г. За отличіе при сраженіи подъ Горнымъ Дубнякомъ.
14	Александръ **Осинскій** . . .	10 Ноября 1877 г. За дѣло у д. Новочинъ и въ ущельи Кара-Дербентъ.
15	Федоръ **Ткачъ**	10 Ноября 1877 г. За дѣло у д. Новочинъ и въ ущельи Кара-Дербентъ.
16	Осипъ **Цинбалюкъ**	
17	Василій **Шкаченко**	28 Октября 1877 г. За отличіе при взятіи укрѣплен. гор. Враца.
18	Иванъ **Варвенюкъ**	3 Ноября 1877 года. За отличіе при рекогносцировкѣ г. Берковацъ.
19	Василій **Артеченко**	3 Ноября 1877 года. За отличіе при рекогносцировкѣ г. Берковацъ.
20	Василій **Макашинъ**	4 Января 1878 г. За отличіе въ сраженіи у Дермендере.
21	Иванъ **Веселовскій**	4 Января 1878 г. За отличіе въ сраженіи у Дермендере.
22	Пантелей **Е́ретинъ**	4 Января 1878 г. За отличіе въ сраженіи у Дермендере.
23	Григорій **Бурачковскій** . .	20 Декабря 1877 г. За отличіе въ сраженіи у Горнаго Бугорова.
24	Егоръ **Нечаенко**	4 Января 1878 г. За отличіе въ сраженіи у Дермендере.
25	Тимофей **Новоселовъ** . . .	15 Іюня 1877 г. За переходъ Дуная лично пожалованъ Его Императорскимъ Величествомъ.
	Канониры:	
26	Дмитрій **Романовъ**	28 Октября 1877 г. За отличіе при взятіи укрѣпленнаго г. Враца.
27	Дмитрій **Сорокинъ**	4 Января 1878 г. За отличіе въ сраженіи у Дермендере.

№	Чины, имена и фамиліи.	Отмѣтка полученныхъ наградъ.
28	Миронъ **Мирошниковъ** . .	20 Декабря 1877 г. За отличіе въ сраженіи у Горнаго Бугорова.
29	Тимофей **Дащукъ**	20 Декабря 1877 г. За отличіе въ сраженіи у Горнаго Бугорова.
30	Миронъ **Воронковъ**	12 Октября 1877 г. За отличіе въ сраженіи подъ Горнымъ Дубнякомъ.
	Нестроевые.	
31	Младшій писарь Унтеръ-офицерскаго званія Михаилъ **Хорунжинко** . . .	За дѣла 10 Ноября 1877 года.
32	Старшій мастеровой деревяннаго дѣла Василій **Крымъ**	12 Октября 1877 г. За отличіе въ сраженіи подъ Горнымъ Дубнякомъ.
33	Деньщикъ Казиміръ **Высоцкій** . . . . . (состоялъ при Капитанѣ Усовѣ).	10 Ноября 1877 г. За дѣло въ сраженіи у д. Новочинъ и въ ущельи Кара-Дербентъ, лично пожалованъ Его Императорскимъ Величествомъ.
34	Бомбардиръ **Еретинъ** . . .	Находясь въ составѣ конвоя Генералъ-Адъютанта Гурко, неоднократно исполняли опасныя порученія.
35	Бомбардиръ **Бутковъ** . . .	

Всѣхъ знаковъ отличія Военнаго Ордена за время кампаніи нижними чинами получено было 35.

Всѣ солдаты батареи получили свѣтло-бронзовую медаль за усердіе въ Турецкой кампаніи 1877 и 1878 гг. и темно-бронзовый Румынскій крестъ въ память перехода черезъ Дунай и участія въ обложеніи Плевны.

СПИСОКЪ

гг. офицеровъ и нижнихъ чиновъ 2-й Его Императорскаго Высочества Генералъ-Фельдцейхмейстера батареи Гв. Конно-Артиллерійской бригады, убитыхъ и раненныхъ во время кампаніи 1877—78 гг.

Чины, имена, отчества и фамиліи.	Въ какихъ дѣлахъ и сраженіяхъ.	Примѣчаніе.
Гг. ОФИЦЕРЫ:		
Его Императорское Высочество Флигель-Адъютантъ Ротмистръ Герцогъ Сергѣй Максимиліановичъ **Лейхтенбергскій.**	12 Октября 1877 г., при рекогносцировкѣ крѣпости Рущука, у Ивана-Чифлика.	Убитъ наповалъ пулею въ лобъ.
Капитанъ		
Владиміръ Степановичъ **Усовъ.**	10 Ноября 1877 г., въ дѣлѣ у д. Новочинъ.	Раненъ двумя пулями въ лѣвую руку.
Штабсъ-Капитаны:		
Петръ Феодоровичъ **Саввинъ.**	Въ сраженіи подъ гор. Ловчей 22 Августа 1877 г.	Раненъ пулею на вылетъ въ грудь. Скончался 24 Декабря 1877 г. въ Кіевѣ.
Графъ Евгеній Ефимовичъ **Путятинъ.**	4 Января 1877 г., въ сраженіи при дер. Дермендере.	Раненъ осколками гранаты въ плечо и грудь; вернулся въ строй.

Чины, имена, отчества и фамиліи.	Въ какихъ дѣлахъ и сраженіяхъ.	Примѣчаніе.
НИЖНІЕ ЧИНЫ:		
Фейерверкеръ		
Дорофей **Каляло**	20 Декабря 1877 г., въ сраженіи при дер. Горный Бугоровъ.	Тяжело раненъ.
Бомбардиры:		
Петръ **Гринь**	10 Ноября 1877 г., въ дѣлѣ у дер. Новочинъ.	Убиты.
Иванъ **Шибиченко**		
Алексѣй **Моисеенко**		Тяжело ранены.
Данила **Тиртичный**		
Гаврило **Турчакъ**	20 Декабря 1877 г., въ сраженіи подъ Горнымъ Бугоровымъ.	
Тимофей **Дацукъ**		
Павелъ **Погодинъ**		
Павелъ **Сиденко**		
Василій **Макашинъ**		
Канониры:		
Василій **Григорьевъ** . . .	10 Ноября 1877 г., въ дѣлѣ у дер. Новочинъ.	Убиты.
Василій **Куцурубъ**		
Андрей **Васильевъ**		
Кондратій **Цаюнъ**	4 Января 1878 г., въ сраженіи при дер. Дермендере.	

ПРИКАЗЪ

ПО ГВАРДЕЙСКОМУ КОРПУСУ

Въ дер. Дальній Монастырь (въ Болгаріи)

Августа 28 дня 1877 года.

Войска Гвардейскаго Корпуса!

Державною волею вы призваны къ участію въ нынѣшней славной борьбѣ. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ съ довѣріемъ смотритъ на васъ и убѣжденъ, что ЕГО Гвардія и въ предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ покроетъ себя такою-же славою, какъ и наши предки, и поддержитъ доброе честное имя, присвоенное ея знаменамъ. Въ этомъ Я ручаюсь предъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМЪ, и надѣюсь, докажемъ, что не даромъ ГОСУДАРЬ осыпалъ насъ знаками самаго высокаго вниманія.

Нашъ врагъ въ теченіе послѣдняго столѣтія привыкъ уважать русскаго солдата. Докажемъ, что и мы достойны такого уваженія.

Не численнымъ превосходствомъ, не превосходствомъ вооруженія и не силою оборонительныхъ позицій *Румянцовъ, Суворовъ и Дибичъ* обезсмертили свое имя побѣдами надъ Турецкими войсками, но духомъ предпріимчивости, искусствомъ маневрированія и доблестью солдата.

Возьмемъ же мы этихъ героевъ за образецъ и будемъ помнить, что никогда нерѣшительность и колебаніе, а всегда предпріимчивость, упорство и взаимная выручка надежнѣйшее средство къ побѣдѣ.

За лишнее считаю въ настоящую минуту напомнить о сохраненіи дисциплины въ нашихъ рядахъ. Мы всѣ одинаково убѣждены, что войска безъ дисциплины толпа, неспособная къ великимъ дѣяніямъ, а потому нашею основною заботою будетъ твердое поддержаніе во всѣхъ положеніяхъ этого священнаго закона.

Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ.

Подписалъ: Командиръ Гвардейскаго Корпуса
Генералъ-Адъютантъ *АЛЕКСАНДРЪ.*

Взятіе города Враца 28-го Октября.

Рапортъ Генералъ-Маіора Леонова командующему войсками Гвардіи и Кавалеріи Западнаго отряда, отъ 28-го Октября.

26-го Октября, вечеромъ, посредствомъ рекогносцировки Штабсъ-Капитана Л.-Гв. Конно-Гренадерскаго полка *Вилламова,* а также и по показаніямъ мѣстныхъ жителей, я убѣдился, что городъ Враца занятъ одною пѣхотою и что въ немъ собраны большіе продовольственные запасы.

Вслѣдствіе этого, я рѣшился овладѣть этимъ городомъ и 27-го Октября, утромъ, выступилъ со ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ, двумя колоннами.

Правая, изъ одного Л.-Гв. Уланскаго Его Величества полка, двинулась по Раховской дорогѣ.

Лѣвая—въ составѣ полковъ Л.-Гв. Конно-Гренадерскаго и Драгунскаго—при 4-хъ орудіяхъ (по одному взводу отъ 2-й и 5-й Гвардейскихъ Конныхъ батарей), подъ начальствомъ свиты Его Величества Генералъ-Маіора *Клота,*—по трудной горной дорогѣ, чрезъ Вробежницу.

Сдѣлавъ 27-го Октября около 40 верстъ, обѣ колонны въ сумеркахъ подошли на разстояніе 3-хъ часовъ пути отъ Врацы: правая—къ Мраморени, лѣвая—къ Вробежницѣ.

По прибытіи въ эти пункты, я узналъ, что гарнизонъ Врацы состоитъ изъ 800 человѣкъ регулярной пѣхоты и 300 Черкесовъ; что артиллеріи тамъ нѣтъ; что Черкесы, раненные въ стычкѣ съ Л.-Гв. Гусарскимъ Его Величества полкомъ, такъ напугали мѣстное турецкое населеніе, что оно, самовольно расхвативъ подъ свозъ своего имущества казенныя подводы, бѣжало въ горы; что во Врацу свезены большіе запасы продовольствія изъ четырехъ казъ (уѣздовъ), предназначенные къ отправкѣ въ Орханіэ; что, наконецъ, серьезныхъ укрѣпленій у Врацы нѣтъ, а лишь незначительные окопы.

Чтобы не обнаруживать нашего присутствія, я запретилъ зажигать ночью костры.

28-го отрядъ выступилъ: лѣвая колонна въ 7, а правая въ $7^1/_2$ часовъ утра. Обѣ колонны подошли къ Врацѣ въ $10^3/_4$ ч. утра, правая — съ сѣверной, лѣвая—съ южной стороны. Послѣдняя, благодаря закрытой мѣстности и принятымъ для скрытія движенія мѣрамъ, подошла къ городу такъ неожиданно для Турокъ, что они тотчасъ пришли въ смятеніе. Окопы ихъ были обращены

фронтомъ къ сѣверу, то есть въ ту сторону, съ которой подходилъ Лейбъ-Гвардіи Уланскій Его Величества полкъ; между тѣмъ, Конно-Гренадеры и Лейбъ-Драгуны подошли съ южной стороны и открыли артиллерійскій огонь. Услыша выстрѣлы у себя въ тылу, Турки бросили окопы и побѣжали занимать городъ.

Канонада съ нашей стороны была непродолжительна. Л.-Гв. Конно-Гренадерскій полкъ, быстро спѣшившись, сразу ворвался въ городъ. Въ то же время 3-й эскадронъ Л.-Гв. Драгунскаго полка и 4-й эскадронъ Л.-Гв. Уланскаго Его Величества полка, также спѣшившись, бросились на перерѣзъ непріятелю: первый — съ южной, второй — съ сѣверной стороны, съ цѣлью преградить Туркамъ путь отступленія въ горы. 1-й дивизіонъ Л.-Гв. Драгунскаго полка еще съ утра, отъ Вробежницы, былъ направленъ влѣво на Дорманце, чтобы перехватить Орханійскую дорогу. Дивизіонъ этотъ встрѣтилъ партію Черкесовъ около 300 человѣкъ, которую и оттѣснилъ къ д. Лютый-Долъ.

Бой въ городѣ продолжался до 12½ часовъ пополудни. Турки вели его, впрочемъ, не съ цѣлью отстоять городъ, а чтобы прикрыть свое отступленіе; неожиданность нашего появленія рѣшила дѣло въ нашу пользу сразу. Благодаря гористой мѣстности, непріятелю удалось спастись въ разныя стороны по труднодоступнымъ горнымъ тропинкамъ, по которымъ мы преслѣдовать его не могли, а только провожали, пока было возможно, ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ.

Въ 3½ часа пополудни я въѣхалъ въ городъ, радостно встрѣченный жителями.

Въ городѣ захвачены большіе продовольственные запасы, часть коихъ въ мукѣ; а близъ города—большой транспортъ пустыхъ запряженныхъ повозокъ, въ которомъ привозилось продовольствіе изъ Виддина въ Орханіэ.

Размѣры запасовъ приведу въ извѣстность завтра, а 30-го Октября отправлю, что можно, на захваченныхъ повозкахъ, подъ конвоемъ Л.-Гв. Конно-Гренадерскаго полка, въ Дубнякъ. 30-го же двину, по назначенію, Л.-Гв. Драгунскій полкъ при двухъ конныхъ орудіяхъ, а Л.-Гв. Уланскій Его Величества полкъ съ остальными двумя орудіями оставлю здѣсь.

Потери наши незначительны. Такъ, въ Л.-Гв. Конно-Гренадерскомъ полку ранены семь нижнихъ чиновъ и шесть лошадей убиты. Изъ офицеровъ не раненъ никто.

Подлинный подписалъ: Командующій 2-ю Гвардейскою Кавалерійскою дивизіей, Генералъ-Маіоръ *Леоновъ*.

Рапортъ свиты Его Величества Генералъ-Маіора Клота Начальнику праваго летучаго отряда, Генералъ-Маіору Леонову, отъ 12-го Ноября.

Вслѣдствіе полученнаго предписанія, я выступилъ 9-го Ноября въ 7 часовъ утра изъ г. Враца, съ тремя эскадронами Л.-Гв. Драгунскаго полка, тремя эскадронами Л.-Гв. Конно-Гренадерскаго полка и 2-ю Гвардейскою Конною батареею, съ цѣлью подойти въ тотъ же день къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ у Новочина (Новачени) и Лютикова, а на слѣдующій день демонстрировать противъ нихъ артиллерійскимъ огнемъ, открывъ пальбу въ 9 часовъ утра.

Имѣя изъ предыдущихъ рекогносцировокъ свѣдѣнія, что Новачени и Лютиково укрѣплены, я рѣшился 10-го Ноября демонстрировать противъ обоихъ пунктовъ. Но, принимая во вниманіе, что дорога отъ караулки до Новачени представляетъ почти безпрерывное ущелье, и что мѣстность около Лютикова довольно открыта, рѣшено было: главную часть отряда съ четырьмя орудіями направить противъ Лютикова, а противъ Новочина лишь небольшую часть съ двумя орудіями, преимущественно для охраненія дороги отъ Новочина до караулки, такъ какъ дорога эта выходитъ въ тылъ отряду, дѣйствующему на Лютиково.

Отъ Врацы до Дорманцы, на р. Искерѣ, дорога довольно удовлетворительна. Но послѣ переправы черезъ Искеръ (бродъ глубиною болѣе трехъ футовъ) дорога дѣлается крайне затруднительною. Сначала она идетъ по берегу Искера, при чемъ съ одной стороны—обрывистый берегъ рѣки, съ другой—скалистая стѣна. Далѣе дорога почти все время представляетъ узкое ущелье, при чемъ она то вырѣзана на крутыхъ покатостяхъ скалистыхъ горъ, то вьется въ самой лощинѣ по дну каменистаго ручья. На всемъ пространствѣ, почти до самой д. Рашково, дорога покрыта большими острыми камнями, представляющими большія затрудненія не только для артиллеріи, но и для кавалеріи. Кромѣ того, нѣсколько весьма крутыхъ подъемовъ и спусковъ, сопряженныхъ съ крутыми поворотами, особенно затруднительными для артиллеріи.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ неудобствъ, движеніе могло быть исполнено лишь весьма медленно, двигаясь въ два коня, а иной разъ

въ одну лошадь, и сильно задерживалось артиллеріей. Несмотря на то, что спѣшенные люди постоянно помогали артиллеріи,—то орудія, то ящики опрокидывались, такъ что приходилось дѣлать продолжительныя остановки. Видя, что дойти до предполагаемаго ночлега главной колонны, — до д. Рашково, возможно не ранѣе, какъ по наступленіи совершенной темноты, я выслалъ впередъ эскадронъ Лейбъ-Драгунъ и эскадронъ Конно-Гренадеръ, при капитанѣ Генеральнаго Штаба *Храповицкомъ*, для заблаговременнаго осмотра мѣстности между дд. Рашково и Лютиково.

Изъ нихъ—эскадронъ Драгунъ былъ оставленъ у караулки для охраненія дороги на Новочинъ, а эскадронъ Конно-Гренадеръ продолжалъ слѣдовать къ д. Рашково, куда прибылъ въ 4½ часа пополудни. При приближеніи къ д. Рашково, мѣстные жители сообщили, что деревня занята Черкесами. Немедленно былъ высланъ полуэскадронъ впередъ, но деревня оказалась очищенною. Поэтому, оставивъ полуэскадронъ въ Рашковѣ, другой полуэскадронъ пошелъ для занятія д. Радотино.

Въ д. Радотино оказалась непріятельская пѣхота. Такъ какъ уже начинало темнѣть и пошелъ сильный дождь, то очищеніе д. Радотино было отложено до слѣдующаго дня. Въ это же время я прибылъ лично съ остальными двумя эскадронами Конно-Гренадеръ и четырьмя орудіями и расположился бивуакомъ у выхода изъ горъ, въ полуверстѣ отъ д. Рашково, имѣя аванпостную цѣпь противъ Радотина. Лейбъ-Драгуны съ двумя орудіями были оставлены у караулки, выдвинувъ авангардъ по дорогѣ въ Новочинъ.

Такимъ образомъ, 9-го Ноября не удалось выбрать удобной позиціи для дѣйствія артиллеріи, и пришлось основываться на свѣдѣніяхъ, доставленныхъ предыдущими рекогносцировками. Изъ нихъ было видно, что на пространствѣ отъ д. Рашково до д. Лютиково нѣтъ удобной позиціи для дѣйствія противъ непріятельскихъ укрѣпленій, такъ какъ послѣднія вездѣ командуютъ и мѣстность передъ ними открыта. Напротивъ того, есть позиція на высотахъ къ востоку отъ Радотина, откуда можно брать укрѣпленія во флангъ; но позиція эта отдѣлена отъ Радотина и Лютикова непроходимымъ оврагомъ, и дорога къ ней крайне затруднительна. Чтобы окончательно убѣдиться въ степени проходимости дороги, я послалъ въ ту же ночь для ея осмотра одного артиллерійскаго офицера и Лейбъ-Гвардіи Драгунскаго полка Поручика *Глоба*, еще раньше производившаго рекогносцировку этой мѣстности. Дорога оказалась требующею поправки. Поэтому, ночью же

было собрано 100 Болгаръ и приступлено къ исправленію дорогъ, ведущихъ къ артиллерійской позиціи и къ д. Рашково, передъ которою тоже находился труднопроходимый оврагъ.

10-го Ноября, въ шесть часовъ утра, Командиръ 2-й Гвардейской Конной батареи Полковникъ *Таль*, Генеральнаго Штаба Капитанъ *Храповицкій* и Лейбъ-Гвардіи Драгунскаго полка Поручикъ *Глоба* опять отправились для осмотра предполагаемой артиллерійской позиціи; но туманъ былъ до такой степени силенъ, что рѣшительно невозможно было что-либо разсмотрѣть.

Имѣя приказаніе открыть огонь въ девять часовъ утра, я сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: 1) четыремъ орудіямъ, подъ прикрытіемъ одного эскадрона Лейбъ-Гвардіи Драгунскаго полка, выдвинуться на вышеупомянутую фланговую позицію; 2) тремъ эскадронамъ Лейбъ-Гвардіи Конно-Гренадерскаго полка занять д. Радотино и оттуда, не вдаваясь въ бой, рекогносцировать Лютиковскіе ложементы и укрѣпленія посредствомъ мелкихъ разъѣздовъ; 3) 1½ эскадронамъ Лейбъ-Драгунъ съ двумя конными орудіями, подъ начальствомъ Полковника *Лихтанскаго*, дѣйствовать отдѣльно противъ д. Новочинъ, прикрывая дорогу изъ этой деревни въ караулку. Сообщеніе главныхъ силъ отряда съ отрядомъ Полковника *Лихтанскаго* только и могло быть черезъ эту караулку, такъ какъ мѣстность между дорогами отъ нея въ Радотино и Новочинъ совершенно непроходима.

Согласно моему приказанію, Конно-Гренадеры немедленно двинулись на Радотино, выбили изъ этой деревни непріятельскую пѣхоту, взяли 17 человѣкъ плѣнныхъ и выслали наѣздниковъ къ Лютиковскимъ укрѣпленіямъ. Четыре орудія, подъ прикрытіемъ эскадрона Лейбъ-Драгунъ, съ неимовѣрными затрудненіями взобрались на позицію, но вслѣдствіе продолжающагося густого тумана могли открыть огонь лишь въ 11½ часовъ утра. При этомъ оказалось, что разстояніе до непріятельскихъ укрѣпленій слишкомъ велико: отъ 1,200—1,600 саженъ. Непріятель отвѣчалъ лишь нѣсколькими выстрѣлами.

Чтобы открыть по непріятелю стрѣльбу болѣе дѣйствительную, я приказалъ, въ часъ пополудни, батареѣ спуститься къ д. Рашково и занять другую позицію, возлѣ д. Радотино, а самъ поѣхалъ впередъ къ Лейбъ-Гвардіи Конно-Гренадерскому полку. По дорогѣ я получилъ донесеніе отъ Конно-Гренадеръ, что колонна непріятельской пѣхоты направляется изъ Лютикова на Новочинъ, о чемъ немедленно и сообщилъ Полковнику *Лихтанскому*.

Прибывъ къ Конно-Гренадерамъ около двухъ часовъ по-

полудни, я получилъ первое донесеніе Полковника *Лихтанскаго*, въ которомъ онъ извѣщалъ о наступленіи непріятеля и просилъ подкрѣпленія. Я немедленно послалъ къ нему находившійся ближе къ караулкѣ эскадронъ Конно-Гренадеръ и эскадронъ Лейбъ-Драгунъ, на полныхъ рысяхъ; а затѣмъ приказалъ и остальнымъ двумъ эскадронамъ Конно-Гренадеръ итти туда же. Нѣсколько минутъ спустя, я получилъ второе донесеніе, что непріятель сильно насѣдаетъ; и затѣмъ, третье донесеніе, что оба орудія потеряны.

Поспѣшивъ самъ къ караулкѣ, я нашелъ отрядъ Полковника *Лихтанскаго* уже отступившимъ къ ней и немедленно двинулся по направленію къ Новочину съ только что прибывшими двумя эскадронами Конно-Гренадеръ и эскадрономъ Драгунъ, приказавъ двинуться туда же еще одному эскадрону Конно-Гренадеръ, когда онъ прибудетъ къ караулкѣ. Остальнымъ же частямъ отряда велѣлъ вытянуться по дорогѣ въ Дорманцы.

Проѣхавъ версты три рысью, по направленію къ Новочину, я увидѣлъ хвостъ отступающихъ Черкесовъ. Приказавъ спѣшить часть Лейбъ-Драгунъ и Конно-Гренадеръ, я выслалъ для задержанія отступленія Черкесовъ полуэскадронъ Конно-Гренадеръ впередъ.

Но противъ него, подъ самымъ Новочиномъ, опять повернули массы Черкесовъ, а часть ихъ стала обходить и справа, и слѣва. Поэтому я приказалъ спѣшеннымъ частямъ занять деревню и приступить къ уборкѣ раненыхъ и убитыхъ, не тревожа болѣе непріятеля, и, окончивъ уборку, отступилъ къ д. Дорманцы, куда и прибылъ въ восемь часовъ вечера.

Подробное донесеніе Полковника *Лихтанскаго* о дѣйствіяхъ его отряда при семъ прилагаю.

Подписалъ: Командиръ 1-й бригады 2-й Гвардейской Кавалерійской дивизіи, свиты Его Величества Генералъ-Маіоръ *Клотъ*.

Рапортъ Л.-Гв. Драгунскаго полка Полковника Лихтанскаго Командиру 1-й бригады 2-й Гвардейской Кавалерійской дивизіи.

Получивъ приказаніе Вашего Превосходительства отдѣлиться съ 1½ эскадронами и двумя орудіями и слѣдовать отъ караулки къ Новочинскимъ укрѣпленіямъ, противъ которыхъ открыть огонь, по возможности въ девять часовъ утра, и продолжать его до 3-хъ часовъ пополудни, я выступилъ отъ караулки въ 7½ часовъ утра, съ полуэскадрономъ 2-го эскадрона, подъ командою Капитана *Барона Стемпеля* (47 нижнихъ чиновъ, при четырехъ офицерахъ), съ 4-мъ эскадрономъ Капитана *Мейнандера* (88 нижнихъ чиновъ при пяти офицерахъ) и со взводомъ 2-й Гвардейской Конной батареи, подъ командою Капитана *Усова*. Прибылъ къ Новочинской долинѣ въ десятомъ часу утра.

По случаю большого тумана, трудно было различить расположеніе укрѣпленій, а потому я, остановивъ отрядъ, выѣхалъ самъ на версту впередъ съ Капитаномъ *Усовымъ*, полковымъ Адъютантомъ, Прапорщикомъ *Данилевскимъ*, и произвелъ рекогносцировку мѣстности. Затѣмъ выслалъ впередъ взводъ 2-го эскадрона, при Штабсъ-Капитанѣ *Гульковскомъ* и взводъ 4-го эскадрона, при Поручикѣ *Тудерусѣ* и Прапорщикѣ *Зенкевичѣ*, подъ общимъ начальствомъ Капитана *Барона Стемпеля*.

Полуэскадронъ этотъ, имѣя впереди развѣдчиковъ, разсыпался, двинулся по долинѣ къ д. Скривепъ и безпрепятственно прошелъ мимо укрѣпленной высоты; но по резерву этой цѣпи Турки открыли ружейный огонь изъ ложементовъ. Когда туманъ уменьшился и расположеніе укрѣпленій выяснилось, я высмотрѣлъ позицію для орудій и приказалъ Капитану *Усову* занять ее и обстрѣливать укрѣпленіе на горѣ. Въ это время Капитанъ *Баронъ Стемпель*, перейдя ручей и приближаясь къ д. Скривенъ, аттаковалъ турецкую конницу, въ числѣ около 60 человѣкъ. Изрубивъ до 30 человѣкъ спѣшенныхъ, не успѣвшихъ сѣсть на коней, и захвативъ пять человѣкъ въ плѣнъ, Капитанъ *Баронъ Стемпель* погнался за остальными и подошелъ подъ выстрѣлы непріятеля, занимавшаго окраину деревни.

Первоначально Турки не отвѣчали на огонь нашихъ орудій. Замѣтивъ, что снаряды наши не долетаютъ до укрѣпленій, я выдвинулъ артиллерію еще на версту впередъ въ долину, чѣмъ

и вызвалъ на себя огонь, какъ двухъ непріятельскихъ орудій, такъ и ружейный изъ ложементовъ. Былъ уже 12-й часъ на исходѣ, какъ изъ д. Скривенъ показалась масса Черкесовъ (человѣкъ около 400), тянувшаяся изъ лагеря, находившагося къ востоку отъ д. Скривенъ, по направленію къ Орханіэ. Выславъ на подкрѣпленіе къ Капитану *Барону Стемпелю* полузводъ Драгунъ, подъ командою Прапорщика *Назимова 2-го*, я получилъ отъ дозоровъ донесеніе, что около двухъ таборовъ пѣхоты спускаются изъ укрѣпленныхъ лагерей къ Новочину. Это заставило меня занять позицію на горкѣ, въ полуверстѣ къ западу отъ д. Новочина. Съ этого мѣста ясно было видно движеніе пѣхоты, по которой одно изъ орудій открыло огонь шрапнелями, другое же продолжало обстрѣливать укрѣпленіе, состязаясь съ непріятельскими двумя орудіями.

Разсыпанные Драгуны Капитана *Барона Стемпеля* удерживали напоръ толпы Черкесовъ; но, опасаясь, чтобы показавшаяся изъ лагерей съ юга пѣхота не начала обстрѣливать ихъ съ тыла, я приказалъ трубить отступленіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, спѣшивъ полтора взвода Драгунъ, приказалъ Капитану *Мейнандеру* охранять правый флангъ моей позиціи. Видя, однако, невозможность держаться до 3-хъ часовъ пополудни, согласно диспозиціи, я въ первомъ часу дня рѣшилъ начать отступленіе.

Отведя артиллерію съ полуэскадрономъ на версту назадъ, я спѣшилъ по лѣвой отлогости 10 Драгунъ, а изъ орудій продолжалъ стрѣлять по двигавшейся изъ д. Скривенъ непріятельской кавалеріи.

Капитанъ *Баронъ Стемпель* славно задерживалъ Черкесовъ; во время отъѣзда артиллеріи на новую позицію, онъ, чтобы удержать наступленіе непріятеля, бросился на него въ аттаку и сперва отогналъ его на полторы версты, а потомъ уже продолжалъ отходить самъ. При этомъ отдѣльныя кучки Драгунъ по временамъ спѣшивались, чтобы болѣе мѣткимъ огнемъ задерживать Черкесовъ, осыпавшихъ насъ пулями изъ своихъ магазинныхъ ружей. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ на послѣдней позиціи, я приказалъ поручику *Тудерусу* поспѣшно отправить въ ущелье къ караулкѣ зарядный ящикъ, а артиллерію отвелъ еще на версту назадъ, на новую позицію за рѣчкой. Спѣшенные Драгуны Капитана *Мейнандера*, уже контуженнаго въ ногу, сѣли на коней и присоединились къ прикрытію орудій. При переходѣ черезъ мостъ произошла задержка: одно орудіе опрокинулось на мосту, но прислугѣ и прикрытію удалось его поднять. На новой

позиціи прикрытіе вновь спѣшилось; разсыпанные же взводы Драгунъ, уже сильно порѣдѣвшіе, продолжали схватываться съ Черкесами, неоднократно бросаясь на нихъ въ шашки. Тутъ были тяжело ранены: двумя пулями Капитанъ *Баронъ Стемпель* и Прапорщикъ *Зенкевичъ*. Оба отправлены съ конвоемъ къ караулкѣ, а начальство надъ полуэскадропомъ принялъ Штабсъ-Капитанъ *Гульковскій*.

Съ предыдущей позиціи я послалъ Вашему Превосходительству словесное донесеніе: сперва черезъ Унтеръ-Офицера *Куракина*, а потомъ съ Корнетомъ *Графомъ Толстымъ*, уже контуженнымъ и на раненной лошади, которому поручилъ доложить, что, по малочисленности отряда и по крайне затруднительной дорогѣ, я опасаюсь за свои орудія. Между тѣмъ, раненые, верхами, были отправлены на рысяхъ къ Роберкову въ сопровожденіи доктора, санитаровъ и нѣсколькихъ человѣкъ Драгунъ. Собравъ горсть Драгунъ съ Поручикомъ *Свищевскимъ*, Прапорщиками *Данилевскимъ* и *Велинскимъ* и назначивъ ихъ для непосредственнаго прикрытія орудій, я приказалъ Артиллеріи уходить въ ущелье, а Штабсъ-Капитану *Гульковскому* и Прапорщику *Назимову 2-му*, съ нѣсколькими разсыпанными Драгунами, сдерживать натискъ Черкесовъ.

Отступленіе совершалось въ полномъ порядкѣ, и я нѣсколько разъ переводилъ отрядъ изъ рыси въ шагъ, несмотря на градъ пуль, сыпавшійся на насъ сзади. Отойдя, такимъ образомъ, версты на полторы, я вновь занялъ позицію при входѣ въ ущелье и нѣсколькими удачными выстрѣлами шрапнелью удержалъ насѣдавшихъ на Штабсъ-Капитана *Гульковскаго* Черкесовъ. Однако, Драгуны валились безпрестанно и прикрытіе сильно рѣдѣло; тяжело раненный при этомъ Командиръ Артиллерійскаго взвода Капитанъ *Усовъ* былъ выведенъ изъ огня Драгунами. Это было въ два часа пополудни; я приказалъ орудіямъ взять на задки и уходить въ ущелье на рысяхъ. Но, къ несчастію, оказалось, что ущелье загромождено массою бѣгущихъ Болгаръ,—женщинами, дѣтьми, скотомъ, овцами, каруцами и проч., такъ что орудія были сильно задержаны. До караулки оставалось пройти еще около трехъ верстъ. Собравъ вокругъ себя все, что оставалось, человѣкъ около 30 Драгунъ при Штабсъ-Капитанѣ *Гульковскомъ*, Поручикѣ *Свищевскомъ* и Прапорщикахъ *Назимовѣ 2-мъ*, *Данилевскомъ и Велинскомъ*,—я съ этою горстью людей прикрывалъ отступленіе Артиллеріи, при чемъ Драгуны отстрѣливались съ коней, а офицеры съ нѣсколькими Драгунами неоднократно бросались въ

шашки, чтобы удержать насѣдавшихъ на насъ Черкесовъ. Наконецъ, отступленіе наше было задержано тѣмъ, что одно орудіе, оборвавшись на мосту, повисло надъ пропастью; въ виду близости Черкесовъ, ничего болѣе не оставалось, какъ столкнуть его въ пропасть. Другое орудіе, до сихъ поръ преодолѣвшее всѣ трудности отступленія, отъ утомленія лошадей стало приставать, а вскорѣ одна изъ дышловыхъ лошадей была ранена и упала. Кромѣ того, все увеличивалась убыль въ прикрытіи: въ числѣ прочихъ былъ раненъ Прапорщикъ *Данилевскій*, но, несмотря на это, продолжалъ отбиваться съ остальными офицерами и Драгунами. Черкесы, видя, что орудіе остановилось, стремительно бросились на насъ. Произошла рукопашная схватка у лафета, въ которой, защищая орудіе, легли Прапорщики *Данилевскій*, *Назимовъ 2-й* и *Велинскій*, вмѣстѣ съ ѣздовыми и многими Драгунами. Штабсъ-Капитанъ *Гульковскій* и Поручикъ *Свищевскій* были контужены; кромѣ того, у перваго были четыре пули въ сѣдлѣ, подъ Поручикомъ *Свищевскимъ* ранена лошадь, и у обоихъ прострѣлены полушубки. Такимъ образомъ, прикрытіе почти все стаяло. Черкесы окружили орудіе, продолжая насъ преслѣдовать и осыпать пулями ущелье, вплоть до самой караулки. Не имѣя уже возможности дать какой-либо отпоръ непріятелю въ ущельѣ, я долженъ былъ ограничиться занятіемъ караулки, дабы обезпечить путь отступленія отряда Вашего Превосходительства. Для сего я поручилъ Поручику *Свищевскому*: сбатовать всѣхъ собранныхъ у караулки лошадей отъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ людей, какъ составлявшихъ прикрытіе, такъ и конвоировавшихъ раненыхъ; спѣшить все, что есть подъ рукою (оказалось 15 чел.), занять караулку и удержать выходъ изъ ущелья ружейнымъ огнемъ. Огонь этотъ дѣйствительно остановилъ Черкесовъ, уже появившихся въ ущельи: они не осмѣлились итти дальше. Это было въ три часа пополудни.

Не прибавляя ничего къ описанію этого несчастнаго для Драгунъ дѣла, я смѣю только донести, что всѣ чины отряда, отъ перваго до послѣдняго, свято исполнили свой долгъ, стойко отходя на протяженіи восьми верстъ, подъ непрерывнымъ огнемъ. Доказательствомъ можетъ служить громадная убыль, которую понесли бывшіе въ дѣлѣ Драгунскіе взводы, а также геройская смерть трехъ офицеровъ, которые, защищая орудіе, были изрублены на его лафетѣ. Изъ 12-ти офицеровъ всего отряда *трое* убито (Прапорщики: *Данилевскій*, *Назимовъ 2-й* и *Велинскій*), *трое* тяжело ранено (Капитанъ *Усовъ*, Капитанъ *Баронъ Стемпель* и Пра-

порщикъ *Зенкевичъ*), *четверо* контужено (Капитанъ *Мейнандеръ*, Штабсъ-Капитанъ *Гульковскій*, Поручикъ *Свищевскій*, Корнетъ *Графъ Толстой*).

Нижнихъ чиновъ: изъ 47 человѣкъ 2-го эскадрона убито 15, ранено шесть; изъ 88 человѣкъ 4-го эскадрона убито 23, ранено 14, безъ вѣсти пропало два; въ Артиллерійскомъ взводѣ: пять человѣкъ убито, пять ранено.

Строевыхъ лошадей: убито 47, ранено 22.

Офицерскихъ лошадей убито шесть.

Подписалъ: Полковникъ *Лихтанскій*.

ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ

по войскамъ дѣйствующей арміи, отданный въ Букарестѣ 5-го Декабря 1877 г.

„Возвращаясь въ Свою столицу послѣ болѣе шестимѣсячнаго пребыванія среди войскъ дѣйствующей арміи, Я обращаюсь съ чувствомъ естественной гордости и благоговѣнія къ воспоминаніямъ о высокихъ доблестяхъ русскихъ воиновъ, являющихся и въ нынѣшнюю кампанію тѣми же героями, коими всегда славилось наше оружіе. Безпредѣльная преданность къ Престолу и къ долгу чести и службы, неустрашимость и стойкость въ бою, примѣрное самоотверженіе въ тяжелыхъ испытаніяхъ, неизбѣжныхъ въ военное время, искони отличавшія русскаго солдата, постоянно ему присущи и нынѣ. Мнѣ отрадно было быть личнымъ свидѣтелемъ неоднократныхъ доказательствъ таковыхъ достоинствъ горячо Мною любимыхъ войскъ Моихъ. Разставаясь съ ними нынѣ, въ твердомъ упованіи на милосердіе Всевышняго, Его благословеніе на дарованіе новыхъ и окончательныхъ побѣдъ надъ врагомъ, Я твердо убѣжденъ, что для достиженія ихъ, подъ симъ благословеніемъ, войска Мои не знаютъ преградъ. Не сомнѣваюсь, что и впредь, какъ и нынѣ, они постоянно будутъ пріобрѣтать права на ту искреннюю признательность, которую сердцу Моему пріятно выразить нынѣ всѣмъ войскамъ дѣйствующей арміи, начиная съ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, начальникамъ частей, генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Военная лѣтопись наша украсилась въ нынѣшнемъ году блестящими страницами и незабвенными памятниками славы русскаго оружія, каковы: переправа черезъ Дунай подъ Систовымъ, взятіе Тырнова, экспедиція за Балканы, безпримѣрная и удивленія достойная защита Шипкинскаго перевала, взятіе Ловчи, Горнаго-Дубняка, Телиша, Врацы и Этрополя и, наконецъ, овладѣніе Плевною, потребовавшей столькихъ жертвъ и усилій, и покореніе значительной турецкой арміи, ее защищавшей. Не менѣе славы и признательности заслуживаютъ войска рущукскаго отряда, подъ личнымъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, на коихъ выпала трудная и тяжелая задача охра-

ненія лѣваго фланга занятаго нами съ начала кампаніи огромнаго пространства. Задача эта выполнена блистательнѣйшимъ образомъ, несмотря на всѣ трудности удержанія значительно сильнѣйшаго непріятеля на большомъ протяженіи, при безпрестанныхъ, постоянно отраженныхъ, попыткахъ сего послѣдняго прорвать наши линіи.

Повторяю Мою искреннѣйшую признательность Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему дѣйствующею арміею, Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу, Начальнику рущукскаго отряда, всѣмъ начальствующимъ и служащимъ въ арміи лицамъ, благодарю всю армію отъ всего сердца и молю Бога о ниспосланіи намъ новыхъ побѣдъ и успѣховъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Рапортъ Начальника правой колонны Начальнику Западнаго отряда Генералъ-Адъютанту Гурко, отъ 25-го Января.

Во исполненіе диспозиціи, ввѣренный мнѣ отрядъ, составлявшій правую колонну (122-го Тамбовскаго полка три баталіона, 121-го Пензенскаго два баталіона, четыре орудія 2-й батареи и четыре орудія 5-й батареи Гвардейской Конно-Артиллерійской бригады и 2-я бригада 2-й Гвардейской Кавалерійской дивизіи), двинулся изъ селенія Врачешъ въ ущелье, ведущее къ перевалу Умургачъ. Пройдя около 4½ верстъ по довольно отлогому подъему, представлявшему затрудненіе только для артиллеріи, вслѣдствіе крутыхъ поворотовъ, косогоровъ, гололедицы и, наконецъ, ручейковъ, пересѣкающихъ путь слѣдованія, ввѣренная мнѣ колонна подошла къ крутому подъему. По произведенной рекогносцировкѣ предстоящаго пути оказалось, что дальнѣйшая дорога представляла громадныя препятствія, требующія для преодолѣнія ихъ гигантскихъ усилій.

Предстоящій путь представлялъ подъемъ въ 30 градусовъ около восьми верстъ длиною, покрытый къ тому-же ледяною корою; сверхъ того, подъемъ шелъ все время по косогору, а съ другой стороны былъ ограниченъ обрывомъ; наконецъ, малая ширина дороги, отъ двухъ-трехъ шаговъ, еще болѣе затрудняла движеніе по этому пути.

Имѣя въ виду всѣ вышеизложенныя затрудненія предстоящаго пути, я отдалъ приказаніе сводносаперной командѣ немедленно приступить къ разработкѣ пути, приказавъ при этомъ нарубить вдоль всего подъема ступеньки, безъ которыхъ, по причинѣ существовавшей гололедицы, движеніе отряда и, особенно, артиллеріи и кавалеріи становилось невозможнымъ. Убѣдившись изъ произведенной рекогносцировки, что движеніе артиллеріи возможно не иначе, какъ на салазкахъ, и разбирая каждое орудіе на нѣсколько частей, я приказалъ безотлагательно приступить къ заготовкѣ салазокъ. Всѣ эти предварительныя работы, равно какъ и разработка пути, заняли все 13-е Декабря: сверхъ того, утомленіе людей, вслѣдствіе ранняго выступленія отряда, заставило меня остановиться на ночлегъ, не начиная подъема.

Съ разсвѣтомъ 14-го Декабря закипѣла работа: разборка орудій и укладка ихъ на салазки и приспособленіе къ возкѣ на-

груженныхъ салазокъ къ подъему ихъ на горы при помощи однихъ людей. Благодаря распорядительности Генералъ-Маіора *Радзишевскаго* и дѣятельности какъ артиллерійскихъ, такъ и пѣхотныхъ начальниковъ и вообще всѣхъ офицеровъ, равно какъ и усердію нижнихъ чиновъ, работа подвигалась очень быстро, такъ что въ первомъ часу дня начался уже подъемъ орудій 2-й батареи Гвардейской Конной артиллеріи; несмотря на неимовѣрныя усилія (около 100 человѣкъ тащили каждое орудіе), съ которыми приходилось втаскивать нагруженныя салазки по крутымъ длиннымъ и, вдобавокъ, скользкимъ отъ гололедицы подъемамъ, Тамбовцы бодро карабкались по горамъ, останавливаясь лишь только на самое короткое время, чтобы перевести духъ.

Благодаря этой исполинской работѣ, присущей только русскому солдату, Тамбовцы втянули къ вечеру 14-го Декабря на первое плато (на разстояніи двухъ верстъ отъ начала подъема) четыре орудія и четыре переднихъ хода зарядныхъ ящиковъ 2-й батареи Гвардейской Конной Артиллеріи (поднять четырехколесные ящики сполна, по тяжести ихъ, было невозможно, а потому задніе ходы были отправлены вмѣстѣ съ четырьмя орудіями 6-й батареи 31-й Артиллерійской бригады во Врачешъ, по приказанію Вашего Высокопревосходительства).

Сильное утомленіе людей и наступленіе темноты не позволили продолжать дальнѣйшее движеніе, и Тамбовскій полкъ съ четырьмя орудіями 2-й батареи Гвардейской Конно-Артиллерійской бригады были оставлены на ночлегъ на первомъ горномъ плато, съ котораго уже начинается второй и труднѣйшій подъемъ на гору Умургачъ; на этой же площадкѣ были расположены, въ видѣ авангарда, 2-я стрѣлковая рота Тамбовскаго полка, Пензенскій полкъ и четыре орудія 5-й батареи. 14-го Декабря тоже не бездѣйствовали, а провели весь день въ изготовленіи салазокъ, въ разборкѣ орудій и приспособленіи нагруженныхъ салазокъ къ подъему на горы. Къ вечеру всѣ эти работы были окончены, и на слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, рѣшено было начать подъемъ и четырехъ орудій 5-й батареи.

14-го Декабря, въ $2^1/_2$ часа пополудни, авангардъ, изъ 1-го баталіона Тамбовскаго и 1-го баталіона Архангелогородскаго полковъ, съ десятью Гвардейскими Драгунами, подъ начальствомъ Начальника Штаба 31-й пѣхотной дивизіи, Полковника *Муромцева*, выступилъ по направленію къ Умургачу, но, поднявшись съ неимовѣрнымъ трудомъ только на второй подъемъ и будучи застигнутъ сильною метелью при сильной стужѣ, принужденъ

былъ вернуться обратно на вторую площадку; при этомъ 13 человѣкъ пострадали отъ мороза.

15-го Декабря я предписалъ, съ разсвѣтомъ, тѣмъ же баталіонамъ, съ Капитаномъ Генеральнаго Штаба *Бирюковымъ* (такъ какъ Начальникъ Штаба Полковникъ *Муромцевъ* заболѣлъ), снова направиться къ перевалу Умургачъ и двинуться на Елешницу, оставивъ 1-й баталіонъ Архангелогородскаго полка въ видѣ заслона на дорогѣ въ Яблоницу, что и было въ точности исполнено, несмотря на неимовѣрныя препятствія.

15-го Декабря, съ разсвѣтомъ, начался подъемъ четырехъ орудій и ящичныхъ передковъ 5-й батареи Гвардейской Конной Артиллеріи, и при этомъ Пензенцы показали, что они вполнѣ достойные товарищи Тамбовцевъ по преодолѣнію громадныхъ препятствій, представляемыхъ подъемомъ артиллеріи и движеніемъ вообще черезъ едва проходимыя тропинки Балканскихъ горъ, ведущихъ къ перевалу Умургачъ. Къ вечеру этого дня Пензенскій полкъ втянулъ орудія 5-й батареи на первое плато, гдѣ и остановился на ночлегъ.

Въ то время, когда Пензенцы преодолѣвали подъемъ, Тамбовцы принялись за новый подъемъ, оказавшійся еще труднѣе перваго. Отъ первой площадки начинается длинный и крутой подъемъ, дѣлающійся все круче и круче и достигающій, наконецъ, почти 45°. Такой крутой подъемъ при существовавшей гололедицѣ представлялъ, повидимому, непреодолимыя препятствія: люди и лошади безпрестанно скользили по скользкой поверхности едва не отвѣсныхъ ледяныхъ горъ, но, тѣмъ не менѣе, настойчиво продолжали свое трудное движеніе впередъ, карабкаясь по этимъ скаламъ, и при томъ не въ одиночку, не налегкѣ, а подъ бременемъ большой тяжести орудій и ящиковъ, наполненныхъ снарядами. Глядя на эту исполинскую работу нерослаго и молодого армейскаго солдата, оставалось ему только удивляться и окончательно прійти къ заключенію, что для русскаго солдата нѣтъ непреодолимыхъ препятствій и нѣтъ ничего невозможнаго.

Къ вечеру 15-го Декабря (слѣдовательно, послѣ 12-ти часовъ работы), Тамбовскій полкъ втянулъ головныя орудія 2-й батареи на вторую площадку, т. е. на разстояніи какихъ-нибудь трехъ верстъ; остальныя орудія съ Тамбовцами ночевали на дорогѣ. Къ тому же самому времени Пензенскій полкъ успѣлъ втащить 5-ю батарею на первую площадку.

Шедшіе въ авангардѣ съ Генеральнаго Штаба Капитаномъ *Бирюковымъ* два баталіона (Тамбовскій и Архангелогородскій) взо-

брались на гору Умургачъ 15-го Декабря, въ 2 часа пополудни. Отсюда, во исполненіе диспозиціи, баталіонъ Архангелогородцевъ былъ направленъ на юго-западъ и образовалъ заслонъ со стороны деревни Яблоницы, а баталіонъ Тамбовцевъ двинулся на монастырь Богородицы и къ деревнѣ Елешницѣ, гдѣ долженъ былъ содѣйствовать дебушированію изъ горъ колонны Генералъ-Маіора *Рауха*.

При этомъ движеніи баталіону Тамбовцевъ пришлось преодолѣвать новыя неимовѣрныя препятствія,—двигались по поясъ въ снѣгу во время вьюги и метели по страшнымъ заоблачнымъ горамъ. Но несмотря на то, 1-й баталіонъ Тамбовцевъ мужественно перенесъ всю эту, поистинѣ, геройскую борьбу съ природою и на другой день, т. е. 16-го Декабря, въ два часа пополудни, дошелъ до Елешницы, гдѣ и соединился съ 3-мъ баталіономъ Козловскаго полка, прибывшимъ изъ Чурьяка.

Прибывъ 16-го Декабря утромъ на гору Умургачъ, я получилъ донесеніе отъ Капитана *Бирера*, шедшаго съ баталіономъ Тамбовцевъ на деревню Елешницу, что по пути, по которому идетъ этотъ баталіонъ и по которому, согласно диспозиціи, должна прослѣдовать и вся моя колонна отъ Умургача на деревню Желяву, никакимъ образомъ нельзя будетъ протащить артиллерію, даже на рукахъ, по причинѣ страшныхъ крутостей и снѣжныхъ заносовъ; при этомъ Капитаномъ *Бирегомъ* было указано на возможность движенія остальной пѣхоты и артиллеріи съ горы Умургача прямо на деревню Чурьякъ, куда, безъ особенныхъ затрудненій, доходилъ наканунѣ посланный имъ Драгунскій разъѣздъ.

Такъ какъ движеніе отъ Умургача на Чурьякъ и оттуда на Елешницу, дѣйствительно, представляло большія выгоды, давая возможность отряду своевременно явиться въ Софійской Долинѣ и значительно сокращая труды войскъ, то я рѣшился воспользоваться этимъ путемъ, испросивъ предварительно разрѣшенія на то Вашего Высокопревосходительства, которое и было мнѣ прислано съ состоявшимъ при отрядѣ, въ качествѣ офицера Генеральнаго Штаба, Маіоромъ *Квитницкимъ*, произведшимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и подробный осмотръ этого пути.

Съ Умургача въ Чурьякъ я пришелъ въ тотъ же день, не желая оставить отряда ночевать на этой горѣ во время вьюги и сильной стужи.

Одновременно съ выступленіемъ въ Чурьякъ Тамбовскаго полка съ четырьмя орудіями 2-й батареи (Пензенскій полкъ не

успѣлъ еще къ этому времени втянуть орудія на Умургачъ) я послалъ подтвержденіе своему приказанію отъ 15-го Декабря, чтобы двѣ бригады 2-й Гвардейской Кавалерійской дивизіи немедленно выступили изъ Врачеша и двигались какъ можно скорѣе на Чурьякъ и далѣе въ Софійскую Долину, гдѣ присутствіе кавалеріи было крайне необходимо.

Трудная задача предстояла Гвардейской Кавалеріи: совершить форсированный маршъ по ледянымъ, почти отвѣснымъ скаламъ, по узкимъ, едва пробитымъ тропинкамъ, ограниченнымъ по сторонамъ крутыми обрывами. Дѣло это настолько трудное, что о немъ вполнѣ можетъ судить только тотъ, кто видѣлъ эту массу всадниковъ, растянутыхъ въ одинъ конь по снѣжнымъ высотамъ Балканъ и взбирающихся по ледянымъ склонамъ наподобіе дикихъ козъ. Доказательствомъ тому, насколько былъ труденъ этотъ, поистинѣ, молодецкій переходъ нашей Гвардейской Кавалеріи, можетъ служить тотъ фактъ, что кавалерія выступила въ 10 часовъ утра 15-го Декабря изъ Врачеша и, слѣдуя днемъ и ночью, безъ ночлега, прибыла въ Чурьякъ только 17-го Декабря, въ 3 часа пополудни, сдѣлавъ при этомъ не болѣе 18-ти верстъ. Наконецъ, на пути отъ Врачеша до Чурьяка шесть лошадей слетѣли въ горную пропасть.

Путь отъ Умургача до Чурьяка, сравнительно съ переваломъ черезъ Умургачъ, былъ болѣе доступнымъ, такъ что часть Тамбовскаго полка съ двумя орудіями 2-й батареи, уже поставленными на колеса, выступившіе съ Умургача въ 4 часа пополудни, къ вечеру того же дня прибыли въ Чурьякъ, а остальныя орудія 2-й батареи и роты Тамбовскаго полка прибыли утромъ 17-го Декабря. Пензенскій полкъ съ 5-ю батареей Гвардейской Конно-Артиллерійской бригады, пропустивъ 2-ю Гвардейскую Кавалерійскую дивизію, выступилъ въ 12 часовъ дня и прибылъ въ Чурьякъ ночью 17-го Декабря, а частью къ утру 18-го Декабря.

Дѣлая общій выводъ изъ перехода черезъ перевалъ Умургачъ, я не могу не выразить достаточно удивленія передъ выносливостью, энергіей и безропотнымъ исполненіемъ своего долга всѣми чинами ввѣреннаго мнѣ отряда, начиная отъ солдата до высшихъ Начальниковъ, несмотря на скудность пищи, страшную стужу (были случаи замерзанія), неимовѣрную ежедневную физическую работу (были случаи смерти отъ истомленія). Нижніе чины продолжали сохранять бодрость и веселость духа, и, поистинѣ, исполинская работа втаскиванія орудій на обледенѣлыя Балканскія скалы всегда сопровождалась пѣснями солдатъ, остро-

тами и прибаутками. Вообще, въ завершеніе донесенія о безпримѣрномъ, небываломъ еще въ исторіи переходѣ черезъ Балканы зимою, я долженъ сказать, что мое донесеніе объ этомъ переходѣ блекнетъ передъ дѣйствительностью, которую вполнѣ передать невозможно.

17-го Декабря, въ 12 часовъ дня, Тамбовскій полкъ со 2-ю батареей Гвардейской Конной Артиллеріи выступили изъ Чурьяка въ Елешницу, гдѣ и расположились на ночлегъ.

18-го Декабря Тамбовскій полкъ перешелъ въ деревню Яну, оставивъ одинъ баталіонъ въ Желявѣ и отправивъ двѣ роты въ селеніе Булово (Чайники). 121-й пѣхотный Пензенскій полкъ съ 5-ю батареей Гвардейской Конной Артиллеріи выступилъ въ 10 часовъ утра изъ Чурьяка и прибылъ въ деревню Яну вечеромъ, гдѣ и расположился по квартирамъ, принявъ всѣ мѣры военныхъ предосторожностей.

Подлинный подписалъ: Начальникъ правой колонны,

Генералъ-Лейтенантъ *Вельяминовъ*.

Дѣло подъ Горнымъ Бугоровымъ 20-го Декабря.

Рапортъ Начальника правой колонны Западнаго отряда Генералъ-Адъютанту Гурко, отъ 25-го Января.

На основаніи диспозиціи отъ 13-го Декабря, ввѣренный мнѣ отрядъ, перейдя черезъ перевалъ Умургачъ Балканскихъ горъ, долженъ былъ расположиться у селенія Яну и составить заслонъ со стороны Софіи, для охраненія тыла войскъ, назначенныхъ для аттаки Ташкисенской позиціи. Имѣя въ виду возложенную на меня задачу, я, тотчасъ по переходѣ отряда черезъ Балканы, сосредоточилъ ввѣреный мнѣ отрядъ, состоящій изъ пяти баталіоновъ пѣхоты и Кавказской Казачьей бригады, у Яну, и въ видахъ отдохновенія отъ сильныхъ трудовъ, понесенныхъ отрядомъ при переходѣ черезъ Балканы, расположилъ его по квартирамъ, принявъ всѣ мѣры военныхъ предосторожностей.

Желая обезпечить себя на случай возможной аттаки Турокъ со стороны Софіи, я 19-го Декабря, рано утромъ, отправился съ Командиромъ Кавказской Казачьей бригады, свиты Его Величества Генералъ-Маіоромъ *Черевинымъ*, и состоявшими при моемъ отрядѣ офицерами Генеральнаго Штаба для рекогносцировки позицій на вѣроятномъ пути наступленія Турокъ, вблизи Яну. Тщательная рекогносцировка показала, что удобной фронтальной позиціи вблизи Яну не было, такъ какъ вдоль Софійскаго шоссе идетъ невысокій горный хребетъ, который, начиная отъ Узенли, постепенно удаляется отъ шоссе и представляетъ нѣсколько удобныхъ фланговыхъ позицій относительно пути наступленія по шоссе; это обстоятельство принудило меня, въ случаѣ наступленія Турокъ изъ Софіи на Яну, занять фланговую позицію; наступленія же Турокъ не по шоссе я не допускалъ, такъ какъ при этомъ имъ приходилось аттаковать въ лобъ весьма сильныя позиціи.

Находящіяся въ моемъ отрядѣ 12 сотенъ Кавказской Казачьей бригады были расположены въ Дольнемъ Бугоровѣ и Бутонцѣ и должны были охранять своими аванпостами всѣ подступы отъ Софіи къ д. Яну, а главное, наблюдать американскій мостъ черезъ р. Искеръ, на шоссе.

19-го Декабря, около 5-ти часовъ пополудни, я услышалъ сильную перестрѣлку со стороны Софіи, а вслѣдъ затѣмъ при-

скакавшій Казакъ привезъ мнѣ донесеніе отъ Командира Кавказской бригады Генерала *Черевина*, что Турки въ значительныхъ силахъ пѣхоты и кавалеріи наступаютъ отъ Софіи.

Я немедленно ударилъ тревогу и пошелъ на выстрѣлы, съ цѣлью принять на себя Кавказскихъ Казаковъ и задержать наступленіе непріятеля. На пути изъ Яну въ Горный Бугоровъ встрѣчены были мною массы Болгаръ, которые въ ужасѣ бѣжали изъ окрестныхъ деревень, съ криками: „Турскій аскеръ, турскій аскеръ“. Подходя къ селенію Горный Бугоровъ, мнѣ попались на встрѣчу обозные вьюки Кавказской бригады, которые мнѣ сообщили, что Турки уже находятся недалеко отъ д. Горный Бугоровъ.

Желая предупредить непріятеля въ Горномъ Бугоровѣ, который, въ противномъ случаѣ, мнѣ пришлось бы брать съ боя, я приказалъ авангарду моему поспѣшить, а самъ выѣхалъ впередъ, чтобы выбрать и хорошенько осмотрѣть позицію для встрѣчи непріятеля. Прибывъ въ д. Горный Бугоровъ, я увидѣлъ небольшую деревню въ лощинѣ, а по сторонамъ ея возвышенности, весьма удобныя для обороны. Кромѣ того, на восточной возвышенности была весьма хорошая артиллерійская позиція. Направленіе фронта позиціи относительно Софійскаго шоссе было полуфланговое. Впереди селенія Горный Бугоровъ, противъ центра позиціи, былъ курганъ, весьма удобный для обороны. Мѣстность впереди позиціи имѣла хорошій обстрѣлъ, а подступы къ ней со стороны непріятеля представляли мало укрытій.

По прибытіи ввѣреннаго мнѣ отряда, я немедленно отдалъ приказаніе ввезти всю артиллерію на избранную позицію, на восточной возвышенности, поставивъ къ ней въ прикрытіе съ обоихъ фланговъ по ротѣ (отъ 2-го баталіона 122-го Тамбовскаго полка); 1-му баталіону Тамбовскаго полка велѣно было разсыпать стрѣлковую роту и занять ею курганъ противъ д. Горный Бугоровъ и хребетъ вправо и влѣво отъ него; четыре линейныя роты этого баталіона должны были перестроиться въ ротныя колонны въ двѣ линіи и служить поддержками и частнымъ резервомъ 1-й стрѣлковой ротѣ.

3-й стрѣлковой ротѣ (3-го баталіона Тамбовскаго полка) приказано было разсыпаться влѣво отъ дороги, ведущей изъ Горнаго Бугорова въ Дольній Бугоровъ, по направленію къ Софійскому шоссе. Двумъ баталіонамъ 121-го Пензенскаго полка велѣно было стать въ резервѣ за обоими флангами. Пока выстраивался боевой порядокъ, стало темнѣть и перестрѣлка Казаковъ

съ Турками утихать, и, наконецъ, къ 7-ми часамъ вечера, совершенно утихла. Огромное зарево пожара въ с. Дольній Бугоровъ и Бутопцѣ, равно какъ и бивуачные огни въ этихъ селеніяхъ, служили доказательствомъ, что непріятель не отступалъ, а отложилъ свою аттаку до разсвѣта; въ виду этого, я оставилъ ввѣренный мнѣ отрядъ на занятыхъ имъ позиціяхъ, приказавъ окопаться, насколько позволитъ время. Кромѣ того, оставивъ впереди фронта сильную кавалерійскую цѣпь, я приказалъ четыремъ сотнямъ Владикавказскаго полка расположиться впереди лѣваго фланга нашей позиціи и охранять лѣвый флангъ, а двумъ сотнямъ стать противъ селенія Бутонецъ и охранять нашъ правый флангъ. Кавалеріи было приказано наблюдать за непріятелемъ и о всякомъ его движеніи немедленно доносить мнѣ.

Около 8-ми часовъ утра, 20-го числа, я получилъ донесеніе отъ Казаковъ, стоящихъ впереди лѣваго фланга нашей позиціи, что массы Турокъ строятся въ боевой порядокъ у с. Дольній Бугоровъ, съ видимой цѣлью аттаковать; вслѣдъ за этимъ донесеніемъ я получилъ новое донесеніе, что нѣсколько таборовъ съ орудіями сошли съ Софійскаго шоссе вправо къ югу и направились въ обходъ нашего лѣваго фланга. Это обстоятельство заставило меня сильно опасаться за свое положеніе, такъ какъ для выполненія возложенной на меня задачи ввѣренный мнѣ отрядъ долженъ былъ составлять заслонъ со стороны Софіи относительно войскъ, аттакующихъ Ташкисенскую позицію; между тѣмъ, значительныя силы Турокъ впереди моего фланга, уже строющіяся въ боевой порядокъ съ явною цѣлью аттаковать меня съ фронта, не дозволяли мнѣ аттаковать непріятеля на его маршѣ, въ случаѣ его движенія въ обходъ занятой мною позиціи. Наконецъ, незначительность силъ моего отряда (всего пять баталіоновъ пѣхоты и 12 небольшихъ сотенъ), равно какъ и отсутствіе удобныхъ позицій для боя вплоть до Узенли, дѣлали выполненіе моей задачи, въ случаѣ движенія части Турокъ въ обходъ моего лѣваго фланга, невозможнымъ; въ случаѣ же аттаки меня обходною колонною во флангъ и тылъ совмѣстно съ аттакою съ фронта и праваго фланга—критическимъ. Имѣя все это въ виду, я приказалъ сотнямъ, стоящимъ на моемъ лѣвомъ флангѣ, имѣть самое тщательное наблюденіе за непріятелемъ съ этой стороны; кромѣ того, мною было приказано немедленно отправить сильный разъѣздъ на Музикіой и Гозди-Карамонъ, съ цѣлью выслѣдить за направленіемъ движенія тѣхъ турецкихъ колоннъ, которыя свернули съ Софійскаго шоссе вправо (къ югу).

Въ 9 часовъ утра Турки, выстроивъ боевой порядокъ и выславъ кавалерійскую цѣпь, поддержанную густою пѣхотною цѣпью, начали быстро наступать противъ фронта нашей позиціи; непріятельская кавалерійская цѣпь, встрѣченная сильнымъ огнемъ цѣпи Кавказской Казачьей бригады, тотчасъ отступила, отойдя за пѣхотную цѣпь. Вслѣдъ за тѣмъ, Турки, съ неистовыми криками „Аллахъ“, стали быстро и смѣло наступать, открывъ страшный, почти непрерывный, огонь. Имѣя въ виду значительное превосходство въ дальности турецкаго вооруженія, сравнительно съ ружьемъ Крынка, я приказалъ пѣхотѣ не стрѣлять и открыть огонь только тогда, когда непріятель подойдетъ на вѣрный ружейный выстрѣлъ; то же приказаніе было отдано и артиллеріи, которая успѣла заблаговременно измѣрить дистанціи до шоссе и по другимъ направленіямъ; такое распоряженіе относительно открытія огня только съ вѣрной и близкой дистанціи имѣло еще и ту выгоду, что въ артиллеріи былъ недостатокъ въ снарядахъ (на каждое орудіе приходилось всего только 60 снарядовъ). Вслѣдъ за наступленіемъ пѣхоты, непріятель открылъ артиллерійскій огонь, но, судя по большимъ недолетамъ первыхъ выстрѣловъ, надо было сдѣлать заключеніе, что у непріятеля горныя орудія; видя недѣйствительность своей стрѣльбы изъ горныхъ орудій, Турки открыли огонь изъ дальнобойныхъ орудій, завязавъ сильную артиллерійскую канонаду. Несмотря на страшный огонь, какъ ружейный, такъ и артиллерійскій, наша пѣхота и артиллерія, безъ выстрѣла, въ грозномъ молчаніи, ожидали приближенія непріятеля на вѣрный выстрѣлъ, чтобы встрѣтить врага не трескотней, а смертоноснымъ огнемъ.

Турки, ободренные безнаказаннымъ движеніемъ впередъ, продолжали быстро наступать, ободряя себя оглушительными криками „Аллахъ“. Впрочемъ, молчаніе наше продолжалось недолго, и вскорѣ раздались по всей нашей линіи рѣзкіе и отчетливые раскаты нашихъ выстрѣловъ и залпы нашихъ батарей, подпустившихъ непріятеля на вѣрный выстрѣлъ и открывшихъ противъ него убійственный огонь; по всей линіи завязался отчаянный бой, въ которомъ каждый клочекъ нашей позиціи оспаривался съ остервенѣніемъ. Во время самаго наступленія, показались густыя непріятельскія колонны противъ нашего праваго фланга, вслѣдствіе чего я приказалъ 2-му баталіону Пензенскаго полка, изъ резерва, занять стрѣлковою ротою пространство отъ Тамбовскихъ стрѣлковъ вправо, вдоль хребта; занятіе этой высоты было, дѣйствительно, крайне важно, такъ какъ, въ случаѣ занятія этой

высоты непріятелемъ, онъ пріобрѣталъ для своего утвержденія сильную стрѣлковую позицію, и, кромѣ того, нашъ центръ и правый флангъ подвергались бы самому убійственному фланговому и тыльному огню. Для поддержанія 2-й стрѣлковой роты Пензенскаго полка, я приказалъ остальнымъ линейнымъ ротамъ баталіона перестроиться въ ротныя колонны въ двѣ линіи и стать за нею на скатѣ, обращенномъ къ д. Горный Бугоровъ. Едва 2-й баталіонъ Пензенскаго полка успѣлъ привести въ исполненіе мое распоряженіе и занять указанную ему позицію, пять турецкихъ таборовъ, съ криками „Аллахъ“, отчаянно аттаковали только-что занятую Пензенцами позицію; при этомъ настойчивость, съ которою Турки вели эту аттаку, служила лучшимъ доказательствомъ, что они вполнѣ понимали важность этого пункта позиціи, который, по всей справедливости, могъ быть названъ тактическимъ ключемъ позиціи. Но, несмотря на всѣ отчаянныя попытки Турокъ, храбрые Пензенцы и Тамбовцы хладнокровно подпускали ихъ, безъ выстрѣла, на самое близкое разстояніе и, затѣмъ, залпами и штыками отбрасывали ихъ каждый разъ назадъ съ громадными потерями. Одновременно съ аттакой на Пензенцевъ, Турки повели аттаку и на 1-й баталіонъ Тамбовцевъ, защищавшихъ курганъ и пространство по обѣ его стороны; на этомъ пунктѣ Туркамъ также не удалось сломить стойкость нашихъ войскъ. Храбрые Тамбовцы, успѣвшіе себѣ штыками вырыть ложементы, подпустивъ Турокъ, безъ выстрѣла, на разстояніе около 25 шаговъ отъ ложементовъ, встрѣтили ихъ убійственнымъ залпомъ и, затѣмъ, ударили на „Ура“ въ штыки. Ударъ Тамбовцевъ въ штыки былъ такъ дружевъ и неожиданъ для Турокъ, что они моментально были смяты и откинуты назадъ съ громадной для нихъ потерей. Въ то время, когда по всей линіи кипѣлъ ожесточенный бой пѣхоты, наша храбрая артиллерія (четыре орудія 2-й батареи и два орудія 5-й батареи Гвардейской Конно-Артиллерійской бригады) тоже не бездѣйствовала; осыпаемая почти со всѣхъ сторонъ градомъ непріятельскихъ пуль и снарядовъ, она, руководимая храбрыми своими офицерами, подъ общимъ руководствомъ хладнокровнаго Командира 2-й батареи Полковника *Таля*, продолжала свою мѣткую и разсчетливую стрѣльбу; результатомъ такого отличнаго дѣйствія артиллеріи было то, что вскорѣ непріятельскія батареи должны были замолчать, а вслѣдъ затѣмъ сняться съ позиціи; массы же наступавшей турецкой пѣхоты были осыпаемы нашими снарядами, производившими страшное опустошеніе въ густыхъ массахъ наступавшаго непріятеля.

Во время наступленія Турокъ съ фронта, я получилъ донесеніе отъ Казаковъ, что турецкая пѣхота и кавалерія все-таки обходятъ нашъ правый флангъ со стороны Бутонца; вслѣдствіе подобнаго извѣстія, я приказалъ двумъ сотнямъ Кубанскаго полка задержать турецкую кавалерію; для большаго же обезпеченія своего праваго фланга, на случай обхода, вновь прибывшія изъ с. Буева (или Чайники) двѣ роты 2-го баталіона 122-го Табмовскаго полка были поставлены за правымъ флангомъ, куда былъ передвинутъ также и стоящій въ резервѣ 3-й баталіонъ 121-го Пензенскаго полка; шести сотнямъ Кавказской бригады я приказалъ стать за центромъ позиціи; наконецъ, въ довершеніе всѣхъ распоряженій, касающихся обезпеченія праваго фланга, я приказалъ одной линейной ротѣ 1-го баталіона 122-го Тамбовскаго полка занять деревню Горный Бугоровъ, представлявшую отличный опорный пунктъ.

Около 2 час. пополудни я получилъ, наконецъ, давно ожидаемое извѣстіе отъ Казачьяго разъѣзда, посланнаго мною на с. Музикіой и с. Гази-Карамкіой, съ цѣлью выслѣдить за движеніемъ непріятеля, свернувшаго съ Софійскаго шоссе къ югу. Возвратившійся разъѣздъ донесъ, что мѣстность къ югу отъ шоссе, вплоть до рѣки Хаузи-Карамалъ, крайне болотистая и для кавалеріи положительно непроходимая; а потому, выслѣдить за непріятелемъ, направившимся отъ Дольняго Бугорова къ югу отъ шоссе, нѣтъ никакой возможности, не дѣлая дальняго и кружнаго обхода. Извѣстіе это заставило меня еще болѣе опасаться за свое положеніе, такъ такъ, при малочисленности моего отряда и большомъ его удаленіи отъ главныхъ силъ (около 21 версты), обходъ моего лѣваго фланга и аттака моей позиціи съ лѣваго фланга и тыла могли угрожать моему пути отступленія и вообще поставить меня въ крайне критическое положеніе. На основаніи сейчасъ сказаннаго, мною были сдѣланы слѣдующія распоряженія: я вторично отправилъ цѣлую сотню, приказавъ ей выслѣдить направленіе движенія непріятеля, а остальнымъ десяти сотнямъ оберегать нашъ лѣвый флангъ и тылъ отъ обхода; кромѣ того, 3-й баталіонъ 121-го Пензенскаго полка, единственный, оставшійся въ моемъ резервѣ, я передвинулъ ближе къ моему лѣвому флангу, гдѣ находился мой стратегическій ключъ позиціи. Вслѣдъ за окончаніемъ вышепомянутыхъ распоряженій, я получилъ донесеніе, что непріятельская пѣхота и кавалерія обходитъ насъ съ праваго и лѣваго фланговъ; сильный же фланговый и тыльный огонь, особенно сильно поражавшій центръ позиціи, гдѣ была

расположена наша артиллерія, служилъ лучшимъ доказательствомъ справедливости подобнаго донесенія. Опасаясь болѣе всего за свой лѣвый флангъ, я послалъ приказаніе Начальнику моего лѣваго фланга, Командиру 1-й бригады 31-й пѣхотной дивизіи Генералъ-Маіору *Радзишевскому*, обратить особенное вниманіе на лѣвый флангъ и принять мѣры для обезпеченія его отъ угрожающаго ему обхода; Генералъ-Маіоръ *Радзишевскій*, получивъ мое приказаніе, тотчасъ взялъ изъ резерва двѣ роты Тамбовскаго полка, употребивъ ихъ съ цѣлью удлинить нашъ лѣвый флангъ для противодѣйствія обходу. Цѣпь 3-го баталіона Тамбовскаго полка, по приказанію Генерала *Радзишевскаго*, въ видахъ занятія лучшей стрѣлковой позиціи, была подвинута впередъ шаговъ на 500; движеніе это непріятель принялъ за наступленіе съ нашей стороны и началъ медленно подаваться назадъ. Командиръ 3-го баталіона Тамбовскаго полка Маіоръ *Артоболевскій*, замѣтивъ начало отступленія Турокъ, приказалъ играть наступленіе и вслѣдъ затѣмъ, съ криками „Ура“, ударилъ въ штыки. Наступленіе это было какъ-бы сигналомъ общаго нашего наступленія. Храбрые Тамбовцы другихъ баталіоновъ, узнавъ о началѣ отступленія Турокъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ, вторично подпустили Турокъ, безъ выстрѣла, къ своимъ ложементамъ на 15 шаговъ и, затѣмъ, встрѣтивъ ихъ смертоноснымъ залпомъ, съ невыразимой отвагой ударили въ штыки, опрокинули Турокъ, обратили ихъ въ полное отступленіе и стали безостановочно и быстро преслѣдовать. Примѣру Тамбовцевъ послѣдовалъ и 2-й баталіонъ 121-го Пензенскаго полка, и со всей нашей линіи началось общее наступленіе и преслѣдованіе быстро отступавшихъ Турокъ. При этомъ особенно энергично и отважно преслѣдовалъ непріятеля 3-й баталіонъ Тамбовскаго полка, подъ начальствомъ своего отважнаго Командира Маіора *Артоболевскаго*.

Видя всеобщее отступленіе непріятеля, я немедленно приказалъ кавалеріи выѣхать изъ-за фланговъ и преслѣдовать его. Кавалерійское преслѣдованіе съ нашего лѣваго фланга было задержано болотомъ, но зато преслѣдованіе пѣхотою шло настолько энергично и быстро, въ особенности на лѣвомъ флангѣ по шоссе, что я, имѣя въ виду, съ одной стороны, малочисленность своего отряда и его сильное разстройство, вслѣдствіе продолжительнаго и упорнаго боя, а съ другой, многочисленность непріятеля, который, несмотря на его отбитіе и разстройство, сохранилъ еще совершенно свѣжіе таборы, которые густыми массами стояли въ резервѣ,—рѣшился остановить преслѣдованіе, чтобы подъ прикры-

тіемъ наѣздниковъ Кавказской Казачьей бригады устроить ввѣренный мнѣ отрядъ и подобрать раненыхъ и убитыхъ; кромѣ того, недостатокъ въ патронахъ и снарядахъ и позднее время дня (5 час. вечера) еще болѣе меня убѣдили въ справедливости принятаго мною рѣшенія.

Результатомъ молодецкаго дѣла при Горномъ Бугоровѣ было паденіе Софіи, которая была уступлена нашимъ войскамъ безъ выстрѣла, несмотря на сильныя укрѣпленія, воздвигнутыя съ видимою цѣлью отчаянно защищать этотъ городъ. Ночью, послѣ боя при Горномъ Бугоровѣ, Турки, не осмѣливаясь возобновить аттаки, покинули Дольній Бугоровъ и отступили по шоссе къ Софіи и далѣе къ Самакову.

Доказательствомъ отчаянныхъ аттакъ со стороны Турокъ и храброй обороны позиціи у Горнаго Бугорова было поле сраженія, на которомъ осталось 1,600 человѣкъ раненыхъ и до 600 убитыхъ; изъ нихъ около 500 тѣлъ лежало въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ ложементовъ и, вообще, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходилъ штыковой бой.

Въ заключеніе своего донесенія о дѣлѣ подъ Горнымъ Бугоровымъ, я считаю своимъ долгомъ засвидѣтельствовать о примѣрномъ поведеніи слѣдующихъ лицъ:

1) Командиръ 1-й бригады 31-й пѣхотной дивизіи Генералъ-Маіоръ *Радзишевскій*, начальствовавшій лѣвымъ флангомъ, своею распорядительностью, хладнокровіемъ и знаніемъ дѣла много способствовалъ успѣху дѣла.

2) Командиръ Кавказской Казачьей бригады, свиты Его Величества Генералъ-Маіоръ *Черевинъ*, дѣйствіемъ своей бригады все время удерживалъ турецкую кавалерію, старавшуюся охватить наши фланги, и, кромѣ того, сообщая во-время объ обходныхъ движеніяхъ, вообще, давалъ мнѣ возможность принимать своевременно мѣры.

2) Командиръ 2-й батареи Гвардейской Конной Артиллеріи, Полковникъ *Таль*, Капитанъ той же батареи *Хитрово* и Капитанъ 5-й батареи Гвардейской Конной Артиллеріи *Мартыновъ* и, вообще, всѣ офицеры 2-й и 5-й батарей Гвардейской Конной Артиллеріи, стоя подъ градомъ пуль и гранатъ, продолжали храднокровно вести мѣткій и несуетливый огонь, заставившій въ скоромъ времени замолчать непріятельскую артиллерію и производившій сильное опустошеніе въ массахъ наступавшаго непріятеля.

4) Командиры 121-го Пензенскаго и 122-го Тамбовскаго полковъ были также лучшимъ примѣромъ своимъ храбрымъ пол-

камъ и своею распорядительностью много способствовали успѣху дѣла.

5) Состоящіе при мнѣ въ качествѣ офицеровъ Генеральнаго Штаба: Полковникъ *Муромцевъ*, Подполковникъ *Квитницкій* и Капитанъ *Биргеръ*, были всегда моими ближайшими помощниками и, находясь подъ самымъ страшнымъ огнемъ, сохраняли полное хладнокровіе и своими дѣльными совѣтами способствовали успѣшному исходу дѣла.

6) Состоящій при мнѣ старшій Адъютантъ Штабсъ-Капитанъ *Левестамъ*, исправляющій должность старшаго Адъютанта, 122-го Тамбовскаго полка Поручикъ *Ребиндеръ*, и ординарцы 123-го Козловскаго полка Подпоручикъ *Озеровъ* и 1-й Конно-Артиллерійской бригады Подпоручикъ *Дрейлингъ* (прикомандированный ко 2-й батареѣ Гвардейской Конно-Артиллерійской бригады), подъ самымъ сильнѣйшимъ огнемъ, въ продолженіе пяти часовъ, передавая приказанія съ большою точностью, выказали большое мужество и хладнокровіе.

Потери наши: убиты—122-го Тамбовскаго полка Командиръ 1-го баталіона Подполковникъ *Богаевскій* и Прапорщикъ *Лободовскій*.

Ранены: 122-го Тамбовскаго полка Штабсъ-Капитанъ *Шлегель*, Поручикъ *Левковецъ* и подпоручикъ *Тальковскій*, особенно отличившійся своею распорядительностью и мужествомъ, командуя 1-й стрѣлковой ротой.

Контужены: того же полка Маіоръ *Златолинскій*, Поручикъ *Валкевичъ* и Прапорщикъ *Масловъ*.

Убито нижнихъ чиновъ: въ 121-мъ Пензенскомъ полку—одинъ и въ 122-мъ Тамбовскомъ полку—39 человѣкъ.

Ранено: въ Пензенскомъ полку—29 и въ Тамбовскомъ—167.

Во 2-й батареѣ и взводѣ 5-й батареи Гвардейской Конной Артиллерійской бригады убитыхъ не было. Раненыхъ 10 человѣкъ. Выбыло лошадей 20.

Въ Кавказской Казачьей бригадѣ убитыхъ не было. Раненыхъ 15 человѣкъ.

Говоря о Тамбовцахъ и Пензенцахъ, не могу не упомянуть о примѣрномъ поведеніи 1-го баталіона Тамбовскаго полка: когда Командиръ сего баталіона Подполковникъ *Богаевскій* былъ убитъ, и заступившій его мѣсто Командиръ роты тяжело раненъ и, вслѣдъ затѣмъ, всѣ офицеры баталіона переранены, то фельдфебель 1-й стрѣлковой роты *Иванъ Придворовъ*, принявъ начальство надъ ротой и подпустивъ во второй разъ Турокъ къ ложементамъ на 25

шаговъ, встрѣтилъ ихъ залпомъ и, ударивъ въ штыки, смялъ непріятеля, опрокинувъ его съ громадными потерями. Наступленіе 3-го баталіона Тамбовскаго полка было сигналомъ общаго нашего наступленія. Во время этого наступленія, рядовой 2-й роты Тамбовскаго полка *Антонъ Росляковъ*, раненный въ руку, убивъ турецкаго знаменщика, отнялъ у него знамя.

Подлинный подписалъ: Начальникъ правой колонны,
Генералъ-Лейтенантъ *Вельяминовъ*.

ПРИКАЗЪ.

Г. Софія, 25 Декабря 1877 года.

Войска ввѣреннаго мнѣ отряда! Разбивъ Турокъ 12 Октября подъ Горнымъ Дубнякомъ и 16 Октября подъ Телишемъ, вы окружили армію *Османа-Паши* въ Плевнѣ, пересѣкли ей всѣ пути сообщенія, замкнули желѣзный кругъ, окружавшій Плевну, и съ тѣхъ поръ паденіе ея и уничтоженіе всей арміи *Османа-Паши* сдѣлались вопросомъ времени. Вскорѣ, а именно 28 Октября, лихимъ кавалерійскимъ налетомъ вы взяли городъ Врацу.

Передавъ затѣмъ завоеванныя вашею кровью позиціи вновь прибывшимъ войскамъ Гренадерскаго Корпуса, я повелъ васъ, 5 Ноября, противъ другой арміи *Мегмета-Али*, собиравшейся въ окрестностяхъ Орханіэ и шедшей на выручку арміи *Османа-Паши*. Разбивъ Турокъ 11 Ноября подъ Правцемъ и 12 Ноября подъ Этрополемъ, овладѣвъ послѣ блестящаго дѣла высотами Вратешки 16 Ноября и, наконецъ, разбивъ Турокъ 21 Ноября на высотахъ Баба-Конака, вы овладѣли почти всѣми Балканскими горами, вытѣснили Турокъ изъ многихъ чрезвычайно сильныхъ позицій и прижали непріятеля къ самому краю Балканскаго хребта.

Въ это же время вы съ бою овладѣли Златицкимъ перевалomъ и стали твердою ногою на южномъ склонѣ Балканскихъ горъ.

Тутъ началось продолжительное стояніе ваше на высокихъ горахъ, сначала въ страшной невылазной грязи, а потомъ среди сильныхъ морозовъ, мятелей, глубокаго снѣга и непрогляднаго постояннаго тумана. Нельзя представить себѣ всѣхъ тѣхъ лишеній, трудовъ и тяжелыхъ испытаній, которыя выпали на вашу долю. Вы все перенесли съ поистинѣ геройскою, Русскою стойкостію и твердостію. Вы втащили на горы, въ заоблачныя страны, по едва доступнымъ тропинкамъ и невообразимымъ кручамъ, тяжелыя орудія. Вы укрѣпили ваши позиціи и ровно мѣсяцъ грозною и твердою стопою стояли на угрюмыхъ высотахъ Балканъ.

Наконецъ, пришелъ часъ перехода черезъ Балканы. Дорогъ для движенія не было; кругомъ васъ были крутыя, высокія и едва доступныя горы, покрытыя глубокимъ снѣгомъ. Но это не задержало васъ. Вы съ неимовѣрными трудами продѣлали себѣ дороги, и на высотахъ Умургача, Чернаго верха и Бабы-горы заблестѣли Русскіе штыки и Русскія тяжелыя орудія, которыя вы на своихъ плечахъ втащили на эти высоты. Стойкость ваша, твердость въ перенесеніи трудовъ и лишеній, и поразительные

труды и терпѣніе составятъ удивленіе всѣхъ, кто взглянетъ на эти дикія горы.

19-го Декабря вы спустились въ долину Софіи, при чемъ завидная доля первому спуститься съ Балканскихъ горъ выпала старѣйшему въ нашей арміи Петровскому Преображенскому полку, шедшему въ головѣ авангарда *Рауха*. Въ тотъ же день вы мужественно аттаковали сильную Ташкисенскую позицію, штурмомъ завладѣли Турецкими редутами и трудно доступными горами, заставили армію *Шакира* бѣжать въ теченіе ночи съ крѣпкой Араба-Конакской позиціи и открыли прямой путь сообщенія по Орханійскому шоссе.

Оставивъ 3-ю Гв. пѣхотную дивизію и большую часть 9-го Корпуса подъ начальствомъ *Барона Криденера* для преслѣдованія бѣжавшихъ Турокъ, я съ остальною частью отряда двинулся 21 Декабря противъ Софіи,—этой древней славянской столицы Сербскаго царства.

Въ это время, когда большая часть отряда дралась съ главною арміей *Шакира*, меньшая часть, а именно 5 баталіоновъ 9-го Корпуса, подъ начальствомъ *Вельяминова*, имѣла блистательное дѣло при Горномъ Бугоровѣ, гдѣ небольшая горсть нашихъ храбрецовъ отбила аттаки въ три раза сильнѣйшаго непріятеля.

Завладѣвъ съ боя 21 Декабря мостомъ черезъ р. Некеръ у д. Враждебна, вы подошли къ Софіи и одинъ видъ вашъ навелъ такой страхъ на Турецкія войска, что онѣ, будучи въ составѣ 25 баталіоновъ, не рѣшились защищать твердыни Софіи и бѣжали въ страшнѣйшемъ безпорядкѣ въ ночь съ 22 на 23 Декабря, бросивъ тысячи раненыхъ и больныхъ безъ всякаго призрѣнія и помощи.

Занятіемъ Софіи окончился этотъ блестящій періодъ настоящей кампаніи—переходъ черезъ Балканы, въ которомъ не знаешь, чему болѣе удивляться: храбрости-ли и мужеству вашему въ бояхъ съ непріятелемъ, или же стойкости и терпѣнію въ перенесеніи тяжелыхъ трудовъ въ борьбѣ съ горами, морозами и глубокими снѣгами.

Пройдутъ года, и потомки наши, посѣтивъ эти дикія горы, съ гордостью и торжествомъ скажутъ: „Здѣсь прошли Русскія войска и воскресили славу Суворовскихъ и Румянцевскихъ чудо-богатырей!“

Спасибо вамъ, молодцы, за вашу геройскую службу, спасибо вамъ за то, что вы порадовали ЦАРЯ и Россію и поднесли имъ столь блестящій подарокъ къ празднику Рождества Христова.

Считаю пріятнымъ долгомъ засвидѣтельствовать о трудахъ и заслугахъ Командира 9-го Корпуса, Генералъ-Лейтенанта *Барона Криденера.*

Пользуюсь симъ приказомъ, чтобы выразить мою душевную и сердечную признательность Начальнику Штаба моего отряда, Генералъ-Маіору *Наголвскому.* Его мудрымъ совѣтамъ и поразительному хладнокровію отрядъ во многомъ обязанъ добытымъ нами блестящимъ результатамъ.

Съ чувствомъ особаго удовольствія сердечно благодарю Командующаго 2 Гв. пѣхотною дивизіею, Генералъ-Адъютанта *Графа Шувалова 2*, Командира 2 бриг. 3 пѣхотн. дивизіи, Генералъ-Маіора *Дандевиля*, Командующаго 1 Гв. пѣхотн. дивизіею, Генералъ-Маіора *Рауха*, Начальника Артиллеріи отряда, Свиты Его Величества Генералъ-Маіора *Бреверна*, Начальника 31 пѣхотн. дивизіи, Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова*, Начальника Штаба 9 Корпуса, Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіора *Липинскаго*, Командира 1 бриг. 1 Гв. пѣхотн. див., Его Высочество *Принца Ольденбургскаго*, Командира Гв. Стрѣлковой бригады, Свиты Его Величества Генералъ-Маіора *Элинса 1*, Командира 1 бриг. 2 Гв. пѣхотн. див., Свиты Его Величества Генералъ-Маіора *Брока*, Командира 2 бриг. 2 Гв. пѣхотн. див., Свиты Его Величества Генералъ-Маіора *Эттера*; Командировъ полковъ: Л.-Гв. Московскаго—Флигель-Адъютанта Полковника *Гриппенберга*, С.-Петербургскаго Гренадерскаго Короля Прусскаго—Генералъ-Маіора *Курлова*, Л.-Гв. Волынскаго—Генералъ-Маіора *Мирковича*, Л.-Гв. Гренадерскаго—Флигель-Адъютанта Полковника *Любовицкаго*, Л-Гв. Финляндскаго—Полковника *Шмита*, Л.-Гв. Преображенскаго—Флигель-Адъютанта Полковника *Князя Оболенскаго* и 10 Новоингерманландскаго—Полковника *Графа Комаровскаго*, Командира Л.-Гв. Сапернаго бат.—Флигель-Адъютанта Полковника *Скалона*, Командировъ Стрѣлковыхъ баталіоновъ: 1-го Его Величества—Полковника *Васмунда* и 4-й ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛІИ—Флигель-Адъютанта Полковника *Графа Клейнмихеля* и Командующихъ полками: 11-го Псковскаго—Подполковника *Кабардо* и 12-го Великолуцкаго—Маіора *Беатра*, Генеральнаго Штаба Полковника *Сухотина*, Подполковниковъ: *Ставровскаго* и *Пузыревскаго* и Штабсъ-Капитана *Протопопова* и всѣхъ Командировъ пѣхотныхъ полковъ, Начальниковъ Штабовъ дивизій, Командировъ Артиллерійскихъ бригадъ, Командировъ баталіоновъ, батарей и ротъ и всѣхъ офицеровъ Генеральнаго Штаба.

Благодарю также Командующаго 2 Гв. Кавалерійскою диви-

зіею, Свиты Его Величества Генералъ-Маіора *Барона Клодта*, Начальника Штаба этой дивизіи Полковника *Бунакова*, Командира Сводно-Драгунской бригады Генералъ-Маіора *Краснова*, Командировъ полковъ: Л.-Гв. Конно-Гренадерскаго—Свиты Его Величества Генералъ-Маіора *Графа Ламсдорфа*, Л.-Гв. Уланскаго—Свиты Его Величества Генералъ-Маіора *Эттера*, Л.-Гв. Гусарскаго Его Величества—Флигель-Адъютанта Полковника *Барона Мейендорфа*, Командующаго Л.-Гв. Драгунскимъ полкомъ Полковника *Ковалевскаго*, Командира 3 бр. 2-й Гв. Кавалерійской дивизіи Свиты Его Величества Генералъ-Маіора *Графа де-Бальмена*, Командировъ полковъ: Л.-Гв. Уланскаго Его Величества—Флигель-Адъютанта Полковника *Барона Притвица* и Л.-Гв. Гродненскаго Гусарскаго—Его Высочество Принца *Саксенъ Альтенбургскаго*, Командира Сводно-Кавказской бригады Свиты Его Величества Генералъ-Маіора *Черевина*, Командира Владикавказскаго Казачьяго полка Полковника *Левиса*, Командира Сводно-Казачьей бриг. Генералъ-Маіора *Курнакова*, Командира 4-го Драгунскаго Екатеринославскаго полка Полковника *Ребиндера* и всѣхъ Командировъ Кавалерійскихъ полковъ, Командировъ дивизіоновъ, эскадроновъ, сотенъ и Командировъ Конныхъ батарей, Генеральнаго Штаба Капитана *Храповицкаго* и всѣхъ вообще офицеровъ пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи. Сихъ послѣднихъ, въ особенности за молодецкія и лихія развѣдки. Благодарю также штабъ и оберъ-офицеровъ всѣхъ Штабовъ и офицеровъ, состоящихъ при мнѣ ординарцами. Благодарю Полковника *Доманевскаго*, благодаря трудамъ и распорядительности котораго весь отрядъ никогда не нуждался въ предметахъ продовольствія.

Благодарю за неутомимые и полезные труды по санитарной части отряднаго врача Статскаго Совѣтника Доктора медицины *Энкгофа*, уполномоченнаго при летучихъ отрядахъ для Гвардейскаго Корпуса и этапѣ отъ Государыни Цесаревны Коллежскаго Совѣтника *Петлина* и всѣхъ врачей, состоящихъ при дивизіонныхъ лазаретахъ, при частяхъ войскъ и въ Санитарномъ Отрядѣ Государыни Императрицы.

Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ.

Подлинный подписалъ: Начальникъ Отряда,

Генералъ-Адъютантъ *Гурко*.

Вѣрно: Начальникъ Штаба, Генералъ-Маіоръ *Наголовскій*.

Рапортъ Начальника правой колонны Западнаго отряда Генералъ-Лейтенанта Вельяминова Начальнику Западнаго отряда, Генералъ-Адъютанту Гурко, отъ 25-го Января.

Во исполненіе диспозиціи Вашего Высокопревосходительства, отъ 25-го Декабря, ввѣренный мнѣ отрядъ, назначенный слѣдовать въ правой колоннѣ, черезъ городъ Самаковъ, при общемъ наступленіи войскъ Западнаго отряда на городъ Татаръ-Базарджикъ, выступилъ изъ города Софіи: авангардъ (123-й пѣхотный Козловскій полкъ съ четырьмя орудіями, двѣ батареи Гвардейской Конной Артиллеріи и семь сотенъ Кавказской Казачьей бригады съ четырьмя орудіями 8-й Донской батареи, подъ общимъ начальствомъ свиты Его Величества Генералъ-Маіора *Черевина*), 25-го же Декабря пополудни, и дошелъ вечеромъ до деревни Чердакли (на рѣкѣ Искерѣ, по дорогѣ изъ Софіи въ Ихтиманъ); а главныя силы колонны (два баталіона 121-го пѣхотнаго Пензенскаго полка, 122-й Тамбовскій полкъ и два орудія 5-й батареи Гвардейской Конной Артиллеріи, подъ моимъ начальствомъ) выступили изъ Софіи утромъ 26-го Декабря и, слѣдуя за авангардомъ, вечеромъ того же дня дошли до деревни Ямва-Пасарень, сдѣлавъ переходъ около 30-ти верстъ, несмотря на то, что по пути пришлось употребить не мало усилій, чтобъ втащить на гору Бордо (между деревнями Лозо и Пасарень) и спустить оттуда артиллерію.

Въ деревнѣ Ямва-Пасарень я получилъ донесеніе отъ Генерала *Черевина*, что пять сотенъ Кавказской бригады, подъ начальствомъ Подполковника *фонъ-Клугенау*, заняли уже деревню Калково; что мосты на большой дорогѣ (долиною рѣки Искера) въ Самаковъ частью повреждены Турками, такъ что безъ исправленія нельзя провезти по нимъ артиллеріи и, наконецъ, что въ деревнѣ Чемурли появлялись изъ деревни Ново-Село Турки, съ которыми Казаки имѣли перестрѣлку.

На другой день, т. е. 27-го Декабря, колонна продолжала въ томъ же порядкѣ наступленіе къ городу Самакову.

Генералъ *Черевинъ*, дойдя съ авангардомъ до деревни Калково, принужденъ былъ остановиться, такъ какъ влѣво отъ него, у деревни Чемурли, завязалась живая перестрѣлка между Казаками и турецкою пѣхотою, появившеюся снова въ числѣ до двухъ

таборовъ у этого селенія. Получивъ это свѣдѣніе, Генералъ *Черевинъ* тотчасъ же приказалъ командующему 123-мъ пѣхотнымъ Козловскимъ полкомъ, Полковнику *Шульду*, повернуть одинъ баталіонъ изъ деревни Калково на Чемурли и выбить оттуда непріятеля.

Появленіе нашей пѣхоты съ фланга Турокъ заставило ихъ оставить деревню Чемурли и отступить къ деревнѣ Новосело, а Козловскій полкъ занялъ деревню Чемурли.

Тѣмъ временемъ подошли къ деревнѣ Калково и главныя силы моей колонны.

Было уже около 5½ часовъ вечера, и я рѣшилъ остановить отрядъ для ночлега, частью у деревни Чемурли, частью у деревни Калково, имѣя въ виду продолжать на другой день наступленіе на городъ Самаковъ.

Сдѣлавъ лично рекогносцировку съ Генералъ-Маіоромъ *Черевинымъ* и офицерами Генеральнаго Штаба, и черезъ опросъ бѣжавшихъ отъ Турокъ Болгаръ, мнѣ удалось добыть, вечеромъ, обстоятельныя свѣдѣнія о расположеніи непріятеля и приблизительныя о его силахъ.

Оказывалось, что Турки намѣрены оборонять подступы къ Самакову и по большой дорогѣ, пролегающей долиною рѣки Искера, для чего заняли и укрѣпили батареями и ложементами труднодоступныя высоты у деревни Широкаго Дола и Драгочина, такъ равно и не допустить насъ пройти имъ въ тылъ черезъ деревню Новосело, гдѣ для этого была укрѣплена позиція въ ущельи впереди деревни Новосело.

По показаніямъ Болгаръ, бѣжавшихъ изъ Самакова, у Турокъ находились въ окрестностяхъ этого города не только всѣ войска, отступившія изъ Софіи, но даже къ нимъ прибыли еще на подкрѣпленіе, со стороны города Баніе, нѣсколько таборовъ. Впослѣдствіи подтвердили то же, единогласно, и опрашиваемые жители города Самакова, добавляя, что Турки имѣли здѣсь около 15,000 войска съ 28-ю орудіями.

Взвѣшивая всѣ обстоятельства и понимая, что аттака турецкихъ, почти неприступныхъ, позицій въ долинѣ рѣки Искера стоила бы несоразмѣрно большихъ потерь и даже при успѣхѣ не давала существенныхъ выгодъ, такъ какъ Туркамъ оставленъ былъ бы, все-таки, свободный путь отступленія на городъ Баніе, я рѣшилъ повести главную аттаку черезъ деревню Новосело, пройдя которое, я могъ отрѣзать Туркамъ путь ихъ отступленія на Баніе. Для того же, чтобъ отвлечь силы Турокъ отъ Ново-

села и не дать имъ стянуть туда войска съ позиціи у деревни Драгочина и Самакова, рѣшено было послать войска и долиною рѣки Искера, частью по большой дорогѣ и частью противъ драгочинской позиціи.

Съ этою цѣлью 28-го Декабря утромъ войска были двинуты слѣдующимъ образомъ:

1) Одинъ баталіонъ 122-го Тамбовскаго полка (3-й) съ двумя орудіями 5-й батареи Гвардейской Конной Артиллеріи и одною сотнею Казаковъ, подъ начальствомъ Полковника *Головина*, по большой дорогѣ изъ Калково въ Самаковъ.

Дойдя до моста на рѣкѣ Искерѣ (на высотѣ деревни Слакучаны) баталіонъ этотъ долженъ былъ занять позицію и сообразовать свои дѣйствія съ отрядомъ у деревни Слакучаны.

2) Одинъ баталіонъ 121-го Пензенскаго полка (3-й) и два баталіона (1-й и 2-й) 122-го Тамбовскаго полка съ четырьмя орудіями 2-й батареи Гвардейской Конной Артиллеріи и сотнею Казаковъ, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора *Радзишевскаго*, по дорогѣ изъ деревни Чемурли къ деревнѣ Слакучаны, гдѣ занять позицію противъ деревни Драгочина.

Наконецъ, 3) остальныя части отряда: одинъ баталіонъ 121-го пѣхотнаго Пензенскаго полка и 123-й пѣхотный Козловскій полкъ, пять сотенъ Казаковъ и четыре орудія 8-й Донской батареи, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора *Черевина*, при колоннѣ котораго я находился, двинулись на деревню Новосело.

Почти одновременно, часовъ около двухъ пополудни, послышалась канонада и ружейная стрѣльба въ долинѣ рѣки Искера и у деревни Новосело.

Генералъ-Маіоръ *Радзишевскій*, которому приказано было, до выясненія результатовъ боя у Новосела, воздерживаться отъ рѣшительныхъ дѣйствій, расположился на выгодной позиціи у деревни Слакучаны и завязалъ артиллерійскую и ружейную перестрѣлку съ непріятелемъ, который въ значительныхъ силахъ занималъ укрѣпленную и, по мѣстности, почти неприступную позицію у Драгочина.

1-й баталіонъ Тамбовскаго полка составилъ правый флангъ позиціи, занявъ деревню Слакучаны, а 3-й баталіонъ Пензенскаго полка расположился влѣво отъ него, по гребню горы; четыре орудія 2-й батареи Полковника *Таля* стали на позиціи между этими двумя баталіонами. 2-й баталіонъ Тамбовскаго полка остался въ резервѣ.

Открыли также огонь и два орудія 5-й батареи Гвардейской

Конной Артиллеріи, бывшія съ 3-мъ баталіономъ 122-го Тамбовскаго полка въ долинѣ, на большой дорогѣ.

Непріятель, по обыкновенію, велъ очень частую стрѣльбу.

Въ такомъ положеніи оставалось дѣло до пяти часовъ вечера, когда вдругъ по всѣмъ турецкимъ позиціямъ въ долинѣ прекратился огонь и разнеслись громкіе крики, вслѣдъ за которыми послышались звуки турецкаго рожка и показался на шоссе парламентеръ, привезшій печатную копію телеграммы сераскеріата о будто-бы состоявшемся соглашеніи нашего и турецкаго правительствъ прекратить военныя дѣйствія; при этомъ турецкій парламентеръ заявилъ, что Турки будутъ обороняться только въ случаѣ дальнѣйшаго наступленія нашихъ войскъ.

Турецкаго парламентера задержали, а прекратившійся огонь уже не возобновляли болѣе въ этотъ день. Наступила ночь. Войска оставались на своихъ позиціяхъ въ полной готовности начать военныя дѣйствія. Турки также остались на своихъ позиціяхъ, въ ожиданіи отвѣта.

Между тѣмъ, отрядъ, направленный на деревню Новосело, какъ уже упомянуто, подошелъ къ непріятельской позиціи также около двухъ часовъ пополудни.

Турки занимали выдававшійся впереди деревни Новосело горный отрогъ, который какъ-бы замыкалъ ущелье. Позиція ихъ шла все въ гору и была укрѣплена нѣсколькими рядами ложементовъ. Аттака этой позиціи какъ съ фронта, такъ и съ фланговъ, встрѣчала большія затрудненія, такъ какъ дорога шла по узкому ущелью съ обрывистыми скатами.

Въ головѣ колонны шелъ 3-й баталіонъ 123-го пѣхотнаго Козловскаго полка, имѣя впереди въ цѣпи 3-ю стрѣлковую роту; 11-я и 12-я роты слѣдовали по-ротно за цѣпью.

Турки первыми открыли огонь, и когда этимъ расположеніе ихъ опредѣлилось, тогда командующій Козловскимъ полкомъ, Полковникъ *Шульдъ*, приказалъ 3-й стрѣлковой ротѣ занять склонъ лѣвой горы и ущелье, а 2-баталіону Козловскаго полка, перестроившись по-ротно въ двѣ линіи и выдвинувъ въ цѣпь 2-ю стрѣлковую роту, подняться на правый склонъ ущелья, стараясь частью обходить и лѣвый флангъ непріятеля. Для прикрытія артиллеріи оставлена 11-я линейная рота, а въ резервѣ—1-й баталіонъ Козловскаго и 2-й баталіонъ Пензенскаго полковъ.

Для артиллеріи (четыре орудія 8-й Донской Казачьей батареи, подъ командою Подполковника *Власова*) не представлялось удобной позиціи въ самомъ ущельи; втащить же ее на гору не было

также никакой возможности,—для этого потребовалось бы слишкомъ много времени. Поэтому, артиллерія оставалась все время въ ущельи, откуда она дѣйствовала по передовымъ турецкимъ позиціямъ, а когда непріятель огнемъ и дружнымъ натискомъ нашей пѣхоты былъ, наконецъ, выбитъ оттуда съ большимъ урономъ и занялъ заранѣе устроенные ложементы на самой высокой горѣ впереди деревни Новосело, то артиллерія наша, не имѣя болѣе видимой цѣли, дала нѣсколько весьма удачныхъ перекидныхъ выстрѣловъ по закрытой цѣли.

Пѣхота почти безостановочно подвигалась впередъ, послѣдовательно заставляя непріятеля бросать свои крѣпкія позиціи.

Около 4½ часовъ пополудни введенъ былъ въ дѣло и 1-й баталіонъ 123-го пѣхотнаго Козловскаго полка, направленный на правый флангъ 2-го баталіона, въ обходъ занятой непріятелемъ высокой горы, тогда какъ остальныя части наступали съ фронта.

Движеніе это вынудило Турокъ бросить и эту сильную позицію и отступить въ ложементы, устроенные шагахъ въ 80-ти впереди деревни. Сюда, равно на гору, составлявшую лѣвый флангъ позиціи, Турки подтянули и всѣ свои резервы, такъ что силы ихъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, вдвое превосходили численность нашего отряда.

Тѣмъ временемъ войска наши все подавались впередъ: 1-й баталіонъ и двѣ роты 3-го баталіона Козловскаго полка съ фронта, и 2-й баталіонъ Пензенскаго полка — въ обходъ лѣваго фланга; въ резервѣ слѣдовалъ 2-й баталіонъ Козловскаго полка.

Но наступившая темнота, затруднявшая движеніе въ глубокомъ снѣгу, по крутымъ утесамъ тѣснаго ущелья, и опасеніе втянуться въ ночной бой съ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ, заставили пріостановить бой. Какъ только нѣсколько утихла перестрѣлка, выѣхалъ турецкій парламентеръ, а за нимъ и Начальникъ Штаба турецкихъ войскъ, представившіе мнѣ засвидѣтельствованную копію съ телеграммы сераскеріата, такую же самую, какую вскорѣ затѣмъ прислалъ ко мнѣ изъ деревни Слакучаны Генералъ-Маіоръ *Радзишевскій*.

Обѣщая Туркамъ отправить эти документы къ Вашему Высокопревосходительству, я требовалъ, чтобъ до полученія отъ Васъ отвѣта они отвели свои войска на лѣвый берегъ рѣки Искера, предоставивъ намъ занять городъ Самаковъ, но такъ какъ на это они не соглашались, то рѣшено было, до выясненія дѣла, оставить войска на своихъ позиціяхъ.

Въ Новосельскомъ дѣлѣ войска наши покрыли себя новою славою. Несмотря на страшныя горныя препятствія и глубокій снѣгъ, всѣ движенія совершились быстро и въ полномъ порядкѣ. Убійственный огонь превосходнаго въ силахъ непріятеля не могъ остановить смѣлыхъ аттакъ Козловцевъ; Турки не выдержали и перебѣгали съ одной позиціи на другую, неся громадныя потери. Три ряда ложементовъ положительно завалены были турецкими трупами; болѣе 150-ти плѣнныхъ, въ томъ числѣ около 80-ти раненыхъ, попали въ наши руки.

Потери наши въ этомъ дѣлѣ также довольно значительны: убиты: офицеръ 1 (Козловскаго полка Капитанъ *Краснокуцкій*), нижнихъ чиновъ 26; ранены: офицеръ 1 (Козловскаго полка Поручикъ *Квицинскій*) и нижнихъ чиновъ 131.

Въ продолженіе всего 29-го Декабря войска наши оставались на позиціяхъ: правый флангъ на большой дорогѣ изъ деревни Калково въ городъ Самаковъ, середина у деревни Слакучаны и лѣвый флангъ у деревни Новосело.

На непріятельскихъ позиціяхъ также никакихъ перемѣнъ въ расположеніи войскъ не было замѣчено.

Около 6-ти часовъ вечера, 29-го Декабря, Турки выслали опять парламентера съ письмомъ на имя Великаго Князя Главнокомандующаго, каковое письмо я тотчасъ переслалъ къ Вашему Высокопревосходительству.

Того же дня, поздно вечеромъ, мною получено было и приказаніе Ваше за № 127-мъ, о томъ, что мнѣ слѣдуетъ остановиться, укрѣпиться на занятыхъ позиціяхъ и ждать движенія особой колонны на городъ Баніе, и что для начала дѣйствій моей колонны я получу особое приказаніе.

30-го Декабря, около полудня, меня извѣстилъ Генералъ-Маіоръ *Радзишевскій* изъ деревни Слакучаны, что турецкіе аванпосты сняты и войска ихъ отступили, и что поэтому онъ немедленно направляется на городъ Самаковъ, чтобъ занять его. Вслѣдъ затѣмъ донесъ и Генералъ *Черевинъ* объ очищеніи Турками деревни Новосело и объ отступленіи ихъ по очень узкому ущелью на шоссе Самаковъ-Татаръ-Базарджикъ и далѣе на городъ Баніе, куда за ними по пятамъ прослѣдовали три сотни Казаковъ, успѣвшія захватить 28 человѣкъ въ плѣнъ.

Имѣя въ виду не дать Туркамъ безпрепятственно отступить, я началъ преслѣдованіе, и къ вечеру 30-го Декабря дошелъ до караулки (на перекресткѣ дороги изъ Новосела съ шоссе), гдѣ и остановился для ночлега.

Продолжать преслѣдованіе ночью по ущелью, какимъ тянется Самаковъ-Банійское шоссе, я признавалъ неудобнымъ и опаснымъ, тѣмъ болѣе, что жители города Самакова и плѣнные Турки показывали, что отъ города Дубницы слѣдуютъ еще на городъ Самаковъ турецкія войска.

31-го Декабря, соединившись на шоссе съ Генералъ-Маіоромъ *Радзишевскимъ*, выступившимъ рано утромъ изъ города Самакова, занятаго имъ наканунѣ въ 5 часовъ вечера, я продолжалъ движеніе на Баніе.

Въ городѣ Самаковѣ мною оставлена была 1-я сотня Владикавказскаго Казачьяго полка, для наблюденія за путями у насъ въ тылу, къ сторонѣ Дубницы, и по убѣдительнѣйшей просьбѣ жителей защитить ихъ отъ набѣга Башибузуковъ, которые большими партіями сновали въ окрестныхъ деревняхъ.

День 31-го Декабря былъ морозный; дороги, послѣ бывшей наканунѣ метели, представляли скользкую поверхность, крайне затруднявшую движеніе артиллеріи, особенно на трехъ встрѣчающихся по пути перевалахъ. Тѣмъ не менѣе, войска совершили этотъ трудный, почти 30-тиверстный переходъ, съ обычною бодростью и къ вечеру, уже въ темнотѣ, прибыли въ Баніе, куда незадолго передъ тѣмъ прибылъ и Л.-Гв. Финляндскій полкъ.

Турки отступали весьма поспѣшно и въ безпорядкѣ. Дорога; изъ Самакова въ Баніе завалена была замерзшими Турками, павшими животными, повозками, зарядными ящиками и проч. масса отсталыхъ ихъ больныхъ турецкихъ солдатъ тянулась по дорогѣ.

Съ прибытіемъ въ Баніе выдвинуты были впередъ, въ направленіи къ городу Татаръ-Базарджику, всѣ шесть сотенъ Кавказской бригады, бывшіе при моемъ отрядѣ. Отрядъ же, переночевавъ въ Баніе, продолжалъ дальнѣйшее движеніе уже съ разсвѣтомъ 1-го Января новаго года.

Колонна моя, въ которую временно вошелъ и Лейбъ-Гвардіи Финляндскій полкъ, шла цѣлый день, дѣлая лишь небольшіе привалы. Морозъ былъ довольно сильный, и дорога по-прежнему была очень скользкая; лошади и люди поминутно падали.

По дорогѣ тлѣли еще турецкіе костры. Подожженныя Турками селенія пылали, а вблизи ихъ валялись многочисленные трупы убитыхъ Болгаръ: мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Дойдя въ $10^{1}/_{2}$ часовъ вечера до высоты деревни Симчина и видя крайнее утомленіе людей, перезябшихъ отъ прихватившаго съ вечера мороза, я рѣшился остановиться у этой деревни, чтобъ

дать войскамъ хотя нѣсколько-часовый отдыхъ, что было тѣмъ необходимѣе, что на другой день, какъ можно было судить по присланной мнѣ вечеромъ этого дня диспозиціи Вашего Высокопревосходительства, на 2-е Января, предполагался бой у Татаръ-Базарджика.

Послѣ шестичасоваго отдыха въ Симчинѣ, я выступилъ оттуда 2-го Января, въ 4½ часа утра. Въ деревнѣ Эшеккаши я засталъ Л.-Гв. Московскій полкъ, который съ моимъ прибытіемъ выступилъ на Татаръ-Базарджикъ. За нимъ двинулся Л.-Гв. Финляндскій полкъ и, наконецъ, мой отрядъ.

Къ Татаръ-Базарджику мы подошли около полудня. Городъ пылалъ во многихъ мѣстахъ. Мостъ черезъ рѣку Марицу у двухъ крайнихъ пролетовъ былъ также сожженъ.

Подошедшія войска были мною остановлены у самаго города, въ ожиданіи исправленія моста, къ каковой работѣ тотчасъ было приступлено.

Въ это время прискакалъ ординарецъ отъ свиты Его Величества Генералъ-Маіора *Черевина* съ донесеніемъ, что пять сотенъ Казаковъ Кавказской бригады съ четырьмя орудіями 8-й Донской батареи, преслѣдуя Турокъ по правому берегу рѣки Марицы, встрѣтили близъ деревни Сонетли превосходныя силы непріятельской кавалеріи, до 3000, и принуждены подаваться назадъ, потерявъ одного Казака убитымъ и шесть ранеными.

Чтобъ принять на себя Казаковъ, я немедленно двинулъ по дорогѣ на деревню Сонетли 123-й пѣхотный Козловскій полкъ съ двумя орудіями; но, отойдя версты двѣ, полкъ былъ возвращенъ назадъ, такъ какъ турецкая кавалерія, завидѣвъ приближеніе нашей пѣхоты, быстро отступила на деревню Евренджили.

Давъ приказаніе пяти сотнямъ Кавказской бригады преслѣдовать Турокъ и наблюдать за всѣми ихъ движеніями, и отправивъ, согласно приказанія Вашего Высокопревосходительства за № 156-мъ, Л.-Гв. Московскій и Финляндскій полки въ колонну Генералъ-Адъютанта *Графа Шувалова*, я со ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ вступилъ въ городъ Татаръ-Базарджикъ, гдѣ тотчасъ принялъ энергическія мѣры для тушенія пожара.

Городъ былъ почти пустъ, и только съ нашимъ прибытіемъ начали стекаться съ разныхъ сторонъ жители города, выражая войскамъ горячую благодарность за избавленіе отъ тяжелаго гнета и преслѣдованій турецкихъ; въ церквахъ звонили въ колокола. Разоренный и сожженный городъ представлялъ очень грустную

картину,—по улицамъ и домамъ валялась масса человѣческихъ труповъ, жертвъ турецкаго варварства.

Озаботившись установленіемъ въ Татаръ-Базарджикѣ порядка и оставивъ одну роту Козловскаго полка для охраненія имѣвшихся тамъ складовъ и плѣнныхъ, я, 3-го Января, въ семь часовъ утра, выступилъ изъ города и двинулся по правому берегу рѣки Марицы въ направленіи на городъ Филиппополь, имѣя въ виду дойти въ этотъ день до деревни Кадыкёя.

Въ 1½ пополудни Генералъ *Черевинъ*, находившійся съ пятью сотнями Казаковъ и четырьмя Конными орудіями впереди, прислалъ мнѣ донесеніе, что на него близъ деревни Каратаиръ насѣдаютъ превосходныя массы турецкой кавалеріи, за которою видны и значительныя пѣхотныя массы. И, дѣйствительно, отдаленная и довольно оживленная перестрѣлка слышалась впереди.

Отрядъ мой продолжалъ безостановочно двигаться по узкой и крайне скверной дорогѣ, пересѣкавшейся, къ тому, во многихъ мѣстахъ ручьями и глубокими канавами. Въ двухъ мѣстахъ отряду пришлось переходить въ бродъ. Особенно труденъ былъ переходъ у деревни Каратаиръ, черезъ рѣку Кричмы-Дересси, до тридцати шаговъ шириною. Полки Козловскій, Тамбовскій и Пензенскій шли почти по поясъ въ водѣ, а время подходило къ вечеру, и сильно морозило. Артиллерія перешла вмѣстѣ съ пѣхотою.

Несмотря на такія серьезныя препятствія, встрѣченныя въ пути, отрядъ мой, около пяти часовъ пополудни, подошелъ къ деревнѣ Каратаиръ и принялъ на себя Казаковъ Кавказской бригады, поддерживавшихъ все время перестрѣлку съ непріятелемъ, занявшимъ растянутую по фронту позицію близъ деревни Кадыкёя.

Такъ какъ непріятель продолжалъ все оставаться на своей растянутой позиціи, удерживая наступленіе *Графа Шувалова*, то я рѣшилъ, немедля вступить съ непріятелемъ въ дѣло, имѣя въ виду дѣйствовать преимущественно на лѣвый его флангъ.

Съ этою цѣлью, двигавшійся въ авангардѣ 123-й пѣхотный Козловскій полкъ съ четырьмя орудіями выдвинутъ былъ въ боевую линію, при чемъ вошелъ слѣва въ связь съ Л.-Гв. Павловскимъ полкомъ; 122-му пѣхотному Тамбовскому полку было приказано поддерживать Козловцевъ; въ резервѣ оставленъ 121-й пѣхотный Пензенскій полкъ. Одновременно съ этимъ, пяти сотнямъ Кавказской бригады приказано было перейти на правый мой флангъ, для обезпеченія его дѣйствій во флангъ и тылъ непріятеля.

Наступленіе войскъ ввѣренной мнѣ колонны встрѣчено было

непріятелемъ энергическимъ огнемъ; но вскорѣ затѣмъ мѣткій огонь нашей пѣхоты и артиллеріи заставилъ Турокъ очистить свои передовыя позиціи и отступить назадъ на Кадыкёйскія высоты.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда бой прекратился и войска на ночь расположились:

123-й пѣхотный Козловскій и два баталіона 121-го пѣхотнаго Пензенскаго полка—у большой рисовой мельницы (на юго-западъ отъ деревни Кадыкёя).

122-й Тамбовскій полкъ съ артиллеріею—у деревни Каратаиръ, гдѣ имѣлъ ночлегъ и Л.-Гв. Павловскій полкъ.

Аванпосты наши всю ночь стояли въ самомъ близкомъ разстояніи отъ турецкихъ постовъ.

Въ дѣлѣ подъ Кадыкёемъ убыль наша состояла изъ одного убитаго и 18-ти раненныхъ нижнихъ чиновъ.

4-го Января, въ 8 часовъ утра, я сталъ продолжать свое наступленіе движеніемъ отъ деревни Каратаиръ на деревню Дермендере.

Диспозиціей Генералъ-Адъютанта *Графа Шувалова* (въ вѣдѣніе котораго мой отрядъ поступилъ наканунѣ вечеромъ), движеніе ввѣренной мнѣ колонны на 4-е Января было такъ разсчитано, чтобъ, наступая правѣе и нѣсколько впереди средней колонны Свиты Его Величества Генералъ-Маіора *Эттера*, она могла обходить лѣвый флангъ турецкой позиціи у деревни Кадыкёя.

Уже на дорогѣ я получилъ донесеніе, что Турки оставили ночью позицію на высотахъ у деревни Кадыкёя и отступили къ востоку. Затѣмъ, часовъ около $10^1/_2$ утра, прислано мнѣ было новое донесеніе, что впереди показалась густая цѣпь непріятельской кавалеріи и что на горахъ у деревни Дермендере замѣтно движеніе значительныхъ массъ пѣхоты.

Произведенная вслѣдъ за симъ Генеральнаго Штаба Капитаномъ *Бирюковымъ* и состоявшимъ при отрядѣ Маіоромъ *Квитницкимъ* рекогносцировка обнаружила, что непріятель въ значительныхъ силахъ занялъ позицію на среднихъ терасахъ Балканъ, къ западу отъ селенія Дермендере. Позиція эта имѣла направленіе нѣсколько фланговое къ пути нашего наступленія и, представляя значительное командованіе, была, можно сказать, недоступною для аттаки. На двухъ смежныхъ высотахъ и у подножія горы стояли турецкія батареи. Правый флангъ позиціи спускался въ долину рѣки Марицы, и продолженіемъ ему служила густая кавалерійская цѣпь, протянутая вдоль дороги, ведущей

на деревню Мечкюръ; лѣвый флангъ позиціи уходилъ въ горы. Самая долина рѣки Марицы, пересѣченная массою ирригаціонныхъ канавъ и рисовыми полями, труднопроходима здѣсь даже для пѣхоты.

Передъ фронтомъ турецкой позиціи, въ разстояніи около 800 саженъ, находился другой хребетъ горъ, хотя и уступавшій въ командованіи турецкому, но единственный для расположенія нашей артиллеріи. Къ тому же, пять высокихъ кургановъ вдоль этого хребта представляли хорошую позицію для пѣхоты.

Когда голова авангарда достигла этого мѣста, было уже около 11½ часовъ утра. Тотчасъ приказано было 123-му пѣхотному Козловскому полку, шедшему въ авангардѣ, перестроиться въ боевой порядокъ и занять эту позицію. Артиллерія (четыре орудія 2-й батареи, два орудія 3-й батареи и два 5-й батареи Гвардейской Конной Артиллеріи) заняли мѣсто въ боевой линіи.

Два баталіона 121-го Пензенскаго полка и 122-й Тамбовскій полкъ, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора *Радзишевскаго*, стали въ резервѣ.

Какъ только мы заняли позицію, турецкіе стрѣлки, а потомъ и артиллерія, открыли по насъ огонь. Съ нашей стороны отвѣчала только артиллерія; пѣхота же, за дальностью разстояній, не могла стрѣлять; стрѣляли только лучшіе стрѣлки по приближавшимся одиночнымъ Туркамъ.

Около двухъ часовъ пополудни огонь значительно усилился по всей позиціи, при чемъ замѣчено было намѣреніе Турокъ обойти по горамъ нашъ правый флангъ.

Тотчасъ на усиленіе этого фланга Генералъ-Маіоръ *Радзишевскій* выдвинулъ изъ резерва 1-й баталіонъ 122-го пѣхотнаго Тамбовскаго полка, а когда Турки стали продолжать массировать здѣсь свои войска, то и 2-й баталіонъ 121-го пѣхотнаго Пензенскаго полка. Оба эти баталіона заняли весьма сильную и благопріятную для развитія огня позицію вдоль двухъ холмовъ, входя слѣва въ связь съ 123-мъ пѣхотнымъ Козловскимъ полкомъ.

Тѣмъ временемъ, Турки продолжали подвигаться впередъ, осыпая нашу позицію градомъ пуль и гранатъ.

Войска наши, офицеры и солдаты, сохраняли замѣчательную стойкость и хладнокровіе, видимо обѣщавшія намъ новый полный успѣхъ. Только и ждали аттаки непріятеля.

Наконецъ, около 3½ часовъ пополудни, громадныя массы турецкой регулярной пѣхоты стали спускаться съ горъ, очевидно, имѣя намѣреніе аттаковать правую половину нашей позиціи.

По мѣрѣ приближенія непріятеля, огонь нашей пѣхоты становился чаще. Солдаты берегли патроны и не пускали ихъ даромъ. Лежа на отличной стрѣлковой позиціи, они выжидали приближенія непріятеля на дистанцію дѣйствительнаго выстрѣла, и тогда открыли по немъ губительный огонь, причинявшій Туркамъ неимовѣрно большія потери. Особенно хороши были залпы, донельзя разстроившіе неистово наступавшую турецкую пѣхоту, приблизившуюся мѣстами къ нашимъ стрѣлкамъ шаговъ на 30—50.

Три раза Турки возобновляли аттаку и каждый разъ, оставивъ на полѣ массу убитыхъ, были опрокидываемы нашими храбрыми войсками.

Преслѣдовали отбитыхъ Турокъ учащеннымъ огнемъ, не оставляя занимаемыхъ позицій, чтобъ не дать противнику, принужденному подниматься въ гору, возможности остановиться за встрѣчавшимися закрытіями и открыто поражать наши войска.

Одновременно съ аттакою Турокъ на правую половину нашей позиціи, они открыли усиленную стрѣльбу и по нашему лѣвому флангу и, подъ прикрытіемъ этого огня, стали выстраивать густыя пѣхотныя колонны (повидимому, ихъ было здѣсь, при спускѣ въ равнину, не менѣе десяти таборовъ), частью фронтомъ къ намъ и частью къ сѣверу; но серьезнаго наступленія на нашъ лѣвый флангъ не сдѣлали, опасаясь, вѣроятно, быть отброшенными въ болотистую долину рѣки Марицы, гдѣ въ это самое время (у селенія Ивершенли), также показались наши войска, начавшія строиться въ боевой порядокъ, фронтомъ къ горамъ.

Въ шесть часовъ вечера бой собственно уже кончился; Турки отступили на прежнія свои позиціи, и только рѣдкая артиллерійская и ружейная перестрѣлка продолжалась до наступленія ночи.

Къ концу боя въ резервѣ оставались у меня два баталіона: 3-й баталіонъ Пензенскаго и 2-й баталіонъ Тамбовскаго полковъ.

Въ этомъ славномъ для насъ дѣлѣ мы понесли, сравнительно съ непріятелемъ, оставившимъ на полѣ болѣе 600 труповъ, незначительныя потери, именно: убитыми 10 и ранеными 58 нижнихъ чиновъ; между офицерами контужено четыре (въ томъ числѣ командиръ 121-го Пензенскаго полка, Полковникъ *Канаржевскій*, осколкомъ гранаты въ шею—легко).

Пѣхота дѣйствовала выше всякой похвалы; то же самое можно

сказать о бывшей въ отрядѣ Гвардейской Конной Артиллеріи; четыре орудія 2-й батареи Полковника *Таля* и два орудія 3-й батареи Капитана *Князя Оболенскаго* находились все время на позиціи подъ сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, и своими мѣткими выстрѣлами нанесли много вреда непріятелю.

Ночь на 5-е Января я рѣшилъ провести на позиціи, выжидая выясненія намѣреній непріятеля. Войскамъ, по случаю сильной стужи и холоднаго вѣтра, разрѣшено было разводить огни.

Въ 10 часовъ вечера я получилъ записку отъ Генералъ-Адъютанта *Графа Шувалова*, въ которой говорилось, что отрядъ мой прекрасно выполнилъ свою задачу въ этотъ день, задержавъ Турокъ и позволивъ ихъ обойти, и, между прочимъ, также рекомендовалось остаться на занятой позиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ было сообщено и объ общемъ положеніи дѣлъ, что Генералъ *Шильдеръ-Шульднеръ* съ 13-ю баталіонами занялъ позицію для прегражденія пути непріятелю между селеніями Комотомъ и Марково и что самъ *Графъ Шуваловъ* занимаетъ позицію у селенія Мечкюръ, фронтомъ къ горамъ.

На другой день, 5-го Января, утромъ, мнѣ донесли, что на бывшей турецкой позиціи не замѣтно никакого движенія, а, затѣмъ, послышалась канонада и ружейная перестрѣлка на востокѣ, что тотчасъ заставило думать, что Турки отступили и встрѣтились съ отрядомъ Генералъ-Лейтенанта *Шильдера-Шульднера*.

Убѣдившись въ отступленіи Турокъ, я рѣшилъ двинуться на выстрѣлы, направляясь туда по дорогѣ черезъ селеніе Дермендере и далѣе на Марково, чтобы, по возможности, отрѣзать Туркамъ путь отступленія въ горы. Движеніе моей колонны замедлилось крайне неудовлетворительнымъ состояніемъ дороги, особенно между деревнею Дермендере и селеніемъ Марково (размокшая, вязкая глина, съ огромными выбоинами), такъ что артиллерія едва могла двигаться; при томъ же эта узкая, большею частью, углубленная дорога была загромождена брошенными Турками телѣгами, снарядами, патронными ящиками и проч. Тѣмъ не менѣе, къ 3-мъ часамъ пополудни колонна моя подошла уже къ селенію Марково, которое занималъ Л.-Гв. Гренадерскій полкъ.

Тутъ я получилъ приказаніе отъ Генералъ-Адъютанта *Графа Шувалова* пройти Лейбъ-Гренадеръ и вступить въ дѣло. Вслѣдствіе чего, два баталіона 121-го пѣхотнаго Пензенскаго полка, шедшіе въ авангардѣ, немедленно были развернуты въ боевой порядокъ, по-ротно, въ двѣ линіи, и, пройдя деревню Марково,

заняли небольшой перевалъ, откуда могли поражать противника во флангъ и тылъ; четыре орудія 2-й батареи Гвардейской Конной Артиллеріи стали на позиціи между этими двумя баталіонами, а 122-й Тамбовскій и 123-й Козловскій полки образовали резервъ у деревни Марково.

Замѣтивъ наше наступленіе, непріятель усилилъ огонь, при чемъ войска наши подвергались и косвеннымъ выстрѣламъ съ высокой горы, на которой непріятель установилъ четыре орудія.

Увидѣвъ, затѣмъ, что непріятель отходитъ къ горамъ, я приказалъ 3-му баталіону 122-го Тамбовскаго полка усилить Пензенцевъ въ боевой линіи, а 1-му и 2-му баталіонамъ этого полка стать за ними въ резервѣ; Козловскій же полкъ направилъ на правый флангъ, имѣя въ виду не допустить непріятеля уйти въ горы.

Войска шли бодро и стройно, такъ что, смотря на нихъ, трудно было вѣрить, что это войска, совершившія трудный, форсированный походъ и уже третій день сряду дерущіяся съ непріятелемъ.

Когда войска уже были въ движеніи, пріѣхалъ Начальникъ Штаба отряда *Графа Шувалова* съ приказаніемъ: двигаться безостановочно въ аттаку на Турокъ, имѣя за собою въ резервѣ Л.-Гв. Гренадерскій полкъ и Гвардейскую Стрѣлковую бригаду; къ этому присовокуплялось, что одновременно со мною произведутъ аттаку войска *Графа Шувалова* и Генерала *Шильдера-Шульднера*.

Усиливъ боевую линію, я энергически подавался впередъ, поражая во флангъ поспѣшно отступавшихъ Турокъ, старавшихся поскорѣе добраться до перваго уступа горъ, по которымъ уже тянулась далѣе въ горы длинная вереница турецкихъ войскъ, прикрываясь арьергардомъ, занимавшимъ высокую и труднодоступную гору на ближайшемъ къ селенію Марково отрогѣ Балканъ.

Насѣдая на послѣднія отступавшія турецкія части, ввѣренныя мнѣ войска успѣли сбить ихъ арьергардъ и занять высоту, составлявшую послѣдній оплотъ для Турокъ.

Въ шесть часовъ вечера пріѣхалъ въ селеніе Марково *Графъ Шуваловъ* и приказалъ пріостановить преслѣдованіе, которое не могло обѣщать намъ никакихъ существенныхъ результатовъ, а повело бы только къ напраснымъ потерямъ.

Занявъ бывшую турецкую позицію на горѣ и выставивъ вдоль подошвы горъ сторожевые посты, отрядъ расположился на ночлегъ въ деревнѣ Марково.

Въ дѣлѣ 5-го Января, подъ деревнею Марково, убыль нижнихъ чиновъ была: въ 121-мъ Пензенскомъ полку одинъ убитъ и десять ранены. Въ 122-мъ Тамбовскомъ полку убитъ одинъ и ранено двое.

Этимъ закончились дѣйствія ввѣреннаго мнѣ отряда подъ городомъ Филиппополемъ.

О боевыхъ качествахъ войскъ и о трудахъ и лишеніяхъ, перенесенныхъ ими, было бы излишнимъ распространяться; совершонное дѣло само говоритъ за себя. Менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ времени войска изъ-подъ Плевны явились у города Филиппополя, перейдя Балканы, безъ дорогъ, черезъ суровый, недоступный Умургачъ, и одержали цѣлый рядъ славныхъ побѣдъ надъ непріятелемъ,—20-го Декабря—при Горномъ Бугоровѣ, 28-го Декабря—подъ городомъ Самаковымъ (у селеній Новосело и Слакучаны), 3-го Января—у Кадыкёя, 4-го Января—у селенія Дермендере и 5-го Января—при деревнѣ Марково.

Всѣ отъ генерала до солдата исполнили свой долгъ честно.

Въ заключеніе, считаю долгомъ заявить передъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ о заслугахъ:

1) Командира Кавказской Казачьей бригады, Свиты Его Величества Генералъ-Маіора *Черевина*, неотступно слѣдившаго за непріятелемъ по пятамъ, не упускавшаго его изъ виду, не дававшаго ему вздохнуть, а въ дѣлѣ подъ Новоселомъ командовавшаго отрядомъ, гдѣ своею хладнокровною распорядительностью подъ сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ, несмотря на укрѣпленныя непріятельскія позиціи и на превосходство его силъ, выбивалъ непріятеля съ одной позиціи на другую и къ вечеру оттѣснилъ его до самой деревни Новосело, пока за темнотою я не остановилъ аттаки.

2) Командира 1-й бригады ввѣренной мнѣ дивизіи, Генералъ-Маіора *Радзишевскаго*, постоянно находившагося съ полками своей бригады впереди, лично подававшаго примѣръ неустрашимости, хладнокровія и умѣвшаго въ дѣлѣ 4-го Января занять сильную позицію и такъ расположить войска, что, несмотря на большое превосходство силъ непріятельскихъ и на отчаянное ихъ нападеніе, Турки были отбиты съ громаднымъ урономъ.

3) Начальника артиллеріи, Флигель-Адъютанта Полковника *Безака*, съумѣвшаго въ дѣлѣ 4-го Января съ восемью орудіями, много потерпѣвшими въ людяхъ и лошадяхъ, нанести непріятелю громадный вредъ, заставивъ отступить его артиллерію, и много способствовавшаго въ отбитіи аттаки.

4) Командира 2-й батареи Гвардейской Конно-Артиллерійской бригады Полковника *Таля*, хладнокровно постоянно распоряжавшагося подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ.

5) Командировъ: 121-го Пензенскаго полка Полковника *Канаржевскаго*, контуженнаго въ дѣлѣ 4-го Января и оставшагося на полѣ сраженія, 122-го Тамбовскаго полка Полковника *Головина*, выказавшаго во всѣхъ дѣлахъ необыкновенное хладнокровіе, и командующаго 123-мъ Козловскимъ полкомъ Полковника *Шульда*, въ дѣлѣ подъ Новоселомъ своею распорядительностью, дѣятельностью и неустрашимостью бывшаго главнымъ виновникомъ выбитія вдвое сильнѣйшаго непріятеля изъ укрѣпленныхъ позицій.

6) Начальника Дивизіоннаго Штаба, Полковника *Муромцева*, состоящаго при мнѣ за офицера Генеральнаго Штаба Подполковника *Квитницкаго* и Генеральнаго Штаба Капитана *Бирера*; они находились неотлучно при мнѣ подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ, помогали въ распоряженіяхъ и передавали мои приказанія.

7) Старшаго Адъютанта Дивизіоннаго Штаба, Штабсъ-Капитана *Левестама*, исправляющаго должность Старшаго Адъютанта 122-го Тамбовскаго полка Поручика *Ребиндера* и ординарцевъ— 123-го Козловскаго полка подпоручика *Озерова* и прикомандированнаго къ Гвардейской Конной Артиллеріи Подпоручика 1-й Конно-Артиллерійской бригады *Дрейлинга*, а также Корпуса топографовъ Поручика *Фрейберга*, передававшихъ мои приказанія подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ, съ полною точностью и хладнокровіемъ.

Штабсъ-Капитанъ *Левестамъ* былъ посланъ мною къ Вашему Высокопревосходительству съ донесеніемъ изъ Чемурли и, по возвращеніи изъ Вѣтренова съ приказаніемъ, за темнотою, сбился съ дороги и съ однимъ Казакомъ попалъ въ неизвѣстной деревнѣ на десять Башибузуковъ, но, не потерявшись, кинулся на нихъ, обезоружилъ и сдалъ Болгарамъ.

Честь дѣла подъ Новоселомъ принадлежитъ храбрымъ Козловцамъ, одолѣвшимъ многочисленнѣйшаго врага въ сильнѣйшихъ позиціяхъ. Они же въ дѣлѣ 3-го Января оттѣснили его подъ Кадыкёй.

Въ дѣлѣ 4-го Января всѣ три полка равно участвовали въ отбитіи отчаянныхъ аттакъ сильнѣйшаго непріятеля.

Въ дѣлѣ 5-го Января, у деревни Марково, два баталіона Пен-

зенцевъ, главнымъ образомъ, выбили непріятельскую цѣпь изъ занятой ею позиціи и быстро ее преслѣдовали до тѣхъ поръ, пока не были остановлены у подножія горы.

Во всѣхъ дѣлахъ гг. штабъ-и оберъ-офицеры вели себя великолѣпно. Подъ сильнѣйшимъ огнемъ они служили образцомъ неустрашимости и хладнокровія.

Нижніе чины слѣдовали ихъ примѣру.

Подлинный подписалъ: Начальникъ правой колонны,

Генералъ-Лейтенантъ *Вельяминовъ.*

ПРИКАЗЪ

по правой колоннѣ Западнаго отряда Генералъ-Адъютанта Гурко.

Г. Филиппополь, 10-го Января 1878 года.

Ввѣренный мнѣ отрядъ, составлявшій правую колонну Западнаго отряда Генералъ-Адъютанта *Гурко* со времени перехода черезъ Балканы до уничтоженія арміи *Сулеймана-Паши* подъ Филиппополемъ—распадается. Кавказская Казачья бригада поступаетъ въ вѣдѣніе Генералъ-Лейтенанта *Скобелева 1-го*.

Гвардейская Конная Артиллерія возвращается къ своимъ частямъ.

Разставаясь съ этими доблестными войсками, не могу не вспомнить о тѣхъ трудахъ, которые были ими понесены на моихъ глазахъ, и о тѣхъ подвигахъ мужества, хладнокровія, храбрости, стойкости, о которыхъ я былъ счастливъ уже свидѣтельствовать.

При переходѣ Балканъ чрезъ грозный Умургачъ пришлось намъ бороться съ силами природы. Мы встрѣчали то морозъ съ сильнымъ вѣтромъ, отъ котораго люди коченѣли, то оттепель, послѣ которой морозъ покрывалъ горы скользкой корой льда, то мятель и вьюгу, то глубокій снѣгъ. Но ничто не могло остановить наши войска. Они втаскивали орудія, тяжелые ящики съ снарядами по скользкимъ горамъ шутя, весело. Всѣ преграды, казавшіяся неодолимыми, перешли съ изумительнымъ терпѣніемъ, настойчивостью и послѣ неимовѣрныхъ трудовъ спустились въ долину Софіи къ назначенному времени.

Отрядъ нашъ предназначенъ былъ служить заслономъ со стороны Софіи, пока главныя силы арміи переходили Балканы и должны были дѣйствовать.

Едва соединились мы съ Кавказской Казачьей бригадой, какъ грозныя силы непріятеля вышли на насъ изъ Софіи, и мы встрѣтили втрое сильнѣйшаго врага у Горнаго Бугорова. Въ продолженіе 4-хъ часовъ онъ осыпалъ насъ градомъ пуль и гранатами, велъ отчаянныя аттаки,—но не могъ насъ сломить. Силы его сокрушились и послѣ громадныхъ потерь долженъ былъ, пользуясь темнотой ночи, отступить. Одной изъ главныхъ причинъ очищенія Софіи безъ боя—было дѣло подъ Горнымъ Бугоровымъ.

Послѣ дневнаго отдыха, отрядъ, переваливъ высоты Врбна,

двинулся преслѣдовать непріятеля на Самаково, гдѣ нашелъ его окопавшимся на сильной позиціи. Пришлось оставить часть отряда противъ него и итти съ остальными ему въ обходъ. Одинъ баталіонъ Пензенцевъ и три Козловцевъ пошли на Новое Село, но и здѣсь нашли 6 таборовъ Турокъ, занимавшихъ сильнѣйшую позицію въ дефиле и еще укрѣпившихъ ее ложементами. Ничто не могло остановить нашихъ молодцовъ.

Эти четыре баталіона выбивали непріятеля послѣдовательно изъ одной позиціи на другую, пока я ихъ не остановилъ вечеромъ у самаго Новаго Села. Опять, пользуясь темнотой ночи, Турки бѣжали. Слѣдствіемъ дѣла подъ Новымъ Селомъ и въ то же время поднятой канонады съ другихъ позицій было очищеніе Самакова безъ боя. Отрядъ нашъ преслѣдовалъ непріятеля далѣе по пятамъ, не давая вздохнуть. 2-го Января къ вечеру, послѣ перехода двухъ рѣкъ въ бродъ по колѣно въ водѣ, настигъ его у Киратаіора, гдѣ уже завязалось дѣло съ Гвардіей. Едва успѣли Козловцы построиться въ боевой порядокъ, пошли въ аттаку—непріятель уступилъ. На другой день 3-го Января, слѣдуя далѣе, недоходя до дер. Дермендере, мы встрѣтили непріятеля въ большихъ силахъ, укрѣпившагося въ горахъ на нашемъ правомъ флангѣ. Сейчасъ мы заняли сильную позицію и стали его громить нашей артиллеріей. Онъ повелъ на насъ аттаку, сталъ обходить нашъ правый флангъ—но мы его остановили. Несмотря на отчаянныя усилія, онъ былъ отбитъ съ бо́льшимъ еще урономъ, чѣмъ подъ Горнымъ Бугоровымъ. Наконецъ 5-го Января вмѣстѣ съ Гвардіей и 5-ой пѣхотной дивизіей отрядъ нашъ участвовалъ, послѣдней аттакой, въ окончательномъ разгромленіи арміи *Сулеймана-Паши*,—слѣдствіемъ котораго вся его артиллерія была взята и войска разсыпались по горамъ.

Такіе подвиги, при столь трудныхъ обстоятельствахъ и въ такое короткое время свидѣтельствуютъ сами, какими войсками я имѣлъ честь командовать.

Кавказская Казачья бригада, съ ея лихимъ Командиромъ, была всегда надежнымъ стражемъ, за которымъ пѣхота и артиллерія могли найти покой и отдыхъ. Ей-же постоянно выпадало принимать первый напоръ непріятеля, наводить на пѣхоту, артиллерію, приготовленную къ бою, и послѣ разбитія преслѣдовать.

Гвардейская Конная Артиллерія выказала замѣчательное хладнокровіе и мужество. Она дѣйствовала въ бою, какъ на ученіи. Несмотря на градъ пуль, которыми ее засыпали, и на значительныя потери въ людяхъ и лошадяхъ, порядокъ не нарушался. Всѣ

офицеры, начиная съ Командировъ батарей, всѣ нижніе чины дѣлали свое дѣло съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Ни одинъ выстрѣлъ не выпускали даромъ,—зарядовъ было мало, нужно ихъ было беречь и потому ихъ выпускали съ крайней осмотрительностью и расчетомъ.

Пензенцы, Тамбовцы, Козловцы своей храбростью, выносливостью, хладнокровіемъ и, гдѣ нужно, удальствомъ заслужили добрую славу въ арміи. Старая Гвардія была свидѣтельницей славныхъ боевыхъ подвиговъ этихъ молодыхъ полковъ.

Всѣ отъ Генерала до солдата исполняли свой долгъ честно. Выразить имъ мою благодарность, какъ желалъ-бы, я не въ силахъ– словъ не достаетъ. Высшей военной наградой—Орденомъ Св. великомученника и побѣдоносца Георгія 4-ой степени, который я удостоился получить, считаю себя обязаннымъ мужеству и доблестямъ бывшаго моего отряда.

Генералъ-Лейтенантъ *Вельяминовъ.*

ПРИКАЗЪ

ПО ВОЙСКАМЪ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ № 4.

Главная Квартира г. Адріанополь 24-го Января 1878 г.

Доблестные вожди и воины ввѣренной МНѢ арміи!

Когда перешагнули вы черезъ Балканы, Я, несмотря на вашу усталость, потребовалъ отъ васъ еще новыхъ усилій.

И вы не пошли, а полетѣли!

Менѣе нежели въ мѣсяцъ вы перенеслись почти черезъ всю Турцію и подошли чуть ли не къ стѣнамъ Царьграда.

По пути, какъ-бы мимоходомъ, вы разнесли цѣлую армію Турокъ у Филиппополя, отнявъ у нея всю артиллерію, налетомъ захватили вторую столицу непріятеля—Адріанополь и появились на берегахъ Чернаго, Мраморнаго и Енисейскаго морей.

Врагъ не выдержалъ и склонилъ свою побѣжденную голову. Онъ согласился на всѣ НАШИ требованія, и Я остановилъ васъ.

Такіе блистательные, небывалые успѣхи одержаны не только вашимъ мужествомъ и безпримѣрною храбростью, но въ особенности вашею беззавѣтною готовностью перенести всѣ труды и лишенія. Васъ не остановили ни невылазная грязь, ни непогоды, ни переходы въ бродъ черезъ рѣки по грудь въ водѣ, въ морозъ и холодъ.

Не нахожу словъ, чтобы благодарить васъ, герои, отъ самыхъ старшихъ Начальниковъ до послѣдняго погонщика въ обозѣ. Всѣ вы исполнили свято свой долгъ; всѣ вы перенесли то, что подъ силу только богатырямъ.

Отдыхайте же теперь и приготовьтесь возвратиться со славою домой; но если врагъ вздумаетъ не подписать требуемаго отъ него мира, будьте готовы снова ринуться въ бой, чтобы доканать его.

А пока мы будемъ отдыхать, докажите, что русскіе богатыри, не имѣющіе себѣ равныхъ въ честномъ бою, служатъ примѣромъ порядка и твердой охраной для мирныхъ жителей, какой бы народности и вѣроисповѣданія они ни были, ихъ имущества и чести, и покажите, что не будетъ даже отдѣльныхъ случаевъ, которые могли бы наложить малѣйшее пятно на добытую потомъ и кровью новую славу русскаго оружія.

Подписалъ: Главнокомандующій дѣйствующею арміею,
Генералъ-Инспекторъ Кавалеріи и по Инженерной части

НИКОЛАЙ.

ПРИКАЗЪ

по дѣйствующей арміи, 17 Апрѣля 1878 г.

По волѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА Я отъѣзжаю изъ арміи и передаю командованіе надъ нею Генералъ-Адъютанту *Тотлебену*, которому и вступить въ отправленіе должности Главнокомандующаго съ 17-го числа сего Апрѣля.

Доблестные войска дѣйствующей арміи!

Семнадцать мѣсяцевъ переживалъ Я съ вами труды и лишенія походной жизни, а ровно годъ опасности и славу боевого похода.

Въ теченіе этого времени Я былъ свидѣтелемъ того беззавѣтнаго выполненія всѣми чинами арміи долга, среди самой тяжелой обстановки похода, и той безпримѣрной храбрости и самопожертвованія, которыя навѣки составятъ гордость всей земли Русской.

Не разъ высказывалъ Я и Мою задушевную благодарность и Мое удивленіе вамъ—войска дѣйствующей арміи!

Съ болью въ сердцѣ разстаюсь Я съ вами, Мои дорогіе боевые сотоварищи, и еще разъ считаю Своимъ священнымъ долгомъ выразить всѣмъ вамъ Мою сердечную благодарность за вашу многотрудную и полную славы и гордости для всей Россіи службу.

Безконечно благодарю Васъ, Мой ближайшій помощникъ, Начальникъ Штаба арміи, Генералъ-Адъютантъ *Непокойчицкій!* Вы принимали участіе умомъ, сердцемъ и неутомимымъ трудомъ во всѣхъ Моихъ соображеніяхъ и рѣшеніяхъ самыхъ важныхъ вопросовъ. Вы неустанно помогали Мнѣ своимъ боевымъ опытомъ, основательностью и твердостью своихъ соображеній и, несмотря на Ваши годы и усталость, проводили безсонныя ночи надъ разработкою всѣхъ Моихъ рѣшеній. Нѣтъ того отдѣла управленія арміи, въ которой бы Вы не внесли Вашей плодотворной дѣятельности. Вы помогали Мнѣ во всемъ, Вы берегли Меня, Вы берегли всю армію.

Сердечно благодарю Начальника Артиллеріи, Генералъ-Адъютанта *Князя Масальскаго*, за его неутомимую распорядительность, благодаря которой никогда, при самыхъ затруднительныхъ обсто-

ятельствахъ, войска не оставались безъ должнаго и обильнаго снабженія боевыми припасами.

Искренно благодарю Начальника инженеровъ арміи, Генералъ-Маіора *Деппа*, за его распорядительность и мужество, въ особенности при проводѣ моста подъ огнемъ непріятельской крѣпости, и тѣмъ обезпечившаго самое важное предпріятіе—переправу черезъ Дунай, и поддерживавшаго постоянное черезъ него сообщеніе во всю кампанію.

Искренно благодарю васъ за неутомимую и безупречную дѣятельность, Инспекторъ госпиталей, Генералъ-Маіоръ *Косинскій*, Военный Медицинскій Инспекторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Приселковъ*, весь медицинскій персоналъ и всѣ чины общества „Краснаго Креста". Я былъ личнымъ свидѣтелемъ того, что, благодаря вамъ, цѣлыя массы раненыхъ и больныхъ получали всю ту помощь, какую только могла дать человѣческая дѣятельность.

Искренно благодарю Полевого Интенданта арміи, Тайнаго Совѣтника *Россицкаго*, который, хотя и принялъ управленіе Интендантствомъ въ срединѣ кампаніи, но своею неутомимою дѣятельностью успѣлъ обезпечить армію всѣмъ необходимымъ, въ то время, когда военныя операціи шли съ необыкновенною быстротою и въ самое суровое время года.

Искренно благодарю Полевого Казначея арміи, Тайнаго Совѣтника *Кидошенкова*, который поставилъ въ совершенно правильное положеніе новое учрежденіе и съумѣлъ съ наибольшимъ удобствомъ для войскъ обезпечивать ихъ своевременно всѣми видами денежнаго довольствія.

Благодарю всѣхъ чиновъ Гражданскаго Управленія, которые въ незнакомой странѣ, во время хода военныхъ операцій, учреждали порядокъ въ занятыхъ мѣстностяхъ и вводили спокойствіе въ мѣстахъ, только что вышедшихъ изъ броженія народныхъ и религіозныхъ страстей.

Благодарю всѣхъ Начальниковъ прочихъ отдѣловъ Главныхъ Управленій арміи,—вы всѣ несли посильный трудъ на благо арміи.

Душевно благодарю всѣхъ чиновъ Моего Полевого Штаба и чиновъ Главныхъ Управленій арміи за ихъ честную и неутомимую дѣятельность во все время кампаніи.

Безконечная сердечная благодарность вамъ, Мои боевые сотрудники, гг. Начальники отрядовъ и Командиры корпусовъ:

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ

Цесаревичъ—блистательно командовавшій Рущукскимъ и затѣмъ Восточнымъ отрядомъ.

Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ, славно командовавшій 12-мъ Армейскимъ корпусомъ. Генералъ-Адъютанты: *Тотлебенъ*, *Гурко*, *Радецкій*, *Дрентельнъ*, *Дондуковъ-Корсаковъ*, *Графъ Шуваловъ* и *Ванновскій*; Генералы-отъ-инфантеріи: *Криденеръ*, *Гинецкій и Зотовъ*; Генералъ-Лейтенанты: *Циммерманъ*, *Шаховской* и *Скобелевъ 2-й*. Вы своею распорядительностью и мужествомъ вели войска къ побѣдамъ, прославившимъ русское оружіе, и вамъ именно армія обязана своими успѣхами и славою.

Искренно благодарю всѣхъ Начальниковъ дивизій, бригадныхъ, полковыхъ Командировъ и Начальниковъ отдѣльныхъ частей, всѣхъ штабъ- и оберъ-офицеровъ, за ихъ примѣрную во всѣхъ отношеніяхъ службу.

Особенно сердечное и искреннее спасибо тебѣ, русскій солдатъ; ты не зналъ ни преградъ, ни лишеній, ни опасности. Безропотно, безостановочно шелъ ты въ грязи и въ снѣгу, въ жару и холодъ, черезъ рѣки и пропасти, черезъ долы и горы и безстрашно бился съ врагомъ, гдѣ бы съ нимъ не встрѣтился. Для тебя не было невозможнаго на пути, который тебѣ указывалъ Начальникъ.

Тебѣ честь, тебѣ слава, добытыя кровью и потомъ Россіи, бившейся за освобожденіе угнетенныхъ христіанъ.

Я горжусь и всегда буду гордиться тѣмъ, что Мнѣ пришлось командовать такою славною арміею.

Только надломленное здоровье Мое принуждаетъ Меня оставить васъ ранѣе общаго возвращенія на родину.

Но разставаясь съ вами, Я счастливъ, что, по волѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, передаю васъ въ мощныя руки славнаго героя Севастополя и Плевны, Генералъ-Адъютанта *Тотлебена*.

Если понадобится снова вести васъ въ бой, онъ поведетъ васъ къ побѣдамъ, а вы съ своей стороны дадите ему всю ту беззавѣтную рѣшимость и мужество, которое проявили во все время Моего командованія, и которымъ удивлялась вся Россія и весь міръ.

Приказъ сей прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, батареяхъ и сотняхъ.

Подписалъ: Главнокомандующій дѣйствующею арміею, Генералъ-Инспекторъ по Инженерной части и всей Кавалеріи

НИКОЛАЙ.

ПРИКАЗЪ

по лѣвому отряду дѣйствующей арміи, 8-го Іюня 1878 года.

№ 25.

Послѣ совѣщанія 4-го сего Іюня съ Командирами отдѣльныхъ частей и врачами, руководствуясь приказаніемъ по корпусу отъ 2-го сего Іюня за № 20 и рапортомъ дивизіоннаго врача отъ 28 Мая за № 204, я считаю необходимымъ принять слѣдующія мѣры для сбереженія здоровья солдата; заранѣе я разрѣшаю всѣ расходы на эти предметы изъ экономическихъ суммъ полковъ 16-й пѣхотной дивизіи и рекомендую принять эти-же мѣры и прочимъ частямъ, прося помнить, что здоровье солдата дороже денегъ.

1) Прежде всего предписываю строго исполнить все изложенное въ парольномъ приказаніи.

2) Усилить употребленіе краснаго перца, по усмотрѣнію врачей, и лимонной кислоты; мясо разрѣшаю иногда замѣнять свѣжей рыбою, но строго слѣдя за доброкачественностью ея; употребленія-же винно-каменной кислоты вмѣсто лимонной не допускать ни въ какомъ случаѣ.

3) Имѣть въ ротахъ питья нижнимъ чинамъ, вмѣсто сырой воды, употребленіе которой положительно вредно, сухарную воду съ мятой, пиво или холодный чай. По усмотрѣнію Командировъ частей, кромѣ того, увеличить выдачу чая и сахара и наблюдать, чтобы этотъ чай выпивался дѣйствительно.

4) Покупать табакъ и раздавать его на руки курящимъ.

5) Врачи должны опредѣлить, въ какихъ колодцахъ вода годна для людей; воду брать только изъ нихъ, а прочіе оставить для скота. Выстроить столбы съ надписью, какой колодецъ для людей, какой для скота, большими буквами и ставить къ нимъ часовыхъ; существующіе колодцы тщательно расчистить и расширить; гдѣ надо—вырыть новые.

6) Хинную водку давать непремѣнно по 4 раза въ недѣлю (размѣръ хинина по указанію врача); о присылкѣ хинина уже посланъ рапортъ Главному врачу арміи.

7) Лѣтнихъ шароваръ не носить вовсе, а постоянно суконныя; купить фуфайки для носки на голомъ тѣлѣ, по примѣру Гвардіи. На ночь одѣваться возможно теплѣе; зорю бить въ 6½ часовъ вечера; людямъ выходить въ шинеляхъ, въ ненастную или вѣтренную погоду быть въ суконной одеждѣ цѣлый день; за исполненіемъ этого строго слѣдить гг. Командирамъ отдѣльныхъ частей и дежурнымъ по лагерямъ.

8) Поднять палатки, устраивая валики и подкладывая комки подъ полки и замѣняя существующіе полки болѣе длинными. Примѣромъ для подобныхъ работъ можетъ служить 62-й пѣхотный Суздальскій полкъ. Углублять палатки строго воспрещаю; разстоянія между рядами палатокъ и между палатками одного ряда предписываю увеличить; для подстилки озаботиться покупкою сѣна и цыновокъ,—папортникъ вреденъ; вообще разрѣшаю всякія уклоненія отъ установленныхъ правилъ лагернаго расположенія, имѣя въ виду единственно удобство и здоровье войскъ.

9) Сжигать конскій навозъ.

10) На Капитана *Гоувальда* возлагаю устройство бани для всего отряда въ каменномъ строеніи въ Беюкъ-Дервенте.

11) Чтобы выздоравливающіе изъ полковыхъ и дивизіонныхъ лазаретовъ больные не вносили заразы при возвращеніи въ полкъ, предписываю—всѣхъ выписываемыхъ изъ дивизіоннаго, подвижного и полковыхъ лазаретовъ предварительно удерживать въ карантинномъ питомникѣ А, который, въ видѣ опыта, устроить въ окрестностяхъ Беюкъ-Дервенте, только на выздоравливающихъ нижнихъ чиновъ 1-й бригады 16 пѣхотной дивизіи, подъ наблюденіемъ Полковника *Арапакова* и при врачѣ *Горбачевскомъ*, назначенномъ Дивизіоннымъ врачемъ Статскимъ Совѣтникомъ *Хохловымъ*. Въ этомъ карантинѣ передъ отправленіемъ въ полкъ производить полную дезинфекцію тѣла, одежды и вещей выздоровѣвшихъ.

12) Околотковъ при частяхъ не имѣть вовсе, а всѣхъ заболѣвающихъ, ходъ болѣзни которыхъ еще не выяснился, препровождать въ особый околотокъ для всего лѣваго отряда (питомникъ В). Его устроить между Карамети и Георгіемъ; оттуда больныхъ препровождать въ полковые или дивизіонные лазареты въ Георгій, а выздоравливающихъ же обратно не въ часть, а въ карантинъ А, такъ какъ при непосредственномъ возвращеніи въ полкъ выздоровѣвшіе могутъ подвергнуться вторичному заболѣванію и заразить другихъ. Общее наблюденіе за питомникомъ А возлагаю на Генералъ-Маіора *Дохтурова*, которому предлагаю назначить начальника его и весь штатъ, а доктору *Хохлову*—врача.

Всѣ околотки въ хозяйственномъ отношеніи поставить самостоятельно, снабдить всѣми нужными вещами и деньгами отъ частей войскъ пропорціонально числу больныхъ.

Предписываю выдать авансомъ отъ пѣхотнаго полка по 500 руб., отъ кавалерійскаго 200 руб., отъ пѣшей батареи 50 руб., конной 100 руб. и горной 50 руб., звонкою монетою, въ распоряженіе Начальника питомника (В) къ 10 Іюня; питомники А и В открыть 15 Іюня и немедленно препроводить туда-же въ полковые лазареты всѣхъ больныхъ, находящихся при частяхъ, и впредь при частяхъ никакихъ больныхъ не имѣть.

Партіи, прибывающія изъ тыльныхъ госпиталей и Россіи, предварительно непремѣнно выдерживать въ карантинѣ В для заболѣвающихъ.

Подлинный подписалъ: Генералъ-Лейтенантъ *Скобелевъ*.

Изъ походныхъ воспоминаній 2-й Его Императорскаго Высочества Генералъ-Фельдцейхмейстера батареи Гвардейской Конно-Артиллерійской бригады Штабсъ-Капитана Графа Евгенія Ефимовича Путятина *).

Къ 17-му Ноября, простоявши у деревни Новочинъ, батарея наша 12-го Декабря получила приказаніе выступить на Охранію и Врачешъ, съ тѣмъ, чтобы 13-го числа утромъ присоединиться къ правой колоннѣ Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова*, въ составѣ которой намъ предстояло переходить Большіе Балканы. Морозъ на дворѣ стоялъ сильный; онъ давалъ о себѣ знать и въ хатѣ, нами занимаемой; а въ чуланѣ, гдѣ я помѣщался, замерзла даже бутылка съ уксусомъ. Къ вечеру онъ еще усилился, достигши до 12^0 —14^0 по Реомюру. Густой непроницаемый туманъ разстилался по всей горной лощинѣ. На счастье наше, ночь была лунная. Въ 11-омъ часу вечера батарея **) собралась въ паркѣ, запрягли лошадей, подъѣхали денщики съ вьюками, и мы тронулись, разставаясь съ нашими временными квартирами, съ которыми, впрочемъ, уже успѣли свыкнуться.

Переходъ предстоялъ не легкій, трудности всякаго рода не малыя, но наступила, наконецъ, минута перешагнуть черезъ эти бѣлоголовые великаны, успѣвшіе порядкомъ намозолить намъ глаза за послѣдній мѣсяцъ, и люди и офицеры были рады командѣ впередъ.

Въ туманномъ, лунномъ освѣщеніи колонна таинственно подвигалась. Слышенъ былъ лишь скрипъ орудійныхъ колесъ по снѣгу; отъ холода спиралось дыханіе. Вотъ опустились къ Искеру, обрамлявшему наше бывшее бивуачное расположеніе, перешли бродъ и въѣхали въ Скривенское ***) ущелье.

Вправо отъ насъ тянулась гора, увѣнчанная турецкими укрѣпленіями не шуточной постройки, брошенными ими послѣ взятія Правецы, влѣво—ручей. Перешли еще два, три небольшихъ брода и очутились въ узкихъ и кривыхъ улицахъ деревни Скривенъ, пробраться черезъ которую не скоро удалось. Здѣсь играли

*) Изъ сборника воен. разсказовъ изд. 1879 г. Кн. В. Мещерскаго.

**) Четыре орудія 1-го и 2-го взводовъ; 3-й же взводъ велѣно было оставить въ Охранію; онъ выступилъ изъ Новочина послѣ насъ.

***) Деревня Скривены—къ востоку отъ Новочина верстахъ въ $2^1/_2$—3-хъ.

„сборъ“, на который сбирались и выстраивались наскоро роты стоявшихъ тамъ баталіоновъ Тамбовскаго полка.

Благодаря плетнямъ и деревьямъ фруктовыхъ садовъ, тьма на улицѣ была непроницаема. Небольшіе костры, тамъ и сямъ разведенные солдатами, лишь служили маяками. То и дѣло раздавались возгласы блуждающихъ: „3-я рота, эй!“; „2-я рота—сюда“; „Петровъ—гдѣ?“ и т. п.

Пока батарея стягивалась, люди и мы слѣзли съ коней и подошли погрѣться къ кострамъ. Оно было не лишнее,—руки и ноги ныли порядкомъ. Раздалась команда „по конямъ, садись“, и снова потянулись, съ трудомъ пробираясь сквозь спѣшившую впередъ пѣхоту. Остальныя верстъ шесть до Охраніэ путь лежалъ снѣжною равниною, минуя въ двухъ мѣстахъ курганы, но здѣсь уже дорога была значительно тяжелѣе, ухабистѣе.

Спѣшенной прислугѣ приходилось пособлять лошадямъ. Попадались полуразрушенные мостики, и въ одномъ мѣстѣ изъ обледенѣлаго ручья выглядывалъ застрявшій тамъ зарядный ящикъ прошедшей наканунѣ пѣшей батареи. Паръ столбомъ поднимался съ лошадей. Батарея уже спѣшилась, и мы шли молча, бодрымъ шагомъ, стараясь сколько-нибудь согрѣть коченѣющіе свои члены.

Подойдя къ Орханіэ, мы выѣхали вправо на шоссе и потянулись къ ущелью Врачешскому. Здѣсь намъ пришлось не мало помучиться съ отысканіемъ брода черезъ старый, знакомый намъ Искеръ. Тонкій слой льда проламывался, лошади скользили, падали, люди мокли...

13-го Декабря.

Между тѣмъ, ночь подвигалась, дѣло шло къ разсвѣту. Не доходя деревни Врачешъ, батарея остановилась въ ожиданіи приказаній начальства; ко сну сильно склоняло, чему, кромѣ усталости, способствовала и ночь, проведенная на холодѣ. Не знаю, чего бы я не далъ тогда за стаканъ чая, и тутъ какъ-разъ, я помню, пришлось выдержать порядочное испытаніе. Мы съ нѣкоторыми товарищами отошли въ сторону отъ батареи и, блуждая, зашли въ небольшую хату или скорѣе баракъ, стоящій у дороги.

Оказалось, что здѣсь помѣстился Полковникъ Н. Онъ въ то время кончилъ пить чай и, увидѣвъ насъ, пригласилъ присѣсть. Мы, конечно, не заставили себѣ этого повторить и обрадовались перспективѣ согрѣться чайкомъ. Увы! Горькое разочарованіе скоро послѣдовало: призвали денщика и приказали убрать. Это пер-

вый и единственный разъ во всемъ походѣ, что мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ столь полнаго пренебреженія къ понятіямъ о русскомъ хлѣбосольствѣ.

Около 8-ми часовъ утра, 13-го Декабря, батарея наша стояла вытянутою по улицѣ деревни Врачешъ, присоединившись къ отряду Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова* (Пензенскій и Тамбовскій пѣхотные полки 31-ой дивизіи, 5 баталіоновъ, 4 орудія нашей (2-ой) Гвардейской Конной батареи и 4 орудія 5-ой батареи нашей-же бригады). Начинало разсвѣтать.

Выступили мы изъ Врачеша на Умургачскій перевалъ часовъ около одиннадцати утра. Дорога шла по правому скату ущелья, дѣлая небольшіе изгибы и подъемы. Во многихъ мѣстахъ, вслѣдствіе промоинъ, она съуживалась до такой степени, что передки и орудія склонялись на бокъ, нависая надъ кручею, и не разъ приходилось спѣшивать прислугу, выпрягать передніе выносы и помощью лямокъ на рукахъ протаскивать ихъ мимо опасныхъ мѣстъ. День былъ болѣе теплый, нежели наканунѣ, но все же морозъ градусовъ въ 9—10. Стемнѣлось уже, когда колонна наша, пройдя небольшой лѣсъ, въѣхала въ котловину, обрамленную скалами. Понятіе о трудности нашего движенія въ этотъ день можно себѣ составить изъ того факта, что мы употребили около двѣнадцати часовъ на разстояніе немногимъ болѣе пяти верстъ. Здѣсь рѣшено было ночевать. Выпрягли орудія, разбили коновязь, и солдатики разбрелись рубить хворостъ. Прошло недолго и запылали костры, озаряя багровымъ свѣтомъ наше горное убѣжище. Расчистили кое-какъ снѣгъ и размѣстились вокругъ костровъ, кто на буркѣ, кто на американской постели, кто на коврикѣ. Солдатики стали варить ужинъ, а офицерство, подкрѣпившись приготовленною наскоро закускою, принялось за чаепитіе. Всѣ ужасно устали, и сонъ не заставилъ себя ждать. Кто заснулъ, какъ лежалъ, а трое изъ нашихъ забрались въ найденныя дровни съ сѣномъ. Скоро весь бивуакъ, за исключеніемъ часовыхъ, храпѣлъ.

14-го Декабря.

До сихъ поръ мы шли хотя по тяжелой, но еще возможной дорожкѣ. Приходилось иногда прибѣгать къ помощи своихъ сотоварищей пѣхоты, но мало; большею частью обходились одною спѣшенною прислугою. Начиная же съ 14-го Декабря движеніе наше впередъ стало въ полной зависимости отъ нашего прикрытія, и оно насъ геройски вынесло на своихъ плечахъ.

Утромъ, съ разсвѣтомъ, отрядъ приготовился продолжать подъемъ; между тѣмъ на бивуакъ вернулись отправленные впередъ для осмотра единственной существующей тропинки офицеры. Отвѣтъ ими былъ привезенъ далеко не утѣшительный. Крутая, узкая, заваленная камнями и снѣгомъ тропа, служащая жителямъ горныхъ деревень для прогона козъ и овецъ, представляла для глаза непреодолимыя препятствія. Пѣхота могла здѣсь пройти; для артиллеріи же казалось немыслимымъ. Послали объ этомъ донесеніе Генералу *Гурко*, на которое послѣдовалъ отвѣтъ Начальника отряда: никакія препятствія не считать непреодолимыми и двигаться безъ замедленія впередъ, т а щ а а р т и л л е р і ю х о т ь з у б а м и. Между тѣмъ начальство собиралось и разсуждало о средствахъ для продолженія движенія. Сборная саперная команда отъ Пензенскаго и Тамбовскаго полковъ была выслана впередъ для исправленія слишкомъ выдающихся неровностей пути и для высѣканія во льду ступенекъ, и скоро по нашей котловинѣ разнеслось эхо работающихъ кирокъ и мотыгъ. Среди преній и толковъ, какъ сдѣлать съ артиллеріею, явился сѣдой Капитанъ *Ч.*, Командиръ одной изъ ротъ Тамбовскаго полка, участвовавшій въ Сербской кампаніи, и предложилъ примѣнить способъ, видѣнный имъ въ горахъ Сербіи.

Первымъ дѣломъ надо было пріобрѣсти по возможности болѣе простыхъ дровней. На мѣстѣ ихъ оказалось нѣсколько штукъ, а за недостающими было отправлено во Врачешъ и Орханіэ. Затѣмъ, при помощи отвозовъ, постромокъ и лямокъ, разобранныя по частямъ орудія были прикрѣплены къ этимъ дровнямъ. Работа началась съ 4-го орудія. Сняли его съ лафета и, вынувъ клиновой механизмъ, крѣпко-на-крѣпко привязали къ дровнямъ; тутъ же рядомъ былъ прикрѣпленъ механизмъ въ чехлѣ. Лафетъ отдѣльно безъ колесъ былъ привязанъ на другія дровни, колеса надѣты каждое отдѣльно на палку и послѣднія такимъ образомъ катились впередъ двумя солдатами. Такимъ же образомъ сдѣлано было и съ передкомъ отъ 4-го орудія; передокъ (со снятыми колесами) былъ поставленъ на дровни, а колеса надѣты на палки. Сначала думали изъ передковъ вынуть (для облегченія) заряды, но, вслѣдствіе большого расхода людей, требуемыхъ на переноску ихъ, этотъ планъ былъ оставленъ. Такъ какъ дровней было мало, то при приспособленіи къ подъему слѣдующихъ орудій расходъ имъ сокращался, ставя орудіе вмѣстѣ съ лафетомъ на однѣ дровни и оставляя передокъ съ неснятыми колесами, за спицы которыхъ люди брались и такимъ образомъ помогали преодолѣвать встрѣ-

чаемыя препятствія. Къ дровнямъ и передкамъ были прикрѣплены длиннѣйшіе канаты. При каждомъ орудіи съ передкомъ назначено было отъ одной роты до полутора. Нѣсколько человѣкъ прислуги было снабжено толстыми дручками въ видѣ рычаговъ.

Я забылъ упомянуть, что, вслѣдствіе предстоящихъ трудностей и испытаннаго наканунѣ опыта, рѣшено было четырехколесные зарядные ящики препроводить обратно во Врачешъ, откуда они впослѣдствіи присоединились къ намъ послѣ очищенія Араба-Конакскаго шоссе. Вообще, во всѣхъ движеніяхъ нашихъ въ минувшей кампаніи, эти ящики своею громоздкостью оказывались большою обузою, такъ что мы разставались съ ними всегда охотно.

Около полудня четвертое орудіе было готово и мнѣ приказано было съ нимъ начать подъемъ. Съ Богомъ! тронулись. Человѣкъ 50—60 Тамбовцевъ взялись за канаты и отвозы, и приведенная чисто на зимнее положеніе система двинулась впередъ. За орудіемъ послѣдовалъ и передокъ. Сзади шла вторая половина людей, неся оружіе своихъ товарищей, а за ними ѣздовые и коноводы вели лошадей. По бокамъ—патрули.

Изъ котловины дорожка, перейдя обледенѣлый ручей, круто подымалась въ гору, оставивъ слѣва по ущелью ручей, пробираясь по покрытому снѣгомъ, поросшему молодымъ лѣсомъ и кустарникомъ скату. Черезъ каждые два, три шага приходилось останавливаться передъ попадающимися препятствіями,—то камень, то горный ключъ. Люди сильно утомлялись, скользили, падали, но, остановившись на минуту перевести дыханіе, снова съ удвоеннымъ рвеніемъ и настойчивостью брались за тягу.

Смѣна съ носящими сзади ружья дѣлалась часто.

Понятно, движеніе каждой отдѣльной части, орудія или передка, постоянно задерживаемое мѣстными преградами, мало-помалу увеличивало интервалы, и, такимъ образомъ, понемногу, вся гора усѣивалась отдѣльно борящимися съ природою партіями. Но довольно уже того, что дѣло подается; мы двигаемся, правда, медленно, черепахами, но мы чувствуемъ, какъ постепенно поднимаемся выше и выше, а главное знаемъ, что отступленія нѣтъ.

Вообще солдаты являли рѣдкій примѣръ выносливости и терпѣнія. Не обходилось, конечно, безъ одиночныхъ случаевъ ругательства, когда ужъ больно не можилось, какъ напримѣръ: „Чтобъ тебѣ лопнуть“! „Вотъ связались съ проклятыми! (т. е. орудіями)“ и т. п., но зато, какъ отрадно было подслушать спустя нѣсколько дней (послѣ удачнаго дѣла подъ Горнымъ Бугоровымъ, 20-го Декабря) отъ тѣхъ же солдатъ: „Видишь, братъ, не даромъ потру-

дились, таскали, таскали; какую зато службу сослужили намъ сегодня!"

Послѣ продолжительнаго подъема, мы достигли большого снѣжнаго плато, гдѣ назначенъ былъ привалъ, въ ожиданіи, чтобы третье, сзади идущее орудіе подтянулось. Отдохнувъ около часа или полутора и закусивъ сухарикомъ да говядинкою отъ вчерашней варки, мы пошли впередъ. Подъемъ отсюда шелъ лѣсомъ, уже крупнымъ, буковымъ. Начинало темнѣть, но мы все шли, шли впередъ, пока за наступившею ночью и истомленіемъ людей не пришлось, наконецъ, рѣшиться устроиться на ночлегъ.

Гдѣ очутились тогда въ лѣсу, тамъ и остановились. На дорогѣ остались дровни съ орудіями и передками, а отрядъ расположился по сторонамъ.

Лошадей привязали къ деревьямъ, мѣстами расчистили кое-какъ снѣгъ. Сначала не велѣно было разводить огня, но затѣмъ пришло разрѣшеніе развести только ограниченное, необходимое число костровъ. Лѣсъ былъ мокрый, страшный дымъ безпощадно ѣлъ глаза, такъ что невольный плачъ сдѣлался общимъ. Растопили въ чайникахъ снѣгу и заварили чай. Одному изъ нашихъ офицеровъ денщикъ, такъ какъ чай уже весь вышелъ, вздумалъ заварить настой изъ сухихъ дубовыхъ листьевъ, и тотъ тогда только, когда уже напился, узналъ о вяжущемъ декоктѣ, имъ принятомъ. Вообще дѣло было не въ чаѣ, а лишь бы выпить чего-либо горячаго.

Костеръ кое-какъ разгорался, и, закутавшись въ буркахъ и плащахъ, мы лежали, уставивъ подошвы къ огню. Ноги сильно страдали отъ холода, и сапоги, набравъ за день сырости, медленно нагрѣвались. Только, когда они начинали дымиться и теплота понемногу переходила въ болѣзненное ощущеніе, тогда рѣшался отодвинуться подальше.

Ночью разразилась сильная мятель; деревья съ трескомъ раскачивались, осыпая насъ снѣгомъ.

Рано, на разсвѣтѣ, къ нашей компаніи подошелъ Начальникъ Штаба отряда и сталъ насъ будить. Оказалось, что онъ ѣздилъ впередъ осматривать дорогу, въ мятели чуть не сбился, замерзъ и пришелъ къ убѣжденію, что дальше итти невозможно.

15-го Декабря.

Заявленіе Начальника Штаба осталось безъ послѣдствій, и мы пошли впередъ. День 15-го Декабря прошелъ въ такихъ же трудахъ, какъ и наканунѣ.

Около полудня мы огибали высокую голую вершину, покрытую снѣгомъ.

Холодъ былъ пронзителенъ. Тамъ и сямъ, по сторонамъ тропы валялся солдатъ, другой, окончательно выбившійся изъ силъ и нѣмѣющій отъ холода.

Такихъ, конечно, старались всѣми способами подбодрить и убѣдить въ томъ, что останавливаться въ такомъ мѣстѣ—вѣрная смерть; между тѣмъ, не будь здѣсь довольно глубокаго снѣга, не знаю, какъ бы протащили орудія до слѣдующаго лѣса, столь крутъ былъ скатъ, а держаться было не за что.

Люди страшнымъ отпоромъ насилу сдерживали скользящія по кручѣ и ежеминутно грозящія сорваться орудія. Наконецъ, слава Богу, мы опять въ лѣсу. Около этого мѣста случилось приключеніе съ состоявшимъ при нашей батареѣ вольнонаемнымъ поваромъ. Онъ велъ въ поводу лошадь. Вдругъ она поскользнулась и, вырвавши изъ рукъ его поводъ, скатилась внизъ по кручѣ. „Ну“, думалось, „лошадь навѣрно пропала“. Каково-же было всеобщее удивленіе, когда, черезъ какихъ-нибудь часъ, два, лошадь, выбравшись сама, Богъ вѣсть какъ, присоединилась къ намъ, не получивъ другихъ поврежденій, кромѣ царапинъ и легкихъ ушибовъ.

. . . . . .

Слѣдующую ночь провели опять въ лѣсу. Остановившись на ночлегъ, получили извѣстіе, что верстахъ въ полутора впереди находится нѣсколько стоговъ сѣна. Всѣ обрадовались за лошадей, не видавшихъ сѣна съ самаго начала подъема на Балканы.

Это время онѣ довольствовались небольшою дачею овса и сухими листьями деревьевъ, а 14-го числа былъ командированъ во Врачешъ и Орханіэ за овсомъ одинъ изъ нашихъ офицеровъ, Подпоручикъ *Дрейлингъ* съ 16-ю заводными лошадьми. Онъ насъ догналъ уже 16-го числа пополудни.

Тьма была кромѣшная, и я поѣхалъ отыскивать стоги, но безъ успѣха.

16-го Декабря.

На слѣдующее утро оказалось вотъ что: баталіонъ, шедшій въ авангардѣ, ночевалъ на горной площадкѣ и, немедля по прибытіи на ночлегъ, дочиста разобралъ два стога, подостлавъ сѣно подъ себя, для прикрытія сколько-нибудь отъ снѣга.

Вещь очень понятная, но возмущавшая кавалериста. Когда на слѣдующее утро весь нашъ отрядъ собрался на плато Умур-

гача, откуда уже начинался спускъ съ перевала, нѣкоторые изъ насъ занялись сбираніемъ изъ подъ пѣхотныхъ солдатъ сѣна по клочкамъ и кормленіемъ имъ лошадей; между тѣмъ, въ небольшомъ разстояніи открыто было еще нѣсколько стоговъ, и за сѣномъ была отправлена команда съ арканами и заводными лошадьми.

Здѣсь, на плато Умургача, снѣгъ былъ такъ глубокъ, что, отступая отъ тропы, сѣдокъ проваливался съ конемъ по брюхо. Сѣрое небо предвѣщало новую мятель, которая не замедлила разразиться; вѣтеръ дулъ страшный, и морозъ доходилъ до пятнадцати градусовъ или болѣе по Реомюру. Маршрутъ нашъ отсюда лежалъ вправо на Желяву. Пока отрядъ собирался въ ожиданіи приказанія, я проѣхался версты двѣ по этой тропѣ. Ея, собственно, уже не существовало. Для глаза видѣлась одна лишь снѣжная, необъятная сѣдловина. Отъ предыдущихъ и свирѣпствовавшей въ ту минуту мятелей снѣга накопилось страшно; лошадь ежеминутно останавливалась, проваливаясь по брюхо; отъ рѣзкаго, ледяного вѣтра спиралось дыханіе, глаза залѣплялись снѣгомъ, итти дальше было рискованно. Я повернулъ лошадь; на обратномъ пути къ отряду мнѣ повстрѣчались идущіе въ разбродъ человѣкъ пять пѣхотинцевъ. На вопросъ, куда они идутъ, они отвѣчали, что посланы были отъ Архангелогородскаго полка во Врачешъ за сухарями и теперь, получивъ ихъ, идутъ на присоединеніе къ своимъ. Архангелогородскій полкъ составлялъ отдѣльную на нашемъ правомъ флангѣ летучую колонну, которая должна была служить заслономъ противъ Турокъ у Лютикова.

Не знаю, удалось ли несчастнымъ добраться до полка. Сомнѣваюсь, чтобы всѣ дошли при той мятели, которая тогда свирѣпствовала. Помню, что весьма обрадовался, когда снова выѣхалъ на плато Умургача и увидѣлъ батарею.

Въ виду дознанной невозможности итти на Желяву, рѣшено было итти на Чуріакъ, куда, по донесенію состоящаго при Штабѣ отряда маіора *Квитницкаго*, имъ найденъ довольно удобный спускъ. Мятель все продолжала свирѣпствовать. Между тѣмъ, къ Начальнику отряда, Генералу *Вельяминову*, явился пастухъ, который доложилъ ему, что отряду долѣе оставаться на открытой площадкѣ Умургачскаго плато—значило рисковать быть окончательно занесеннымъ снѣгомъ (столь сильны здѣсь въ горахъ мятели).

Вслѣдствіе этого, приказано было отряду, со всею поспѣшностью приготовиться покинуть площадку и начать во что-бы то не стало спускаться.

Первоначальный спускъ (съ Умургача) представлялся настолько отлогимъ, что снова можно было прибѣгнуть къ помощи лошадей. Люди бросились къ дровнямъ развязывать орудія и надѣвать ихъ на лафеты, и столь сильно подѣйствовало чувство самосохраненія, что прошло не болѣе получаса и орудія, разбросанныя по частямъ, были собраны и надѣты на передки. Лошадей запрягли, и отрядъ тронулся.

Путь шелъ по глубокому снѣгу, спускаясь съ одной горной площадки, усѣянной старыми деревьями, на другую и, затѣмъ, вступивъ въ молодой густой лѣсъ, съуживался, становясь все круче и круче. Скоро пришлось опять выпрячь лошадей и обратиться къ помощи людей—для спуска орудій.

На счастье 1-му взводу, шедшему впереди, ему удалось, пока еще не совсѣмъ стемнѣло, спуститься въ нижнее горное ущелье. Начавъ спускать 2-й взводъ, я, воспользовавшись приваломъ, поѣхалъ впередъ на своемъ казакѣ—за приказаніями. Становилось уже темно и, протискиваясь между шедшими по узкой тропѣ пѣхотными солдатами, приходилось то-и-дѣло кричать: „штыкъ вправо, влѣво штыкъ“, рискуя ежеминутно самъ, да и конь также, лишиться глаза или получить какое-нибудь другое увѣчье. Дорога отъ гололедицы была къ тому ужасно скользка. Догнавъ начальство, я получилъ приказаніе, чтобы 2-му взводу до разсвѣта ночевать на горѣ, слѣзъ съ лошади и, ведя ее въ поводу, сталъ снова подниматься въ гору, такъ какъ подняться верхомъ на плохо кованномъ конѣ было почти немыслимо. Возвратившись къ своему взводу, я передалъ приказаніе.

Гдѣ орудія находились, тамъ и стали; лошадей отвели вправо и влѣво, по глубокому снѣгу, въ лѣсъ и привязали къ кустамъ. Солдатики лопатами стали расчищать небольшое мѣсто для офицерства и затѣмъ начали рубить хворостъ на костры, развести которые съ трудомъ удалось—столь мокръ былъ лѣсъ.

Только что начали было располагаться на ночлегъ, какъ получаемъ приказаніе: „Немедля продолжать спускаться на Чуріакъ“. Дѣлать было нечего, какъ повиноваться. Поднялись и подошли снова къ орудіямъ и передкамъ.

Ночная работа, со спускомъ орудій, по страшно крутой лѣсной тропинкѣ, при гололедицѣ, являлась чисто адскою. Люди какъ-бы предсмертнымъ, отчаяннымъ отпоромъ, еле сдерживали летящія внизъ и грозящія ежеминутно увлечь ихъ орудія и передки.

Хватались за кусты по сторонамъ; падали и, вставъ насилу, снова падали. Падали не одни только спускающіе орудія, но шед-

шіе сзади, относительно на-легкѣ и несшіе ружья товарищей. Идя сбоку и слѣдя за спускомъ то орудія, то лафета, я, при свободныхъ рукахъ, не разъ ощущалъ какъ-бы спускаюсь на конькахъ съ ледяныхъ горъ, а что-же было для людей? Къ дышлу передковъ и дровней становились по два нумера, которые, налегая вѣсомъ туловища, давали направленіе. На малѣйшемъ поворотѣ останавливались вздохнуть. Послѣ нѣсколькихъ часовъ отчаянной работы, достигли подошвы горы, откуда тропа, перейдя у глубокаго обрыва ручей, сворачивала налѣво и, врѣзаясь въ нависшую скалу, съуживалась до-нельзя. По лѣвой сторонѣ тянулся обрывъ. У поворота дороги, саперною шедшей впереди командою разведено было два небольшихъ костра, для освѣщенія пути. Проходя здѣсь до этого, я оступился и упалъ въ обрывъ, но, къ счастью, въ паденіи былъ задержанъ снѣжнымъ сугробомъ, съ котораго и вытащили меня нумера моего взвода.

Бывали моменты страшной нравственной пытки; это именно, когда дорога такъ съуживалась, что орудіе одною стороною надвисало надъ пропастью. Вотъ, вотъ, думалось, и орудіе пропало, можетъ, безвозвратно; но Богъ спасъ.

17-го Декабря, около двухъ, трехъ часовъ утра, кончили послѣдній спускъ и въѣхали въ горную лощину, гдѣ у громаднаго костра сдѣланъ былъ небольшой привалъ.

Но и тутъ еще не суждено было нашимъ мученіямъ окончательно прекратиться.

Дорога на Чуріакъ, шедшая лощиною рядомъ съ вьющеюся змѣею, замерзшею рѣчкою, была совершенно неразработанной и представляла снѣжный скосъ. Путь приходилось выбирать то по льду рѣчки, то по снѣжнымъ грудамъ.

Былъ уже восьмой часъ утра 17-го Декабря, когда мы, измученные до послѣдняго предѣла, наконецъ въѣхали въ небольшое село Чуріакъ.

Шелъ снѣгъ. Мы застали всѣ хаты и дворы биткомъ набитыми войсками, такъ какъ, кромѣ нашего отряда, здѣсь расположился на отдыхъ спустившійся наканунѣ съ Балканъ отрядъ Генералъ-Маіора *Рауха*.

Я отыскалъ на одномъ дворѣ дровни и, зарывшись въ сѣно подъ сѣнью бурки, уснулъ сномъ убитаго часа на два съ половиною. Около одиннадцати съ половиною часовъ дня отрядъ нашъ выступилъ изъ Чуріака на Потокъ и Елешницу, гдѣ предполагалась ночевка.

Поручикъ *Графъ Евгеній Путятинъ.*

Отъ Чуріака до Филиппополя *).

17-го Декабря 1877 года наша батарея, часовъ около десяти дня, выступила съ отрядомъ Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова* изъ дер. Чуріакъ на деревню Елешницу.

Колонна Генерала *Вельяминова*, съ которой мы только что спустились съ Балканъ, была тогда въ составѣ двухъ баталіоновъ Пензенскаго полка и всего Тамбовскаго. Какъ артиллерія, при ней было четыре конныхъ орудія 2-й батареи и два орудія 5-й Гвардейской Конной Артиллеріи.

Отрядъ нашъ былъ страшно уставши: вчерашнюю ночь мы только къ утру кончили спускъ съ Умургача, подъемъ на который начался еще 13-го Декабря; собственно говоря, отрядъ почти не переставалъ двигаться съ девяти часовъ вечера 12-го Декабря. Нужно еще прибавить, что пѣхота отряда вынесла поистинѣ неимовѣрные труды, такъ какъ ей пришлось, буквально на своихъ плечахъ, перетащить орудія черезъ Умургачъ. Орудія, разобранныя, на дровняхъ все время везлись людьми, такъ какъ мѣсто, по которому проходилъ отрядъ, есть козья тропинка, гдѣ только полудикіе горцы-Болгары прогоняютъ свои стада.

Отрядъ Генерала *Вельяминова* имѣлъ назначеніе выйти на Софійско-Орханійское шоссе и служить заслономъ, за которымъ остальныя войска Генерала *Гурко* могли бы спокойно маневрировать въ тылу Арабъ-Конака. Весьма вѣроятно, что турецкія силы, находившіяся въ Софіи, попытались бы подать помощь отряду *Шакира-паши*, расположенному въ Балканскихъ проходахъ.

Несмотря на усталость, отрядъ весело двинулся впередъ,— „покончили съ несносными горами“, думалось каждому; но горы не прекращались, хотя мѣстность и стала ровнѣе и площе. Часовъ до двѣнадцати шелъ снѣгъ густыми хлопьями, и каждый прятался, кто въ башлыкъ, кто во что.

Около часу дня пришлось проходить въ бродъ горную рѣчку Потокъ, покрытую тонкой ледяной корой. Такъ двигались мы почти до сумерекъ; къ вечеру морозъ усилился, но отрядъ уже вступалъ въ деревню Елешницу.

---

*) Изъ походныхъ воспоминаній 2-й Его Императорскаго Высочества Генералъ-Фельдцейхмейстера батареи Гв. Конно-Артиллерійской бригады Прапорщика Константина Александровича Дрейлинга.

По дорогѣ мы встрѣтили цѣлый турецкій обозъ, захваченный на Софійскомъ шоссе Кавказской Казачьей бригадой. Это былъ первый военный успѣхъ по южной сторонѣ Балканъ. Ночь провели мы въ болгарскихъ хатахъ, хотя и тѣсно, но зато тепло. На дворѣ стоялъ страшный морозъ, градусовъ въ пятнадцать.

На другой день къ вечеру весь отрядъ собрался въ деревнѣ Яново, а кавалерія отряда, т. е. двѣнадцать сотенъ Кавказской Казачьей бригады, подъ командой Генерала *Черевина*, въ дер. Горный Бугоровъ.

Весь день 18-го былъ чудный морозный день. Солнце даже грѣло немного; снѣгъ такъ и блисталъ милліонами искръ.

19-го Генералъ *Вельяминовъ* съ Начальниками отдѣльныхъ частей поѣхалъ на рекогносцировку. Турки стояли за рѣчкой Хиджи-Карамандере, верстахъ въ пяти отъ Горнаго Бугорова.

На этой рекогносцировкѣ была выбрана оборонительная, фланговая относительно шоссе, позиція, упиравшаяся лѣвымъ флангомъ въ шоссе; правымъ же она примыкала къ деревнѣ Бутонецъ. Центръ позиціи составляла высота впереди деревни Горный Бугоровъ, гдѣ должна была встать батарея. Почти противъ центра, верстахъ въ $3^1/_2$—4 отъ него, была деревня Дольній Бугоровъ, гдѣ былъ мостъ черезъ рѣку. Рѣка шла почти параллельно позиціи, на разстояніи двухъ пушечныхъ выстрѣловъ. Въ отрядѣ, т. е. пѣхотѣ и артиллеріи, этотъ день прошелъ довольно спокойно; пекли въ деревнѣ хлѣбъ, чинились, варилась хорошая пища,—вообще это былъ собственно первый день, когда мы порядкомъ выспались, поѣли и отдохнули, а то съ 12-го все время въ движеніи. Погода въ этотъ день была превосходная,—ясный морозный день и солнышко, къ вечеру только поднялся довольно рѣзкій вѣтеръ. Весь отрядъ радовался, всякій думалъ: „Вотъ, наконецъ, цѣлый день оставятъ въ покоѣ, никуда не погонятъ!..“ Вдругъ часовъ около четырехъ съ половиною на аванпостахъ послышалась ружейная трескотня; потомъ, уже въ самой деревнѣ Горный Бугоровъ, стали трубить кавалерійскую тревогу. Барабанщикъ дежурной части подхватилъ, за нимъ другой, третій конно-артиллерійскій трубачъ, и менѣе чѣмъ черезъ двадцать минутъ весь отрядъ былъ на ногахъ. Шумъ и гамъ стоялъ надъ деревней; между тѣмъ, Генералъ со своимъ Штабомъ уже выѣзжалъ; я галопомъ присоединился къ свитѣ. Весело было какъ-то на душѣ,—вотъ, думается, опять пойдетъ потѣха, старая пѣсня на новый ладъ. Неужели Турки осмѣлились наступать; большинству отряда какъ-то невѣроятнымъ показалось это. Турки наступаютъ! аттакуютъ

насъ! да еще въ чистомъ полѣ. Нѣтъ, думалось, это вѣрно только такъ, аванпостная забава. Но вотъ прискакалъ Казакъ въ своемъ живописномъ черкесскомъ костюмѣ. „Донесеніе привезъ!“ послышалось вокругъ меня. Генералъ остановился, всѣ столпились возлѣ него,—каждому хотѣлось услышать донесеніе, которое читалъ громко одинъ изъ ординарцевъ, такъ какъ Генералъ не могъ читать безъ очковъ, а вынимать ихъ тутъ было неудобно!

Турки, въ довольно большихъ силахъ, наступая по Софійскому шоссе, тѣснятъ наши аванпосты пѣхотой, за которой видна и артиллерія. Ими занятъ мостъ въ Дольнемъ Бугоровѣ и самая деревня. Вотъ что приблизительно доносилъ Генералъ *Черевинъ*, нашъ Начальникъ кавалеріи. Между тѣмъ, стемнѣло. Генералъ поѣхалъ рысью, догналъ дежурную часть, выступившую на выстрѣлы по первымъ звукамъ тревоги, поздоровался съ ней на ходу и продолжалъ путь къ Горному Бугорову.

Вся дорога отъ Бугорова до Янова покрылась бѣгущими Болгарами, которые съ плачемъ и воемъ спѣшили выбраться назадъ, думая, что Турки займутъ Горный Бугоровъ. Матери тащили младенцевъ; старики и парни управляли буйволами въ каруцахъ, куда свалено было все самое дорогое для нихъ. Стонъ и вопли стояли въ воздухѣ; нѣкоторые изъ бѣглецовъ были даже изъ Дольняго Бугорова, занятаго Турками. Быстро проѣхавъ деревню Горный Бугоровъ и выѣхавъ на возвышенность впереди деревни, нашимъ глазамъ представилось волшебное зрѣлище. Деревня Дольній Бугоровъ горѣла, какъ свѣчка, и зарево сильно освѣщало мѣстность; милліоны искръ вдругъ подымались тучами къ небу; надъ селомъ стоялъ огромный столбъ багроваго дыма. Замѣчательно красивое впечатлѣніе производили огоньки, то здѣсь, то тамъ вспыхивавшіе вдоль всей линіи нашихъ аванпостовъ, — то были выстрѣлы. Изрѣдка шальная пуля жужжала мимо насъ и производила свой обыкновенный „шлепъ“ гдѣ-то тутъ же, возлѣ. Никто не обращалъ вниманія на нихъ,—всѣ были заняты тѣмъ, что происходило впереди. Между тѣмъ, части отряда подходили одна за другой, каждая получала особое приказаніе и затѣмъ, спустившись, которая влѣво, которая вправо, съ возвышенія, всѣ скрывались во мракѣ ночи; только глухой гулъ доносился до насъ, да отставшіе, быстро пробѣгая мимо насъ, напоминали намъ направленіе, по которому ушли ихъ части. Между тѣмъ, перестрѣлка мало-по-малу совсѣмъ умолкла; Генералъ уѣхалъ въ деревню; туда же къ нему собралось начальство за приказаніями на завтрашній день.

Позволено было развести по одному костру на роту и батарею, дабы ввести Турокъ въ заблужденіе количествомъ костровъ.

Ночь все больше и больше окутывала своимъ темнымъ покровомъ наше расположеніе. Сонъ бралъ свое, бивуакъ мало по малу умолкалъ, и наконецъ все заснуло, кромѣ часовыхъ.

Расположеніе наше было приблизительно такое: весь Тамбовскій полкъ въ боевой линіи, два баталіона Пензенцевъ въ резервѣ и шестиорудійная батарея на позиціи. Вотъ весь составъ нашего отряда. За ночь пѣхота вырыла себѣ ложементы, отчасти шанцевымъ инструментомъ, а главнымъ образомъ штыками. Генералъ ночевалъ въ деревнѣ. Вечеромъ была разослана диспозиція для другого дня.

Каждый заснулъ съ мыслями о завтрашнемъ днѣ, всякій думалъ: засну-ли я завтра вечеромъ такъ же спокойно?..

Настало утро 20-го Декабря, чудное зимнее утро. Солнце взошло въ видѣ красноватаго большого шара; по всей долинѣ лежалъ довольно густой розовато-голубой туманъ; верхушки какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ Балканъ горѣли тысячами огней, залитыя розовато-краснымъ цвѣтомъ восходящаго солнца.

Въ восемь часовъ утра начали приходить донесенія отъ разъѣздовъ, что непріятель, дебушируя съ моста черезъ Хиджи-Карамандере, не идетъ на шоссе, а прямо сворачиваетъ направо и идетъ южнѣе, направляясь въ обходъ насъ, какъ-бы на Ташкиссенъ на выручку своимъ. Поэтому составленъ былъ Генераломъ такой планъ: снявшись съ позиціи у Горнаго Бугорова, итти форсированнымъ маршемъ на Желяву, Буково, по направленію къ Ташкиссену, чтобы, предупредивъ непріятеля, занять снова оборонительную позицію у Узенли, гдѣ бы мы были гораздо ближе къ подкрѣпленію. Согласно этому плану, были даже уже отданы соотвѣтствующія приказанія, даже приступлено было къ ихъ исполненію, какъ вдругъ получено было донесеніе, что непріятель, перейдя мостъ у деревни Дольній Бугоровъ, направляется на сѣверъ, на деревню Бутонецъ, обходя нашъ правый флангъ.

Тогда стало ясно, что эти обходы чисто тактическіе и что Турки просто развертываются и строятся въ боевой порядокъ, при чемъ, располагая большими силами, одновременно обходятъ оба наши фланга. Согласно этихъ донесеній, которыя очень быстро пришли одно за другимъ, было отмѣнено первое приказаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ усилены фланги и отправлено нѣсколько разъѣздовъ для ближайшаго наблюденія за южнымъ обходомъ непріятеля.

Эти разъѣзды должны были дойти до деревень Музыкіой и Гозди-Караманъ. Въ это время на батареѣ, гдѣ находился самъ Начальникъ отряда, артиллерійскіе офицеры занимались, отчасти скуки ради, приблизительнымъ промѣромъ дистанціи впереди позиціи. Дѣлалось это такимъ образомъ: посылали коннаго доѣхать шагомъ до такого-то мѣстнаго предмета и обратно и по времени опредѣляли дистанцію, разумѣется весьма невѣрно, но зато уже во время дѣла, при пристрѣливаніи отдѣльныхъ взводовъ батареи по движущейся цѣли, нельзя было сдѣлать грубыхъ ошибокъ въ пятьдесятъ, сто саженъ; поэтому при малочисленности нашихъ снарядовъ эти промѣры очень пригодились: батарея не тратила лишнихъ двухъ снарядовъ для пристрѣлки по наступавшей пѣхотѣ.

Около девяти часовъ утра непріятель, построивъ боевой порядокъ и прикрывшись кавалеріей (Башибузуками и Черкесами), началъ наступленіе.

Насъ прикрывала густая цѣпь Кавказской Казачьей бригады, которая завязала живую перестрѣлку съ турецкими всадниками и даже оттѣснила ихъ за ихъ пѣхоту. Но, увидѣвъ передъ собой густыя турецкія пѣхотныя цѣпи, начавшія по своему обыкновенію страшную пальбу, Казаки начали шагъ за шагомъ подаваться назадъ и, наконецъ, свернувшись въ сотни и дивизіоны, ушли за наше расположеніе, открывъ этимъ самымъ нашу пѣхоту и артиллерію.

Огонь густыхъ турецкихъ стрѣлковыхъ лавъ (этого строя иначе назвать нельзя) былъ до того частъ, что дробь его похожа была en grand на то, еслибы на барабанъ сыпали горохъ.

Начавъ такимъ образомъ стрѣльбу съ дистанціи по меньшей мѣрѣ въ четыре тысячи шаговъ, Турки подвигались довольно смѣло впередъ. Стрѣлковая цѣпь ихъ была поддержана частными резервами, а затѣмъ двигались густыя колонны въ уступномъ порядкѣ. Конца-края имъ не было, этимъ Туркамъ,—все лѣзли, лѣзли изъ деревни, какъ-будто ихъ десятки тысячъ; раздавятъ, казалось, нашихъ,—мокро только будетъ,—такъ ихъ было много. Да еще фланги обходятъ! Два табора пѣхоты при двухъ орудіяхъ пошли на Бутонецъ.

Много нужно было воли и характера, чтобы, глядя на эту горсть нашихъ и полчища Турокъ, остаться на мѣстѣ, а не отдать приказанія о немедленномъ отступленіи. Генералъ нашъ, между тѣмъ, совершенно спокойно прогуливался по батареѣ, перебрасываясь веселыми словами то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ Штаба.

Пули, между тѣмъ, ужъ давно жужжали мимо него, и гранаты лопались тутъ-же въ нѣсколькихъ шагахъ. Думалось, неужели ему суждено быть убитымъ? Столько лѣтъ прожилъ, чтобы наконецъ тутъ около какой-то болгарской деревушки быть убитымъ шальной вылетѣвшей пулей изъ, можетъ быть, очень незлобиваго ружья.

Старикъ-же Генералъ въ это время, судя по словамъ, думалъ такъ: „Ну меня убьетъ—ничего, я ужъ отжилъ свой вѣкъ, а за что-же молодежь, вѣдь у ней столько радостей впереди, имъ жизнь дала еще такъ мало“.

Между тѣмъ, Турки не дремали, выставили батарею (горную сначала) и открыли огонь по нашей артиллеріи, но снаряды ихъ по причинѣ огромной дистанціи не долетали; тогда они, присоединивъ еще нѣсколько дальнобойныхъ орудій, придвинулись къ намъ и начали поражать насъ артиллерійскимъ огнемъ.

На батареѣ Турокъ было до десяти орудій, и они очень быстро пристрѣлялись, но, вслѣдствіе болѣе чѣмъ плохихъ разрывовъ и частыхъ перелетовъ, особеннаго вреда намъ не надѣлали.

Одной изъ огромныхъ заслугъ нашей артиллеріи въ этомъ дѣлѣ было то, что она привлекла весь артиллерійскій огонь непріятеля на себя, такъ что пѣхота была освобождена отъ этого развлеченія.

Нашей пѣхотѣ и артиллеріи съ утра еще было отдано приказаніе даромъ не тратить зарядовъ, такъ какъ ихъ было очень мало, а дожидаться, пока Турки подойдутъ на вѣрный выстрѣлъ, и затѣмъ уже начать мѣткую, но все-же рѣдкую стрѣльбу. Не надо забывать, что пѣхота отряда была вооружена ружьями Крынка, а Конная Артиллерія четырехъ-фунтовыми мѣдными орудіями.

Такимъ образомъ, отрядъ Генерала *Вельяминова*, осыпаемый градомъ пуль и гранатъ, молча дожидался приближенія врага на хорошую дистанцію.

Ободренные такимъ молчаніемъ, Турки смѣло двигались впередъ, потрясая воздухъ неистовыми криками „Алла-Алла“. Недолго впрочемъ молчали и мы,—вскорѣ по огню съ батареи раздались отчетливые, рѣзкіе раскаты нашихъ выстрѣловъ. Пушки тоже заговорили.

Турки, вѣроятно сразу потерявъ многихъ товарищей, съ первыхъ же нашихъ выстрѣловъ остановились, но не надолго. Колебаніе длилось нѣсколько минутъ: ободряя себя новыми криками „Алла“ и побуждаемые къ наступленію ежеминутными

сигналами, они пошли опять впередъ. Вслѣдствіе густоты и глубины ихъ строя, они теряли очень много людей. Батарея стрѣляла шрапнелью по густымъ непріятельскимъ колоннамъ, начиная съ дистанціи 750 саженъ, не обращая вниманія на артиллерію. Въ это время уже по всей линіи завязался жестокій бой, въ которомъ каждый шагъ нашей позиціи заливался турецкой кровью.

Еще во время наступленія своего Турки противъ нашего праваго фланга сосредоточили большія массы; поэтому Генералъ отдѣлилъ весь 2-й баталіонъ Пензенскаго полка на кряжъ холмовъ, тянувшійся отъ нашего центра къ деревнѣ Бутонецъ.

Почти въ центрѣ нашей позиціи находился курганъ, занятый 1-мъ баталіономъ Тамбовскаго полка; этотъ курганъ и кряжъ, на которомъ были Пензенцы, имѣли огромное значеніе на позиціи: съ занятіемъ ихъ бой у Горнаго Бугорова становился невозможнымъ.

Около деревни Бутонецъ въ это время также кипѣло дѣло,— тамъ Турки вытѣснили Казаковъ изъ деревни, но Казаки, спѣшившись, упорно залегли за лошадей и задерживали Турокъ.

Такимъ образомъ, около двухъ часовъ оба наши фланга были обойдены, и батарея вслѣдствіе ея центральнаго расположенія осыпалась пулями, какъ съ фронта, такъ почти и съ тыла.

Въ это же время пришелъ казачій разъѣздъ изъ Музыкіой и донесъ, что выслѣдить непріятеля нельзя, такъ какъ мѣстность къ югу отъ шоссе крайне болотиста и для кавалеріи положительно непроходима.

Съ батареи видно было, что 5 турецкихъ таборовъ, наконецъ, бросились въ аттаку, въ штыки, на кряжъ правѣй деревни, только что передъ тѣмъ занятый, по приказанію Генерала, Пензенцами, но, несмотря на всѣ отчаянныя попытки Турокъ, храбрые Пензенцы и Тамбовцы хладнокровно подпускали ихъ, безъ выстрѣла, на самое близкое разстояніе и затѣмъ залпами и штыками отбрасывали ихъ каждый разъ назадъ съ громадными потерями.

Въ это же время Турки аттаковали 1-й баталіонъ Тамбовцевъ, защищавшихъ курганъ и пространство по обѣ стороны его; на этомъ мѣстѣ Туркамъ также не удалось сломить стойкость нашихъ. Молодцы-Тамбовцы, успѣвшіе за ночь вырыть себѣ, отчасти имѣвшимся шанцевымъ инструментомъ, отчасти штыками, кой-какіе ложементы, подпустили Турокъ безъ выстрѣла на дистанцію около 30 шаговъ, встрѣтили ихъ нѣсколькими убійственными залпами и затѣмъ ударили на „ура“ въ штыки.

Ударъ въ штыки былъ такъ дружень и неожиданъ для непріятеля, что Турки моментально были смяты и отброшены назадъ съ большимъ урономъ.

Одновременно съ турецкими аттаками на нашъ правый флангъ и центръ, на лѣвомъ флангѣ происходило слѣдующее: туда, вслѣдствіе видимаго обхода Турокъ съ юга, были посланы изъ резерва двѣ роты Тамбовскаго полка, которыя, по приказанію Командира 1-й бригады 31-й пѣхотной дивизіи, Генералъ-Маіора *Радзишевскаго*, усиливъ уже бывшую тамъ стрѣлковую цѣпь, выдвинулись шаговъ на 500 впередъ для занятія болѣе выгодной стрѣлковой позиціи. Турки приняли это движеніе за наступленіе и попятились; тогда Командиръ 3-го баталіона Тамбовскаго полка, Маіоръ *Артоболевскій*, приказалъ играть наступленіе, сталъ подвигаться впередъ и, наконецъ, съ криками „ура“ ударилъ въ штыки.

Этотъ ударъ пришелся какъ разъ въ одно время съ отбитіемъ вторичной турецкой аттаки на курганѣ центра. Во время этой аттаки Турокъ Тамбовцы еще ближе подпустили аттакующихъ и затѣмъ, давъ залпъ на 15 шаговъ, бросились съ кургана въ аттаку, въ штыки, опрокинули непріятеля, обратили его въ полное отступленіе и бросились преслѣдовать. Пензенцы на правомъ флангѣ сдѣлали то же самое, такъ что энергичное наступленіе лѣваго фланга послужило какъ-бы сигналомъ для всѣхъ. По всей линіи началось преслѣдованіе сначала было отступавшихъ, а потомъ бросившихся бѣжать Турокъ. 3-й баталіонъ Тамбовскаго полка, сильно увлекшись преслѣдованіемъ, дошелъ почти до деревни Дольній Бугоровъ.

При отступленіи у многихъ изъ нашихъ не хватало патроновъ, такъ что солдатики брали ружья у убитыхъ Турокъ и стрѣляли ими въ догонку бѣгущимъ. Во время свалки на лѣвомъ флангѣ рядовой 2-й роты Тамбовскаго полка *Антонъ Росляковъ*, будучи раненъ въ руку, убилъ турецкаго знаменщика и отнялъ у него знамя.

Генералъ *Вельяминовъ*, увидя безпорядочное отступленіе Турокъ, тотчасъ приказалъ Кавказской Казачьей бригадѣ преслѣдовать непріятеля, а пѣхотѣ приказано было снова отступить къ своимъ укрѣпленіямъ и быть готовой встрѣтить новый натискъ Турокъ. Это приказаніе мотивировалось тѣмъ, что за рѣкой у Дольняго Бугорова стояли еще совершенно свѣжіе таборы, не бывшіе въ бою. Кромѣ того, день склонялся къ вечеру, смеркалось, былъ уже шестой часъ. Кавалерія, посланная преслѣдовать, исполнить

этого приказанія не могла потому, что встрѣтила на своемъ пути рѣчку Хиджи-Карамандере и непроходимое, даже для пѣшихъ людей, болото. Мосты черезъ рѣку у Дольняго Бугорова были заняты Турками. Деревня Дольній Бугоровъ тоже осталась въ рукахъ непріятеля, который оставилъ тамъ арьергардъ изъ нѣсколькихъ таборовъ. Поэтому нашъ отрядъ, по приказанію Генерала, прикрывшись кавалеріей, занялся уборкой раненыхъ и убитыхъ. Кромѣ того, въ отрядѣ сильно чувствовался недостатокъ въ снарядахъ и патронахъ. У артиллеріи осталась ровно половина зарядовъ, т. е. по одному полному передку на орудіе, такъ какъ задніе ходы ящиковъ были брошены въ четырехъ верстахъ отъ Врачеша, у сѣверной подошвы горы Умургачъ.

Разскажу тутъ два подвига, которыхъ въ этомъ сраженіи, можетъ быть, были десятки, но они прошли незамѣтно, какъ многое великое и хорошее. Въ 1-й стрѣлковой ротѣ Тамбовскаго полка былъ тяжело раненъ ротный Командиръ Подпоручикъ *Тальковскій*; тотчасъ-же его мѣсто заступилъ Фельдфебель той же роты *Иванъ Придворовъ*, который потомъ, командуя ротой, нѣсколько разъ подпускалъ Турокъ на двадцать пять шаговъ къ ложементамъ и затѣмъ опрокидывалъ ихъ штыками.

Въ самый разгаръ дѣла я шелъ по батареѣ съ лѣваго ея фланга на правый, гдѣ находился Генералъ; вдругъ вижу, на землѣ сидитъ безъ сапога ѣздовой 2-й батареи Гв. Конной Артиллеріи *Дацукъ* и ковыряетъ ножемъ въ ногѣ. Подхожу ближе, спрашиваю, что онъ дѣлаетъ.—„Пулю выскребъ, Ваше Благородіе“,—было мнѣ отвѣтомъ. Дѣйствительно, въ рукѣ у него была пуля, и нога вся въ крови. Затѣмъ онъ надѣлъ при мнѣ еще сапогъ и пошелъ къ лошадямъ, немного прихрамывая. Только послѣ дѣла вспомнилъ я о немъ, снова иду посмотрѣть, что съ нимъ, и нахожу его задающимъ преспокойно ячмень лошадямъ. По моему настоянію, онъ отправился на перевязочный пунктъ, гдѣ оказалось, что пуля попала въ икру и засѣла у берцовой кости, сильно оцарапавъ ее; оттуда-то онъ ее и вытащилъ. Когда докторъ сказалъ ему, что его отправятъ съ ранеными въ госпиталь, онъ ни за что не соглашался, и пришлось *приказать* ему отправиться съ прочими ранеными.

Когда выѣхала впередъ казачья цѣпь, закрывъ нашихъ санитаровъ отъ Турокъ, Генералъ поѣхалъ тоже къ передовымъ ложементамъ, чтобы поблагодарить людей за храброе поведеніе въ дѣлѣ. Возлѣ стрѣлковаго кургана мы увидѣли массу тѣлъ, а немного далѣе цѣлыя кучи людского мяса, наваленнаго сюда

страшнымъ дѣйствіемъ шрапнели. Батарея къ концу дѣла стрѣляла по густымъ колоннамъ шрапнелью на дистанцію триста двадцать пять саженъ. Послѣ объѣзда позиціи и поля сраженія, Генералъ вернулся назадъ и поѣхалъ на перевязочный пунктъ.

Наши потери были слѣдующія: убиты два офицера Тамбовскаго полка,—Подполковникъ *Богаевскій* и Прапорщикъ *Лободовскій*; ранены,—того же полка Штабсъ-Капитанъ *Шлегель*, Поручикъ *Левковецъ*, Подпоручикъ *Тальковскій*; контужены: того же полка Маіоръ *Златолинскій*, Поручикъ *Волькевичъ* и Прапорщикъ *Масловъ*. Затѣмъ нижнихъ чиновъ убито: Пензенскаго полка—одинъ, Тамбовскаго — тридцать девять. Ранено въ Пензенскомъ полку—двадцать девять и въ Тамбовскомъ—сто шестьдесятъ семь. Во второй батареѣ и взводѣ 5-й батареи Гвардейской Конной Артиллеріи ранено десять человѣкъ людей; лошадей убито двадцать, ранено—пятнадцать. Въ Кавказской бригадѣ ранено пятнадцать человѣкъ.

Вотъ наши потери—совершенно ничтожныя въ сравненіи съ Турками, у которыхъ шестьсотъ тѣлъ осталось на полѣ сраженія. Про ихъ раненыхъ мы въ этотъ день ничего знать не могли, такъ какъ, перейдя рѣку Хиджи-Карамандере, они отступили сравнительно въ порядкѣ; арьергардъ ихъ до поздней ночи оставался въ Дольнемъ Бугоровѣ. Деревня эта и въ эту ночь пылала до разсвѣта. На утро Турокъ и слѣдъ простылъ.

Тотчасъ послѣ дѣла было приступлено къ отсылкѣ раненыхъ въ Орханіэ, что составляло не малую заботу, такъ какъ съ большимъ трудомъ были найдены повозки и арбы, необходимыя для этой цѣли, такъ какъ при частяхъ нашего отряда, кромѣ аптечныхъ одноколокъ, никакого медицинскаго обоза не было. Страшное, потрясающее впечатлѣніе производитъ такой перевязочный пунктъ, какъ нашъ, на которомъ пропасть раненыхъ и только четыре доктора. Кромѣ того, въ продолженіе всего дня перевязочный пунктъ былъ подъ артиллерійскимъ огнемъ непріятеля. Только что пришелъ Генералъ *Вельяминовъ* на перевязочный пунктъ, какъ мы всѣ были свидѣтелями довольно курьезнаго случая.

Какой-то молодой солдатикъ вмѣстѣ съ тремя товарищами несъ раненаго на носилкахъ и, подходя уже къ перевязочному пункту, вынулъ изъ кармана сухарь, откусилъ кусокъ и подавился имъ. Всего этого мы не видали, но вдругъ за Генераломъ раздается страшное хрипѣніе,—оборачиваемся, видимъ солдатика съ глазами на выкатѣ, съ разинутымъ ртомъ, посинѣвшимъ лицомъ, на которомъ налились всѣ жилы, и силящагося вздохнуть. Докторъ 2-й батареи Гвардейской Конной Артиллеріи, *Ивановъ*,

сталъ пробовать всевозможныя средства, чтобы вытащить сухарь, но все оказалось тщетнымъ; между тѣмъ, солдатикъ началъ терять сознаніе; тогда докторъ рѣшился сдѣлать ему операцію, называемую горлосѣченіемъ, и вынуть оттуда злополучный сухарь. Это было сдѣлано и вышло очень удачно; горло зашили, и бѣднаго отправили вмѣстѣ съ другими ранеными въ Орханіэ.

Этотъ фактъ невольно наводитъ на размышленіе, что чему быть, того не миновать. Цѣлый день солдатикъ былъ подъ убійственнымъ огнемъ, храбро работалъ штыкомъ во время аттаки, а тутъ, послѣ дѣла, когда уже опасность прошла, подавился сухаремъ. До поздняго вечера все еще слышались стоны и крики на перевязочномъ пунктѣ.

Отрядъ оставался на позиціи всю ночь, но эту ночь уже нельзя было сравнить съ прошлой; всякій солдатъ понималъ, что Турки нравственно потрясены, а нашъ нравственный уровень поднялся. Я никогда не могъ объяснить себѣ то чудное ощущеніе побѣды, которое чувствуешь послѣ удачнаго дѣла; какъ-то сознаешь, что долгъ выполненъ блистательно, и своей нравственной силой сломилъ упорство врага; становишься бодрымъ, веселымъ, радостнымъ. Однимъ словомъ, это ощущеніе описать и объяснить нельзя, но, что оно есть, скажетъ каждый, кто былъ въ дѣлѣ.

Весь отрядъ на ночь стянулся ближе къ деревнѣ, хотя и оставаясь на позиціи; впереди, какъ и въ ночь на 20-е Января, бригада Генерала *Черевина* занимала аванпостную цѣпь. Какъ хорошо спалось въ эту ночь,—совершенно не безпокойный сонъ прошлой ночи, гдѣ каждый спалъ однимъ глазомъ, съ минуты на минуту ожидая тревоги.

Для сна на морозѣ и солдатики и мы употребляли довольно остроумный способъ. Вырывалась въ снѣгу круглая яма сажени полторы въ діаметрѣ; со дна ея снимали снѣгъ до голой земли, затѣмъ въ серединѣ ямы раскладывали костры и кругомъ него спали. Правда, часто загоралось платье и болѣли глаза отъ дыма, но дѣлать было нечего.

На другой день отрядъ весь стянулся на бивуакъ къ деревнѣ; всѣ вздохнули свободнѣе.

Въ часъ дня показалась на нашемъ лѣвомъ флангѣ колонна Генерала *Рауха*, шедшая на Софію; она догнала насъ, и около пяти часовъ мы услыхали канонаду верстахъ въ пяти, возлѣ деревни Враждебна, гдѣ войсками этой колонны былъ взятъ большой крытый мостъ черезъ рѣку Искеръ. Мостъ этотъ былъ защищаемъ тремя таборами пѣхоты и шестью сотнями кавалеріи.

Попытка Турокъ зажечь мостъ не удалась, благодаря лихой аттакѣ стрѣлковъ Императорской Фамиліи. Колонна Генерала *Рауха* расположилась на бивуакѣ у деревни Враждебна; она состояла изъ 1-й бригады Гвардейской пѣхотной дивизіи, Гвардейской стрѣлковой бригады и Козловскаго полка,—все это со своей артиллеріей.

21-го числа, часовъ около двухъ дня, у насъ въ отрядѣ были собраны войска для отданія послѣдней почести погибшимъ въ дѣлѣ подъ Горнымъ Бугоровымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Отпѣваніе происходило въ болгарской церкви этого села, и похоронили ихъ тутъ же около церкви.

Въ этотъ день въ Бугоровъ прибылъ Штабъ Генерала *Гурко*, и къ нашему отряду присоединилась 3-я батарея Гвардейской Конной Артиллеріи. Когда мимо нашего расположенія проходила колонна Генерала *Рауха*, Командиръ 2-й батареи получилъ позволеніе пополнить свои передки изъ ящиковъ 8-й Донской батареи, но попытка удалась только на половину: артиллерійскій офицеръ, посланный для принятія снарядовъ, получилъ только по шести зарядовъ на орудіе и то съ неимовѣрными трудами.

Я поѣхалъ въ этотъ день, послѣ похоронъ убитыхъ, съ однимъ изъ товарищей посмотрѣть на поле сраженія, на которомъ еще, рѣзко выдѣляясь на бѣломъ фонѣ снѣга, валялись убитые Турки. Уборка ихъ труповъ была возложена на Болгаръ, но они занялись скорѣе грабежемъ, совершенно раздѣвая мертвыхъ притѣснителей. Турки всѣ лежали въ тѣхъ же позахъ, въ которыхъ были убиты: кто на колѣняхъ, кто лежа, кто сидя и т. д. Въ особенности ихъ было много около стрѣлковаго кургана. Мнѣ кажется, что своей побѣдой мы обязаны тому, что подпустили Турокъ на очень близкую дистанцію, и затѣмъ, открывъ по нимъ мѣткій стрѣлковый огонь, стрѣльбу залпами и стрѣльбу шрапнелью сразу, въ теченіе какого-нибудь получаса вывели у нихъ огромный процентъ людей изъ строя, а оставшихся въ живыхъ огорошили стремительной контръ-аттакой въ штыки.

Убитые Турки всѣ были хорошо одѣты,—по двѣ пары шароваръ, двѣ куртки, огромный поясъ, ватная фуфайка, у каждаго двѣ, три фески; ноги были обернуты въ огромный кусокъ холстинки, пропитанной дегтемъ, а затѣмъ сверху родъ кожанаго лаптя. Большинство Турокъ были люди не старые, большого роста, хорошаго тѣлосложенія. Ружья были новыя—системы Пибоди-Мартини и системы Снайдера; у кавалеріи магазинки Винчестера. Изъ этого всего мы заключили, что это должны были быть свѣжія,

недавно сформированныя войска. По мундирамъ судя, это былъ редифъ.

Пріѣхавъ съ этой прогулки назадъ, когда уже начинало вечерѣть, я пошелъ прямо къ себѣ въ хатку, и тамъ, закусивши поплотнѣй, улегся спать.

На другое утро отрядъ, получивъ новое назначеніе, сталъ сниматься съ бивуака часовъ въ девять утра. Туманъ былъ страшный. Въ двухъ шагахъ ничего нельзя было разобрать. Отрядъ нашъ получилъ назначеніе быть правой обходной колонной; мы должны бы были аттаковать Софію съ сѣвера, такъ какъ главная линія укрѣпленій лежитъ на востокъ, т. е. противъ Генерала *Гурко*. Получивъ такое назначеніе, мы должны были итти на деревни Бутонецъ, Челопецъ, Негованъ и Куманицу, гдѣ отрядъ нашъ долженъ былъ ожидать приказаній для боя 24-го числа подъ Софіей.

Наша кавалерія въ эту ночь ночевала у деревни Челопецъ. Итакъ, утромъ мы выступили. Морозъ въ этотъ день былъ довольно сильный. Часовъ около одиннадцати мы дошли до Негована; тутъ насъ обогналъ Генералъ-Адъютантъ *Гурко* со своимъ Штабомъ; онъ ѣхалъ, чтобы произвести лично рекогносцировку софійскихъ укрѣпленій.

Генералъ ѣхалъ въ сюртукѣ на лисьемъ мѣху. Поздоровавшись съ войсками, онъ благодарилъ ихъ за блестящее дѣло подъ Горнымъ Бугоровымъ. Его простое „спасибо вамъ, ребята, за молодецкую службу!“ до сихъ поръ еще звучитъ въ моихъ ушахъ. Видно было, что онъ говорилъ не избитую фразу, а что дѣйствительно службу сослужили молодецкую, что Генералъ чувствуетъ это и благодаритъ отъ души.

Въ Неговапѣ былъ сдѣланъ большой привалъ. Деревня была болгарская; Турки сожгли, проходя тутъ, все сѣно. Болгаринъ, къ которому зашелъ въ хату Генералъ *Вельяминовъ*, оказался очень гостепріимнымъ. Угостилъ насъ всѣхъ яйцами, молокомъ, хлѣбомъ, сыромъ (брынзой). Денщики сварганили чай, а одинъ изъ кавказскихъ Казаковъ успѣлъ сдѣлать на тонкой палочкѣ немного шашлыку изъ бывшей у него баранины, такъ что завтракъ вышелъ на славу. Чай обыкновенно дѣлался такъ: въ обыкновенномъ солдатскомъ котелкѣ варили кипятокъ; послѣ перваго кипѣнія бросали туда щепотку чая, затѣмъ давали еще вскипѣть, и чай готовъ. И какъ вкусенъ онъ казался, хотя иногда вмѣсто сахару мы употребляли, за неимѣніемъ его, медъ, шеколадъ, рохатъ-лукумъ и т. д. Все-жъ-таки чай былъ самой необходимой и

самой существенной вещью въ походѣ. Въ этомъ селѣ мы узнали, что Турки, уходя, забрали къ себѣ въ Софію въ видѣ заложниковъ всѣхъ джурбаджи (сельскихъ старостъ) изъ окрестныхъ деревень.

Пришли мы въ Куманицу засвѣтло. Деревня маленькая, а въ ней помѣстился весь отрядъ, кромѣ Казачьей бригады, но зато пришла на соединеніе съ нами Гвардейская Стрѣлковая бригада. Кавалерія Генерала *Черевина* занимала аванпосты къ сторонѣ Софіи. Предполагалось 23-го остаться на мѣстѣ и отдохнуть, а на другой день аттаковать Софію. Всѣ порядкомъ устали; поэтому скоро всѣ забрались въ хаты, и только одна дежурная часть, выставленная порядочно впереди деревни, бодрствовала. Вечеръ прошелъ въ отрядѣ совершенно тихо и спокойно; всякій радовался, что можетъ отдохнуть, поспать, перемѣнить бѣлье и т. д.

На другой день 24-го я всталъ поздно. Генераломъ *Вельяминовымъ* былъ посланъ офицеръ Генеральнаго Штаба Капитанъ *Бюргеръ* для того, чтобы сдѣлать рекогносцировку сѣверныхъ укрѣпленій города. При выѣздѣ изъ деревни былъ пригорокъ, съ котораго видны были мечети и колокольни Софіи.

Къ полудню между Болгарами стали ходить слухи, что городъ очищенъ Турками, слухи довольно упорные; говорили, что изъ Софіи вернулся какой-то братушка и разсказывалъ, что Турки ушли въ Радоміръ. Къ часу дня стало оффиціально извѣстно, что Турки бѣжали изъ Софіи, бросивъ тамъ около 5 тысячъ раненыхъ и больныхъ, огромные склады провіанта и военныхъ припасовъ съ адресомъ „въ Плевну“. Муки одной было до 200 тысячъ пудовъ. Кромѣ того, было пропасть ружей всевозможныхъ системъ, снарядовъ, патроновъ, сухарей, галетъ, рису, ячменя, полбы и т. д. Турки бѣжали до того поспѣшно, что не сняли даже часовыхъ съ укрѣпленій, что долго вводило въ заблужденіе нашу кавалерію, которая заняла городъ только утромъ, тогда какъ Турки вышли изъ города въ полночь съ 23 на 24.

Часамъ къ 4-мъ вечера нашему отряду приказано выступить въ Софію. Отрядъ выступилъ вмѣстѣ съ Гвардейской Стрѣлковой бригадой. Послѣ 2 часовъ ходу мы подошли къ городу съ сѣверной стороны, вышли на Пиротское шоссе и по немъ уже подошли къ самой Софіи. Около этого шоссе на двухъ холмахъ видны были два порядочныхъ редута съ траверсами и амбразурами. Кромѣ того, на огромномъ разстояніи вправо и влѣво была траншея. По всему видно, что она сдѣлана недавно, потому что не была даже покрыта снѣгомъ, а укрѣпленія были имъ совсѣмъ

завалены. Кромѣ того, вдоль этихъ траншей, вынесенныхъ на огромное разстояніе впередъ, стояло рядами множество палатокъ въ шахматномъ порядкѣ, но большая часть палатокъ никуда не годилась, такъ какъ была изрѣзана вдоль полотнищъ. Лагерь имѣлъ такую физіономію, точно Турки покинули его за часъ до нашего прихода. У Софіи къ намъ выѣхалъ навстрѣчу Капитанъ *Бюргеръ*, уѣхавшій утромъ, и остановилъ отрядъ, объявивъ, что намъ въ городъ вступать нельзя, а надо стать бивуакомъ на шоссе. Но Генералъ *Вельяминовъ* сейчасъ же отправилъ еще кого-то къ Генералъ-Адъютанту *Гурко* для того, чтобы испросить позволеніе стать на квартиры.

Въ это время стало темнѣть; морозъ порядочный, такъ и щиплетъ; кромѣ того, сильный холодный вѣтеръ. Солдаты, чтобы развлечь себя и согрѣться, собрались въ кружки и стали пѣть; потомъ пошелъ и плясъ; такъ простояли мы напрасно часа 4, когда, наконецъ, пришло съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемое позволеніе войти въ городъ. Въ городъ собственно намъ войти не позволили, а разрѣшили входъ только къ предмѣстью, которое отдѣлялось отъ города узенькимъ и грязнымъ ручейкомъ. Вдоль этого ручья нами была выставлена охранительная цѣпь. Часамъ къ 10 съ лишнимъ мы вошли, наконецъ, въ Софійское предмѣстье и кое-какъ размѣстились въ покинутыхъ жителями хатахъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ оставались Болгары, а турецкіе дома всѣ были пусты. Проходя мимо лагерей, солдаты захватили съ собою нѣсколько палатокъ, которыя потомъ были изорваны на портянки.

Когда мы шли въ городъ, то по дорогѣ мы встрѣтили пропасть Болгаръ съ волами и лошадьми, нагруженными всякимъ добромъ, награбленнымъ въ покинутыхъ турецкихъ домахъ. Тутъ были и ружья, и шашки, и платки, и одѣяла, и подушки, и всякая штука.

Ночь провели мы спокойно, хотя всю ночь въ городѣ.

За ручьемъ слышна была стрѣльба, иногда довольно частая, а потомъ опять только одиночные выстрѣлы.

На другой день съ утра мы поѣхали осматривать городъ; хотѣли также найти бани, чтобы вымыться, но порядочныхъ, чистыхъ не оказалось, и къ тому же онѣ были полны солдатиками. Долго мы ѣхали по турецкому кварталу, большинство домовъ котораго было пусто. Изрѣдка на углахъ было свалено въ кучу разное имущество и утварь изъ этихъ домовъ; и около каждой такой кучи стоялъ русскій часовой, сберегая пожитки бѣжавшаго

турецкаго населенія. Возлѣ каждой мечети тоже стояли часовые, потому что въ нихъ было собрано всевозможное добро, провіантъ, фуражъ и боевое снаряженіе.

Поѣздивъ по городу, мы замѣтили, что множество турецкихъ семействъ возвращается назадъ подъ прикрытіемъ нашихъ часовыхъ. Затѣмъ мы заѣхали въ турецкій госпиталь Краснаго Полумѣсяца. Госпиталь этотъ былъ подъ управленіемъ *лэди Стретфордъ*; онъ былъ биткомъ набитъ; больные валялись на полу, толпились въ комнатахъ, не перевязанные, голодные...

Лэди Стретфордъ сказала намъ, что съ 20 Декабря въ Софію привезли съ Орханійскаго шоссе до 1800 раненыхъ. А съ 20 числа на этомъ шоссе было только два дѣла—подъ Горнымъ Бугоровымъ и у Враждебны; поэтому можно безошибочно сказать, что по крайней мѣрѣ 1200 человѣкъ ранены подъ Бугоровымъ. Послѣ этого посѣщенія мы поѣхали по лавкамъ закупать себѣ провизіи, сахару, соли, консервовъ и т. д. Затѣмъ, вернувшись домой, пообѣдали, а вечеръ провели въ бесѣдѣ о минувшихъ дѣлахъ, разсуждая вкривь и вкось, какъ это всегда бываетъ съ подначальнымъ народомъ.

На другой день рано утромъ собрались въ церковь, куда съѣхалось почти все офицерство, что было въ городѣ. Потомъ, отстоявъ обѣдню, позавтракали въ скверномъ трактирѣ, носившемъ громкое названіе „Hotel d'Europe“, затѣмъ вернулись опять въ свое предмѣстье.

Часовъ около пяти пришло приказаніе отряду выступить изъ Софіи и, соединившись со своей кавалеріей въ Чердакли, итти на Самаковъ, а оттуда въ долину Марицы, на Банью и Татаръ-Базарджикъ. Къ нашему отряду присоединили: Козловскій полкъ, баталіонъ Пензенцевъ, 4 орудія Донской батареи, а ко 2-й батареѣ Гвардейской Конной Артиллеріи присоединили 2 зарядныхъ ящика 3 батареи той же бригады, а 4 орудія этой батареи отдѣлились отъ отряда. Однимъ словомъ, отрядъ состоялъ изъ полковъ: Тамбовскаго 2-хъ баталіоновъ, Пензенскаго и Козловскаго, 4-хъ орудій второй, 4 орудій 5-й батареи Гвардейской Конной Артиллеріи, 4 орудій 8 Донской батареи и всей Кавказской Казачьей бригады.

Назначеніе нашего отряда было, овладѣть городомъ Самаковымъ и этимъ помѣшать соединенію отступившаго на Радоміръ и Дубницу Софійскаго гарнизона съ арміей *Шакиръ-Паши* въ Татаръ-Базарджикѣ. Затѣмъ отрядъ долженъ былъ итти на Банью и Татаръ-Базарджикъ. Въ то же время своими операціями противъ

лѣваго фланга и тыла Канудашской позиціи отрядъ долженъ былъ способствовать взятію ея войсками *Графа Шувалова*. Но, какъ оказалось потомъ, Турки покинули эту позицію безъ боя.

Итакъ, часовъ около 5½ авангардъ отряда, Козловскій полкъ и 4 орудія 2 батареи Гвардейской Конной Артиллеріи и 7 сотенъ Кавказской Казачьей бригады съ 4 орудіями 8-й Донской батареи, выступилъ изъ Софіи на Чифликъ-Чердакли. Мы еще тянулись по узкимъ улицамъ города, когда стемнѣло; морозъ усилился и шоссе, по которому мы шли, представляло зеркальную поверхность: была страшная гололедица. Орудія поминутно падали, то на одну, то на другую сторону, что очень задерживало движеніе колонны. Часамъ къ 10 вечера мы пришли, наконецъ, и увидѣли передъ собой хуторъ съ 3—4 избами; людямъ приходилось спать прямо на снѣгу.

Намъ достался амбаръ безъ оконъ и дверей; полъ былъ весь усыпанъ кукурузой, такъ что, чтобы хоть сколько-нибудь согрѣться, пришлось разгрести кукурузу и разложить костеръ на полу, подъ окномъ, чтобы дымъ хотя немного вытягивался имъ. Тѣмъ не менѣе вся комната была полна дыму, который страшно ѣлъ глаза; но усталость скоро взяла свое, и всѣ мы заснули крѣпкимъ сномъ.

На другое утро часовъ около восьми отрядъ выступилъ съ бивуака чрезъ деревню Лозу, на деревню Паста-Пасарель. Утро было великолѣпное, но морозное; къ полудню мы подошли къ деревнѣ Лозѣ, гдѣ былъ сдѣланъ привалъ. Отсюда дорога поднимается въ горы, извиваясь зигзагами. Подъемъ на эти горы хотя и былъ не особенно крутъ, но все-жъ-таки очень труденъ. Къ чести конной артиллеріи нужно сказать, что этотъ переходъ чрезъ перевалъ Брдо она совершила безъ всякой помощи пѣхоты. Послѣ полудня на горахъ стало таять, такъ что пѣхота, нагруженная восьмидневнымъ запасомъ сухарей, патронами, мясной порціей и т. д., еле-еле шла на эти кручи.

Когда мы достигли высшей точки перевала, нашимъ глазамъ представился чудный видъ на Софійскую долину, всю покрытую прозрачнымъ розово-голубымъ туманомъ, а на сѣверномъ горизонтѣ высились вершины Большого Балкана. Балканы зимою имѣютъ ужасно голый и дикій характеръ; я всегда ужасно жалѣлъ, что не придется ихъ увидѣть лѣтомъ. Еще было довольно свѣтло, когда отрядъ достигъ деревни Паста-Пасарель, куда поздно вечеромъ пришли и главныя силы съ Генераломъ *Вельяминовымъ* и его Штабомъ.

Въ этотъ день Владикавказскій полкъ имѣлъ перестрѣлку съ Турками у деревни Чемурли. Турки сейчасъ же отступили по направленію деревни Новосело.

На другой день 27-го рано утромъ поднялись мы, чтобы итти дальше. Въ этотъ день путь нашъ лежалъ все время то однимъ, то другимъ берегомъ Искера. Это не значитъ, что мы шли по гладкой дорогѣ возлѣ берега, нѣтъ; наша дорога была по скаламъ, гдѣ внизу бушевалъ, пѣнясь и клубясь, Искеръ; два или три раза ширина дороги не превышала сажени, такъ что, глядя сзади, захватывало духъ, когда орудійныя и ящичныя колеса проходили въ трехъ или четырехъ вершкахъ отъ страшной пропасти; въ особенности страшно было, когда покатость дороги была къ сторонѣ обрыва.

Подходя къ деревнѣ Калково, мы услышали впереди довольно живую перестрѣлку. Дѣло было въ томъ, что два табора Турокъ наступали изъ Новосела на Чемурли, но были встрѣчены Казаками Генерала *Черевина*; кромѣ того, къ Чемурли изъ авангарда былъ тотчасъ отправленъ баталіонъ Козловцевъ съ приказаніемъ выбить Турокъ изъ деревни. Одно появленіе нашей пѣхоты на флангѣ Турокъ заставило ихъ снова поспѣшно отступить къ Новоселу; Козловскій полкъ тотчасъ занялъ Чемурли. Къ этому времени къ деревнѣ Калково подошли и главныя силы отряда. Тутъ отряду приказано было остановиться, и мы расположились на ночлегъ частью въ Калковѣ, частью въ Чемурли.

На другой день предполагалась аттака Самаковскихъ позицій. Турки выставили два заслона: одинъ для защиты самого города Самакова, на высотѣ у деревень Драгочинъ и Широкій-Долъ, а другой оборонялъ Татаръ-Базарджикское шоссе. Для защиты этой позиціи они воздвигли укрѣпленія въ ущельи впереди деревни Новосело.

Принявъ во вниманіе все это, Генералъ раздѣлилъ нашъ отрядъ на три колонны, изъ которыхъ каждая имѣла свое назначеніе. Правая, подъ командой Командира Тамбовскаго полка Полковника *Головина*, силою въ одинъ баталіонъ пѣхоты, взводъ 5-й батареи Гвардейской Конной Артиллеріи и сотню Казаковъ, должна была наступать по шоссе изъ Калкова прямо на Самаковъ. Средняя колонна состояла изъ одного баталіона Пензенскаго полка и двухъ баталіоновъ Тамбовскаго, четырехъ орудій 2-й батареи Гвардейской Конной Артиллеріи и сотни Казаковъ.

Эта колонна была подъ начальствомъ Генералъ-Маіора *Радзиевскаго*; назначеніе ея было двинуться изъ деревни Чемурли къ

деревнѣ Слакучинъ, гдѣ, занявъ позиціи противъ Турокъ у Драгочина, аттаковать ихъ. Наконецъ, лѣвую колонну составляли: весь Козловскій полкъ, одинъ баталіонъ Пензенцевъ, пять сотенъ Казаковъ и четыре орудія 2-ой Донской батареи. Эта колонна, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора *Черевина*, должна была аттаковать Турокъ у Новосела и потомъ выйти на Татаръ-Базарджикское шоссе, въ тылъ турецкимъ войскамъ, расположеннымъ у Самакова.

Почти всѣ три колонны отряда одновременно завязали бой. Отряды Полковника *Головина* и Генерала *Радзишевскаго* имѣли характеръ скорѣе демонстративный и должны были дожидаться рѣшительныхъ результатовъ у Новосела и затѣмъ уже аттаковать сами болѣе настойчиво.

Оба эти отряда завязали дѣло около двухъ часовъ. Четыре орудія 2-й батареи у деревни Слакучинъ и два орудія 5-й батареи на шоссе открыли огонь по турецкимъ стрѣлковымъ цѣпямъ шрапнелью; пѣхота построила боевой порядокъ и начала тоже наступать, открывъ рѣдкій огонь. Рѣшительное наступленіе средней колонны было почти немыслимо,—насъ отдѣлялъ отъ Турокъ огромный оврагъ и затѣмъ впереди ихъ укрѣпленій, расположенныхъ на уступахъ горъ, была цѣпь холмиковъ, изрытыхъ траншейками для стрѣлковъ. Турки на нашъ вялый огонь жгли патроны по своему обыкновенію въ невѣроятномъ числѣ.

Часовъ около четырехъ, по приказанію Генерала *Радзишевскаго*, два орудія 2-й батареи подъѣхали поближе къ Туркамъ, къ самому краю оврага, на четыреста саженъ отъ непріятельскихъ стрѣлковъ. Мѣстность на занимаемой нами позиціи была настолько пересѣченная, что этимъ двумъ орудіямъ для того, чтобы подвинуться на пятьсотъ пятьдесятъ саженъ впередъ, пришлось сдѣлать объѣздъ въ три версты и то еще по самой невозможной дорогѣ.

Эти два орудія успѣли сдѣлать два или три выстрѣла, какъ вдругъ среди начинавшаго понемногу разгораться боя Турки почти одновременно по всей линіи какъ въ долинѣ, такъ и на горахъ прекратили огонь. Съ ихъ стороны послышались громкіе крики и выѣхали въ нѣсколькихъ мѣстахъ парламентеры съ трубачами и бѣлыми флагами. Одного изъ нихъ тотчасъ привели къ Генералу *Радзишевскому*, и оказалось, что турецкое начальство получило телеграмму сераскеріата о томъ, что будто между нашимъ и турецкимъ главнокомандующими заключено перемиріе. Турецкаго парламентера задержали; при этомъ онъ заявилъ, что Турки

откроютъ огонь только въ случаѣ, если мы будемъ продолжать наступленіе. Телеграмма, привезенная имъ, была на турецкомъ языкѣ.

Въ этотъ день въ обоихъ отрядахъ огня болѣе не открывали. Войска всѣ оставались на позиціяхъ; только поздно ночью весь отрядъ придвинулся вплотную къ выставленнымъ аванпостамъ и окопался насколько было возможно. Къ двумъ орудіямъ второй батареи присоединились и другія два; вся батарея подвинулась еще ближе, и за ночь вырыта была углубленная батарейка на четыре орудія.

Турецкимъ парламентерамъ было передано, что послано къ Генералъ-Адъютанту *Гурко* за разъясненіями; насъ нѣсколько человѣкъ сопровождало парламентера до ихъ цѣпи, и намъ довелось видѣть радость Турокъ по случаю заключенія перемирія. Мимо меня проходилъ таборъ въ колоннѣ; солдаты наперерывъ протягивали мнѣ и моему вѣстовому руки, крича, — „братушко, джени іокъ“, что значитъ „братецъ, нѣтъ войны“; нѣкоторые кричали по-турецки „московъ турца кардашъ“, т. е. Русскій и Турокъ братья. Вообще, солдаты были видимо вполнѣ убѣждены, что заключенъ миръ и что войнѣ конецъ. Они, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ своихъ офицеровъ, шумно выражали свое удовольствіе по этому поводу. Офицеры тоже, впрочемъ, не отставали отъ нихъ; у всѣхъ на лицахъ была написана неподдѣльная радость. Одни начальствующія лица сохраняли собственное достоинство и больше молчали.

Лѣвая колонна подошла къ Новоселу также около двухъ часовъ. Здѣсь дѣло было болѣе серьезное, какъ по потерямъ, такъ и по своимъ результатамъ. Къ вечеру Турки съ большими потерями были выбиты штыками изъ нѣсколькихъ рядовъ траншей. Наши аттаковали съ фронта; одинъ баталіонъ Пензенцевъ зашелъ имъ во флангъ. Несмотря на значительный успѣхъ, люди страшно устали вслѣдствіе крутизны подъемовъ, по которымъ приходилось подниматься; затѣмъ глубокій снѣгъ ужасно затруднялъ движеніе. Поэтому наступившая темнота какъ-бы послужила сигналомъ къ отдыху. Перестрѣлка прекратилась. Тотчасъ съ турецкой стороны выѣхалъ парламентеръ съ точно такой телеграммой, какъ и въ Слакучинѣ. Здѣсь съ парламентеромъ, кромѣ того, пріѣхалъ и начальникъ турецкихъ войскъ.

Генералъ *Вельяминовъ* потребовалъ, чтобы до полученія отвѣта Генерала *Гурко* непріятель перевелъ свои войска на лѣвый берегъ Искера и очистилъ Самаковъ, но Турки на это условіе ни за

что не соглашались; тогда рѣшили оставить войска до разъясненія обстоятельствъ на занятыхъ ими позиціяхъ. Дѣло подъ Новоселомъ, гдѣ всѣ вели себя примѣрно, стоило намъ убитыми одного офицера, Капитана *Краснокутскаго*, и 26 нижнихъ чиновъ; ранеными—Поручика *Квицинскаго* и 131 нижнихъ чиновъ. Для перевозки раненыхъ подъ Новоселомъ были вызваны доктора изъ колонны Генерала *Радзишевскаго*. Отправка раненыхъ была чрезвычайно затруднительна,—ихъ нужно было отправить въ Софію, гдѣ въ то время были госпитали.

Слѣдующій день прошелъ совершенно спокойно. Генералъ *Радзишевскій* потребовалъ заложника, и Турки прислали Командира табора, маіора. Около избы его тотчасъ поставлено было два часовыхъ. Въ сумерки мы пошли потолковать съ Туркой, такъ какъ онъ объяснялся ломанымъ французскимъ языкомъ.

Онъ между прочимъ разсказалъ намъ, что въ день дѣла у каждаго турецкаго солдата на себѣ 350 патроновъ, да кромѣ того за каждымъ таборомъ десять вьючныхъ лошадей, и на каждой по 1,000 патроновъ. „А въ одномъ переходѣ сзади“, прибавилъ онъ, „патроновъ сколько угодно“. Вотъ причины, по которымъ Турки могутъ развить свой огонь въ дѣлѣ до невѣроятныхъ размѣровъ. Но самыя дѣла показываютъ, что рѣдкая, но мѣткая стрѣльба, выдержанная на болѣе близкія дистанціи, даже изъ завѣдомо дурныхъ ружей Крынка, даетъ лучшіе результаты, нежели турецкій огонь.

Весь этотъ день прошелъ совершенно спокойно; нѣкоторые офицеры ѣздили къ Туркамъ въ Самаковъ. По ихъ разсказамъ, Турки угостили ихъ на славу всевозможными явствами и т. д.

Поздно ночью турецкая цѣпь, которая днемъ была видна ясно, такъ какъ темный силуэтъ часового выдѣлялся на бѣломъ фонѣ снѣга, обозначилась цѣлымъ рядомъ маленькихъ костровъ; зрѣлище было довольно красивое.

30-го Декабря рано утромъ наши аванпосты увидѣли, что Турки за ночь исчезли, а остались одни только догоравшіе костры. Кавалерія двинулась тотчасъ же за Турками, а пѣхота стала готовиться къ занятію Самакова. Это было въ Слакучинѣ. Подъ Новоселомъ кавалерія успѣла даже забрать нѣсколько (28) плѣнныхъ при отступленіи Турокъ.

Непріятель ушелъ на Банью, отступая по весьма узкому ущелью, почему Генералъ *Вельяминовъ* и не рѣшился втянуться также въ ущелье, въ особенности имѣя въ виду то, что мы не знали навѣрно, есть ли въ Дубницѣ Турки или нѣтъ. Между тѣмъ, слухъ,

что непріятель находится въ Дубницѣ, поддерживался бѣжавшими оттуда Болгарами. Въ 2 часа городъ Самаковъ былъ занятъ нами. Населеніе встрѣтило войска весьма радушно. Угощеніямъ не было конца, и офицеровъ и солдатъ потчивали одинаково.

Во время пребыванія нашего въ Самаковѣ были выставлены дежурныя части къ Дубницѣ. По этому же шоссе стояло и 4 орудія 2-й батареи Гв. Конной Артиллеріи. Ихъ помѣстили около сукновальни. Рядомъ съ ихъ бивуакомъ былъ огромный хуторъ, нарочно приноровленный для вяленія баранины, приготовляемой для арміи. Артиллеристы нашли тамъ пропасть соли, сала, баранины и т. п., и такъ какъ вялильня была покинута Турками, то и запаслись этими продуктами.

На другой день 31-го отрядъ подъ командой Генерала *Радзишевскаго* выступилъ изъ Самакова. На шоссе верстахъ въ восьми отъ города мы соединились съ Новосельскимъ отрядомъ, и Генералъ *Вельяминовъ* принялъ начальство надъ всей колонной. Переходъ этотъ черезъ Банью былъ весьма труденъ. Дорога почти все время шла узкимъ ущельемъ, надъ страшной пропастью, на днѣ которой шумѣлъ потокъ. Часто случались крутые косогоры, покрытые ледяной корой и откосъ которыхъ былъ къ сторонѣ пропасти, такъ что приходилось держать орудія на лямкахъ, чтобы они не падали туда. Бывшая ночью мятель занесла нѣкоторыя мѣста до того, что надо было отрывать дорогу. Кромѣ того, по дорогѣ было три перевала, которые представили не мало затрудненія какъ при подъемѣ, такъ и при спускѣ.

Въ особенности послѣдній спускъ къ Баньѣ былъ невозможенъ. Ящики шли совершенно выпряженными, перескакивая съ камня на камень и волоча за собой десятка два людей. Цѣлый день по дорогѣ намъ попадались трупы замерзшихъ Турокъ, раненыхъ, разбитыя каруцы, патронные и зарядные ящики. Кромѣ того, множество отсталыхъ и больныхъ турецкихъ солдатъ тянулось по дорогѣ. Большинство изъ нихъ едва передвигало ноги отъ усталости и изнеможенія. Ружья свои эти несчастные побросали даже до нашего появленія, чтобы легче было итти.

Часамъ къ десяти вечера отрядъ прибылъ въ Банью. Нѣтъ хуже, когда войдешь въ деревню или городокъ, уже занятый войсками. Всѣ постройки заняты, на улицахъ костры. Улицъ не знаешь, просто бѣда. Такъ и въ Баньѣ. Долго мы искали избушки, чтобы пріютиться. Въ одной два или три семейства Болгаръ, въ другой нѣсколько семействъ Турокъ переселенцевъ (бѣженцевъ), въ третьей два или три трупа христіанъ или Турокъ, и все въ

такомъ родѣ. Мы заняли турецкую хату съ выбитыми окнами и дверьми. Окна и двери завѣсили попонами, бурками и приготовились встрѣтить новый годъ въ 12 часовъ. Намъ приготовили на сей день отличныхъ котлетъ, а мы сами сдѣлали соусъ изъ двухъ коробокъ консервныхъ омаровъ, которые были куплены въ Софіи. Ужинъ вышелъ на славу, а вмѣсто шампанскаго былъ коньякъ и раздобытый въ Софіи pounch royal.

На другой день раннимъ утромъ отрядъ двинулся дальше къ Татаръ-Базарджику, куда была выдвинута кавалерія еще съ вечера. Къ отряду присоединенъ былъ Финляндскій полкъ. Цѣлый день мы шли, дѣлая самые короткіе привалы, такъ что не успѣешь даже чаю напиться. Всѣ селенія, которыя приходилось проходить по дорогѣ, были пожжены Турками; на улицахъ валялись трупы людей и животныхъ. Костры, зажженные Турками, еще не успѣли потухнуть,—такъ близко отъ насъ былъ отступившій непріятель. По сторонамъ села тоже пылали. На дорогѣ то и дѣло попадались повозки съ бѣгущими жителями, брошенный обозъ Турокъ, ящики съ патронами и снарядами, ружья, ранцы и т. д.

Въ этотъ день морозъ былъ очень сильный, холодъ увеличивался еще рѣзкимъ и порывистымъ сѣвернымъ вѣтромъ. По дорогѣ гололедица страшная, но путь былъ ровнѣе; не было такихъ подъемовъ и спусковъ, какъ прежде. Однимъ словомъ, изъ настоящихъ горъ мы выбрались совсѣмъ. По дорогѣ намъ попадалась пропасть большихъ и малыхъ мостовъ, правда, черезъ маленькія рѣчки, но зато крутые и высокіе берега ихъ дѣлали переправу въ бродъ совершенно немыслимой; поэтому часто приходило на умъ, отчего Турки не уничтожили этихъ мостиковъ. Къ вечеру морозъ все болѣе и болѣе усиливался; мы должны были дойти до деревни Зимчина и, переночевавъ, двигаться далѣе. Но вышло иначе.

Верстахъ въ пяти отъ Зимчина насъ встрѣтилъ ординарецъ Генералъ-Адъютанта *Гурко* съ приказаніемъ, если возможно, двигаться дальше, не останавливаясь, и постараться къ утру прійти въ Татаръ-Базарджикъ. Точное исполненіе этого приказанія было немыслимо, такъ какъ люди цѣлыми десятками ложились по сторонамъ дороги и моментально засыпали. Цѣлый день, проведенный на морозѣ и сильномъ вѣтру, усталость за два дня похода, по отвратительной дорогѣ, когда имъ приходилось часто помогать артиллеріи, взяли свое; утомленіе людей было чрезвычайное. Я не помню такого ужаснаго перехода по утомленію и длинѣ, какъ

былъ этотъ; поэтому, принявъ все это во вниманіе, Генералъ *Вельяминовъ* рѣшилъ, дойдя до Зимчина, сдѣлать четырехчасовой привалъ и затѣмъ двигаться далѣе къ Татаръ-Базарджику.

Такъ и сдѣлали; дошли до Зимчина, свернули съ дороги на деревню и остановились обогрѣться и поѣсть. Было около двѣнадцати часовъ ночи, такъ что надо было выступить въ четыре часа утра. Не успѣлъ никто выспаться и отогрѣться порядкомъ, какъ уже затрубили сборъ и пришлось подниматься.

Отрядъ выступилъ въ темнотѣ, но сколько онъ оставилъ отсталыхъ въ деревнѣ, этого никто не знаетъ. Дошли мы, такимъ образомъ, до деревни Эшекъ-Каши, гдѣ застали Л.-Гв. Московскій полкъ, который сейчасъ же послѣ прихода нашего отряда выступилъ на Татаръ-Базарджикъ вмѣстѣ съ Финляндцами, пришедшими съ нами. Въ этотъ день предполагался бой у Татаръ-Базарджика,—вотъ почему мы и спѣшили, поелику возможно, прибыть во-время.

Послѣ получасового привала отрядъ двинулся далѣе, и къ полудню мы пришли къ Татаръ-Базарджику, который нашли оставленнымъ Турками. Они покинули городъ на разсвѣтѣ съ 1-го на 2-е Января, предварительно похозяйничавъ тамъ на свой манеръ. Городъ находится на сѣверномъ берегу Марицы, а мы были на южномъ, и мостъ черезъ рѣку былъ разобранъ у двухъ крайнихъ пролетовъ, такъ что пѣхота тотчасъ занялась его починкой, а батареи перешли въ бродъ правѣе моста. По Марицѣ въ это время шло не то сало, не то ледъ; глубина брода была по брюхо конямъ.

Самый городъ мы нашли въ огнѣ, такъ что пѣхота отряда, по приказанію Генерала *Вельяминова*, тотчасъ же занялась тушеніемъ пожаровъ. Кромѣ того, все христіанское населеніе города было выгнано Турками къ станціи желѣзной дороги, откуда жители при насъ возвращались, выражая намъ самую живѣйшую благодарность и радость за избавленіе ихъ отъ Турокъ. Въ церквахъ стали трезвонить. Большая часть города къ нашему появленію представляла уже груду дымящихся развалинъ, среди которыхъ валялось множество человѣческихъ труповъ, жертвъ турецкаго изувѣрства. Городъ представлялъ страшную картину: весь въ огнѣ, лавки разломаны, разграблены, въ домахъ все вверхъ дномъ, сараи съ провіантомъ сожжены, все разбросано, и главное что, городъ былъ почти пустъ, такъ какъ жители были выгнаны. Дорога отъ города къ станціи желѣзной дороги была усыпана гранатами, зарядами, трубками, патронами, сухарями, рисомъ, фуражемъ и т. д.

Генералъ *Вельяминовъ* тотчасъ по прибытіи установилъ кое-какой порядокъ въ городѣ, назначивъ Коменданта и роту Козловцевъ для охраны плѣнныхъ и имѣвшихся въ городѣ складовъ съ военными припасами. Еще до переправы нашей пѣхоты въ городъ, Начальникъ отряда получилъ донесеніе отъ Генерала *Черевина*, что онъ, преслѣдуя съ пятью сотнями Казаковъ и четырьмя орудіями 8-й Донской батареи отступающаго по правому берегу Марицы непріятеля, наткнулся у деревни Сонетли на сильный отрядъ непріятельской кавалеріи (до 3000) и принужденъ отступать, потерявъ одного Казака убитымъ и шесть ранеными. Въ виду этого, Генералъ *Вельяминовъ* отправилъ къ Сонетли Козловскій полкъ и два орудія, но эти части скоро вернулись, такъ какъ Турки, увидѣвъ пѣхоту, поспѣшили отступить на деревню Евренджили.

Казаки преслѣдовали Турокъ.

Полки Л.-Гв. Московскій и Л.-Гв. Финляндскій, по прибытіи къ Татаръ-Базарджику, присоединились снова къ колоннѣ Генералъ-Адъютанта *Шувалова*.

На другой день въ семь часовъ отрядъ уже былъ на ногахъ, и мы выступили по направленію къ Филиппополю на деревню Кадыкіой. Отрядъ, вышедши изъ города, перешелъ снова по исправленному мосту на правый берегъ Марицы; орудія опять пошли въ бродъ. Въ этотъ день по Марицѣ шелъ настоящій ледъ, хотя куски его не были особенно велики. Погода была превосходная, хотя солнце скрывалось за тучами и было до 10 градусовъ мороза. Часу во второмъ Генералъ *Вельяминовъ*, ѣхавшій во главѣ отряда, получилъ донесеніе отъ Генерала *Черевина*, что на него у деревни Каратаиръ насѣли довольно значительныя массы кавалеріи, за которой видны и густыя пѣхотныя колонны.

Отрядъ прибавилъ шагу, но узкая дорога страшно затрудняла движеніе; лошади шли съ трудомъ по гололедицѣ, путь былъ изрытъ канавами, оврагами и рѣчками, берега которыхъ были весьма круты. Кромѣ того, всѣ эти рѣчки надо было проходить въ бродъ. Все время впереди слышна была довольно оживленная перестрѣлка какъ ружейная, такъ и артиллерійская. Часамъ къ пяти отрядъ былъ въ виду Каратапра, но тутъ пришлось пройти въ бродъ рѣку Кричмы-Дересси. Пѣхота переходила по поясъ въ водѣ, а морозъ былъ довольно сильный.

Перейдя рѣку, отрядъ тотчасъ же построилъ боевой порядокъ противъ лѣваго фланга непріятеля, такъ какъ на правомъ наступалъ на Турокъ *Графъ Шуваловъ* съ Гвардіей. Турки занимали до-

вольно длинный фронтъ впереди деревни Кадыкіой. Шедшій въ авангардѣ Козловскій полкъ и четыре конныхъ орудія были выдвинуты въ боевую линію; Тамбовцы двинулись сзади для поддержки авангарда, а Пензенцы остались въ резервѣ у рѣчки, скрывшись за высокимъ ея берегомъ. Кавказскихъ Казаковъ отправили на нашъ правый флангъ для обезпеченія его отъ обхода и для дѣйствія во флангъ Туркамъ. Козловцы тотчасъ вошли въ связь съ лѣвымъ флангомъ отряда *Графа Шувалова*—Лейбъ-Гвардіи Павловскимъ полкомъ. Козловцы стали энергично наступать, и скоро непріятель, благодаря мѣткому огню ихъ, принужденъ былъ отступить за деревню на высоты. Но дѣло тѣмъ и ограничилось, такъ какъ наступившая темнота помѣшала дальнѣйшему наступленію. Турки, отступая отъ Кадыкіой, зажгли впереди деревни до пятнадцати стоговъ сѣна и самую деревню. Этотъ пожаръ производилъ весьма красивое впечатлѣніе.

Послѣ дѣла Казаки стали на аванпосты у Кадыкіой, а отрядъ расположился частью въ деревнѣ Каратаиръ, частью правѣе у подошвы горъ на рисовой мельницѣ, на нашемъ правомъ флангѣ.

Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли одного нижняго чина убитымъ и восемнадцать ранеными. Деревня Каратаиръ, въ которой мы ночевали, догорала при нашемъ приближеніи и представляла груду развалинъ. На одномъ изъ дворовъ мы нашли нѣсколько обгорѣлыхъ болгарскихъ труповъ. Фуража не было ни клока во всемъ селѣ, такъ что пришлось послать назадъ верстъ за пять за сѣномъ и ячменемъ.

На другой день 4-го Января Тамбовскій полкъ съ четырьмя орудіями 2-й батареи Гвардейской Конной Артиллеріи выступилъ въ восемь часовъ утра къ рисовой мельницѣ, гдѣ, захвативъ остальную часть отряда, направился на деревню Дерменъ-Дере. Цѣль дѣйствія нашего отряда была обойти лѣвый турецкій флангъ у деревни Кадыкіой. Но вышло иначе; Генералъ *Вельяминовъ* получилъ уже на походѣ донесеніе, что непріятель оставилъ позицію у Кадыкіой и отступилъ на востокъ; кромѣ того, Казаки доносили, что впереди у деревни Дерменъ-Дере появилось много непріятельской кавалеріи, а на горахъ южнѣе этого замѣчено сильное движеніе пѣхотныхъ массъ.

Начальникъ отряда тотчасъ поскакалъ впередъ и лично произвелъ рекогносцировку, которой выяснилось, что Турки заняли фланговую, относительно нашего пути наступленія, позицію на среднихъ терасахъ горнаго хребта. Позиція эта какъ по крутизнѣ подступовъ, такъ и по командованію была просто неуязвима. На

гребнѣ отрога, на которомъ были Турки, стояла восьми-орудійная батарея; на правомъ флангѣ, гдѣ отрогъ сливался съ долиной Марицы, была другая батарея. Затѣмъ къ этой батареѣ примыкала густая черкесская цѣпь, тянувшаяся вдоль всей дороги до деревни Коматъ. Лѣвый турецкій флангъ терялся въ неприступныхъ горахъ.

Вдоль турецкаго фронта на разстояніи пушечнаго выстрѣла тянулся такой же отрогъ, но гораздо ниже турецкаго. Эти высоты не командовали верхней турецкой батареей, но зато превышали значительно долину, и, кромѣ того, подступы къ этимъ высотамъ прекрасно обстрѣливались. Затѣмъ на этомъ отрогѣ было до шести холмовъ, которые представляли прекрасныя стрѣлковыя позиціи. Поэтому, только что отрядъ поравнялся съ лѣвымъ флангомъ Турокъ, какъ высланъ былъ Козловскій полкъ для занятія этого гребня; кромѣ того, четыре орудія 5-й батареи Гвардейской Конной Артиллеріи выѣхали на позицію вдоль этого отрога, про который сказано выше. Дистанція, на которую эта артиллерія открыла огонь по верхней турецкой батареѣ, была семьсотъ пятьдесятъ саженъ. Остальныя части пѣхоты были поставлены въ резервѣ. Казаки Генерала *Черевина* спустились въ долину и оберегали лѣвый нашъ флангъ отъ турецкихъ всадниковъ.

Дѣло завязалось около двѣнадцати часовъ пополудни; Турки при нашемъ приближеніи открыли по насъ какъ ружейный, такъ и артиллерійскій огонь. Цѣпь ихъ стрѣлковъ отчасти осталась на гребнѣ горъ, частью спустилась на скаты. На этотъ турецкій огонь отвѣчала исключительно наша артиллерія, а пѣхота бездѣйствовала, вслѣдствіе дальности ихъ расположенія и сильнаго командованія. Кромѣ того, какъ пѣхота, такъ и артиллерія страдала у насъ малымъ количествомъ снарядовъ. Взводъ пятой батареи часовъ около двухъ совсѣмъ съѣхалъ съ позиціи въ резервъ, потому что заряды его были разстрѣляны. Наша батарея вообще стрѣляла весьма рѣдко; недостатокъ въ снарядахъ давалъ себя чувствовать; приблизительно можно сказать, что на восемь турецкихъ выстрѣловъ мы отвѣчали однимъ.

При началѣ дѣла Генералъ *Вельяминовъ* самъ объѣхалъ позицію, а потомъ въѣхалъ со своимъ Штабомъ на курганъ, находившійся на одной высотѣ съ батареей, и сталъ оттуда наблюдать за ходомъ дѣла. Турки сейчасъ же открыли огонь по этому кургану картечными гранатами, такъ что намъ всѣмъ пришлось слѣзть съ лошадей и отправить ихъ подъ гору къ перевязочному пункту

оставивъ только двухъ или трехъ. Турки сначала довольно долго пристрѣливались, но наконецъ двѣ гранаты, попавшія въ самую подошву кургана и обсыпавшія всѣхъ землей, убѣдили насъ, что на южномъ склонѣ оставаться нельзя, и мы усѣлись на сѣверномъ, но этимъ самымъ ничуть не поправили дѣла, такъ какъ Турки все-таки весь день палили по кургану, очевидно понявъ, что тутъ находится начальство.

Въ этотъ день я въ первый разъ увидѣлъ своими глазами, какое страшное дѣйствіе имѣетъ граната, хорошо попавшая. Недалеко отъ кургана лежалъ баталіонъ Пензенцевъ. Какъ разъ въ середину упала граната, и четырнадцать человѣкъ сразу было выведено изъ фронта съ страшными ранами.

Все это время намъ съ горы были видны отряды Генералъ-Адъютанта *Графа Шувалова* и Генерала *Шильднеръ-Шульднера*, которые двигались по полотну желѣзной дороги, по шоссе и по правому берегу Марицы по направленію къ Филиппополю.

Принимая во вниманіе какъ положеніе Турокъ, такъ и этихъ отрядовъ, наша задача представлялась нѣсколько иначе, чѣмъ, когда мы выступили изъ Кадыкіой, а именно: намъ слѣдовало задержать Турокъ въ наступленіи, не пустить ихъ въ долину и дать тѣмъ самымъ отрядамъ *Графа Шувалова* и Генерала *Шильднеръ-Шульднера* время обойти Турокъ съ сѣвера и востока, дабы отрѣзать ихъ отъ Филиппополя и прижать къ горамъ. Поэтому наша задача была скорѣе оборонительная, нежели наступательная, такъ какъ наступленіе на Турокъ имѣло бы смыслъ только тогда, еслибы Турки первые начали отступать. Тогда нашъ отрядъ долженъ былъ бы насѣсть на нихъ возможно рѣшительнѣе, чтобы задержать ихъ отступленіе.

Дѣло было въ такомъ положеніи до двухъ часовъ; но потомъ мы увидѣли въ бинокли, что къ турецкой артиллеріи подвозятъ еще нѣсколько орудій. Въ то время, какъ снимались эти орудія съ передковъ, наша артиллерія нѣсколькими удачными залпами произвела тамъ большой безпорядокъ,—видно было, какъ забѣгали люди, бросились скакать подъ гору лошади и т. д. Только что Турки установили эти орудія, какъ огонь усилился по всей линіи; они стали залпами поражать нашу артиллерію; картечныя гранаты одна за другой лопались надъ головами.

Замѣчательную картину представляютъ эти два порядка выстрѣловъ, одинъ на турецкой батареѣ, а другой—разрывъ гранатъ надъ нашей батареей. Нашей артиллеріей тотчасъ было замѣчено, что турецкіе разрывы гранатъ весьма высоки и надъ головами

артиллеристовъ, такъ что пули картечныхъ гранатъ перелетали чрезъ батарею. Поэтому тотчасъ передки были придвинуты ближе къ самымъ орудіямъ, дабы не терпѣть отъ перелетовъ. Хотя перелетовъ было много, но тѣмъ не менѣе артиллерія страдала.

Какъ разъ въ это время на батареѣ былъ раненъ пулей изъ картечной гранаты, въ плечо, Штабсъ-Капитанъ *Графъ Путятинъ*; онъ хотѣлъ самъ доѣхать до перевязочнаго пункта, чтобы не отвлекать людей отъ ихъ обязанностей, и сѣлъ на лошадь, но въ ту же минуту и лошадь его была ранена осколкомъ въ грудь; тѣмъ не менѣе она кое-какъ добралась до перевязки.

Въ это время Генераломъ съ кургана было замѣчено, что Турки имѣютъ какъ-бы намѣреніе обойти нашъ правый флангъ по горамъ. Генералъ тотчасъ же приказалъ баталіону Тамбовцевъ и баталіону Пензенцевъ занять позицію правѣе Козловскаго полка для усиленія нашего праваго фланга. Оба баталіона заняли весьма крѣпкую и удобную для обстрѣливанія позицію на кряжѣ горъ съ двумя или тремя холмами. Турки, замѣтивъ это движеніе, повидимому отказались отъ своего намѣренія; тогда Пензенцы и Тамбовцы подались правымъ плечомъ впередъ, такъ что они своимъ огнемъ фланкировали подступы къ позиціи Козловцевъ и артиллеріи, что было весьма выгодно, въ особенности съ Турками, которые совсѣмъ не могутъ выдержать фланговаго огня.

Турки, между тѣмъ, спустили своихъ стрѣлковъ ниже, а за стрѣлками появилась и пѣхота въ порядочно большихъ массахъ. Они довольно смѣло стали подвигаться впередъ, очевидно желая аттаковать правую половину нашего расположенія.

Турки шли, не останавливаясь, все спускаясь въ оврагъ, отдѣлявшій нашу позицію отъ ихней; но вотъ они начали подниматься, тогда сразу наша пѣхота развила свой огонь насколько возможно.

Каждый сначала берегъ свои патроны, сознавая, что безъ нихъ онъ почти обезоруженъ, но тутъ, на близкія дистанціи, каждая пуля находила виноватаго въ густыхъ толпахъ Турокъ. Когда-же Турки подошли шаговъ на тридцать—пятьдесятъ, роты живо вскочили и, построившись, дали нѣсколько убійственныхъ залповъ. Огромное количество сразу выведенныхъ изъ фронта товарищей ошеломило Турокъ. Кромѣ того, почти фланговые залпы Пензенцевъ произвели также свое впечатлѣніе, и непріятель быстро спустился въ оврагъ.

Однако, первый урокъ не подѣйствовалъ на Турокъ, и они еще три раза возобновили аттаку; каждый разъ устраивались въ

оврагѣ, гдѣ было мертвое пространство, и снова лѣзли. Но масса потерь во время этихъ аттакъ заставила ихъ, наконецъ, просто побѣжать. Наши, видя во время предшествующихъ аттакъ огромное превосходство непріятеля и относительный порядокъ въ ихъ отступленіи, на этотъ разъ не выдержали и послѣ залповъ штыками стали подгонять уходившихъ на утекъ Турокъ. Такъ ихъ проводили до оврага, изъ котораго имъ потомъ снова подъ страшнымъ огнемъ приходилось вылѣзать, чтобы бѣжать далѣе.

Козловскіе офицеры, бывшіе въ цѣпи, увѣряли потомъ, что они видѣли, какъ Турокъ, во время ихъ аттакъ, трое или четверо верховыхъ, вѣроятно офицеровъ, подгоняли нагайками, но что во время послѣдней аттаки солдаты бросились на нихъ и сняли съ сѣделъ.

Во время этихъ аттакъ Турки до-нельзя усилили свой артиллерійскій огонь по остальной части позиціи и въ особенности по нашимъ батареямъ, дабы отвлечь ихъ вниманіе отъ аттакующихъ, но наши молодцы артиллеристы не смущались и открыли по наступающимъ учащенный огонь шрапнелью на двѣсти семьдесятъ пять сажень. Шрапнель, тоже не церемонясь съ Турками, часто вносила смерть въ ряды аттакующихъ. У береговъ оврага и около стрѣлковыхъ цѣпей мы потомъ насчитали до шестисотъ пятидесяти труповъ, что составляетъ навѣрно цѣлый турецкій таборъ въ томъ составѣ, въ какомъ были Турки въ Январѣ мѣсяцѣ.

Зато въ этотъ день въ артиллеріи были довольно чувствительныя потери въ людяхъ.

Одновременно съ аттаками на нашъ правый флангъ, Турки, кромѣ того, стали спускаться съ горы въ долину противъ нашего лѣваго фланга. Тутъ они выстроились въ колонны; ихъ было очень много, таборовъ до двѣнадцати, но вѣроятно цѣль ихъ не была аттака, такъ какъ они построились фронтомъ къ сѣверу, какъ-бы для того, чтобы наступать на наши войска, показавшіяся у деревень Мечкюръ и Коматъ. Но наши войска не наступали и вслѣдствіе чрезвычайно неудобной мѣстности, а именно—между нами и Турками были огромныя рисовыя поля, пересѣченныя множествомъ ирригаціонныхъ канавъ, насыпями и весьма болотистыя, такъ что они даже для пѣхоты трудно-проходимы.

Было уже около шести часовъ вечера, когда Турки совершенно удалились на свои позиціи, но рѣдкая артиллерійская и ружейная перестрѣлка длилась до наступленія ночной темноты.

По показаніямъ нѣсколькихъ плѣнныхъ, насъ аттаковало девять таборовъ.

Весь день слышна была канонада какъ на востокѣ, такъ и къ сторонѣ Филиппополя; иногда выстрѣлы учащались до того, что слышенъ былъ непрерывный гулъ, потрясавшій воздухъ.

Около деревни Мечкюръ часамъ къ тремъ построилась пѣшая батарея и открыла огонь по Туркамъ въ долинѣ у Дерменъ-Дере, но принуждена была скоро прекратить его, такъ какъ гранаты ея не долетали даже на одну линію съ нами, а наша батарея стояла отъ турецкой на 750 саженъ. Такъ что можно было безошибочно сказать, что девяти-фунтовая, понадѣявшись на свои силы, стала на шесть верстъ съ лишнимъ.

Наступили сумерки, перестрѣлка утихла, но войска оставались на позиціяхъ, занятыхъ днемъ.

Позволено было разводить огни, такъ какъ порядочно морозило, и людямъ надо было поѣсть хоть чего-нибудь. Дровъ раздобыли себѣ въ деревнѣ Брестовецъ, на нашемъ правомъ флангѣ.

Туда же были свезены покуда и раненые,—ихъ было 58 человѣкъ; кромѣ того, офицеровъ ранено двое и контужено двое; убито шестнадцать нижнихъ чиновъ. Въ артиллеріи выбыло изъ строя убитыми и ранеными двадцать лошадей.

Въ особенности пострадалъ взводъ 3-й батареи Гвардейской Конной Артиллеріи, подъ командой капитана *Князя Оболенскаго.* Взводъ стоялъ на совершенно открытомъ мѣстѣ и еле-еле могъ увезти орудія, оба на четверкѣ, и то четверки составлены были на половину изъ строевыхъ лошадей; во взводѣ послѣ дѣла осталось всего двѣ гранаты.

Кавказская Казачья бригада ушла на нашъ правый флангъ въ деревню Брестовецъ, выставила аванпосты на ночь и сильными разъѣздами слѣдила, чтобы непріятель не воспользовался темнотой ночи для обхода нашего фланга.

Ночь Генералъ провелъ въ Брестовцѣ; я тоже туда поѣхалъ. Тутъ мнѣ довелось такъ поѣсть, какъ уже давно не ѣлъ. Одинъ изъ офицеровъ угостилъ меня борщемъ изъ утки и шашлыкомъ такимъ, что съ трудомъ вѣрилось, что все это было дѣло казачьихъ рукъ. Впрочемъ, на что не способенъ Казакъ?... Послѣ ужина, напившись чаю, мы завалились спать.

Рано утромъ все проснулось на позиціи. Вчерашнія турецкія линіи застилалъ густой туманъ; тотчасъ же были посланы казачьи разъѣзды въ сторону Турокъ, чтобы убѣдиться, не ушли ли они. Казаки скоро вернулись и донесли, что непріятеля на старыхъ позиціяхъ нѣтъ и что, повидимому, онъ отступилъ вдоль подножія горъ на востокъ.

Генералъ тутъ же передалъ приказаніе собравшемуся у вчерашняго кургана начальству: перестроиться въ походную колонну и двигаться на деревни Дерменъ-Дере и Марково.

Такимъ образомъ, отрядъ двинулся уже къ полудню; но дорога была настолько дурна, что мы только къ двумъ часамъ подошли къ деревнѣ Марково, гдѣ застали Лейбъ-Гренадерскій полкъ.

Вся дорога между Дерменъ-Дере и Марковымъ была завалена брошенными повозками турецкаго обоза, патронными и зарядными ящиками съ порубленными и изломанными колесами, трупами животныхъ, очевидно зарѣзанныхъ нарочно; наконецъ, самая дорога была крайне неудобная, взрытая и состояла изъ размокшей вязкой глины съ страшно глубокими колеями. Между прочими издыхающими животными намъ попался оселъ съ обрубленными ушами, жалобно заревѣвшій при нашемъ появленіи; солдатики изъ состраданія пристрѣлили его. Такое необъяснимое варварство по отношенію къ безвинному животному поистинѣ ужасающее. Въ деревняхъ по улицамъ видны были трупы турецкихъ отсталыхъ, а иногда попадались и раненые, не успѣвшіе отступить съ войсками; кромѣ того на улицахъ лежало довольно много и болгарскихъ труповъ съ перерѣзаннымъ горломъ. Впереди все время гремѣла канонада, а въ интервалахъ слышна была и рѣзкая трескотня ружей.

Недоходя еще Маркова стали жужжать пули и, судя по унылому свисту ихъ, видно было, что онѣ на излетѣ. Я ѣхалъ рядомъ съ однимъ изъ товарищей и мнѣ невольно вспомнилось объ родинѣ, что-то тамъ дѣлается?... Я сообщилъ свой вопросъ ему; посмотрѣли на часы—половина второго; должно быть кончили завтракъ, рѣшили мы. Между тѣмъ, солдаты весело шутили надъ свистомъ пуль: „ишь ты, завыла“, сказалъ кто-то. „Плачетъ, виноватаго не находитъ“, было ему отвѣтомъ, и все въ этомъ духѣ.

Только-что мы подошли, какъ Турки усилили нѣсколькими орудіями свою батарею и участили огонь. Тотчасъ же два баталіона Пензенцевъ построили боевой порядокъ и начали наступленіе. Козловскій полкъ былъ отправленъ на нашъ правый флангъ, на горы, дабы не допустить Турокъ итти на утекъ въ горы, куда Турки отступали. Затѣмъ послѣ этого усилена была боевая линія баталіономъ Тамбовцевъ. Впереди деревни, фронтомъ на востокъ, тянулся небольшой перевалъ; Тамбовцы и Пензенцы тотчасъ заняли его, и отсюда фланговымъ огнемъ поражали отступавшихъ въ горы Турокъ. Четыре орудія 2-й батареи Гвардейской Конной

Артиллеріи заняли очень хорошую позицію вдоль врытой дороги на 600 саженъ отъ турецкой батареи. Рѣдко удается, чтобы пристрѣлка была такъ удачна, какъ это было подъ Марковымъ.

Турецкая батарея стояла какъ разъ на гребнѣ большого холма въ полъ-оборота къ намъ. Наши выѣхали, дали выстрѣлъ—недолетъ, другой—перелетъ; третья граната разорвалась какъ разъ на гребнѣ, на шестьсотъ саженъ дистанціи; четвертой провѣрили дистанціи, а потомъ послѣ двухъ залповъ всѣхъ четырехъ орудій турецкая батарея снялась и ушла. Скоро, однако, намъ видно было, что за Турками бѣгутъ на высоту и наши, дымки ружей шли снизу вверхъ, на самой выси горъ уже тянулись длинной вереницей остатки Сулеймановыхъ таборовъ; артиллерія попробовала было пустить къ нимъ нѣсколько гранатъ, но дала огромные недолеты, несмотря на вывинченный прицѣлъ.

Тамбовцы и Пензенцы, между тѣмъ, прогнали арьергардъ Турокъ и заняли гору, которая была единственной, бывшей въ рукахъ Турокъ, такъ какъ арьергардъ прикрывалъ отступленіе прочихъ въ горы.

Лейбъ-Гренадеры и Гвардейская Стрѣлковая бригада были въ этотъ день въ видѣ резерва при нашемъ отрядѣ.

Часовъ въ шесть въ Марково пріѣхалъ Генералъ-Адъютантъ *Графъ Шуваловъ* и приказалъ увлекшіяся преслѣдованіемъ войска остановить. Тогда занята была гора, гдѣ днемъ была турецкая батарея, выставлены аванпосты у подошвы горъ и отрядъ расположился на отдыхъ въ селеніи Марково. По всему селенію валялись трупы какъ Турокъ, такъ и Болгаръ. Деревня во многихъ мѣстахъ горѣла, но стараніями солдатиковъ скоро пожары потушили. Около нашей хаты горѣлъ домъ, и внутри его была масса патроновъ, которые поминутно рвались и производили настоящую перестрѣлку. Ночь провели мы очень спокойно, спали въ отличной хатѣ, тепло и хорошо.

На другой день присоединились къ батареѣ два передка съ задними ходами, которые были отправлены за снарядами вечеромъ въ день Горно-Бугоровскаго дѣла, т. е. 20-го Декабря; кромѣ того, привезли вмѣстѣ и полушубки, за которыми послано было въ Октябрѣ мѣсяцѣ. Подумаешь только, что это день Крещенія, а на дворѣ таетъ, хотя и сильный вѣтеръ.

Восьмого мы выступили въ Филиппополь; надо было пройти верстъ восемь или десять. Отрядъ Генералъ-Лейтенанта *Вельями-*

нова расформировался, 31-я дивизія оставалась въ Филиппополѣ, самъ Генералъ былъ назначенъ Губернаторомъ Пловдива

Кавказская Казачья бригада отправлена преслѣдовать отступающіе остатки 80 таборовъ арміи *Сулеймана* на Нареченъ, Дары-Дере и Адріанополь. Части Гвардейской Конной Артиллеріи присоединены временно для похода въ Адріанополь ко 2-й пѣхотной дивизіи. Такимъ образомъ, закончилось двадцати-четырехдневное существованіе отряда Генералъ-Лейтенанта *Вельяминова*.

Подпоручикъ Константинъ *Дрейлингъ*.

Разсказъ бомбардира Новоселова о переправѣ черезъ Дунай и службѣ его въ почетномъ конвоѣ.

По прибытіи въ Плоешти насъ, конвойныхъ, разбили на двѣ партіи; мы, артиллеристы, 11 человѣкъ, въ томъ числѣ нашей Гвардейской Конно-Артиллерійской бригады *Гончаръ* и 3-й батареи фейерверкеръ *Малошицкій*, прикомандированы были къ пѣшей ротѣ.

Въ Журжевѣ мы стояли три дня, а затѣмъ перешли ночью 13 Іюня въ Зимницу. Шли мы во главѣ 14-й дивизіи и подошли къ Зимницѣ на разсвѣтѣ. Съ нами пришелъ обозъ съ мостомъ и лодками. Всему отряду приказано было встать въ кустахъ, гдѣ и варили пищу и пробыли весь день 14-го Іюня.

Въ 6 часовъ вечера въ рѣку начали спускать понтоны, а въ 12 часовъ ночи намъ приказано было быть у рѣки. У насъ было 8 горныхъ орудій, и мы всѣ были распредѣлены при нихъ номерами.

Батареею командовалъ Подполковникъ *Стрѣльбицкій*, а взводомъ нашимъ Поручикъ *Тюрберъ*. Всѣмъ запрещено было разговаривать и курить.

Паромъ нашъ устроили на двухъ лодкахъ; настилку связали веревками. На томъ паромѣ, гдѣ я былъ, находились: 2 горныхъ орудія съ передками; 12 человѣкъ артиллерійской прислуги и 12 лошадей. Съ нами были на понтонѣ Подполковникъ *Стрѣльбицкій*, Штабсъ-Капитанъ *Кобдіевъ* и Л.-Гв. 1-й Артиллерійской бригады Поручикъ *Тюрберъ*, а также фейерверкеры *Малошицкій* и пѣшей Гвардейской Артиллеріи фейерверкеръ *Голбанъ*; еще были два флотскихъ офицера и десять матросовъ гребцовъ. Офицеры усѣлись въ концахъ понтоновъ; посреди настилки стояли орудія и передки, а по бокамъ лошади, задами къ водѣ; прислуга стояла между лошадьми и держала ихъ за поводъ.

Впереди насъ плыло много лодокъ съ пѣхотою.

Ночь была темная, но по водѣ свѣтилось; другого берега не было видно. Когда отплыли мы саженъ на двѣсти, раздались первые выстрѣлы Турокъ. Офицеры говорили, что это наши лодки дошли, и показывали морякамъ, гдѣ пристать къ берегу. У Турокъ слышны были свистки, а затѣмъ трубили рожки,—видимо, у нихъ поднялась тревога.

Сперва ранили у насъ лошадь; она взбѣсилась, но мы ее удержали; затѣмъ пробило у насъ понтонъ въ носовой части, и началась суматоха. Я тотчасъ снялъ надѣтую на меня скатанную шинель и сухарный мѣшокъ. Офицеры кричали: „Отливайте воду и затыкайте дыру“. Понтонеры отвѣчали, что этого сдѣлать нельзя. Только что они это сказали, весь паромъ совершенно осѣлъ однимъ краемъ, и тогда орудія съ лошадьми покатились въ воду. На лошадяхъ навьючены были зарядные ящики горныхъ орудій. Меня также увлекло въ воду, и я глубоко окунулся, но скоро вынырнулъ. До того, какъ всѣ погрузились въ воду, Капитанъ *Стрѣльбицкій* выскочилъ изъ понтона на настилку плота и сталъ кричать: „Бросайте лошадей, спасайтесь“. Тотчасъ послѣ этого паромъ погрузился въ воду.

Когда я въ послѣдній разъ видѣлъ фейерверкеровъ *Малашицкаго* и *Голбана,* они сбрасывали съ себя шинели.

Когда я вынырнулъ, то увидалъ вблизи себя плывущую доску отъ настилки парома; я ее прихватилъ, но вижу, что она мнѣ не пособляетъ; тогда я лѣвою рукою сталъ держать доску, а правой скинулъ съ себя аммуницію. Держа доску ногами подъ собой, я гребъ обѣими руками и ожидалъ, чтобы подплыла ко мнѣ какая-нибудь лодка. На мое счастье скоро подошла лодка съ солдатами Волынскаго полка. Гребцы подали мнѣ конецъ весла, я ухватился за бортъ, и меня солдаты втащили въ лодку. Когда лодка подошла къ берегу, я выскочилъ раньше другихъ въ воду съ веревкою и помогалъ причаливать. Затѣмъ я сѣлъ у берега и снялъ сапоги, чтобы отлить воду.

Начало свѣтать, и я увидалъ, что моей батареи два орудія стоятъ на горѣ, а другія два орудія люди втаскиваютъ на лямкахъ по крутому берегу, Я полѣзъ тогда въ гору къ орудіямъ. Въ то время, когда я подошелъ къ орудіямъ, дали выстрѣлъ, но былъ перелетъ; второй выстрѣлъ, картечною гранатою, былъ хорошъ; сначала я пристроился ко 2-му орудію, 6 номеромъ, и сталъ подносить снаряды. Потомъ меня поставили наводчикомъ.

Вскорѣ мы перешли на другую гору, гдѣ опять стали стрѣлять и потомъ сдѣлали ложементы; въ 10 час. огонь прекратился.

Все время командовалъ нами Поручикъ *Лихачевъ.*

На батареѣ убитъ былъ армейской артиллеріи фейерверкеръ, и нѣсколько человѣкъ было ранено.

Я отъ убитаго фейерверкера отобралъ для себя шашку и револьверъ. По окончаніи дѣла, къ вечеру, мы сѣли поѣсть; у лю-

дей оказались порціи и сухари; въ котелкахъ заваривали чай. 16 Іюня мы стояли на бивуакѣ у Систова. Меня отъ батареи вновь откомандировали въ роту почетнаго конвоя.

17-го Іюня, въ Систовѣ, ГОСУДАРЬ подъѣхалъ къ нашей ротѣ и благодарилъ за храбрость. Тогда было молебствіе по случаю перехода черезъ Дунай. Конвой весь былъ выстроенъ, и нашъ Начальникъ, Капитанъ *Костычъ*, доложилъ ГОСУДАРЮ о моемъ путешествіи черезъ Дунай. ГОСУДАРЬ меня подозвалъ, лично пожаловалъ мнѣ крестъ Св. Георгія, обнялъ, поцѣловалъ и сказалъ: „Спасибо, братецъ, молодецъ!“

Насъ опять перевезли въ Зимницу, въ Главную Квартиру ГОСУДАРЯ. Затѣмъ мы перешли съ полуротою въ гор. Бѣлу, и 12 Іюля насъ причислили къ Главной Квартирѣ Великаго Князя Владиміра Александровича. 9-го Августа нашу полуроту перевели въ Горный Студень, и оттуда мы перешли въ Тырновъ и далѣе въ Габровъ. Затѣмъ вернулись въ Тырновъ и присоединились къ 3-й Стрѣлковой бригадѣ, и всѣ 16 Августа пошли къ Ловчѣ.

22-го Августа была битва подъ Ловчею. Насъ, артиллеристовъ, изъ роты прикомандировали къ батареѣ, которая состояла изъ турецкихъ орудій, взятыхъ подъ Никополемъ. Цифры на прицѣлѣ орудія непонятны, писаны по-арабски; механизмъ такой-же, какъ у насъ; калибръ меньше нашего. Снаряды съ свинцовой оболочкою, орудія стальныя.

Въ ночь съ 21-го на 22-е мы подошли къ Ловчѣ; лошадей не откладывали. Въ полночь мы пошли на позицію. Было темно, луну заволокло.

Стояли мы на горѣ, на правомъ флангѣ. Утромъ въ 5 часовъ началась стрѣльба. Я стоялъ въ 3-мъ орудіи, уноснымъ фейерверкеромъ. Передки стояли въ 100 шагахъ за батареею, въ кукурузѣ. Штабсъ-Капитанъ *Саввинъ* командовалъ при орудіяхъ. На батарею начали наступать турецкіе стрѣлки. Штабсъ-Капитанъ *Саввинъ* закричалъ: „Рота стрѣлковъ, впередъ!“ Турки отъ насъ были шагахъ въ 300 и все время стрѣляли. У насъ на смерть убило двухъ номеровъ и двухъ ѣздовыхъ, и нѣсколько человѣкъ ранило. Лошадей также было нѣсколько убитыхъ и раненыхъ.

Въ то время, когда Штабсъ-Капитанъ *Саввинъ* переходилъ отъ одного орудія къ другому, его ранило. Онъ упалъ; номера его отнесли и положили за батареею; около него ходилъ его вѣстовой *Кононовъ*. Подо мною былъ конь, Дорогой, 5-й батареи; его

сильно ранило, и я пересѣлъ на вороную кобылу Штабсъ-Капитана *Саввина*, а своего коня отдалъ держать ѣздовому ящика.

Непріятельскіе стрѣлки остановились и легли въ ложементы, которые у нихъ ранѣе были вырыты.

Около 2-хъ часовъ наша пѣхота пошла въ аттаку и выбила Турокъ изъ ложементовъ. До 7-ми часовъ вечера продолжалась стрѣльба; затѣмъ наши заняли городъ, и стрѣльба прекратилась. Ночевали мы на позиціи, покормили лошадей и сами закусили сухарями и чаемъ.

23-го Августа мы вступили въ Ловчу, гдѣ стояли бивуакомъ у рѣки. 24 Августа мы пошли съ тою же батареею турецкихъ орудій подъ Плевну.

Затѣмъ получена была телеграмма, чтобы Гвардейскую роту и насъ, Гвардейскихъ артиллеристовъ, откомандировать обратно въ Главную Квартиру въ Горный Студень.

Записано Полковникомъ *Талемъ* со словъ *Новоселова* въ Горномъ Студнѣ, 1-го Октября 1877 г.

Генералъ-отъ-инфантеріи Вельяминовъ 1-й.

20-го Октября 1892 г. скончался въ Москвѣ директоръ Николаевской Измайловской богадѣльни и членъ Александровскаго комитета о раненыхъ Генералъ-отъ-инфантеріи Николай Николаевичъ *Вельяминовъ 1-й*.

Происходя изъ дворянъ Рязанской губерніи, онъ родился въ 1822 г. и окончилъ курсъ въ Пажескомъ Его Величества корпусѣ. 5-го Августа 1841 г. онъ былъ произведенъ въ Прапорщики, съ назначеніемъ въ Л.-Гв. Преображенскій полкъ, въ которомъ командовалъ ротою, а въ Августѣ 1854 г., въ чинѣ Капитана, назначенъ исполнять должность младшаго штабъ-офицера. Въ Августѣ того же года Николай Николаевичъ произведенъ въ Полковники и спустя два года, въ Августѣ 1856 года, назначенъ Флигель-Адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Въ Мартѣ 1858 года Полковникъ *Вельяминовъ* былъ назначенъ Командиромъ 2-го учебнаго баталіона; въ Декабрѣ слѣдующаго 1859 года—Командиромъ Л.-Гв. Царскосельскаго стрѣлковаго баталіона; въ Апрѣлѣ 1860 года произведенъ въ Генералъ-Маіоры, съ назначеніемъ въ Свиту Его Императорскаго Величества, и въ Ноябрѣ того же года назначенъ Командиромъ Л.-Гв. Павловскаго полка.

Въ Февралѣ 1863 года Николай Николаевичъ, по случаю возмущенія въ Западномъ краѣ, находился въ составѣ войскъ Виленскаго военнаго округа и 19-го Мая былъ въ дѣлѣ съ польскими мятежниками подъ сел. Рудниками. Въ Ноябрѣ того же года онъ былъ назначенъ Помощникомъ Инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ, а въ Іюнѣ 1865 года командующимъ 31-ю пѣхотною дивизіею. Въ Апрѣлѣ 1867 года Николай Николаевичъ былъ произведенъ въ Генералъ-Лейтенанты и въ Ноябрѣ 1876 года вошелъ съ ввѣренною ему дивизіею въ составъ 9-го армейскаго корпуса дѣйствующей арміи. 3-го Мая 1877 года Генералъ *Вельяминовъ* перешелъ со своею дивизіею границу; 14-го Іюня онъ прибылъ въ городъ Турнъ-Магурели и былъ назначенъ Начальникомъ всѣхъ войскъ, собранныхъ въ окрестностяхъ этого города, для бомбардированія крѣпости Никополя и прикрытія береговыхъ батарей. Изъ Турнъ-Магурели отрядъ двинулся къ Дунаю, 29-го Іюня перешелъ черезъ эту рѣку и 2-го Іюля, подойдя къ

Никополю, поступилъ подъ начальство Генералъ-Лейтенанта *Барона Криденера*. При аттакѣ 3-го и 4-го Іюля этого города и крѣпости, Генералъ-Лейтенантъ *Вельяминовъ* командовалъ войсками праваго фланга. Послѣ овладѣнія Никополемъ, Николай Николаевичъ направился со своею дивизіею подъ Плевну и 18-го Іюля участвовалъ въ аттакѣ арміи *Османа-Паши*, командуя всѣми войсками праваго фланга, въ составъ котораго входило шесть пѣхотныхъ полковъ 9-го корпуса. На слѣдующій день 31-я пѣхотная дивизія перешла въ сел. Турскій-Трестеникъ и поступила въ составъ блокирующаго отряда, при чемъ Генералъ-Лейтенантъ *Вельяминовъ* командовалъ войсками праваго фланга, впереди сел. Карагача-Болгарскаго.

Послѣ паденія Плевны, 31-я пѣхотная дивизія была направлена въ городъ Орханіэ, въ отрядъ Генералъ-Адъютанта *Гурко*, гдѣ Николай Николаевичъ былъ назначенъ Начальникомъ правой колонны, состоявшей изъ бригады пѣхоты, шести орудій и двухъ бригадъ кавалеріи. Съ этими войсками Генералъ *Вельяминовъ* перешелъ Балканы черезъ Умургачъ и, выйдя 18-го Декабря въ деревню Горный Бугоровъ, сталъ заслономъ къ Софіи, для прикрытія операцій главныхъ силъ Генерала *Гурко* у Ташкисена. 20-го Декабря Турки, вышедшіе изъ Софіи на соединеніе съ ташкисенскимъ отрядомъ, аттаковали въ значительныхъ силахъ войска Генерала *Вельяминова*, но были разбиты и отброшены обратно въ Софію съ огромнымъ уономъ. За блистательное дѣло подъ Горнымъ Бугоровымъ Генералъ-Лейтенантъ *Вельяминовъ* былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

На слѣдующій день, 21-го Декабря, будучи усиленъ прибывшимъ на подкрѣпленіе Козловскимъ пѣхотнымъ полкомъ, Николай Николаевичъ продолжалъ дальнѣйшее наступленіе къ Софіи и 24-го числа занялъ этотъ городъ. 27-го Декабря Генералъ *Вельяминовъ* получилъ приказаніе двинуться изъ Софіи на гор. Самаковъ и преслѣдовать Турокъ. Слѣдуя по указанному направленію, Генералъ-Лейтенантъ *Вельяминовъ* аттаковалъ укрѣпленную позицію непріятеля у Ново-Села, отбросилъ ихъ и 30-го Декабря занялъ Самаковъ. Преслѣдуя отступавшаго непріятеля, въ числѣ 15,000 при 28 орудіяхъ, онъ 2-го Января занялъ Татаръ-Базарджикъ, и отсюда до Филиппополя правая колонна дѣйствовала въ связи съ отрядомъ *Графа Шувалова*, при чемъ имѣла цѣлый рядъ удачныхъ дѣлъ: 3-го Января—у Адакіоя, 4-го — у Дермендере, 5-го—у Маркова и этимъ много способствовала быстрому занятію Филиппополя и окончательному пораженію всей

арміи *Сулеймана-Паши*. По занятіи Филиппополя, Генералъ-Лейтенантъ *Вельяминовъ* былъ назначенъ временно исполняющимъ должность филиппопольскаго военнаго губернатора, а затѣмъ временно командовалъ 9-мъ армейскимъ корпусомъ.

По окончаніи военныхъ дѣйствій, Генералъ-Лейтенантъ *Вельяминовъ* былъ уволенъ въ одиннадцатимѣсячный отпускъ, съ отчисленіемъ отъ должности Начальника дивизіи. Въ Августѣ 1882 года произведенъ въ Генералы-отъ-инфантеріи, съ зачисленіемъ въ запасъ Гвардейской пѣхоты. Въ Іюлѣ 1884 г. Николай Николаевичъ вновь поступилъ на дѣйствительную службу и былъ назначенъ членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ, а въ Сентябрѣ 1888 г.—директоромъ Николаевской Измайловской богадѣльни.